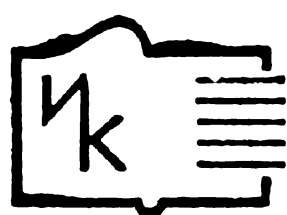
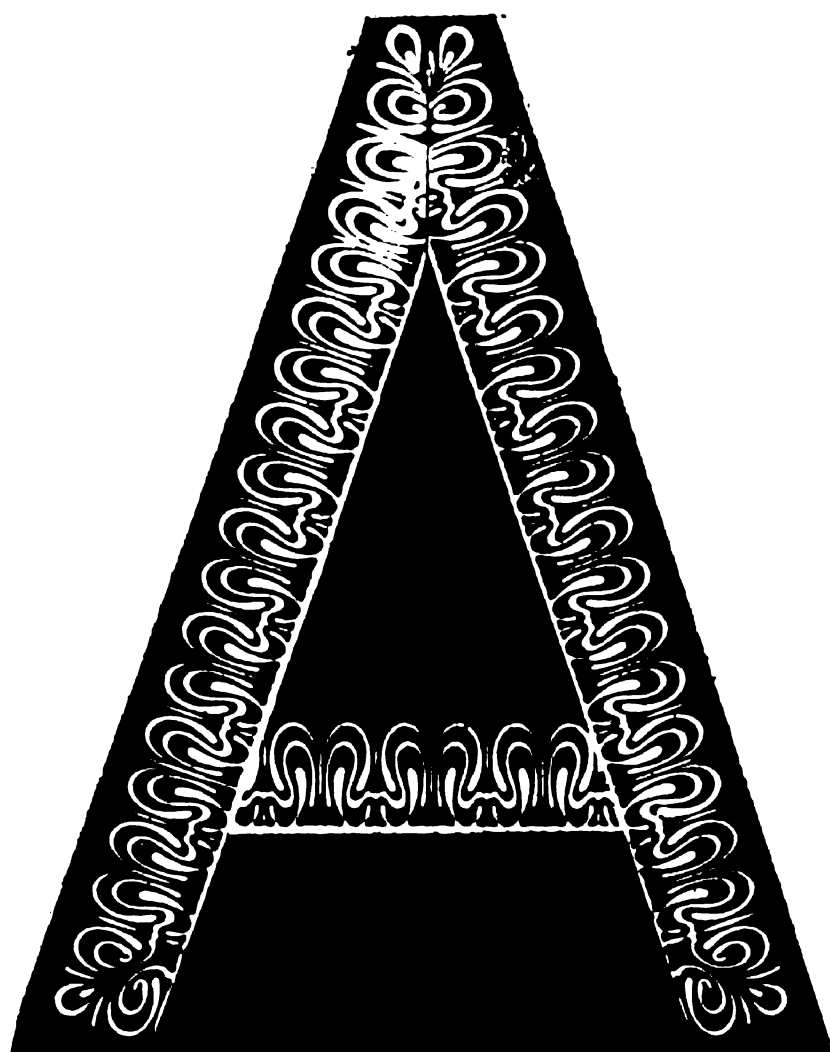

АЛЬМАНАХ

БИБЛИОФИЛА

«Альманах библиофила» рассказывает о прошлом и настоящем Книжки, о людях, посвятивших ей жизнь, о той огромной роли, которую играет в жизни современного общества печатное слово. Предполагается, что «Альманах библиофила» будет продолжающимся изданием, рассчитанным на широкий круг читателей, любящих и знающих мир книги.

**АЛЬМАНАХ
БИБЛИОФИЛА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»
Москва 1973**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»:

МАРКУШЕВИЧ А. И.,

ОСЕТРОВ Е. И.
(главный редактор),

УТКОВ В. Г.,

НАППЕЛЬБАУМ Л. М.
(секретарь)

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ

ПОХВАЛА КНИГЕ

Жизнь прекрасна еще и потому, что человек может путешествовать. Это давнее и верное наблюдение мне хочется дополнить соображением о том, что действительность несомненно привлекательна еще и тем, что у всех нас есть счастливая возможность почти всегда и везде читать книги. Путешествие и чтение — занятия родственные между собой. Путешествуя, мы узнаем новые края, города, села, видим, как за далью вновь и вновь открывается другая манящая даль. Узнавая в пути ранее неведомых нам людей, приобретая друзей, а бывает и недругов, расширяя круг знакомых, мы глубже постигаем самих себя... Но разве не то же происходит с нами при чтении литературы? От книги к книге мы идем, как путник от горизонта к горизонту. По мере того, как человек читает, все выше и выше над ним поднимается, распахивается во всей глубинной красоте солнечный и звездный небосвод; открываются новые, ранее неведомые материки знаний, и герои книг несметною толпою все плотнее окружают нас, рассказывают — по нашему желанию — о жизни, делах, своем времени, свершениях, иллюзиях, горестях, удачах, разочарованиях. Давно замечено, что Дон-Кихот не менее реален, чем Наполеон, что о героях «Капитанской дочки» мы знаем куда больше, чем о тех, кто на самом деле жил в оренбургских фортециях. К опыту своей быстротекущей жизни мы добавляем тысячелетний или многовековой опыт, заключенный в книгах. Листая за страницей страницу, мы слышим то величественные древнеегипетские гимны солнцу, то загадочные ассиро-вавилонские надписи-поэмы; мы постигаем мир Гомера и Библии,

Шекспира, Бальзака, Пушкина, Толстого и Достоевского. Современность говорит с нами языком персонажей Максима Горького, Сергея Есенина, Михаила Пришвина, Леонида Леонова, Константина Федина, Михаила Шолохова, Александра Твардовского, Константина Паустовского...

Человек на длительном историческом пути создал такие удивительные искусства, как музыка, поэзия, живопись, зодчество, ваяние, повествующие своим языком о многообразии окружающего нас мира. Но только Книга выражает человека полностью. Она воспроизводит человека всего — от мельчайших и тончайших душевных движений до его вселенских деяний. Думаю, что иногда общение с книгой значит для нас ни чуть не меньше, чем общение с человеком. Книга дарует бессмертие автору. Беседуя с книгой, можно сегодня услышать писца древнего Египта, голоса эллинских поэтов, летописцев Киева и Новгорода... О любви к творению печати можно говорить без конца, высвечивая со всех сторон чудо, созданное человеком.

От глубокой привязанности к книге — искренней, самоотверженной, всегдашней — до библиофильства — расстояние короткое. Такое короткое, что иногда его и вовсе не заметно. Ведь в буквальном переводе библиофильство и означает любовь к книге. На самом деле все-таки существует явственное различие между просто любителем книги и библиофилом.

Нашу страну нередко называют читающей страной. В самом деле, книга у нас водружена на пьедестал почета, и все, что связано с печатным словом, вызывает к себе огромное внимание народа. Книгу любят старые и молодые, академики и школьники, она — жизнь нашего времени. Книга вошла в каждый дом, в любую квартиру. И по справедливости любителя книги мы именуем Большим Читателем. Он — Большой Читатель — типичная фигура современности. Большой Читатель не расстаётся с книгой в метро и электричке; он гоняется, не жалея сил, за новинками; он покупает стихи и прозу, о которых спорят в периодике критики; он ревностно следит за литературой по своей специальности. Большой Читатель одарен такой уймой положительных качеств, что их даже трудно исчислить.

Библиофил же не просто ценит книгу и пользуется ею, а бесконечно влюблен в нее, для него важно все, что связано с прелестью старокнижия, с чудом, вышедшим из типографии или из-под руки древнего писца. Библиофил обращает внимание и на год издания, на рисунок и расположение шрифтов, на бумагу, на поля... Для меня, например, имеет особое поэтическое значение, что я читаю пушкинское «Подражание Корану» в дельвиговском альманахе «Северные цветы» на 1826 год, в книге, которую, быть может, держал в руках Пушкин, в очаровательном издании карманного формата.

В старом забытом издании, появившемся в свет в начале нынешнего века, метафорически рисуется образ тогдашнего библиофила: «На тихой, лежащей в стороне от „торговых дорог литературы“, лужайке библиографии все вырастают новые цветы. Они тем целомудреннее, что их почти никто не видит. Вот выходит на лужайку одинокий дед. Склоняется, срывает цветок и долго вытягивает носом его ароматичность. Это библиофил».

Таков старый библиофил — одинокий дед, нюхающий цветы на лесной поляне... Все изменилось в подлунном мире. Конечно, современный библиофил так же, как и его предшественники, проводит сладостные часы с книгой, общаясь с ней один на один, вдыхая ее неповторимый аромат. Как и встарь, библиофил наших дней любит начертанием шрифтов Альда Мануция и Эльзевиров, с благоговением всматривается в заставки, инициалы, концовки, типографские литеры и знаки на прочно-грубоватой бумаге петровских или елизаветинских времен. Думаю, что по своим знаниям книги, по любви к ней нынешний библиофил ни в чем не уступает своим дедам и прадедам, а по точности и скрупулезности хранящихся в его памяти сведений, он нередко превосходит своих предков. Но есть одно отличие, имеющее принципиальный характер. В наши годы библиофил перестал быть одиноким чудаком на лесной поляне, усыпанной цветами, расположенной вдалеке от путей, которыми идут многие. Библиофильство впитало в себя дух эпохи, сделавшей книгу общенародным достоянием. Библиофильством теперь увлекаются люди разных возрастов и самых несхожих профессий.

Назову имена, которые у всех перед глазами. Выдающимся библиофилом современности стал Николай Павло-

вич Смирнов-Сокольский, известный артист и театраль-
ный деятель, создавший библиотеку-музей отечественной
книги. Библиотека Смирнова-Сокольского — уникаль-
ное, видимо, единственное по своей полноте собрание
русских литературных альманахов и сборников, прижиз-
ненных изданий классиков и, прежде всего, Пушкина,
русских журналов XVIII, XIX и XX веков — сатири-
ческих, общественно-политических, литературных, те-
атральных, библиографических. В собрание Смирнова-
Сокольского вошли коллекция сатирических листов
1812 года, иллюстрированные издания 60-х годов, детские
альманахи и азбуки, анонимные книги, словари... Двух-
томное описание библиотеки Смирнова-Сокольского мож-
но рассматривать как своеобразную энциклопедию рус-
ской книги, исключительную по тщательности подбора
изданий и авторов.

Маститый ученый, крупнейший знаток поэзии, про-
фессор И. Н. Розанов оставил в дар Москве библиотеку
стихотворных книг, где разделы XVIII века и пушкин-
ской эпохи не знают пробелов. Простой типографский ра-
бочий, крестьянин по происхождению, М. И. Чуванов,
живущий на подмосковной станции Ухтомская, собрал
тысячи книг, посвященных Москве и Подмосковию. Особую
ценность представляет его коллекция древнерусских ру-
кописей, украшенных цветными миниатюрами. Широкой
известностью в среде столичных библиофилов пользуется
библиотека прижизненных изданий классиков с автогра-
фами, собранная писателем Владимиром Германовичем
Лидиным. Поэзия книжного собирательства выражена
в библиотеке Лидина с большой глубиной. Собственно,
Лидин создал музей русской классической книги. Его
хранилище вводит нас в мир сложных литературных
судеб. Исключительные по ценности коллекции собрали
видные ученые А. А. Сидоров и А. И. Маркушевич —
в их библиотеках находятся шедевры мирового книго-
печатания различных времен и стран.

Каждый день распахиваются двери отделов редких
книг в библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-
Аты, Таллина, Тарту, Львова. Они — бесценные сокро-
вищницы, вобравшие в себя книжные богатства веков.
Зарубежные гости отмечают удивительную заинтересо-
ванность и действенную активность наших рыцарей кни-

ги, ежедневно заполняющих огромные залы библиотек.

Но дело не только в масштабах библиофильства, которым увлекаются тысячи людей — от Кронштадта до Владивостока. Нельзя не согласиться с заключением такого глубокого знатока книги каким был П. Н. Берков, проницательно утверждавший: «Не надо отнимать права называться библиофилами у тех, кто любит книгу не только за ее красивую, изящную или трогательную своей примитивной простотой внешность, но и за ее содержание, за ее «конденсированную человечность», за то, что она хранительница человеческого гения, ума, сердца, что часто она — горькая память о прошлом, нелицеприятная совесть настоящего». Таким образом, мы воочию видим, что современность расширила не только круг библиофилов, но раздвинула сферы библиофильства, включившие в себя и совершенно новые, быть может, даже несколько неожиданные, интересы. Это расширение имеет огромное значение. Еще великий писатель-библиофил Анатоль Франс пламенно призывал: «Человек, даже когда это великий человек, не так уж много значит, если он один... Не будем же стараться рвать нити, связующие нас с народом; напротив, умножим эти связи... Будем руководствоваться мыслью, что истинно великими и полезными можно стать только обращаясь, не скажу ко всем, но ко многим».

Еще одно существенное соображение. Теперь библиофил — вполне современный человек — и он не хочет и не может чувствовать себя Робинзоном Крузо, живущим на необитаемом острове. Токи жизни, ее энергия и динамика явственно ощущаются даже в тиши библиотек. Теперь никому в голову не придет мыслить доказывать, что библиофильство далеко от всякой общественной жизни, от политики. Все взаимосвязано в мире, а в мире книги в особенности. Расскажу один эпизод, который мне представляется примечательным.

В отделе старопечатных книг Национальной библиотеки в Варшаве меня пленило все: и толстые фолианты с кожаными корешками, и поразительные по красоте миниатюры средневековых рукописей, и старинные шрифты польских, французских, украинских, русских типографий и, наконец, массивные книжные полки, изготовленные древодельцами прошлого века. Мне, как, впрочем,

и другим читателям, было дано счастье, говоря словами поэта, «при лампе, наклонясь над каталогом, вникать в названья неизвестных книг... Воссоздавать поэтов и века по кратким, повторительным приметам: «Без титула», «В сафьяне» и «Редка»». Нельзя было не залюбоваться современными альбомами-папками, посвященными старым польским типографиям, где на отдельных листах любовно воспроизведены древние шрифты, концовки, инициалы. Профессор Алодия Кавецка-Грычева и адъюнкт Генрих Булгак восторженно показывали книжные сокровища, рассказывали удивительные истории из жизни книг — трагические, забавные, иногда почти невероятные. Давно всем известно, что книги, как и люди, имеют свою судьбу. Но я мог убедиться еще и в том, что для пани Алодии Кавецкой-Грычевой — она крупнейший в Польше знаток книги — собрание здешних раритетов — это и горькая память о недавнем военном лихолетье. Выполняя приказ Гитлера о разрушении восставшей Варшавы, оккупанты подожгли особняк и находившиеся в нем редчайшие рукописи и книги. В огне погибла единственная в мире коллекция, которую нередко называли великолепным садом, где растет Древо познания. Сгорели издания, собранные кропотливым трудом нескольких поколений. Алодии Кавецкой-Грычевой и ее покойному мужу удалось спасти героическими усилиями лишь крохи того, что вандалы XX столетия обрекли на истребление. Пани профессор подвела меня к вазе, установленной на возвышении и сказала:

— Посмотрите на пепел — это все, что осталось от сотен и тысяч книжных редкостей Варшавы. От наших древних рукописей.

Я видел в своей жизни много монументов, посвященных минувшей войне. Ваза с пеплом книг — трагичнейший из памятников. Пепел вазы напомнил мне о том, что я видел в военную пору — и разоренную Ясную Поляну 41 года, и гибель библиотек на брянской и смоленской земле, на Украине, в Белоруссии. Глядя на пепел книг, я особенно ясно почувствовал, что книга — это тоже оружие. Ныне за мир во всем мире, за социальный прогресс, за передовые идеалы человечества сражаются и старая и новая книга. Ничто так не содействует взаимопониманию прогрессивных людей разных стран, как книга.

В последнее время на Западе стало модным в некоторых интеллектуальных кругах толковать о «конце гутенберговской цивилизации», о том, что технический прогресс в недалеком будущем вытеснит книгу, заменит ее звучащим словом и телевизионным изображением. Создаются даже мрачноватые апокалипсические пророчества и утопии. В книге американского писателя-фантаста Рэя Бредбери «451 по Фаренгейту» рисуется общество будущего, в котором книга признана вредной и уничтожена. Тот, кто, вопреки запрету, держит у себя книги, должен быть уничтожен вместе с ними. Если у кого-нибудь обнаруживается, скажем, том Шекспира, к тому немедленно выезжают пожарные. Сжигается книга, убивается ее хранитель, его дом превращается в руины. Но несколько человек, скрывшись в еще уцелевших лесах, нашли способ, позволяющий воскрешать в памяти однажды прочитанное. И у первобытного костра читают на память вслух друг другу книги последние книгочеи, чтобы сохранить для будущих поколений сокровища человеческой мудрости. Трудно придумать более мрачное пророчество!

Мы уверенно считаем книгу наиболее сложным и великим чудом, содеянным человеком. Я, как и мои друзья-книголюбы, убежден, что книга будет жить вечно. Внешний же вид книги, конечно, будет меняться. Книги на пальмовых листах с невыцветающими вечными миниатюрами — коллекцией таких книг я долго любовался в Улан-Баторе — имеют мало общего с современными изданиями в гляцевых суперах... Но книга остается книгой.

Библиофильская жизнь в последние годы у нас отличалась большой и деятельной активностью. В Москве пользуются популярностью библиофильские организации, работающие при Центральном доме литераторов, при Центральном доме работников искусства, Доме ученых и т. д. Много привлекательных событий постоянно происходит у библиофилов Ленинграда, Харькова... Появилось немало великолепных библиофильских изданий. Я уже говорил о двухтомном описании библиотеки Смирнова-Сокольского, носящем характер универсального справочника. Разнообразные труды по библиофильству выпустили П. Н. Берков, В. Г. Лидин, Е. Д. Петряев, О. Г. Ласунский, В. Г. Утков, Ю. И. Масанов, Б. В. Смирнен-

ский, В. Н. Осокин. Успехом пользуются издания, посвященные книжному знаку. Альбомы экслибрисов раскупаются нарасхват. Выделилась целая плеяда художников-экслибрисистов, таких, как Евгений Голяховский и Анатолий Калашников, чьи графические миниатюры многократно отмечались международными премиями. В основу «Альманаха библиофила», который вы держите в руках, положены материалы заседаний библиофилов писательского клуба и других книголюбских организаций.

Нет радости более возвышенной, чем ежедневно через книгу входить, как говорил Л. Н. Толстой, в общение с мудрейшими людьми мира. Открывать новое в старом, читать и перечитывать.

Я читаю, следовательно, я мыслю, я существую...

Москва, 1972

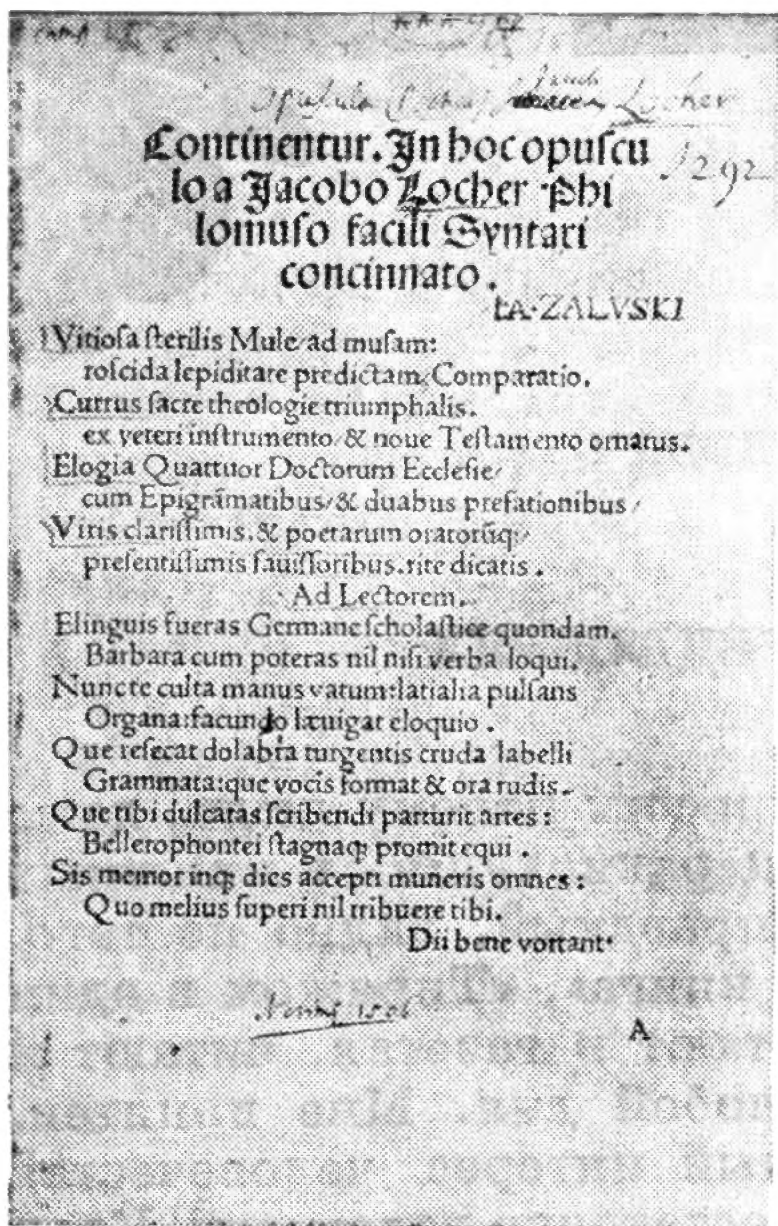
А. И. МАРКУШЕВИЧ

О КНИЖНЫХ РЕДКОСТЯХ

Задумывались ли вы над вопросом: почему люди, даже не очень привязанные к книге, не равнодушны к книжным редкостям? Что это вопрос не праздный, видно из того, что заметки типа: «Уникальная книга», «Тиражом в один экземпляр» и т. п. охотно печатают в газетах, читают и обсуждают наряду с другой злобой дня. Мне понятен, конечно, всеобщий и неизменный интерес человечества ко всякого рода диковинкам. Достаточно вспомнить Крылова: «...Известно, что слоны в диковинку у нас — Так за слоном толпы зевак ходили». Пожалуй, путь от редкости к диковинке открывает «Толковый словарь» Даля. В нем читаем: «Диковина, диковинка, ж. диво, дѣвледь, дивовѣще; редкий случай или вещь, нѣвидадь, невидадьщина, чудо».

Итак, вот он ключ к объяснению народного интереса к редкости: редкость потому и редкость, что она отличается от всего повседневного, известного, повсюду встречаемого; значит, это диковинка, невидадь и, быть может, даже чудо.

К счастью, большинство тех, кто живо откликается на вести о редких книгах, сами этих книг не читают, не перелистывают и даже не видят. Поэтому они не могут обнаружить, что весьма часто в редких книгах нет ничего поражающего ни глаз, ни воображение, а следовательно, не могут и разочароваться в книжных редкостях. Я говорю, к счастью, потому что иначе редкая книга выпала бы из ряда, начинающегося с «диковины» и кончающегося «чудом», и газеты перестали бы печатать заметки о ней. А это было бы плохо. Ведь, что ни говори, а то обстоятельство,

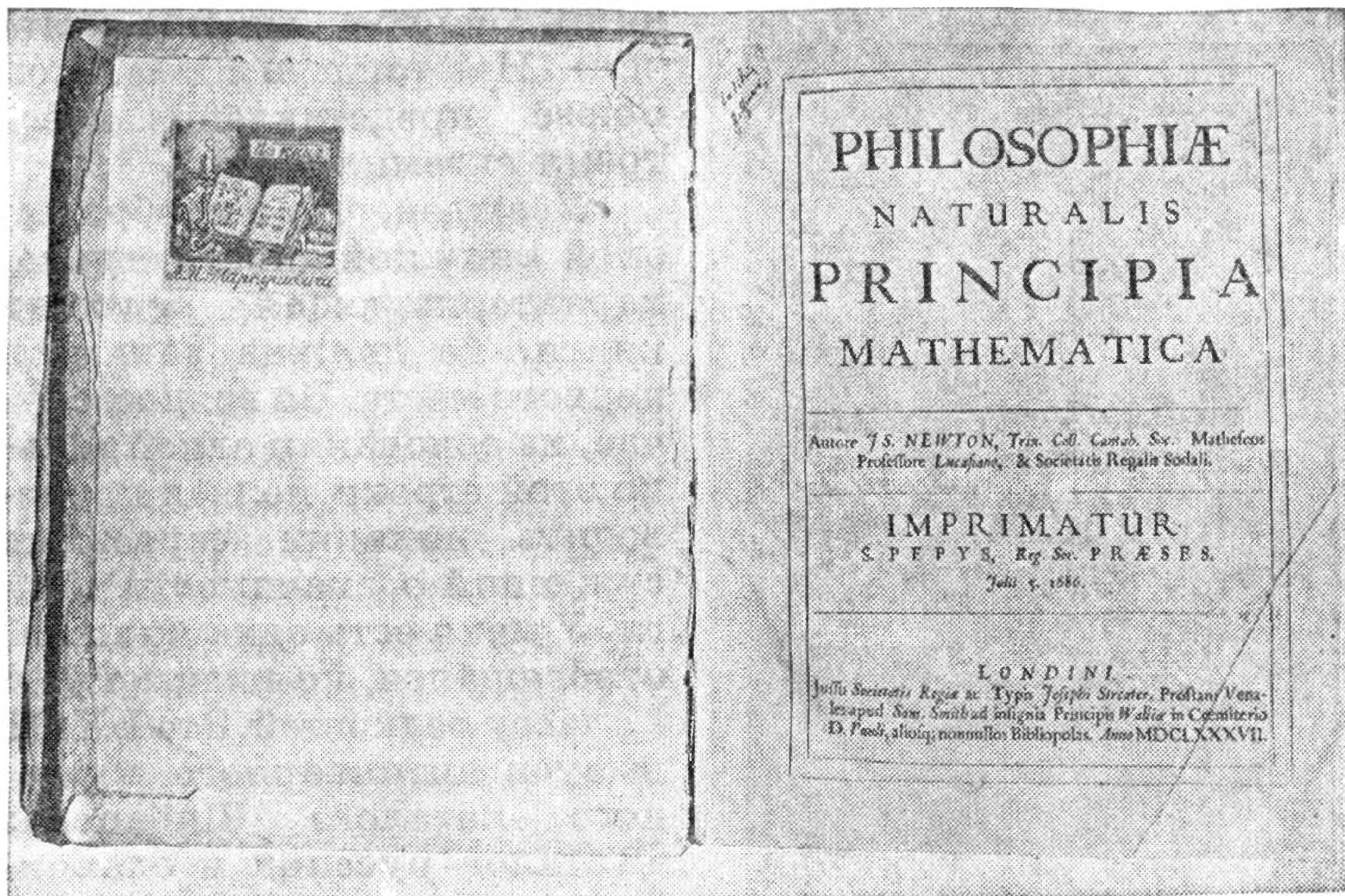
Страничка из сборника стихов немецкого поэта Я. Лохера с пометками польского библиографа И. Залусского.

что в наше время интерес массового читателя привлекает известие о находке уникальной книги, а не сообщение, скажем, о рождении теленка с двумя головами и шестью ногами, — яркое свидетельство прогресса, культурной зрелости читателя.

Конечно, редкая книга — это прежде всего книга, ныне существующая в малом числе экземпляров. Но что такое: «малое число экземпляров»? Иногда книгу, которую все хотят иметь, признают у нас, и не без оснований, изданной «ничтожно малым тиражом», если этот тираж ниже, скажем, 30 тысяч экземпляров. Но не о таких оценках пойдет здесь речь. Я предлагаю разделить все редкие книги на классы, подобно табелю о рангах, введенному Петром I. Можно было бы вспом-

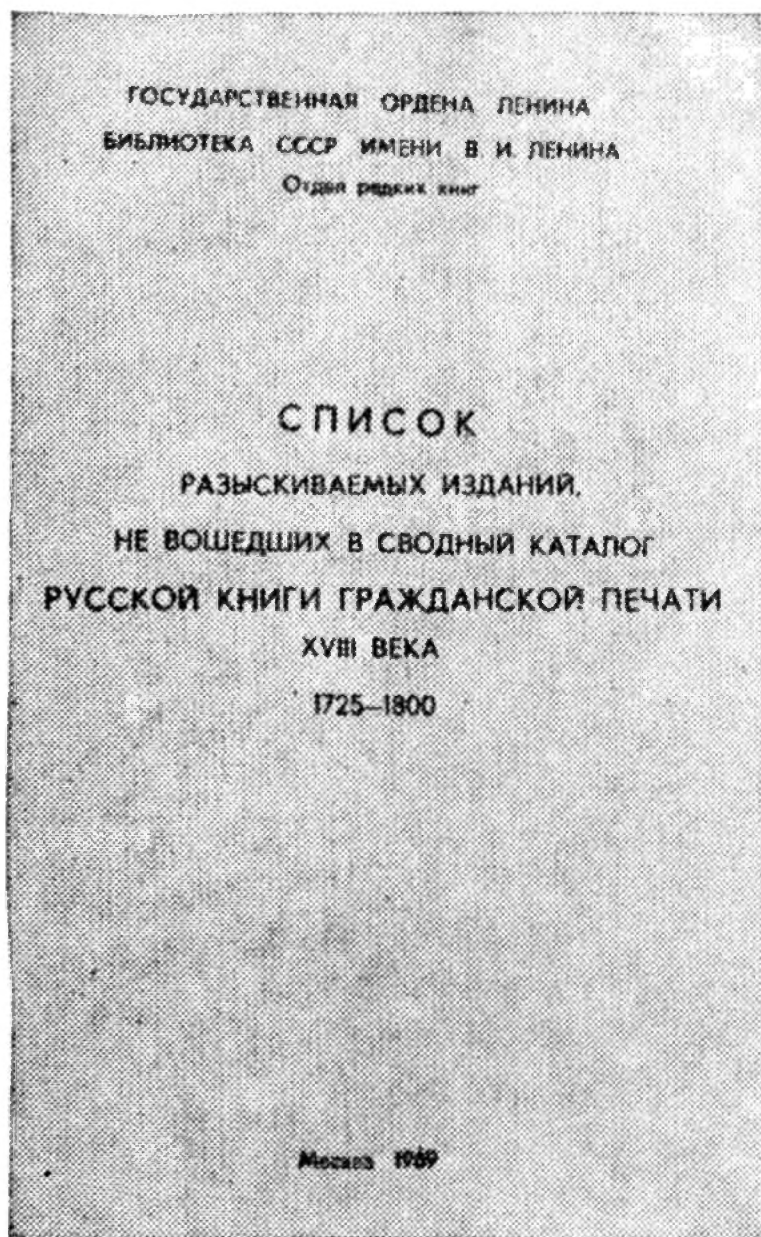
нить о шкалах твердости, ветров, землетрясений и т. п., но сравнение редкости с рангами или чином представляется более уместным. Подобного рода предложение не является вполне оригинальным. Например, в XVIII в. знаменитый польский библиофил Иосиф Залусский, собрание которого послужило основой Публичной библиотеки в Петербурге, различал редкость книги числом звездочек. На довольно редких ставилась одна звездочка, редких — две, очень редких — три. Такова изданная в 1506 г. в Нюрнберге книжка латинских стихов немецкого поэта Я. Лохера с оттиснутой фамилией И. Залусского и тремя рукописными звездочками вверху титульного листа.

Есть книги его библиотеки, где число звездочек доходит до шести; такие книги он величал «книжными фениксами», утверждая, что они реже белых воронов. Слабостью его системы была ее субъективность, отсутствие точных критериев.

Первое издание «Математических начал натуральной философии»
И. Ньютона

Говоря коротко, я ограничиваюсь восемью классами редкости (в отличие от 14 классов табеля о рангах). При этом, например, так называемая «Грамматика» Ивана Федорова 1574 г., единственный экземпляр которой находится в библиотеке Гарвардского университета, попадает в высший, первый класс. Вообще книги первого класса — это книги, известные лишь в одном или двух экземплярах. Каждый следующий класс отводится для книг, число сохранившихся экземпляров которых не более чем вдвое превышает число книг предыдущего класса. Первое издание радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» занимает место где-то между IV и V классами, в зависимости от того, примем ли мы оценку Смирнова-Сокольского (14 сохранившихся экземпляров) или Барскова (19 экземпляров). Наконец, «Острожская библия» Ивана Федорова и первое издание «Математических начал натуральной философии» Ньютона попадают в один и тот же младший — VIII класс (каждая из этих книг сохранилась в количестве около 200 экземпляров; впрочем, по моим сведе-

Титульный лист «Списка
разыскиваемых изданий...»

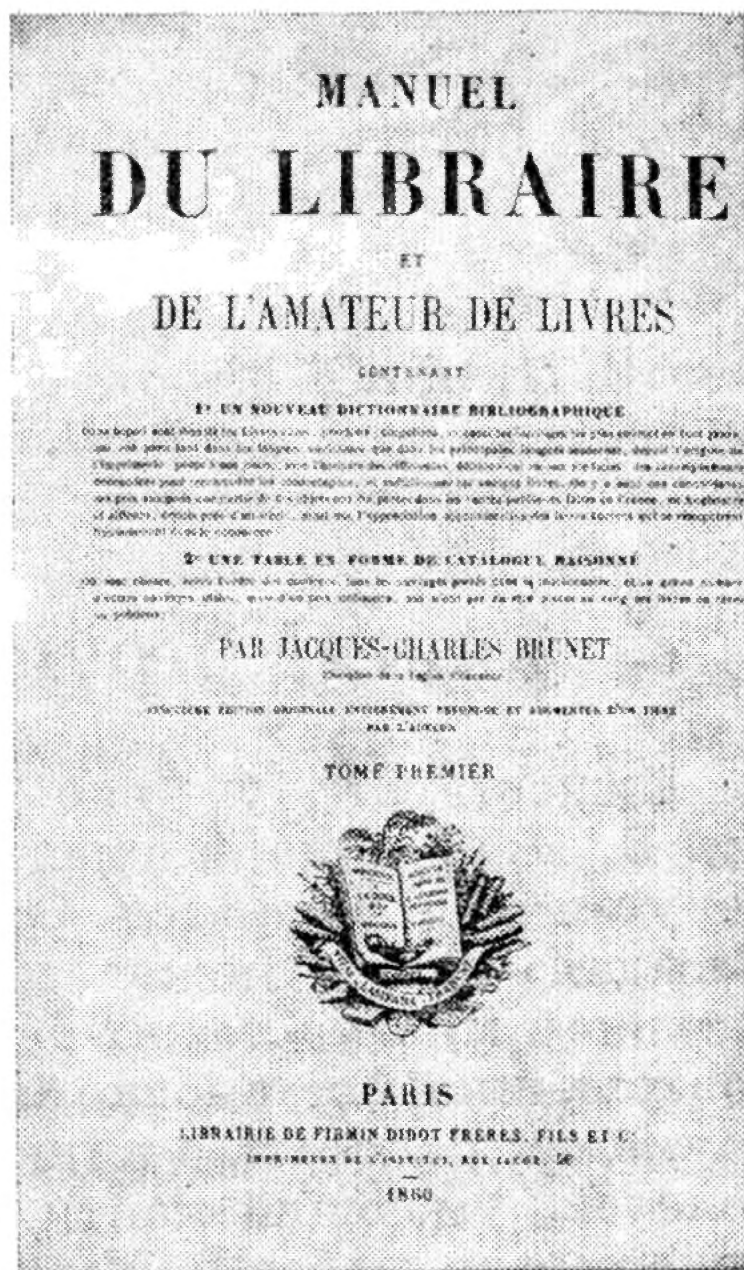
ритет в данной области, такой книжки вообще не существует на свете. Цензура остановила ее печатание в начале второго листа. Сам Ульянинский был счастливым обладателем первого листа, а у меня книжка вся целиком, $5\frac{1}{4}$ листов! В моем собрании есть замечательное недавнее издание Библиотеки им. Ленина: «Список разыскиваемых изданий, не вошедших в Сводный каталог Русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800». Сама эта книга отпечатана лишь в 200 экземплярах и поэтому представляет редкость VIII класса (как «Острожская библия!»). На ее страницах описаны свыше 800 изданий XVIII в., которых нет ни в одном экземпляре ни в одной из крупнейших библиотек Советского Союза. Ни в одной! Стало быть, это все редкости I класса (1—2 экземпляра), и, в крайнем случае, II (3—4 экземпляра). По табелю о рангах I классу соответствует чин канцлера, второму — действительного тайного советника. И вот ведь совпадение: значительная часть этих изданий (конечно, не все) столь же бесцветны

ниям, первое издание «Начал» Ньютона в Советском Союзе представлено всего тремя экземплярами).

Убежден, что в воображаемой книжной анкете строка, характеризующая редкость книги, не должна занимать первого места. Во всяком случае, на основании одной только этой строки нельзя производить никаких серьезных суждений о значимости книги. У меня есть одна книжка, относящаяся, по-видимому, к I классу редкостей. Это LXIII выпуск антикварного книжного каталога Шибанова: «Каталог русских и славянских книг древних и новых напечатанных вне Москвы и Петербурга, № 7. М., 1895 г.» По утверждению Ульянинского, а это наибольший авто-

и малосодержательны, сколь и сановники одноименных классов.

Не подумайте, что я пытаюсь внушить чувство пренебрежения ко всем редким книгам только потому, что они редкие. Сам я далеко не равнодушен к свойству книги «быть редкой», которое ведь несколько не вредит другим ее свойствам и качествам. Просто хочется подчеркнуть, что когда мы со всей искренностью и убежденностью заявляем, что не можем прожить ни одного дня без книги, то не о редкостях мы при этом помышляем, по крайней мере, не о них в первую очередь. Ибо человек, который бы ограничил свою духовную диету редкими книгами, скоро умер бы от истощения, так и не познав в полной мере подлинных радостей общения с книгой. Какова же должна быть здоровая и питательная диета книголюбца? Она должна быть в достаточной степени разнообразной. Суть дела, по моему, хорошо схватил Брюне, автор многотомного руководства для библиофилов, составленного в прошлом веке. На титульном листе своего труда он сообщает, что дает перечень книг: редких, драгоценных, необычных, а также наиболее ценимых произведений во всех жанрах. В этом перечне Брюне, как говорится, попадает в самое яблочко!

Титульный лист первого тома руководства для библиофилов, составленного Ж. Брюне

В. Б. ШКЛОВСКИЙ

КНИГИ, ПРОЧИТАННЫЕ МНОГО РАЗ

Существует у нас Государственная библиотека им. В. И. Ленина, и в ней много книг, которые никогда не берутся и не читаются. Это не значит, что они не нужны. Каждая книга может когда-нибудь понадобиться. Но слишком многие лежат без движения, и это говорит о не-совершенной постановке библиографического дела, о нашем неумении работать с книгой. Хороший библиограф — это человек, умеющий найти книгу, которая нужна ему или другим для работы. Мы часто забываем об этом. Можно привести такие примеры. Собирались разводить ветвистую пшеницу, и я даже сам видел, как внедрялись ее новые посевы; потом оставили, стали разводить сою. Оставили, пытались разводить хлопок не там, где он хорошо приживается, а на Украине — оставили. Если бы мы внимательно знакомились с прошлым опытом, в частности читали «Труды Вольного Экономического общества», то книги нам сказали бы о многом. «Труды» насчитывают до сотни томов, и если бы мы с ними познакомились, мы бы знали, что все эти опыты производились много лет назад и к «Трудам» есть свой библиографический указатель.

Нельзя забывать, что в книге заложен человеческий опыт, и необходимо, чтобы мы им не пренебрегали. Надо уметь находить нужную книгу и знакомиться с нею.

Надо уметь пользоваться справочником. Надо уметь находить первоисточник. Нельзя забывать, что книги, изданные во времена Пушкина, Лермонтова, Достоевского, выглядят иначе и читаются иначе, так как поясняются и своим окружением.

Я по одной из своих специальностей (теоретик, историк литературы) в свое время заинтересовался русским лубком; я подошел к этому так. У Толстого прочитал, что он говорит как о самом знаменитом писателе — о Матвее Комарове.

А кто же Матвей Комаров? Это автор книги «Повесть о приключениях Английского милорда Георга». Этого героя вспоминает и Некрасов, называя его «милордом глупым». Почему эта книга так читалась и выдержала сотню изданий? Кто ее автор? Я выяснил, что Матвей Комаров недаром называл себя «жителем Москвы». Жил он долго. Издал альманах под названием «Разные письменные материалы», книгу о «Ваньке Каине», описание русских свадеб.

Стал я собирать русский лубок. Типография А. Решетникова, печатавшая лубочные издания, отличалась умением украшать книги.

Русский лубок необходимо изучать потому, что в нем заключен своеобразный эстетический опыт. История лубка свидетельствует о том, каким путем книги дошли до народа.

Я знакомился с Чулковым и Левшиным, о которых знают теперь, пожалуй, только специалисты. Пушкин написал в свое время:

*Вы, равнодушные счастливы,
Вы, школы Левшина пленцы...*

(«Евгений Онегин», гл. 7)

Кто такой Левшин? Он оказался автором многих популярных в свое время книг. Я знакомился с Чулковым и убедился, что так называемые «Русские народные сказки» написаны на самом деле не Чулковым, а Левшиным.

Работа библиографа ценна потому, что она в конечном счете приводит к первоисточнику.

Я собирал прижизненные издания. Покупал прозу — это мало кто собирает: мне удалось собрать библиотеку, но не удалось ее сохранить у себя. Теперь она в библиотеке Союза писателей, но ею мало кто пользуется.

Прекрасное собрание книг, созданное Иваном Никаноровичем Розановым, теперь находится в музее А. С. Пушкина в Москве. Оно — плод занятий трех поколений профессоров Розановых. Они собирали кропотливо, тратя

время и деньги. Там есть книги с автографами, есть поразительные издания.

Критик Тарасенков создал очень хорошее собрание, оно, на мой взгляд, несколько обесценено тем, что эти книги переплетены собирателем. Ведь на обложках есть ценные объявления о других книгах, фамилия или марка издателя, так что книга должна сохраняться в неприкосновенности. Существует замечательная библиотека Смирнова-Сокольского, который начал с собирания анекдотов и песенок, может быть, как материала для эстрадного исполнения. Постепенно он этим увлекся и скомплектовал прекрасную библиотеку.

Путь писателя к книге обязательно сопровождается книгой. Пушкин умел доставать нужные книги и умел их читать. Умел и недочитывать — значит та книга и не стоит того, чтобы ее читали.

Собрания книг Пушкина и Толстого необходимы, чтобы работать над Пушкиным и Толстым.

Редких книг мало, но если в течение 20 лет собирать книги, их все можно найти. Дело не в редкости, а в нужности книги.

Что должно находиться в центре клуба Союза писателей? Прежде всего, справочная библиотека, которая могла бы писателям доставать нужные книги и где хранились бы писательские библиотеки, как таковые. Мы должны были бы иметь несколько подобных отборных, так сказать, унаследованных библиотек со следами писательской работы. Нужно, чтобы писатель, приступая к работе над какой-либо темой, не начинал с самого начала, но мог продолжить то, что уже сделано.

Жаль, что не удалось сохранить библиотеку Тынянова, она распалась. Подборку книг по истории 1812 г. можно было найти в библиотеке Эйхенбаума, но библиотека была продана вразброд.

Писательская библиотека подвижна. Все хранить у себя нельзя. Надо куда-то пристраивать отработанное. Но когда работаешь над темой, нужны излишки. Надо, чтобы было из чего выбирать. Поэтому я советую сохранять все, и особенно все прочитанные книги.

Если начинаете собирать библиотеку, помните, что первое дело — библиография. Нужно иметь справочник и точную библиографию, которые объясняли бы, как на-

ходить книгу. Такая библиотека должна быть руководителем и информатором.

Словом, библиография — это не собирание книг, а искусство пользоваться книгой; это не способ удивлять соседей приобретением редких книг, а способ научить, как надо пользоваться книгой и объяснение, для чего они печатаются.

И надо сказать, что не книга, которую я прочитал только вчера, а которую перечитывал десятки раз, кажется мне самой интересной. И когда вы кончили какую-то большую работу, кажется обычно, что книга, которую вы прочитали много раз, наиболее интересна и воскресает для вас заново. Берегите следы своей работы, накапливайте книжный опыт!

Москва, 1972

А. Д. СМЕРНОВА

В БИБЛИОТЕКЕ А. М. ГОРЬКОГО

Москва. Дом $6\frac{1}{2}$ на пересечении улиц Качалова и Алексея Толстого (бывш. М. Никитская и Спиридоновка). Музей-квартира А. М. Горького. На мемориальной доске профиль Горького и надпись: «А. М. Горький жил здесь с 1931 по 1936 гг.». В доме все сохранилось так, как было при его жизни: обстановка, личные вещи, книги. Книги — самая большая ценность музея. Их много, они заполняют целую комнату, все стены которой закрыты высокими почти до потолка шкафами, сделанными по заказу Горького. Такие же шкафы стоят в вестибюле и холле, поднимаются вдоль лестницы на второй этаж. Книги лежат и в кабинете на столе и в спальне на полке около кровати.

Всю жизнь Алексей Максимович был страстным собирателем и восторженным ценителем книги. Книге посвящены многие страницы его произведений.

Нет в мире другого писателя, герои которого столь много говорили бы о прочитанном, так часто в размышлениях или спорах обращались бы к произведениям литературы, истории, философии различных эпох и народов.

Писатель был великим пропагандистом книги. «Любите книгу, — говорил он, — она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

Сам он с юности стремился приобретать выходившие на русском языке книги по всем областям знаний. Однако

отсутствие средств и скитальческая жизнь не давали ему возможности создать свою библиотеку.

Только в 1895 г. в Самаре у Горького, в ту пору корреспондента «Самарской газеты», появляется этажерка с книгами: Библией и Кораном (Казань, 1877), томом «Разговоры Гете, собранные Эккерманом» (Спб., 1891) и «Географией» Страбона (М., 1879).

Форзац «Географии» Страбона рассказывает историю ее появления у Горького. Наверху листа читаем: «Примите этот маленький подарок, Алексей Максимович. Хр. Сербулов», а ниже рукой Алексея Максимовича: «Подарок Христофора Вуколовича Сербулова. Нотариуса г. Самары. 1895 г. Март, 17». В книге пометки Горького. Они есть и в Библии и в Коране.

Рядом с этими объемистыми томами разместились три книжечки небольшого формата с коричневыми кожаными корешками: А. Шопенгауэр «Афоризмы и максимы» (Спб., 1892—1895) На титульном листе двух томов надпись: «А. Пешков. Самара, 1895, г.».

На их страницах многочисленные пометы простым карандашом: подчеркнуты отдельные слова и фразы, на полях отчеркнуты целые абзацы, знаки восклицания, вопросы, а кое-где и надписи. Так, отчеркнув: «в царстве умственности нет страданий», Горький пишет: «Есть!».

Читая, Алексей Максимович радуется, соглашается, спорит, приходит в негодование — и все это находит отражение на страницах книг.

Многие пометы говорят о том, что Алексей Максимович уже в те годы был хорошо знаком с философией и европейской и восточной.

По воспоминаниям Екатерины Павловны Пешковой, библиотеку Горький начал собирать в Нижнем-Новгороде в 1896 г. Делал это он всю жизнь, несмотря на многочисленные переезды.

Покидая в 1906 г. Россию, Алексей Максимович вынужден был оставить и свою библиотеку, которая хранилась у Екатерины Павловны и частично у К. П. Пятницкого. Осенью того же года он поселяется на о. Капри и сейчас же начинает выписывать из России книги. Очень скоро он опять окружен шкафами и полками, заполненными книгами. «Немыслимо представить, — вспоминает В. А. Десницкий, — ненасытно голодного к книге Алексея

Максимовича без ряда книжных полок, к которым он в любую минуту мог бы протянуть ищущую руку» (Сб. «Горький. Воспоминания». М., 1928, с. 41).

В Архиве Горького сохранились каталоги издательства «Международная книга», где Алексей Максимович отмечал, что ему хотелось бы приобрести.

С 1931 г. через своего библиотекаря Л. Г. Подольского он поддерживает постоянную связь с Книжной лавкой писателей.

В конце мая или в самом начале июня 1936 г. Алексей Максимович посылает в Книжную лавку записку с просьбой прислать ряд книг: «Дочь полковника» Р. Олдингтона (М., 1935), «Золушка» С. Кирсанова (М., 1936) и др. Пометки на обеих названных книгах говорят о том, что тогда же, в июне 1936 г., Горький прочел их. Пометки показывают характерную для последних лет жизни писателя редакторскую привычку произвольно править читаемый текст, отмечать неточности языка: «Лопухом раздувая пух», «из протертого в сито ситчика» (с. 10), «качаются платья — весы» (с. 12) — это строчки сказки Кирсанова, отмеченные Горьким.

Следующее требование Горького на книги поступило в Лавку писателей 9 июня 1936 г. На этот раз он просил только что вышедшую книгу Е. Тарле «Наполеон». Вечером она была доставлена в Горки. Ее страницы пестрят пометками Алексея Максимовича. Кое-где чувствуется, что рука дрожит и карандаш не совсем уверенно идет по бумаге. Но внимание читателя по-прежнему остро. Красным карандашом, волнистой чертой на с. 129 отчеркнута характеристика полицейской системы Наполеона. Здесь, по-видимому, напрашивалась аналогия с полицейской системой фашистской Германии, об опасной агрессивности которой с беспокойством не раз говорил и писал Горький. И в этой книге он не пропускает неточностей. Отчеркнув слова: «Судебное устройство осталось во Франции до настоящего времени в том же виде, в каком оно было создано Бонапартом», Алексей Максимович ставит знак вопроса перед следующей фразой: «Но впоследствии Наполеон внес существенную перемену» (с. 128, подчеркнуто Горьким).

Изучая пометы на книге Тарле, трудно поверить, что они сделаны больным человеком за 9 дней до смерти.

Во многих книгах можно видеть газетные вырезки. Они обычно содержат сведения, относящиеся либо к автору, либо к данному произведению. Так, в 4-й том «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина (В 4-х т. Т. 1—4. Спб., 1890—1892) вложена вырезанная Алексеем Максимовичем из газеты статья В. Якушкина «Памяти А. Н. Пыпина» от ноября 1904 г., когда Пыпин умер.

Пополняя свою библиотеку до последних дней жизни, Горький с жадностью набрасывался на каждую новую книгу, внимательно прочитывал ее с карандашом в руках, делал пометки, выписывал особенно важные мысли и факты, которые затем использовал в своей работе. Но потом он легко расставался с прочитанным. В этом отношении он был собирателем, ни на кого не похожим. Начав в 1896 г. собирать книги, он уже в 900-е годы широко раздает их.

В 1900 г. Алексей Максимович первый раз передал Нижегородской публичной библиотеке 74 книги. В 1902 г. он писал ее заведующему: «Я буду пополнять библиотеку по мере сил, пока я жив» — и сдержал свое слово. Подаренные им книги в Библиотеке г. Горького выделены в особый отдел, помеченный штампом «Отдел М. Горького (А. М. Пешкова)». Он помогал публичной библиотеке г. Арзамаса, библиотеке Нижегородской духовной семинарии, «Обществу русских студентов в Дерпте». Немало посылок с книгами было разослано политическим ссыльным.

В 1921 г., когда Горький по совету Ленина уехал лечиться за границу, он оставил много книг Пушкинскому дому, Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, Дому ученых. В Италии он передал часть своего большого собрания профессору русской литературы Римского университета Э. Ло Гатто.

Огромное количество людей, встречавшихся с Горьким, может рассказать о щедрых книжных дарах писателя. «Он собирал книги, любил их, — пишет Вс. Иванов, — дорожил ими, но если вам нравилась какая-нибудь из этих, иногда чрезвычайно редких книг, — он ее вам немедленно дарил...».

Особенно охотно Горький давал книги тем, кому они были нужны для работы. Так, К. Чуковскому он подарил книги о Н. А. Некрасове и У. Уитмене, А. Толстому —

о Петре I и его эпохе, К. Федину — о Бакунине для работы над драмой «Бакунин в Дрездене», Кукрыниксам — «Историю мировой карикатуры».

По словам самого Горького, несколько его библиотек «развеяно по миру». «Если бы собрать все книги, которые в разное время были в его руках, получились бы совершенно ошеломляющие данные», — писал П. Н. Берков.

Библиотека в музее-квартире — последнее книжное собрание Горького. Она содержит 10 тысяч томов. Среди них и те, что приобретены в 90-е годы, в годы жизни на Капри и в Сорренто, но большая часть получена уже после 1931 г., когда писатель поселился на улице Качалова. Они размещены в 44-х шкафах. Кроме того, 5 шкафов занимают книги, находившиеся на даче в Горках. Стремясь сохранить размещение книг, каким оно было при жизни Горького, родные писателя поместили их отдельно.

Книги стоят по 26 тематическим разделам, установленным писателем. Важнейшие из них: произведения классиков марксизма, философия, фольклор и этнография, литература русская и зарубежная, поэзия, история литературы, история городов, жизнь замечательных людей, история женщины, история религии, история Коммунистической партии, русская и всеобщая история. Внутри каждого раздела они располагаются по алфавиту.

В одном из самых больших шкафов стоят произведения классиков марксизма: собрание сочинений Маркса и Энгельса, 2-е и 3-е издания Сочинений В. И. Ленина. Широко представлены издания произведений и выступлений В. И. Ленина, выходившие в начале 20-х годов. Здесь же труды видных политических деятелей нашей страны.

В 30-е годы Горький заново перечитывает с карандашом в руках «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» и «Государство и революция» В. И. Ленина. На титульном листе «Анти-Дюринга» (М.— Л., 1931) написана цифра 265, а на странице 265 отчеркнуты слова: *«Пролетариат овладевает государственною властью и превращает средства производства сперва в государственную собственность. Но тем самым он прекращает свое существование как пролетариата, уничтожает различие классов и их антогонизм, а также само государство как государство».*

В работе В. И. Ленина «Государство и революция» цитируются эти же слова (начало 4-го раздела главы 1). Можно предположить, что Горький одновременно изучает оба произведения, так как в работе Ленина им также отмечена мысль об отмирании государства в период перехода к высшей фазе коммунистического общества. Государство отомрет тогда, «когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*» (Ленин В. И. Избранные произведения в 6-ти тт., т. 4. М., 1931, с. 67).

Многие высказывания Энгельса и Ленина, отмеченные Горьким при чтении, были использованы им впоследствии в статьях о литературе социалистического реализма, в докладе на Съезде писателей.

В разделе «Философия» собраны произведения, отражающие историю развития философской мысли на протяжении многих веков, от античности до начала XX века: Платон и Аристотель, Марк Аврелий и Дж. Бруно, Беркли, Спиноза, Г. Спенсер, Гегель, Шопенгауэр и Ницше, Бердяев и другие. Всего около 250 книг. Многие из них были приобретены Горьким еще в молодости ¹.

И в этих книгах многие страницы испещрены пометками.

Например, читая книгу Николая Бердяева «Философия неравенства» (Берлин, 1923), Горький по поводу рассуждений автора о вреде равенства заметил: «Какой постный болван!» (с. 44). Много помет в книге «Антихрист» Ф. Ницше (Спб., 1907). На одной из страниц читаем: «Как это скучно и плохо!» (с. 111). Книгу эту Горький получил в апреле 1935 г., после того, как, просматривая в марте того же года «Антикварный каталог» № 63 «Международной книги» (М., 1935), отметил ее в числе других.

¹ Для библиофила представляет интерес записка Л. Г. Подольского, вложенная в I-й том книги В. Уэвелла «История индуктивных наук от древнейшего до настоящего времени» (3 тома, Спб., 1867—1869). В записке значится: «Этот экз. поставлен взамен утерянного, подаренного А[лексею] М[аксимови]чу Никол[ае]м Захаровичем [Васильевым]. Сообщил И[ван] П[авлович] Л[адыжников]». Первый том имеет иной переплет чем следующие. На корешках второго и третьего томов золотом вытеснены инициалы: «А. П.».

Как бы не был щедр Горький, раздаривая свои книги, но даже Нижегородской библиотеке не передал он ни одной книги по фольклору и этнографии. Ими он особенно дорожил. В одном из писем еще в 1914 г. он сообщает: «У меня недурная библиотека по фольклору (Семеновский Д. А. М. Горький. Письма и встречи. Иваново, 1938, с. 14).

В этом разделе представлены «Песни, собранные Киреевским» (1863—1879), «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева в трех томах (1865—1869), «Сочинения» В. Даля в восьми томах (1904), «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.» (1873) и многие другие. Всего около 600 книг.

«Много есть еще в народе поэтических мотивов, которые настойчиво требуют нашего внимания, тем более, что эти мотивы мало-помалу умирают вместе с стариками, которые знали их и дорожили ими» — эти слова подчеркнуты Горьким в книге В. Варенцова «Сборник песен Самарского края» (Спб., 1862).

Мысль о необходимости внимательного собирания и пристального изучения народного творчества постоянно звучит в письмах, статьях, выступлениях и художественных произведениях писателя. Сам он был глубоким знатоком фольклора и в той же книге Варенцова на многих страницах рядом с напечатанным текстом он дает иные известные ему варианты тех же строк. Некоторые из песен, отмеченных в сборнике Варенцова, включены Алексеем Максимовичем в неоконченный рассказ «Овраг» (Архив А. М. Горького, т. 3. М., 1951, с. 131), многие тексты были посланы им И. П. Яунзем.

Большую ценность представляют собранные Горьким произведения И. Прыжова: «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (Спб.— М., 1868), «Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» (1864), «Нищие на Святой Руси» (Казань, 1913). Во всех книгах есть пометы, особенно много в последней. Сборник биографий лжепророков начинается с жизнеописания Ивана Яковлевича Корейши, известного юродивого, признанного после смерти святым. Однако с ним произошел конфуз: вместо того, чтобы превратиться в мощи, труп святого начал разлагаться. Легенда объясняет, что «какой-то католик, лекарь, при-

коснулся рукой к голове Ивана Яковлевича, и это так оскорбило покойника, что он, не желая вновь испытать какое-нибудь нечистое прикосновение, решил лучше испортиться» (с. 31). Горький, конечно, не мог не отметить эту великолепную выдумку.

Художественная литература и все, что с нею связано, составляет самую значительную часть его библиотеки. Вся русская литература начиная с XVIII в. и до 30-х годов XX в., переводы наиболее значительных произведений мировой литературы, поэзия всех времен и народов, история не только русской, но и зарубежной литературы.

Немало книг представляет собой библиографическую редкость. Такова изданная в 1748 г. в количестве 306 экземпляров на счет автора книга «Разговор между Чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. Сочинен Васильем Тредиаковским, профессором елоквенции». А вот тоненькая книжица в черной бумажной обложке, титульного листа нет, на первой странице заглавие «Сказка о царевице Февее» и далее «Сказка о царевице Хлоре». Обе сказки, написанные Екатериной II для ее внука Александра (впоследствии императора Александра I), изданы в 1783 году.

Первое издание Энеиды И. Котляревского: «Енеида, на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским». (Спб., 1798). В Петербурге поэма имела шумный успех. Публикация, содержащая лишь три части поэмы, осуществлена «иждивением М. Парпуры» без ведома автора.

Особенно полно представлены в библиотеке произведения писателей XIX и XX вв. Собрания сочинений А. С. Пушкина (Спб., 1906), И. С. Тургенева (Спб., 1883) — первое посмертное издание, А. И. Герцена (1878), изданное в Женеве, и другие особенно интересны, так как их Горький перечитывал на Капри при подготовке текста лекций по истории русской литературы. На их страницах особенно много помет. Отмечены отдельные абзацы, а иногда и целые отрывки по нескольку страниц, которые писатель предполагал прочесть слушателям.

«Книга приобретена через „Международную книгу“ в 30 году» — написал Горький на форзаце первого тома

редчайшего издания Гоголя: «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Часть 1—2. Спб., 1835».

В этом разделе особенно много книг с дарственными надписями.

Всю жизнь не расстаётся Горький с книгами своих учителей и старших товарищей Короленко и Чехова, снабженных сердечными надписями. «Милому другу Алексею Максимовичу...» подарил Антон Павлович в 1902 году собрание своих сочинений в девяти томах. «На добрую память от земляка» В. Г. Короленко получил Горький в 1910 году «Историю моего современника» (Спб., 1909).

Слова дружбы и уважения можно прочесть на многих книгах Ив. Бунина. Старому товарищу, на глазах которого создавалось большинство его произведений, дарит в 1915 г. свое собрание сочинений Л. Андреев.

Трудно назвать писателя, пришедшего в литературу в 20—30-х годах, который не присылал бы Горькому своих произведений. Здесь дарственные надписи говорят об уважении учеников к великому учителю. Многие просят совета, ждут «строгого суда» и указаний в работе. К. Федин, Л. Леонов, М. Шолохов, А. Фадеев, А. Чапыгин, М. Ильин — каждый по-своему благодарят за помощь.

«Дорогой Горький, дайте отзыв» — пишет П. Арский на своей книге «Штурм неба» (1929). Очень хорошо о роли Алексея Максимовича в судьбах советских писателей сказал И. Бабель: «Мысль о вас заставляет кидаться вперед и работать изо всех сил. Ничего лучше нельзя придумать на земле».

«...Он знает обо всем, что у нас напечатано. У нас и во всем мире», — так вспоминает о своей беседе с Горьким Сибилла Алерамо.

Действительно, в библиотеке Горького находятся произведения писателей всех стран мира, переведенные на русский язык. И здесь много книг с пометами.

«Героические жизни. Бетховен. Микельанджело. Толстой» Р. Роллана (Л., «Время», 1933). В книге пометы Горького. Его особенно интересует очерк о Толстом. Говоря о своем преклонении перед гением Толстого, Роллан пишет: «Мы инстинктивно чувствовали, что в таких душах все одинаково крепко, все связано» (с. 205). Последние слова подчеркнуты Горьким, против них знак вопроса.

Книги, связанные с издательскими начинаниями писателя, составляют отдельные разделы библиотеки: «Жизнь замечательных людей», «История городов», «История женщины». Задумывая специальное научное издание на последнюю тему (оно не было осуществлено из-за смерти писателя), Горький писал о том, что необходимо восстановить историческую справедливость и показать огромную роль женщины в жизни и развитии человечества. В библиотеке несколько десятков книг на эту тему. Например: «Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция» С. Шашкова (Спб., 1898); книга В. Хвостова (I. Психология женщины; II. О равноправии женщин. М., 1911), «История проституции романских, германских и славянских народов» П. Дюфура (Спб., 1907) и многие другие.

Эти книги дали Горькому материал для статьи «О женщине» («Большевик», 1934, № 7). Номер журнала, в котором она напечатана, находится в библиотеке. В тексте журнала Горьким сделано много поправок для следующей публикации.

Книги испещрены пометками. «Отец бережет в детстве, супруг бережет в юности, а сыновья — в старости, — не способна женщина к независимости во время своего существования» — эти слова отметил писатель в книге древнеиндийских нравоучительных рассказов «Хитопадеша. Полезное наставление» (Спб., 1911—1913. Приложение, с. 7). Именно эта точка зрения всегда вызывала у него резкий протест. Естественно, что с удовольствием отметил он в произведении Мацубара Ивагоро «На дне Токио» сцены, где самое появление женщины в ночлежке для бедняков как луч света, согревающий присутствующих. Женщина входит в ночлежку с ребенком на руках, и ее улыбка матери обращена ко всем людям. Едва устроившись сама, она уже помогает окружающим: одному зашивает лохмотья, другого ободряет ласковым словом. «...Ее манеры были так милы, и она была так расположена признавать весь мир своими родственниками, что она прямо вошла в мое сердце», — говорит автор в отчеркнутом Горьким тексте.

«Энциклопедистом социалистической эпохи» — назвал Горького академик Н. Н. Бурденко.

Энциклопедизм писателя проявился, в частности, и в широком подборе книг по естественным наукам, со-

ставляющих особый раздел библиотеки. Здесь мы найдем «Теорию относительности. Популярное изложение» А. Эйнштейна (1921) и книгу на ту же тему Г. Шмидта «Теория относительности и наше представление о вселенной. Общедоступное изложение теории проф. А. Эйнштейна о времени и пространстве» (1921) со множеством помет. Собрание сочинений Дарвина (т. 1—4, Спб., 1898—1901), где отмечен последний абзац основного произведения ученого «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение избранных пород в борьбе за жизнь» (т. 1, с. 327). «Таким образом, из этой, свирепствующей среди природы, войны, из голода и смерти, непосредственно вытекает самый высокий результат, который ум в состоянии себе представить — образование высших форм животной жизни».

В книге Д. А. Гольдгаммера «Процессы жизни в „мертвой“ природе» (1922) Горького привлекает мысль автора о единстве материи и о возникновении жизни на земле из неживой материи (с. 92).

Слова Петра I: «Аз есмь в чину учимых и учащих мя требую» — как нельзя лучше подходят к определению всей жизни Горького. Он черпал знания всегда и ото всюду: из жизни, у людей и в книгах.

«...Меня всю жизнь учили и продолжают учить... Шекспир и Сервантес, Август Бебель и Бисмарк, Лев Толстой и Владимир Ленин, Шопенгауэр и Мечников, Флобер и Дарвин, Стендаль и Геккель, учил Маркс, а также библия, учили анархисты Кропоткин, Штирнер и «отцы церкви», фольклор и плотники, пастухи, рабочие фабрик и тысячи других людей, среди коих я прожил полсотни лет сознательной жизни. Я не нахожу, что в школе, которую я оканчиваю, преподавалось и преподается нечто лишнее для меня...» — писал Горький в конце жизни.

Книги в библиотеке Горького не покоились на полках, они жили деятельно и полноправно — писатель вбирал их в свой ум, душу, спорил с ними, одобрял их, критиковал, дарил другим. Это была библиотека живая, где книги все время находились в движении, где каждая книга работала.

Москва, 1971

Н. МАЦУЕВ

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

(Из автобиографии)

Экслибрис Н. Мацуева работы художника Р. В. Копылова

В свои студенческие годы, когда я посещал Публичную библиотеку в Петрограде, над дверью большого зала мне приходилось читать изречение: «Словеса книжные суть реки, напоющие вселенную». Если это так, то и вся моя жизнь прошла в реках и возле рек. Я не помню, когда я начал постигать «словеса книжные» (моя

мать учительница), как не помню и того, когда я научился плавать (родился я на берегу реки Десны, которую мой земляк, писатель А. П. Довженко называл «зачарованной»).

Итак, от молодых лет и до седин мне пришлось пройти с книгой. Даже уходя на фронт в Великую Отечественную войну, я захватил в свой солдатский вещевой мешок небольшую книжечку. Это был томик Пушкина в издании «Дешевой библиотеки». Правда, мне не пришлось спокойно перелистывать Пушкина, но он все-таки возвратился домой значительно потрепанным и занял свое прежнее место в шкафу, ничем не напоминая о своей, не совсем обычной книжной судьбе.

Филолог по образованию, я не стремился к ученой карьере. Меня привлекал массовый читатель и его интересы во всем их разнообразии. Поэтому большая часть моих дней ушла на работу с книгой. Мне приходилось работать в библиотеках различных типов.

Немало тысяч книг прошло через мои руки и немало тысяч читателей прошло передо мной, и это было отнюдь не формальное, «служебное» общение с книгой и читателем.

На обычный вопрос, какие книги мне больше нравятся, какие авторы являются любимыми, мне довольно трудно ответить. Этому мешает профессия книжника. Вспоминается изречение Плиния Старшего — «Nullus est liber tam malus, ut non aliqua parte prosit». (Нет книги настолько плохой, чтобы она была совершенно бесполезной). А может быть, в данном случае будет верен несколько перефразированный афоризм Вольтера: Tous les livres (вместо les genres) sont bons, excepté l'ennuyeux, т. е. все книги хороши за исключением скучных. Действительно — что может быть ужаснее скучной книги? Однако не так давно мне пришлось прочесть заметку о каком-то, кажется, англичанине, который решил составить библиотеку исключительно из книг, отличающихся не-

обыкновенной скукой. Нужно думать, что эта библиотека недурно пополняется как старыми, так и новыми книгами, обладающими требуемыми свойствами.

Что же привлекает книжника в книге? В большей или меньшей степени, все — от оформления и до последнего слова текста. Книгу нужно уметь слушать и понимать, как и живого человека. Здесь мало профессиональных знаний, надо обладать еще и особым чутьем, какое присуще охотникам, рыболовам... Нужно вживаться в книгу, чувствовать ее. Вспоминаю, как однажды в библиотеке я так увлекся находкой не известной мне книги, что меня никак не могли дозваться, и мой приятель уже с беспокойством в голосе спрашивал: «Что с тобой?!». Опомившись, я объяснил ему свое состояние, сказав экспромт:

*Вокруг лишь книги, книги, книги..
Вдруг показалось мне на миг,
Что, тела сбросивши вериги,
Я сам — строка из этих книг.*

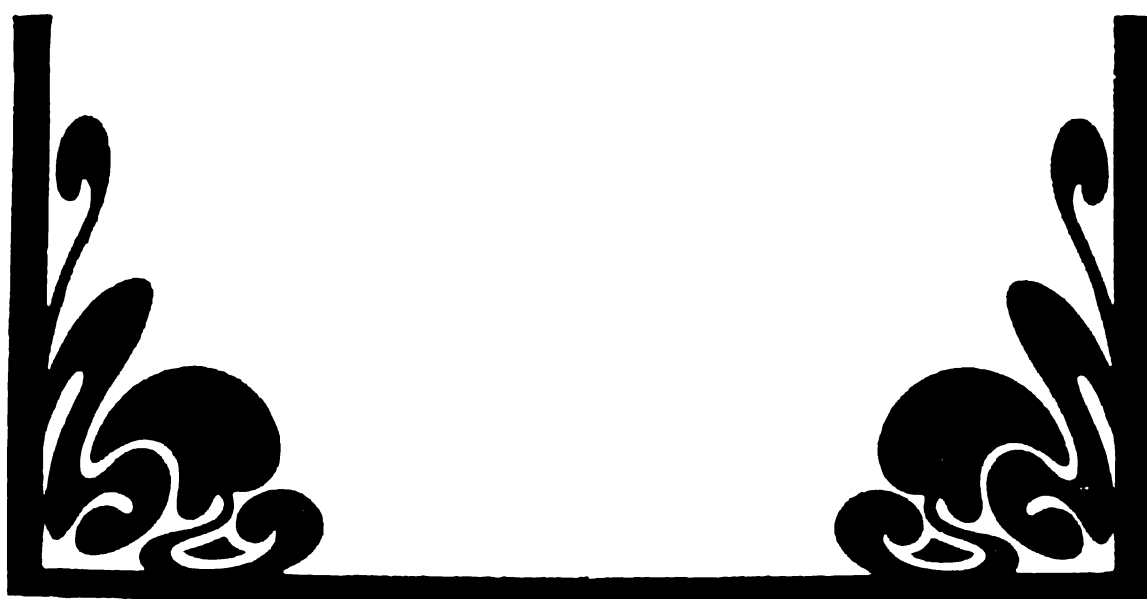
Москва, 1971.

КНИГА

И

ЖИЗНЬ

Т. ЛЕШУКОВ

В СТАРОМ РАБОЧЕМ ГОРОДЕ

«... по свидетельству статистиков Владимирского губернского земства, в предместье Иваново-Вознесенска — «Ямах»... им почти ни в одном доме не случилось встретить книгу. Кое-где только попадалось евангелие и копеечные лубочные издания». Так писал в «Русском богатстве» (№ 12, 1900) народнический публицист В. Додонов.

Мне довелось в довоенную пору познакомиться со старым ткачем Никифором Моховым, который в 90-х годах входил в одну из первых социал-демократических организаций «Ивановский рабочий союз».

— В деревенской школе, — рассказывал Никифор Николаевич, — нас познакомили с некоторыми стихами Пушкина и Лермонтова. До восемнадцати лет я, грешным делом, полагал, что только эти два поэта и жили в России. Потом, как подросток, переехал в Иваново-Вознесенск, стал работать на фабриках. Тяжелое было время. Выхода из тьмы не видел, стал ходить по церквям, по монастырям. Но и там, кроме лицемерия, ничего не увидал. И вот однажды мой товарищ по цеху Алеша Калмыков показал книжку в синеватой обложке. Называлась она «Делатели золота». Принялся читать и не мог оторваться. В ней рассказывалось о создании кооперативной артели в деревне. Я поразился — какой простой выход из нищеты и голода! Где бы еще такое прочитать? Калмыков сказал мне, что он достал книжку в недавно открытом магазине против аптеки. Позднее я узнал, что это был явочный пункт и в некотором роде агитпункт для подпольного «Рабочего союза». Прихожу и спрашиваю:

— Нет ли вот таких книг для прочтения?

— Здесь лавка, а не библиотека, — говорит продавец. — Книжки хозяйские, и я за них отвечаю. Но у меня есть свои, собственные, и могу их дать для бесплатного чтения.

И он подает мне однотомику стихов Некрасова. Думаю — не насмешка ли? Продавец, Николай Николаевич Кудряшов, раскрывает книгу на том месте, где напечатаны «Размышления у парадного подъезда». Я тут же читаю про себя и думаю:

— Какие хорошие стихотворцы есть на свете! А я и не подозревал об этом.

Да и откуда было Мохову знать про Некрасова, если, по свидетельству местного летописца-фабриканта Якова Гарелина, «в городе было пять книжных лавок с годовым оборотом в 1825 рублей. Занимались они продажей учебников и старопечатных книг».

В городе числилась и «Библиотека для чтения», в которой насчитывалось 4042 тома. По свидетельству того же Гарелина, «рабочие не имеют возможности пользоваться книгами, так как этому препятствуют, во-первых, недосуг, во-вторых, довольно высокая плата за абонемент, в-третьих, отсутствие книг, удовлетворяющих уровню образования рабочих».

Чем привлекали ткачей и красильщиков в первый марксистский кружок в девяностых годах его основатели — Варенцова и Кондратьев? Книгой.

Тот же Никифор Николаевич после знакомства с Н. Кудряшовым становится настоящим «пожирателем книг» и входит в «Ивановский Рабочий союз». При обыске в 1896 г. у него находят «нелегальные брошюры „Царь-голод“ и „Рабочая революция“, тетрадь с выписками из сочинений Маркса „Капитал“, заметку „Краткий обзор рабочего движения в Англии“, оканчивающуюся указанием русским рабочим на необходимость организовать в одну общую партию для борьбы за улучшение своего положения».

Несмотря на аресты, жандармам не удалось задуть подпольную организацию. Каждый раз она возрождается, как феникс из пепла, и каждый раз на организованном собрании кружков, наряду с секретарем и казначеем кружка, избирается библиотекарь. Последний получает львиную долю членских взносов на покупку легальной литературы, конечно, прогрессивного содержания — со-

чинений Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Шелгунова и т. д.

В этой библиотеке кроме книг экономического и политического содержания непременно находились романы Беллами «Через сто лет», Чернышевского «Что делать?», Ивана Вазова «Под игом», сочинения Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина, Станюковича. Немалым был и раздел естествознания, большим успехом пользовалась книга Фламмарiona «Общедоступная астрономия».

Революция преобразила все, в том числе и культурный облик города. Еще при жизни моего собеседника — а он умер в 1938 г. — книга нашла дорогу в каждую рабочую квартиру. Уже тогда в городе насчитывалось 39 массовых библиотек с книжным фондом в 390 тыс. томов. В эту цифру не входили библиотеки при школах и учебных заведениях. Одна областная научная библиотека насчитывала в своих фондах 650 тыс. томов. Сегодня в черте города ежедневно открываются двери 114 массовых библиотек, которые располагают фондом свыше 3,6 млн. томов. Кроме них, работает 170 специальных технических библиотек и при учебных заведениях, в которых собрано 6309 тыс. томов.

Додонов сетовал на то, что в квартирах рабочих статистики не обнаружили никаких книг. А много ли было книголюбов среди правящей «элиты» Иваново-Вознесенска? Через подставное лицо — жену инженера химзавода Еремина — социал-демократическая организация решила открыть в городе книжный магазин. Когда Н. У. Еремина явилась к полицмейстеру Декаполитову за разрешением на открытие магазина, тот заметил:

— Не понимаю, сударыня, зачем вам это убыточное заведение. Ведь книгами в нашем городе никто не интересуется. Я принят в домах всех фабрикантов и нигде не приметил книжных шкафов. Виноват, есть одна белая ворона — Дмитрий Геннадьевич Бурылин. Только он с причудинкой — собирает книги, извините, по масонству. И не только книги — разные там реликвии масонов. Надеюсь, вы не будете торговать подобным товаром?

Действительно, из сотни владельцев промышленных предприятий города только один — Д. Г. Бурылин — увлекся собирательством книг. Декаполитов не знал, что Бурылин интересуется не одними масонами. В его библи-

отеке насчитывалось до пяти тысяч томов по истории письменности и книгопечатания. Многим соискателям ученых степеней помогла эта библиотека, находящаяся сегодня в распоряжении краеведческого музея.

Через своих приказчиков и комиссионеров Бурылин собрал большую коллекцию русских и иностранных грамот, оригиналы приказов Суворова, Кутузова, Александра I, Екатерины II. Было у него несколько подлинных писем Наполеона. Позднейших исследователей истории книги поражало собрание различных изданий библии. В шкафах бурылинского книгохранилища насчитывалось до трехсот экземпляров, в том числе и библия, напечатанная в Остроге Иваном Федоровым. Удалось фабриканту-книголюбу приобрести и первопечатный «Апостол», изданный в 1564 г.

Бурылин выписывал чуть ли не все выходившие за полвека в России журналы и столичные газеты. Здесь сохранились полные комплекты журналов «Отечественные записки», «Божий мир», «Современный мир», «Русское богатство», «Русская мысль» и др. Увлекался фабрикант зарубежными иллюстрированными журналами.

Наиболее ценным для краеведов было собрание литературы по истории текстильной промышленности и родного города.

Основные фонды бурылинской библиотеки сохранились. К сожалению, не все атаки товарищей, приезжавших из разных учреждений столицы с широченными мандатами, энтузиастам музея удалось отбить. В фонды других библиотек перешла литература по истории масонства.

...Ну, а современные рабочие, проживающие на «Ямах»? Читают ли они книги, приобретают ли их?

Прежде всего, название «Ямы» как-то не подходит к новому кварталу, застроенному многоэтажными громадами. У электрика Большой Ивановской мануфактуры имени О. А. Варенцовой Юрия Анатольевича Рагузова собраны почти все русские классики, подписные издания послевоенных лет.

— Мои соседи проводят вечера у телевизоров, а я у своих книжных шкафов, — рассказывает Юрий Анатольевич. — Нет большего наслаждения, чем раскрыть наугад книгу, скажем Глеба Успенского или Чехова, и сразу попасть в иной мир...

Рагузов — частый посетитель букинистического магазина. Там же мы часто встречаемся с помощником мастера Камвольного комбината А. М. Озеровым. Он собирает большую серию «Библиотека поэта». Через весь город из местечка Пустышь-Бор еженедельно приезжает в этот магазин слесарь-механик северного аэродрома А. Кочин. Он собирает биографии политических деятелей, литераторов, художников, артистов, музыкантов. Ни в одной библиотеке города нет столь полного собрания павленковской серии «Жизнь замечательных людей», как у Кочина. Пожалуй, только научная библиотека может соперничать с Кочиным по полноте собрания этой же серии советского издательства «Молодая гвардия».

Трогательная страсть к книге у бывшего слесаря, ныне кладовщика Инструментального цеха завода «Ивтек-маш», — Галины Сергеевны Жуковой. У нее большая семья и бюджет расписан строго, до копейки.

— Не хватает на книги, — жалуется она. — И вот решила — брать из магазина № 5 книги для продажи на заводе. В счет процентных отчислений от проданного оставляю себе в собственность понравившиеся издания. Тут три «хорошо». Первое — доставляю новую книгу прямо к станочнику. А то когда он соберется в магазин! Второе — сама изучу все новинки, чтобы в выборе не промахнуться. И третье — полнится мой книжный шкаф. Найдется, что почитать и детям, и внукам, когда появятся.

* * *

Сказать откровенно, с каждым годом труднее становится нашему брату — собирателю книг. Вышедшая 35 лет назад книга А. И. Некрасова о русской иконописи стояла на полках центрального магазина три месяца, пока продавец Софья Ивановна Кузнецова не порекомендовала мне познакомиться с ней. Сегодня за альбомом «Новгородская иконопись» охотится в Иванове уже десяток собирателей. Среди них художник Слава Кравцов, у которого по этой теме собрано более ста названий.

Молниеносно расходятся книги из серии «Библиотека исторического романа», «Города и музеи мира», «Жизнь в искусстве».

Раньше — пригласят на именины, заходишь в книжный магазин, покупаешь в подарок альбом по искусству. Се-

годня ни в одном ивановском магазине не найдешь таких изданий. Как только появится альбом с репродукциями какого-либо музея — сразу в магазине образуется очередь.

Собиратели книги по искусству уже знают друг друга по имени и предупреждают о новинках, еще лежащих на столах товароведов «Ивкниги». Кроме художников А. Е. Грибова и Б. Н. Лукина, много книг по искусству, особенно монографий о русских художниках, собрал заслуженный врач республики Г. М. Дубицкий.

Но поскольку габариты любой квартиры имеют пределы, то Дубицкому приходится время от времени «сбрасывать» книжные излишки. В начале 60-х годов он передал в дар библиотеке Медицинского института более 800 томов по вопросам фтизиатрии (лечения легких). Тогда же он передал — и снова безвозмездно — в учреждение Большую Советскую Энциклопедию. Полную подборку периодики, посвященную В. Маяковскому, он подарил библиотеке краеведческого музея.

Каждый вечер раздается телефонный звонок, знаю — это Герасим Маркович.

— А вы слышали, вышел альбом «Русская графика» крохотным тиражом — три тысячи экземпляров. Неужели нам, в Иваново, ее не дадут?

Или:

— Вы не успели еще прочесть Сандалова «На московском направлении»? Как же так? А еще председатель клуба книголюбов!..

Я мог бы назвать имена многих людей так же беззаветно любящих книгу, как Г. Жукова, Г. Дубицкий!

Иваново, 1971

Е. МИРОШНИЧЕНКО

УЧИТЕЛЬ АДРИАН ТОПОРОВ И ЕГО КНИГА

А. М. Топоров

Сбежали по крыльцу просторной бревенчатой избы последние ребятишки, и в школе наступила тишина. Учитель коммуны «Майское утро» знал, что тишина эта непродолжительна. Пройдет четверть часа, и еще до звона гонга-

шабы в школу потянутся любители вечерних чток.

Хорошо знает своих слушателей учитель Адриан Топоров. Уже несколько лет он читает книги крестьянам. Изо дня в день устраивает обсуждения художественных произведений, добросовестно, с протокольной точностью заносит высказывания деревенских критиков себе в тетрадь.

Опытом чтения литературы в народной среде удалось заинтересовать некоторых сибирских писателей, несколько записей высказываний крестьян о новинках советской литературы опубликовала бийская газета «Звезда Алтая».

Топоров открывает наугад тетрадь с записями откликов крестьян. «Э, нет, не тот товар! Вон у Пушкина-то: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...». Картина! Скоблит тя по коже! И все как есть правдишное. А слова-то! Вот они!

Ровно нашинские». В который раз читает Топоров высказывание кузнеца коммуны и не перестает дивиться яркости, самобытности крестьянского слова. Или еще: «Когда прочитали Пушкина, то ровно после ржаного хлеба поели свежего пшеничного!». «Как на легких рысях несет тебя Пушкин...». «Право же, трудно убедительнее и проще выразить чувство просветления и духовного обогащения, которое всякий раз возникает при чтении Пушкина», — думает Топоров.

Учитель вспомнил своего наставника, ссыльного народовольца Л. П. Ешина: «Что нужно русскому интеллигенту?» — любил говорить он. И сам отвечал: «Стол, стул и Даль». Он хорошо знал и ценил живой народный язык.

Знакомство с этим энциклопедически образованным человеком произвело крутой поворот в жизни девятнадцатилетнего юноши. Адриан стал много читать, начал брать уроки скрипичной игры и сценического искусства, основательно готовился нести знания в народ...

В 1912 г. Топоров выехал из Курской губернии (здесь он получил звание учителя) в Сибирь и стал работать в далекой сельской школе Алтайского края.

В годы революции сельский учитель участвовал в партизанском движении, боролся против банд Колчака, был одним из организаторов известной в Сибири сельскохозяйственной ком-

муны «Майское утро» — родины космонавта Г. С. Титова. Двенадцать лет в этой коммуне Топоров вел культурно-массовую и школьную работу.

Смелость, честность, близость к трудовому крестьянству, готовность вступить за его интересы, незаурядные организаторские способности сразу выдвинули сельского учителя в число видных людей коммуны.

Что же представляла собой педагогическая деятельность Топорова в коммуне «Майское утро»? Вот рассказ отца космонавта С. П. Титова о своем первом наставнике: «Время его работы в школе не определялось никаким расписанием — до обеда и после — с учениками, вечером со взрослыми. Вся культурная работа в поселке велась им — постановки, хор взрослых коммунаров, оркестр школьников, стенная газета, ликбез, санитарный надзор, вечернее чтение газет для взрослых в школе, чтение художественной литературы»¹. Можно было бы привести еще много свидетельств воспитанников школы коммуны, которые с великой благодарностью вспоминают своего учителя, говорят о нем, как о человеке большой души, настоящем народном просветителе, который «показывал дорогу в светлое будущее». И сегодня мы можем расценивать его культурно-просвети-

¹ Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М., 1967, с. 38—39.

тельскую деятельность как гражданский подвиг народного учителя.

Более десяти лет проводил читки А. М. Топоров. Им был накоплен уникальный материал, самобытная, беспристрастная оценка народом творчества мастеров художественного слова. Крестьяне обсуждали произведения Шекспира, Гейне, Гюго, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Чехова, Островского, Некрасова, Успенского, Бунина, Помяловского, Горького, Вс. Иванова, Серафимовича, Сейфуллиной, Бабеля, Демьяна Бедного, Леонова, Пастернака, Олеси, Сельвинского. Это далеко не полный перечень авторов, чьи произведения были прочитаны в коммуне «Майское утро».

Топорову были известны примеры народных чток прежнего времени — работы Алчевской, Корфа, Пругавина и других. Один из дореволюционных писателей Анский, работая среди крестьян и шахтеров, пытался читать им Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова и сделал вывод, что «...литература общества, за исключением нескольких, большей частью незначительных произведений, совершенно недоступна ни по языку, ни по содержанию среднему крестьянскому читателю»².

Многолетний опыт работы Топорова в сельской школе убеждал в обратном. Однако и его обурева-

² Анский С. А. Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя. М., 1914, с. 65.

ли сомнения: примет ли крестьянская аудитория сложное литературное творчество? «Мне казалось, что я звал крестьян исследовать тончайшее строение золотистой пыльцы мотылька, пользуясь при этом топором»³, — писал он.

Однако читки Топоровым художественных произведений коммунарам показали полную несостоятельность рассуждений о неспособности простых людей понять и оценить прекрасное в искусстве.

Почему же ему удалось открыть дверь, в которую стучались многие исследователи? Признаем сразу: учитель школы коммуны «Майское утро» сумел воспитать своих читателей. Все они были его учениками. В течение многих лет Топоров прививал им любовь к художественному слову, учил понимать прекрасное, указывал на связь литературы с общественной жизнью.

Однако главным воспитателем топоровских слушателей был Октябрь, тот революционный опыт, который приобрели коммунары, прежде чем решили прийти к коллективной жизни. Они почувствовали себя подлинными хозяевами нового мира и с уверенностью победителей принимали то, что предназначалось им.

Топоров, организуя свой опыт крестьянской критики художественных произведений, ставил перед собой широкие цели:

1. Узнать из уст самих крестьян, что из новейшей художествен-

³ Топоров А. М. Указ. соч., с. 381.

ной литературы они принимают, что отмечают как негодь и чего ждут от современных писателей.

2. Опровергнуть дикое мнение, будто крестьяне не способны понять и правильно оценить тонкие произведения художественного слова.

3. Дать первые примеры искренней, общепонятной, нелицеприятной, свободной от групповых тенденций критики художественной литературы.

4. Перекинуть живой мостик между крестьянами и писателями.

5. Привить труженикам полей любовь к живописному слову.

6. Посильно помочь издательствам в деле отбора художественной литературы для деревни.

7. Начать воспитание низовых критиков литературы⁴.

В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», напечатанной в 1922 г. в журнале «Под знаменем марксизма», писал: «Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый

разнообразный материал...»⁵.
Всей своей просветительской работой А. М. Топоров следовал этому ленинскому указанию.

В 1927 г. А. М. Топоров опубликовал несколько записей высказываний крестьян о произведениях советской литературы. Опыт сельского учителя заинтересовались центральные газеты, журналы. «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «Красная новь» писали об опыте Топорова, как об «интересном исследовании», «большом шаге в будущее, светлом обещании».

Однако успешная селькоровская работа Топорова вызвала нападки местных недоброжелателей. Последовали административные санкции, учителя пытались отлучить от любимого дела. А его книга попала под обстрел рапповской критики. О Топорове начали писать резко отрицательно⁶.

Особенно нападали на Топорова некоторые литераторы, группировавшиеся вокруг сибирского журнала «Настоящее». Они писали: «Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от текущих политических задач»⁷.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 45, с. 26.

⁶ «Сибирские огни», 1930, № 6, с. 109.

⁷ Аграновский А. Суть дела. М., 1968, с. 86.

⁴ Топоров А. М. Указ. соч., с. 383.

Позднее ЦК партии в специальном постановлении охарактеризовал деятельность группы «Настоящее» как грубое искривление литературно-политической линии партии.

В 1930 г. при содействии А. М. Горького выходит сборник Топорова «Крестьяне о писателях» (тираж 5000 экз.). Книга имела подзаголовок «Опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы». Горький высоко ценил деятельность Топорова. Он выдвигал сельского учителя редактором литературно-художественного журнала для колхозников, хотел с ним лично познакомиться. Но им, к сожалению, не суждено было встретиться...

* * *

Имя Топорова было возвращено литературе в 1960 г. после того, как в газете «Литература и жизнь» была опубликована большая статья П. Д. Стырова «По следам одной книги», рассказывающая о необычном сборнике крестьянских высказываний о литературе, записанных сибирским учителем. Всеобщая известность пришла к нему годом позже, после космического полета Германа Титова, сына его ученика С. П. Титова. Тогда уже заговорили не только об удивительной судьбе книги «Крестьяне о писателях», но и судьбе самого Топорова, народного просветителя и подвижника.

В 1963 г. в Новосибирском книжном издательстве вышло вто-

рое, «дополненное и переработанное» издание книги «Крестьяне о писателях», ставшей библиографической редкостью. Десятки газет, журналов откликнулись рецензиями на это событие, отмечали ценность, своевременность книги. Во второе издание были включены отклики крестьян на произведения А. С. Пушкина. Они хранились с довоенных лет в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде (Пушкинский дом). В 1967 г. свет увидело третье издание книги.

Деятельность А. М. Топорова, его книга «Крестьяне о писателях» дают возможность сделать вывод, что работа лучших представителей дореволюционной русской интеллигенции по изучению народного читателя (читателя-крестьянина и читателя-рабочего) нашла свое благотворное развитие и в советский период.

Более того, в советское время процесс изучения отношения народа к литературе приобрел широкий размах и глубокое общественное содержание. Учитель Топоров не просто изучал читательские интересы крестьян, как это делали его предшественники, и не просто записывал высказывания крестьян о литературе. Он одновременно воспитывал читательский вкус своих слушателей, подготавливал их к глубокому восприятию сложных художественных произведений.

Книга Топорова — факт большой культурной важности, жи-

вое свидетельство того, что подлинно народная литература всегда найдет путь к сердцу читателей. Привлекает внимание и язык книги «Крестьяне о писателях».

Своей книгой Топоров показал, что изучать читателя, особенно массового — подлинное искусство.

В свое время Н. К. Крупская указывала: «Самое главное — учиться понимать современного деревенского читателя, понимать окружающие его условия, изучать его не с птичьего полета, а живя бок о бок с ним»⁸. Именно так изучал своего читателя А. М. Топоров.

Работа народного просветителя получила справедливую общест-

⁸ Крупская Н. К. Педагогич. соч., в 10-ти тт., т. 8, М., 1960, с. 84.

венную оценку. Вот как отзывался о топовровском сборнике известный учитель, Герой Социалистического Труда В. А. Сухомлинский: «Я хорошо помню книгу А. М. Топорова еще по довоенному изданию. Все, о чем он рассказывал в своей книге и что делал в своем селе, всегда казалось мне изумительным, необычным... Когда читаешь высказывания крестьян о величайших художниках, чувствуешь прикосновение к правде, к истине».

Книга А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» — ценный документ истории культурной революции нашей страны.

г. Николаев, 1971

*...Погасла лампочка. Щекой к страницам книги
Припал и думаю: когда же с плеч падут
Давно носимые тяжелые вериги,
И к нам, уставшим ждать, дни лучшие придут.
И книгу взором я пытливо вопрошаю,
На белые листы с надеждою смотрю,
Гадать на ней судьбу и ждать с ней продолжаю
Грядущую зарю.*

Шлиссельбургская крепость, 1912 г.

К. А. Ионов

К. АЛТАЙСКИЙ

НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Циолковский рассказывает...

Тихо-тихо шелестят вековые липы. Слева, за зеленым массивом загородного парка, угадывается серо-голубая Ока, плывя по которой, Николай Васильевич Гоголь когда-то залюбовался издали многокуполовой и многобашенной Калугой и сказал, что она похожа на Константинополь. В этом парке, в деревянном домике, гостя у тогдашней губернаторши Смирновой, урожденной Россет, Гоголь писал второй том «Мертвых душ». Домик этот калужане звали «гоголевским», мечтали поставить тут памятник писателю.

Но не поставили памятника и даже домик не уберегли: в 1920 г. он сгорел. А до Гоголя в этом домике жил поэт Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, автор песен «Выйду ль я на реченьку», «Милая вечор сидела».

Вспоминая дела минувшие, сидим мы на деревянной скамейке, — я и молодой, начинающий литератор Владимир Кучеренко, недавно приехавший в Калугу из Ростова-на-Дону, где он, по его словам, состоял в писательской группе, встречался с Шолоховым, Фадеевым, Ставским и даже напечатал что-то в журнале «На подъеме».

Выслушав мои устные мемуары, Кучеренко возвращается к сегодняшнему, к сиюминутному:

— «Вы знаете, — говорит он, — что я болен, в месяц встаю самое большое на шесть — семь дней и все их отдаю литературе. И мне обидно, когда я встречаю в редакциях людей бездушных, не желающих даже прочесть рукописи и вовремя ответить. Написал я рассказ, работал, как каторжник, четыре раза от руки переписал, пока до пишущей машинки дело дошло. Послал в Москву, в

столичный журнал. И третью неделю — ни слуха ни духа. Ну, хорошо, мой рассказ слаб, даже бездарен, но ответить-то редакция должна?». Мне, естественно, хочется утешить его, я подыскиваю подходящие слова, но не успеваю, — к нам подходит Константин Эдуардович Циолковский. Загородный парк — любимое место его прогулок. Я поднимаюсь навстречу.

— Устал, — говорит Циолковский. — Пожалуй, посижу немного.

— Вы, кажется, беседовали? Я не помешал?

— Ну, что вы, Константин Эдуардович... Это Володя Кучеренко, начинающий литератор, — представляю я юношу.

Циолковский протягивает руку и спрашивает:

— В пору моей молодости некоторые сверстники подражали Байрону, вернее, лермонтовскому Печорину и напускали на себя мрачность. Почему вы так мрачны, молодой человек?

Кучеренко малиново краснеет. Я прихожу на выручку:

— Он написал рассказ. Послал в Москву. Третью неделю нет ответа.

— Третью неделю? — шутливо переспрашивает Циолковский. — Ай-ай-ай!

— Мне припомнилась история с одной моей рукописью, — продолжает Циолковский. — Начало истории относится к концу прошлого века. Я тогда бился над проблемой межпланетных полетов, вернее сказать, над прорывом в межпланетное пространство, что, естественно, требовало многих и очень не простых вычислений. И посетили меня невеселые мысли: если я опубликую свои вычисления и выводы, кто их поймет? Кто им поверит? Кого они двинут к действию, к осуществлению моих идей? А ведь без этого мои труды не что иное, как играение праздного ума, фантазии, выдумки провинциального чудака, годные, разве, для острот и карикатур. Вот тогда-то и явилось у меня желание сказать о необычном деле словами, всем доступными. А что это такое? Это, конечно, беллетристика. Дай, думаю, напишу повесть, не боги горшки обжигают. И написал повесть, точнее сказать, десять глав повести, потому что на одиннадцатой главе работу по многим причинам прекратил. Название у нее

было «Без тяжести», потому что я всю сознательную жизнь, мне думается, посвятил борьбе с тяжестью, с барьером земного притяжения, делающего нас, жителей Земли, рабами.

— Я склонялся к мысли, что прыжок в заатмосферную среду можно осуществить только усилиями международного содружества ученых. В повести я и описал такое содружество. Посудите сами! В замке, где-то между скалистыми отрогами Гималаев живут шестеро ученых — англичанин Ньютон, француз Лаплас, немец Гельмгольц, американец Франклин, итальянец Галилей и, наконец, русский Иванов. Не подумайте, что я не смог найти равное иностранцам имя русского ученого, — нет! — таких имен у нас, у русских, много, достаточно назвать Ломоносова, Менделеева.

Я хотел сказать, что Россия в самых своих демократических слоях растит будущих деятелей науки. Так вот эти представители разных народов ищут пути в космос. Когда Иванов излагает свой проект выхода в свободное пространство, американец его прерывает и, как, подобает заокеанским грубиянам, заявляет, что это, черт подери, не ново, что это наверняка гигантская пушка, из которой выстрелить в космос невозможно. Его поддерживает меньшей англо-саксонский собрат. «Мы, — говорит он, — давным-давно это обсудили и отвергли». А русский — прошу вас заметить — не волнуется, не пикируется, а спокойненько разъясняет: «Пожалуй, я и придумал пушку, но пушку, летающую, с тонкими стенками, пускающую вместо ядер газы. Слышали вы про такую пушку?

Самый искренний из присутствующих — француз — схватился за голову: «Ничего не понимаю!». А Иванов, обведя глазами своих собратьев по науке, говорит: «А дело просто — я говорю про подобие ракеты».

Мы сидим и слушаем, как замороженные, а Константин Эдуардович грустен, его томят давние печали, он где-то в давних годах, когда ни меня, ни Кучеренко и на свете не было...

— Шли годы. Неоконченная повесть лежала. Во время русско-германской войны петроградский издатель Сойкин откуда-то прослышал о моей, как он полагал, фантастической повести. Он предложил мне закончить ее, чтобы опубликовать в журнале «Природа и люди». Я согласился.

Только после революции, в 1918 г., начиная с январского номера журнала стала она печататься. К тому времени я подверг ее решительной переработке в связи со своими новыми изысканиями в области звездоплавания. Даже название повести мне показалось сухим, и я изменил его. Она стала называться более поэтично — «Вне Земли». В апреле 1918 г. журнал «Природа и люди» закрылся.

— А повесть? — вырывается у Кучеренко.

— Недопечатанная повесть пролежала в письменном столе еще два долгих года. Только в 1920 г. при энергичном содействии моего друга Ассонова краеведческое общество Калуги издало повесть «Вне Земли» полностью и отдельной книжкой. Вспомните-ка то время. Разруха, голод всяческий — хлебный, сахарный, дровяной, бумажный. Бумага на моей книжке серая, рыхлая, непривлекательная, печать неяркая, тусклая, обложка из оберточной бумаги, а тираж — мизерный — теперь о таких тиражах и не слышно — триста экземпляров! А мне она и такой была дорога. Ведь это была первая книжка, выпущенная мной при советском строе.

Кошу глаза на Кучеренко и вижу: сидит он красный, как рак, безмолвно принимая жизненный урок у Циолковского.

Подумать только — от написания книжки до ее издания — почти четверть века. Нет, Циолковский, конечно, не считал нормальным такой путь книги от автора к читателю, но и обиду Кучеренко, не получившего ответ из редакции, он считал необоснованной. Ведь даже письмо из Калуги в Москву шло тогда дня четыре.

...С тех пор прошло 40 лет. В фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, как драгоценность, хранится книжка Циолковского «Вне Земли». На обложке рукой гениального русского ученого Константина Эдуардовича Циолковского написано: «К. Циолковский. Государственной публичной библиотеке. 1933 г. 22 сент.». И добавлен адрес: «Калуга, ул. Циолковского».

Книга, поразившая Горького

В книжном шкафу, на полке с самыми дорогими для меня книжками, стоит книжка-крошка. В ней, изданной двухтысячным тиражом, всего 33 странички. Почему 33?

Да потому, что на третьей сторонке обложки напечатан текст. На первой странице обложки цвета топленого молока значится: «К. Циолковский. Причина Космоса. (Конспект. Август, 1925 г.) (С добавлением отзывов о «Монизме вселенной» и ответов на вопросы по поводу этой книжки). Калуга, 1925».

На титульном листе без заглавия прямо начинается текст, здесь же синими чернилами сделана дарственная надпись: «Многоуважаемому товарищу Конст. Никол. Алтайскому от автора. К. Циолковский. 15 ил. ¹ 1928 г.».

Помню, как протягивая эту книжку, Константин Эдуардович сказал: — Прошу вас, тезка, не показывайте эту брошюру никому. Нашлись люди, которые считают, что я проповедую заведомый идеализм. Это бездоказательно. Я — материалист, всегда и везде материалист, и в этой книжке тоже. Готовлю ответ моим критикам. А спорить на ходу, накоротке не имеет смысла.

Это было 15 июля 1928 г., а месяцем раньше я встречался в Москве с Алексеем Максимовичем Горьким, и он, расспросив меня о Циолковском, сказал (я скорописью записал его слова в блокнот):

— Удивительно много талантливых людей дала миру Россия. Во всех областях жизнестроительства. Лев Толстой, Чехов. А Федор Шаляпин! Или возьмите Менделеева, Павлова. Труд их нужен всему миру, всему человечеству. Вот и Циолковский! Давно слежу за этим человеком. Поражает его целеустремленность и подвижничество. По-настоящему его оценят много позже. Нам, современникам, трудно представить, что он сделал для человечества. Не говорю о межпланетных ракетах — ведь, это прометеево деяние! — сколько он еще всего навыдумал: цельнометаллический дирижабль, самоуправляющее устройство на самолете, сверхскорый поезд. Вагон движется не по рельсам, а на тонком слое воздуха. Фантастика! А оказывается, все основано на точных расчетах. И о сознательных существах других Галактик он имеет очень решительное суждение. Читал его книжку «Причина космоса». Там он прямо говорит, что «заселенная вселенная есть абсолютная истина». Там же высказывается мысль,

¹ К. Э. Циолковский «июнь» записывал сокращенно «ин.», а «июль» — «ил.»

что кроме миров, подобных Земле, возможны миры иных плоскостей и иных размеров. Гениальный мужик!».

Записывая горьковские слова, я понял, что книжка Циолковского поразила, может быть, самого большого книголюба и книгочия, каким был Горький.

Позже мне стало известно, что в письме из Сорренто Алексей Максимович писал К. А. Федину:

«В Россию еду около 20 мая². Сначала в Москву, затем вообще. Обязательно в Калугу. Никогда в этом городе не был, даже как будто сомневался в факте бытия его, и вдруг оказалось, что в этом городе некто Циолковский открыл «Причину Космоса». Вот Вам!».

Живший в Калуге друг Горького, педагог С. В. Шербаков, прислал мне выписку из только что полученного им из Сорренто письма от Горького:

«Разумеется, я приеду в Калугу, и мы посмеемся за чаем. У вас, кстати, некто Циолковский открыл — наконец! — «причину космоса», так мы и его чай пить пригласим, и пусть он покажет нам эту причину, если она имеет вид приличный. Ты, Сергей Васильевич, тоже когда-то причину эту в трубу, на звезды глядя, усердно искал, так что Циолковского, наверное, знаешь. Любопытный, должно быть, народ калужане, если они способны такие причины открывать».

«Причина Космоса» начинается словами: «Нельзя читать это, не прочитав мою книжку «Монизм вселенной». «Причина Космоса» как бы продолжает «Монизм вселенной», да и написана, вероятнее всего, в ответ на множество читательских писем о монизме, полученных Циолковским.

Передав слова Горького о книжке «Причины Космоса», я спросил Циолковского:

— А вы послали Горькому «Монизм вселенной»?

Константин Эдуардович немного подумал и вдруг заворчал сам на себя:

— Память стала тупеть. Ведь что получилось? «Причину Космоса» послал, а «Монизм» нет. А ведь без «Монизма» «Причины Космоса» и не понять, сложится у человека превратное впечатление. Как же это я, греховодник, послал конец без начала? Надо исправить оплошность...

² 1928 г.

Больше к этому разговору не возвращались.

Прошли годы, и уже после смерти Циолковского, в Москве, в горьковском музее я увидел книжку «Монизм вселенной» с такой надписью: «Дорогому писателю и мыслителю М. Горькому от автора. 1928 г. 24 окт.»

Значит, Циолковский исправил свою оплошность.

Москва, 1972

Б. ШИПЕРОВИЧ

СПАСЕНИЕ КНИГ

В первых числах марта 1945 г. наши войска с боями подошли к Штольпу — второму по величине городу Восточной Померании.

После упорных боев ночью мы ворвались в Штольп. В городе начались пожары. Штольп напоминал огромный пылающий факел. Отряды смертников, засевшие в домах и на крышах, затрудняли продвижение советских частей. Ожесточенная борьба шла за каждую улицу, каждый дом.

Неожиданно пронеслась весть:

— В Штольп прибыл Рокоссовский!

В ту же ночь я был послан на командный пункт. Константин Константинович Рокоссовский выглядел бодрым и спокойным. Его приказания были короткими и четкими. Свободно ориентируясь, даже не глядя на карту, он называл разбитые на квадраты улицы города, где шли бои, и ставил перед каждым командиром боевую задачу.

— А что это горит справа от Биркеналлеи? — спросил маршал.

— Городская библиотека... — доложил кто-то из командиров.

— Почему не тушите?.. Немедленно ликвидируйте пожар... Библиотеку надо спасти...

Пожар в Штольпе беспокоил Рокоссовского. Он хотел во что бы то ни стало спасти город от разрушения. Штольп славился не только библиотекой, в которой хранились первые издания гравюр Дюрера и ценные книги, но и музеем, памятниками старины, архитектурными ансамблями.

Разрабатывая замечательные с точки зрения военного искусства операции, Рокоссовский всегда стремился сохранить города. В древнем польском городе Торунь — родине Коперника — фашисты превратили старинные замки, монастыри, костелы, узкие средневековые улицы в опорные пункты. Проведенная Рокоссовским операция по ликвидации вражеского гарнизона спасла город от бессмысленного разрушения. Он и по сей день пленяет своей красотой. И если в ходе жестоких сражений удалось спасти от гибели такие города, как Штольп, Гдыня, Лигницу, Торунь и десятки других, то этим мы обязаны прежде всего Константину Константиновичу Рокоссовскому.

Начальник политотдела дивизии подполковник Иванов приказал мне отправиться с бойцами, которым поручено спасти библиотеку от огня, — я должен был написать об этом очерк в газету.

...К библиотеке пробирались с большим трудом. Фашистские снайперы, засевшие на крышах домов, кирхах и колокольнях, не давали поднять голову. И все же бойцы прорвались и вступили в поединок с огнем. Пожар был ликвидирован. Когда пламя угасло, вокруг стало особенно темно. Только на небе тускло мерцали звезды, сквозь мрак ночи неясно проступали очертания спасенной библиотеки...

* * *

В мае 1945 г. редакция газеты была расформирована, а нас, ее сотрудников, направили в «резерв» фронта. Он помещался в небольшом немецком городке Дейч Лисса и занимал четырехэтажный дом, чем-то напоминавший казарму. Во дворе стояли еще два небольших домика, в которых размещались столовая и клуб. Несколько коттеджей были расположены в глубине старинного парка.

Стояли жаркие солнечные дни, а в парке было прохладно и тихо. Однажды, гуляя по парку, я увидел наших офицеров. Один из них с увлечением читал вслух какую-то книгу:

«Он порывисто схватил ее руку, и глаза его, полные страстной мольбы, не отрывались от ее глаз. Горячими устами он прижался к нежной трепетавшей руке. Как я люблю вас! Безумно!...».

Я подошел к майору, взглянул на обложку: Княгиня Бебутова. «Улыбки счастья». Это был один из бульварных романов, которые выпускались на потребу мещанскому вкусу в буржуазной Латвии.

— Откуда у вас эта книга? — поинтересовался я.

— Как откуда? А разве вы не знаете? — ответил майор. — У нас при клубе открылась библиотека.

Я тотчас же пошел в клуб. В комнате действительно произошли перемены. Появились книжные шкафы и два столика. Возле окна, погружившись в чтение, сидел назначенный на должность библиотекаря младший лейтенант. В одном из шкафов лежали старые журналы и брошюры библиотечки «Советский воин». Но содержимое другого шкафа привело меня в трепет. Я не поверил своим глазам. На двух верхних полках стояло десятка два книг. На корешках изданий блестели тисненные золотом названия: «Стихи о прекрасной даме» А. Блока, «Далекie и близкие» Валерия Брюсова, «Пламенный круг» Федора Сологуба... И тут же — несколько книг Бласко Ибаньеса, Клода Фарера, Уильяма Локка.

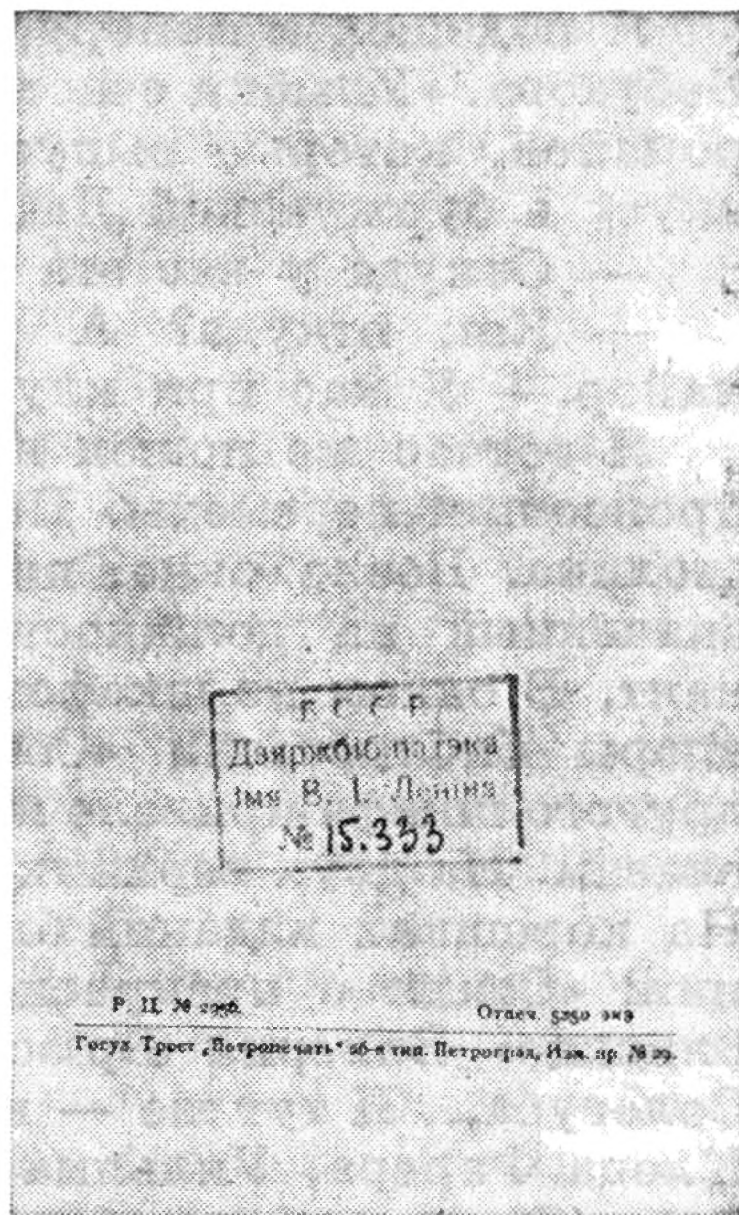
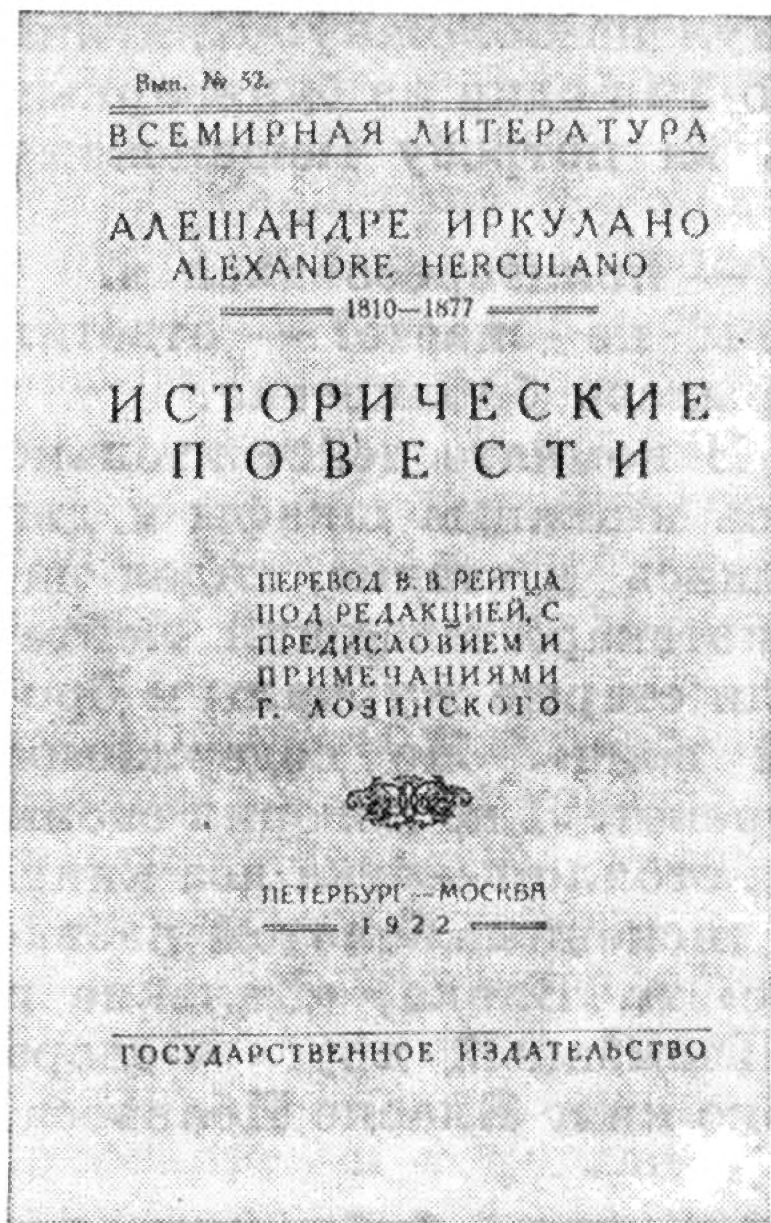
— Каким образом появились в нашей библиотеке эти книги? — спросил я.

Младший лейтенант пожал плечами:

— Право, не знаю... Вчера два офицера привезли несколько пачек книг.

Поблизости было два больших города — Бреслау (ныне — Вроцлав) и Катовицы. Может быть, книги оттуда? Скорей всего наши товарищи обнаружили их именно там.

Утром на попутной машине я выехал в Бреслау. Город сильно пострадал. Дома лежали в развалинах. Каким-то чудом уцелела старая часть города со знаменитой ратушей XIV в., старинными домами и кирхой. На старой площади, выложенной булыжником, было оживленно. Открылись лавочки, появился даже антикварный магазин, в котором за килограмм крупы можно было получить фигурные часы, а за джемпер — старинную вазу. В витринах стояли фарфоровые и медные статуэтки Наполеона. И, конечно, слоны всяких размеров... Но самой, пожалуй, удивительной была книжная лавка. Книг в ней было мало, однако это, видимо, не очень огорчало владельца. На прилавках и на полках были выставлены Верлен, Ронсар, Расин, некоторые из них были переплетены в

Титульный лист и последняя страница книги,
украденной фашистами из минской библиотеки им. В. И. Ленина

кожу, другие — в обычные переплеты. Странное впечатление производила эта лавка в разрушенном городе. Не хватает продуктов, вещей, а тут редкие издания Верлена! Из разговора с местными жителями я понял, что книги в лавку попали случайно. В Бреслау не уцелели ни книжные магазины, ни книгохранилища, а о частных коллекциях и говорить нечего. Значит, нужно искать тайники с книгами в другом городе, скорее всего, в Катовицах. На следующий день я выехал туда.

Катовицы — большой промышленный город. Он растянулся на многие километры и как бы рассечен надвое одной, нескончаемо длинной и широкой улицей.

В центре города шла бойкая торговля американскими сигаретами и различными консервами. У дверей лавок висели связки копченых рыб и дичи. В других лавочках предлагался большой выбор галстуков и сорочек. Здесь я увидел книжные лавки и небольшие развалы возле них.

Среди дешевых польских изданий на прилавке лежали потрепанные сборники стихов Марии Конопницкой и Адама Мицкевича, романы Жеромского и Крашевского. Среди этих книг я увидел и книги на английском и французском языках. Это были издания 20-х годов в изящных цветных кожаных переплетах с иллюстрациями известных французских художников — Паскэна, Куртелина, Лабурдэ и других. Снова возник вопрос: как могли попасть сюда эти книги?

Не буду утомлять читателя описанием долгих скитаний по городу и его окрестностям. Скажу только, что в конце-концов мне удалось отыскать на окраине города книжный «источник» — два огромных ангара...

То, что представилось моим глазам, когда я вошел в ангар, не поддается описанию. Сотни, тысячи ящиков с книгами громоздились один на другом. Мне никогда не приходилось видеть столько книг. Ящики были уложены по определенной системе. На них стояли цифры и какие-то знаки. Узкие дорожки, оставленные между ящиками, образовывали разветвленные в разные стороны лабиринты и обеспечивали доступ к каждой группе ящиков. Больше часа я бродил по этим узким проходам. Я видел ящики с отодранными по бокам дощечками, из которых выглядывали корешки старинных книг, инкунабулов, изданий XVI, XVII вв. Из других вывалились на пол десятки книг — древнееврейские, славянские, латинские. Раскрыл одну из книг и вижу — печать Белорусской Академии наук. В одном из ящиков — все книги серии «Всемирной литературы», выходившие в 1920-е годы в Петрограде при непосредственном участии А. М. Горького. И на них — печать Минской библиотеки им. В. И. Ленина. Нет уже никаких сомнений, что книги вывезены фашистами из Минска! Вероятно, и в других ящиках лежат книги из городов Советского Союза — Киева, Львова, Одессы...

Уже в апреле 1941 г. Розенберг тайно готовил специальные команды, разрабатывая планомерный грабеж культурных ценностей из Советского Союза. Здесь, на складе, можно было убедиться, как осуществлялась эта фашистская акция. Делалось все по-немецки тщательно и аккуратно. Каждая книга обертывалась в специальную гофрированную бумагу. Внутри ящики были обиты картоном. И не удивительно, что книги отлично сохранились.

Об обнаруженных в Катовицах книгах доложили К. К. Рокоссовскому.

По заданию начальника политуправления генерал-лейтенанта А. Окорокова я выезжал в Катовицы несколько раз. Кроме книг, вывезенных фашистами из Минской Академии Наук и Библиотеки им. В. И. Ленина в Минске, были обнаружены книги из русских, польских, чехословацких и других городов. Все они по приказу К. К. Рокоссовского были возвращены их владельцам. Русские книги без штампов библиотек были переданы Дому офицеров при ставке Командующего группой войск.

После Катовиц нам удалось обнаружить еще один тайник с награбленными книгами. Он был в бывшем охотничьем поместье Геббельса. Сколько таких тайников было разбросано по Германии! В одних хранились книги, в других — картины; размеры награбленных ценностей из всех стран Европы и Советского Союза не поддаются учету. Известно, что у Гитлера и Геринга была страсть к картинам, а Геббельс «собирал» и книги, и картины. Алчность этого идеолога фашизма была безгранична. Только в одно охотничье поместье Геббельса было завезено два эшелона книг.

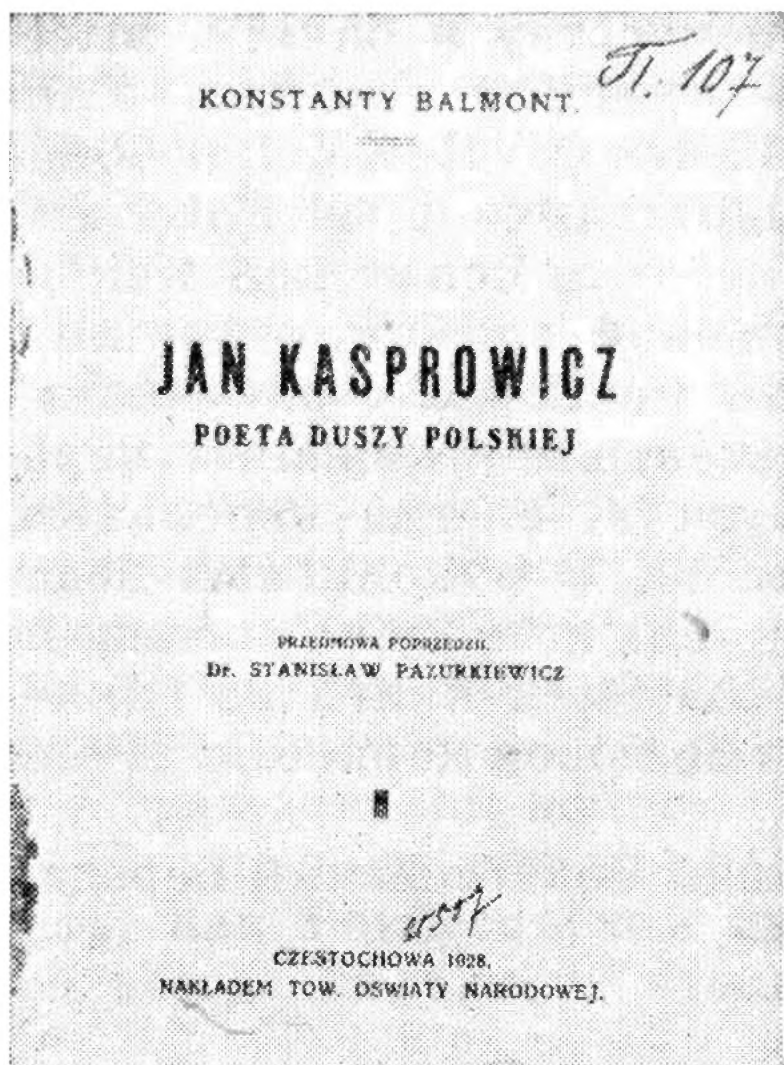
Отыскать тайник Геббельса помог случай. Как-то я увидел в кабине у нашего шофера несколько наклеенных книжных иллюстраций. Все, кто оставался после войны в Германии, помнят, что шоферы любили украшать свои машины всевозможными картинками и безделушками. Наш шофер тяготел к «изобразительному искусству». Понравились ему «Купальщицы» и портрет Самари Ренуара.

— Откуда у тебя эти рисунки? — спросил я.

Он рассказал:

— Дня два назад ехал к себе в часть. Остановился в каком-то имении, чтобы проверить мотор. Зашел в сарай, а он весь заставлен ящиками с книгами. Многие валялись на полу. Ну, я поднял одну и вырвал несколько картинок...

Поместье, куда мы приехали с майором А. Крамаренко, не отличалось пышностью. Высокий двухэтажный кирпичный дом с продолговатыми окнами и островерхой черепичной крышей ничем не отличался от таких же строений, разбросанных по всей Германии. В доме было несколько

Титульные листы книг, украденных фашистами
в библиотеках Варшавы

комнат. Внизу — холл, из которого на второй этаж вела широкая лестница. На стенах висели охотничьи трофеи: кабаньи головы и рога оленей.

Сквозь узкие, высокие окна с цветными витражами пробивался мертвенно тусклый свет. Мы вошли в совершенно пустую комнату. Только на небольшом столике красного дерева с перламутровыми инкрустациями валялось несколько приключенческих книг и старенькая небольшая книжка Ницше «Так говорил Заратустра».

Из окна открывался вид на старый парк с огромными липами и дубами. Кое-где высились темно-зеленые ели с широко распластанными тяжелыми ветвями. Из окна другой комнаты был виден пустой, грязный двор с длинными приземистыми постройками.

Мы спустились вниз и направились к сараям. С трудом отворили широкие ворота. Сарай был забит ящиками, на которых стояли цифры и буквы. Ящики с пометками «Н» означали: «новые» книги, а ящики с пометками «А» — «старые». Мы вскрыли один ящик. Там были книги серий «Пингвин бук» и «Альбатрос». Было их очень много. В дру-

гих ящиках лежали книги по искусству и балету, вывезенные из книжных магазинов крупных городов. Уникальные издания, рукописные книги XVI, XVII и более ранних веков были упакованы отдельно в специальные ящики. Там лежали книги по истории испанской инквизиции на испанском и португальском языках, старинные календари и альманахи, альбомы костюмов с рисунками, раскрашенными от руки. Пергаментные и кожаные переплеты сохранились отлично. Бумага, слегка пепельного оттенка, не пожелтела от времени. В рукописных изданиях чернила на отдельных страницах несколько поблекли. В этих же ящиках с пометкой «А» были книги по экклезиастике, поэтические антологии большой давности. И они прекрасно сохранились...

Книги эти впоследствии маршал Рокоссовский передал Польской Народной Республике.

* * *

В заключение мне хочется поделиться с читателями впечатлениями о маршале Рокоссовском как любителе книг.

Впечатления мои, конечно, не претендуют на полную характеристику его книжных запросов, однако, если они прибавят некоторые черты к портрету прославленного советского полководца, цель моя будет достигнута.

К. К. Рокоссовский часто пользовался услугами нашей библиотеки. Обычно он посылал списки необходимых для него книг со своим адъютантом. В запросах Рокоссовского видна широта кругозора, разносторонность знаний и большая культура. Его интересовали история России и Французская революция, вопросы философии и истории военного искусства, художественная литература, начиная от античных времен до наших дней.

Нам, работникам библиотеки, нередко приходилось трудновато. Не всегда у нас оказывались книги, которые просил маршал, и мы обращались за помощью в межбиблиотечный абонемент, посылали заказы самолетом, и книги поступали к нам довольно быстро. Среди просьб маршала были заявки на «Записки» Дениса Давыдова о партизанской войне, сочинения Драгомирова. Однажды ему понадобился сборник сочинений Маркса и Энгельса о

войне. Однако специальных книг по военному делу Рокоссовский почти не выписывал. Его интересовали мемуары дипломатов, политических, военных и общественных деятелей. Так, он попросил подобрать ему мемуары Талейрана, Фуше и Наполеона, а несколько позже прислал заказ на книги Пуанкаре, Ллойд Джорджа и Черчилля, выходявшие в 20-х и 30-х годах. Его интересовали также записки Кемаль Паши «Путь новой Турции» и воспоминания Кони. Любил Рокоссовский и художественную литературу — русскую и иностранную, и в частности польскую. Маршала интересовали произведения советских писателей 20-х годов и воспоминания, посвященные гражданской войне.

Из этого, далеко не полного, перечня не трудно заключить, как Рокоссовский любил книгу. В свободные часы его всегда видели за чтением.

Москва, 1971

КНИГА

*Книга, как птица,—
Может весь мир облететь.
Книга — царица —
Может сердцам повелеть.
Книга — богиня —
Чудо свершает порой.
Книга — рабыня —
Часто проходит сквозь строй.*

К. Баришевский
1915 г.

В. МАНУКЯН-МЕТЛЯЕВ

ИЗ КНИГ, СПАСЕННЫХ В БЛОКАДУ

«Это гимн ленинградцам,— опухшим, упрямым, родным. Я отправлю от имени их за кольцо телеграмму: «Живы. Выдержим. Победим»

Так писала Ольга Берггольц в декабре 1941 г. Не все остались живы. Но те, кто остался,— выдержали. Победили. С каждым годом становится все меньше людей, которые пережили то страшное время. Тем бóльшую ценность представляет каждое новое воспоминание свидетелей блокадных дней.

У ленинградца Леонида Осиповича Мисюка скромная профессия. Он — переплетчик. Он очень любит книги и собирает их со страстью библиофила. Особенно дороги Леониду Осиповичу книги, пережившие с ним блокаду. В то время Лене Мисюку было 12 лет. И 30 лет спустя Леонид Осипович до мельчайших подробностей помнит тот зимний день, когда он на санках перевозил книги из разрушенного дома. Это было после памятной для ленинградцев бомбежки, когда фашисты подожгли американские горы в ЦПКО. В этот же день бомба попала в дом, где жила семья Лени. Путь мальчика лежал от 14-й линии Васильевского острова через мост Лейтенанта Шмидта на Невский, 82.

«Скрипят, скрипят по Невскому полозья.

На детских санках, узеньких, смешных,

В кастрюльках воду голубую возят,

дрова и скарб, умерших и больных...»

Была метель. Дул сильный ветер. Мальчик выбился из сил. Остановился. Дальше идти он не мог. Он сел на санки. Рядом лежали книги. Книги, которые он так лю-

бил. Ему вспомнился любимый капитан Немо, храбрый Айвенго. Он взял первую попавшуюся книгу. Это был Пушкин.

«Но близок, близок миг победы.

Ура! мы ломим; гнутся шведы.

О славный час! о славный вид!

Еще напор — и враг бежит ...»

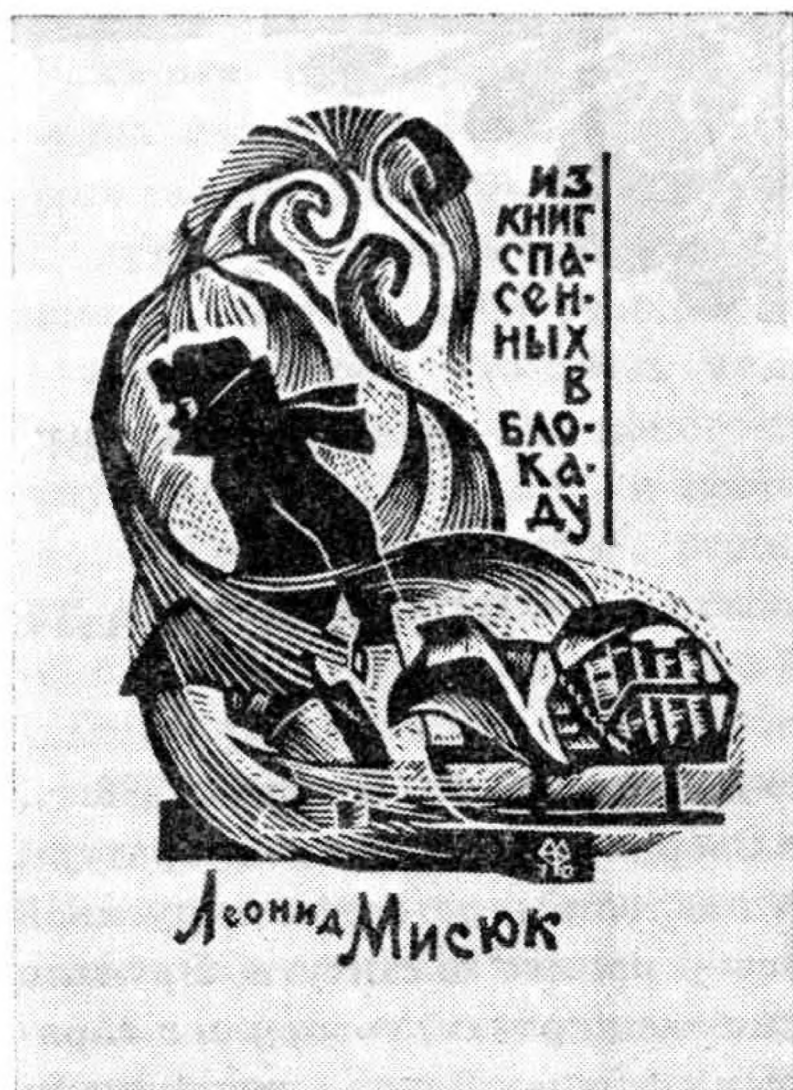
Нет, он не мог бросить книги. Он не мог без них жить.

Когда Леонид Осипович смотрит на полку с книгами, у него перехватывает дыхание. Друг, который помог пережить тяжелое время, — лучший друг. Такими друзьями для Леонида Осиповича являются несколько книг, которые он спас в блокаду. Но

ведь и книги его спасли от смерти, они поддержали его угасающие силы и вселили надежду на победу.

Художник Филипп Федорович Махонин был очень взволнован рассказом Мисюка, и ему захотелось сделать что-то доброе этому скромному человеку. Так появился экслибрис для книг, спасенных в блокаду: страшная метель, ее порывы похожи на языки пламени, которые охватывают мальчика, везущего санки с книгами.

Осенью 1970 г. в Будапеште проходил XIII Международный конгресс экслибрисистов. В дни конгресса на международной выставке «Современный экслибрис» ленинградских художников, работающих в области книжного знака, представлял Ф. Ф. Махонин. На выставке экспонировался экслибрис «Из книг, спасенных в блокаду», исполненный для Леонида Мисюка.

Экслибрис Л. Мисюка работы художника Ф. Махонина

ЕВГ. ПЕТРЯЕВ

ДРУЗЬЯ УРАЛЬСКОГО БУКИНИСТА

Давным-давно, в июне 1938 г., в Свердловске, в Доме литературы и искусства состоялся выпускной вечер нашего института. Вручали дипломы врачам, говорили о горящем сердце Данко, вспоминали Чехова и Вересаева.

Среди немногих посторонних на выпускном вечере оказался букинист Алексей Николаевич Шарнин, высокий грузный, пожилой человек. Некоторые из нас — бывших студентов — близко знали «Магистра», частенько заглядывали в его книжный «зауток». По эгоизму молодости мы тогда как-то мало ценили его дружеские советы и его помощь в книжных поисках.

В отличие от других местных букинистов Шарнин имел неплохое по тем временам образование — окончил городское училище. Почти четверть века он работал слесарем в железнодорожных мастерских (на «Монетке»), а в начале 20-х годов открыл на Зеленом рынке, недалеко от «Монетки», своего рода книжный клуб — очень уют-

ную лавку. В ней преобладала серьезная книга: художественные издания, словари, атласы, капитальные научные труды, собрания сочинений, гравюры в листах и альбомах. Шутливое прозвище «Магистра» он получил в самом начале книжного пути, когда принимал участие в пополнении библиотеки молодого Уральского университета.

В лавке Шарнина я бывал на протяжении десятилетия, еще учеником средней школы, а потом студентом, и не раз видел, с каким вниманием и доброжелательностью он встречал своих постоянных клиентов: краеведов В. П. Бирюкова и Л. М. Хандроса, библиографа П. П. Макарова, энтомолога Ю. М. Колосова, врача В. А. Ляпустина, директора бактериологического института Н. И. Грязнова, зоолога В. О. Клера, поэта В. В. Буйницкого, психиатра и художника Г. В. Сегалина, фотографа В. Л. Метенкова, географа А. А. Афиногенова и других друзей-книжников.

Сейчас каждый из них — своеобразная страница истории культурного прошлого Урала.

Беседы книжников у Шарнина всегда привлекали молодежь. Иной раз мы не только задавали вопросы, но и осмеливались спорить.

С особенным почтением «Магистр» относился к Н. И. Грязнову. Они обстоятельно обсуждали новые книжные поступления, толковали об офортах, переплетах и экслибрисах. Николай Иванович Грязнов (1876—1952) был крупным ученым. Окончив химический и медицинский факультеты Московского университета, он работал в Гейдельберге и Париже (у И. И. Мечникова в Пастеровском институте). В Париже ему привелось встречать Анатоля Франса, и с тех пор Франс стал его любимым писателем. Как библиофил Николай Иванович не стремился к полноте своего собрания, а старался найти лишь «эталон» — характерный образец интересовавшей его литературной и художественной темы.

Большой раздел библиотеки Н. И. Грязнова занимали сочинения А. Франса, Тэна, Ренана и других французов, затем шли античные и русские классики. Многие книги имели автографы ученых — друзей и учеников Николая Ивановича: академиков В. Л. Омелянского, С. В. Гулевича, П. П. Лазарева, профессоров В. А. Вагнера (о психологии животных), Е. С. Лондона, Л. А. Тарасевича.

Однажды летом в лабораторию Грязнова, в которой я тогда работал лаборантом, явился с большим мешком книг весьма нервный и худой человек в широченной шляпе. Назвав себя Марцишевским, он сказал, что очень нуждается в средствах для какого-то «курководческого опыта», и поэтому, по совету «Магистра», решил предложить нам «сливки» из своей библиотеки. Среди книг, принесенных Марцишевским, было много интересного. Потом мой бюджет хромал добрых полгода. Николай Иванович тогда приобрел многие сабашниковские издания.

Некоторые книги пришлось купить только чтобы их спасти. Сыновья нашего куровода использовали, например, толстенный том «Истории» Фукидида как мишень. Мелкокалиберные пули пробили всего десяток другой страниц, но книга погибала. Мы долго потом залечивали эти раны.

При содействии «Магистра» сокровища Марцишевского вскоре перешли в понимающие руки. Так, В. В. Буйницкий приобрел комплекты «Аполлона», «Золотого руна» и других журналов, литографированные портреты и альбомы рисунков.

Помимо торговли старыми книгами, Шарнин пытался заняться издательским делом. Вначале он выпустил сборник стихотворений Вл. Буйницкого «Осеннее» (Екатеринбург, 1922). Имя это уральцы хорошо знали. В 900-х годах Буйницкий имел в Екатеринбург-

ге небольшой книжный магазин, но вскоре занялся журналистикой. Он деятельно сотрудничал в местной периодике 1910—1917 гг. («Заря жизни», «Зауральский край» и др.) публикуя рецензии, обзоры новой литературы, фельетоны и стихотворения. Отдельным изданием вышла его поэма «Гимн духу» (Екатеринбург, 1918).

Буйницкий считал себя «поздним символистом». Пессимизм и сугубая интимность его стихов не привлекали нового читателя. Тираж сборника «Осеннее» оказался избыточным, и книжка мелькала на витрине Шарнина почти десять лет. Ярко-зеленая — майская — обложка совсем не соответствовала названию сборника и его содержанию. Поэтому для библиофилов Шарнин заказывал особые экземпляры — в переплете, с чудесными акварельными миниатюрами художника И. К. Слюсарева. Таких экземпляров было не более десятка.

В дальнейшем Буйницкий издал (уже самостоятельно) сборники «Я — распятый...» (1924, 64 с., 500 экз.) и «В предвечерний час» (1927, 64 с., 300 экз.). Книжки расходились плохо.

К началу 30-х годов разошлась, вероятно, только половина тиража сборников, а сейчас они — большая редкость. Первую книжку Буйницкого не смог найти даже такой собиратель, как А. К. Тарасенков.

Как-то Шарнин принял на комиссию довольно большую партию

французских книг. Это была, кажется, часть библиотеки О. Е. Кле-ра — основателя и руководителя знаменитого Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Тут находилось несколько томов известного руководства для библиофилов Эд. Рувейра (Париж, 1899), сборник Фернана Фертио «Влюбленный в книгу» (Париж, 1877), каталоги антикваров и проч. Тогда Н. И. Грязнов приобрел книгу Фертио, которую хвалил Анатолий Франс. Действительно, книга содержала много любопытного, Фертио считал библиофильство почти вероисповеданием, ссылаясь на массу примеров. На странице 211 он приводил афоризм Физельера из книги «Жюль Жанен и его библиотека» (Париж, 1874): «Чувать инстинктом ищейки — под грязной кожей или покоробленным пергаментом — запах ума или просто рассудка, знания или здравого смысла, которым пропитаны эти старые страницы, находить сразу именно то, что должно нас просвещать, интересоваться или только лишь нравиться, обнаруживать, не ошибаясь ни одним листом, самое ценное место этой заброшенной ветхой книги, где хранится искомый урок, ожидаемое утешение, озаряющий факт или волнующее слово. Вот это краеугольный камень библиофильства» (перевод Н. И. Грязнова. — *Евг. П.*).

Шарнин хотел выпустить нечто вроде «Справочника библиофила».

Для этого сборника В. П. Бирюков, Ю. М. Колосов, кое-кто из молодежи и сам Шарнин разыскивали книжные редкости, Н. И. Грязнов подбирал афоризмы о библиофилах, В. В. Буйницкий и И. К. Слюсарев готовили иллюстрации, В. Л. Метенков и Ф. Ф. Семенов составляли перечень изданных ими уральских видов и открыток. Но план издания никак не мог «созреть», и замысел не удалось реализовать.

Несомненной заслугой Шарнина было издание «Уральской библиотеки» — «для желающих изучать Урал в естественно-историческом, географическом, бытовом и хозяйственном отношении». Так объяснял свою задачу Шарнин в предисловии к первой — и единственной — книжке. Автор ее, С. А. Груздев, убедительно доказывал, что краеведение — необходимый способ общей работы всех местных интеллектуальных и хозяйственных сил ¹.

У Шарнина новая научная и краеведческая литература начала вытеснять с полок старую книгу. Менялись и запросы покупателей, явно предпочитавших «пользу» «красоте».

Постоянный клиент Шарнина натуралист Ю. М. Колосов принялся за собирание... журнальных оттисков по энтомологии. Затем, пополняя каждый оттиск

биобиблиографией, портретом и письмом данного автора, Колосов постепенно создал уникальную коллекцию. Судьба ее пока неизвестна. В 1927—1929 гг. Колосов издавал еще «Энтомологический паноптикум». Эти небольшие брошюры (мне известно два выпуска, но их было больше) выходили с весьма язвительными эпиграфами, в том числе из Евангелия от Луки: «Горе вам, книжники и фарисеи, что вы взяли ключ разумения: сами не взошли и входящим воспрепятствовали».

«Паноптикум» ставил задачей «разоблачение халтуры, проталкиваемой под видом научной литературы в широкие круги краеведов и энтомологов-любителей».

Надо заметить, что Колосов обладал не только широтой научной эрудиции, но и способностями острого полемиста.

В критических обзорах «Паноптикума» Колосов не щадил высоких чинов и академических званий. Очередной выпуск «памфлета» он сразу рассылал критикуемым и столичным специалистам, а оставшиеся экземпляры сдавал на комиссию Шарнину. Они быстро расходились, и теперь их даже на Урале не удастся найти.

В 30-х годах Шарнин стал книжным киоскером областного бюро краеведения. Он устроил «закуток» у входа в здание теперешней Уральской консерватории, а потом — около кинотеатра «Октябрь», рядом с табачным магазином. Ассортимент изменился, ста-

¹ Груздев С. А. Для чего и как нужно изучать Урал. Свердловск, изд. А. Н. Шарнина, 1928, 55 с.

рой книги почти не было, «Магистр» явно скучал и оживлялся лишь тогда, когда встречал в «закутке» друга-библиофила.

В эти годы Шарнина часто навещал Иван Васильевич Шишов. Как говорил сам «Магистр», никто из его клиентов не умел так почувствовать и оценить прелесть старой книги, как Шишов.

Выйдя из семьи бедного тульского крестьянина, И. В. Шишов с невероятным упорством пробился к высотам культуры. Студентом, в 20-х годах, он особенно близко познакомился с миром книги в богатейших развалах московских букинистов.

В Свердловске И. В. Шишов заведовал кафедрой фармакологии медицинского института. По квартирным условиям книг у него было сравнительно немного, но подобрал он их превосходно, и не только по специальности.

Отдав полвека преподавательской работе (1909—1959) И. В. Шишов ушел на пенсию и углубился в вопросы литературы и истории. Но закончить он успел лишь одну из глав задуманной монографии («Язык летописей о жизни и деяниях Ивана Грозного»).

Ежегодно он бывал на родине, в Тульской области. Заметив там на могиле писателя А. В. Сухово-Кобылина поваленный памятник, он решил его поднять и надорвался: произошло кровоизлияние в мозг, пострадала речь...

Мы повидались в апреле 1965 г. Говорили о многом, пересматри-

вали его книги. Среди них встретилась «История русского самосознания...» М. О. Кояловича (Спб., 1884) с надписью автора. «Это последний подарок „Магистра“, — пояснил Иван Васильевич. Оказалось, что букинист умер в середине 50-х годов. До самой смерти он старался порадовать друзей какой-нибудь книжной редкостью.

Рассказывая о памятнике Сухово-Кобылину, Иван Васильевич привел простые, но сильные слова П. А. Вяземского: «В наше время надобно мертвых ставить на ноги, чтобы напугать и усмирить живую наглость и отучить от нее ротозеев, которые ей дивятся с коленопреклонением».

Вскоре Иван Васильевич Шишов умер.

Последним на Урале издателем-частником оказался доктор Григорий Владимирович Сегалин. Это был subtilный, очень разговорчивый и общительный человек в больших очках и с длинными волосами. Он появлялся у Шарнина в мешковатой толстовке, с папкой, набитой рукописями, рисунками и гранками. Сегалин издавал журнал «Клинический архив гениальности и одаренности» (с 1925 г.) и кроме врачебно-литературной работы занимался живописью. Его картина «Дом умалишенных» (или «Жертвы войны») — во всю стену — пользовалась тогда шумной известностью. В молодости он учился живописи у художника Н. И. Фешина в Казани, но по-

том, окончив Берлинский университет, стал психиатром и с начала 20-х годов жил в Свердловске. Журнал посвящался «вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества». В год выходило четыре книжки, в которых чаще всего печатались работы самого редактора-издателя.

Выпуски «Клинического архива» стояли у Шарнина на полке вместе с другими уральскими изданиями. Журнал печатался в Свердловске, держался лишь энергией издателя, хотя приносил ему немалый убыток. Большая часть тиража расходилась за пределами Урала. Сегалин переписывался со многими выдающимися учеными и литераторами, в том числе с А. М. Горьким. «...Мне сначала хотелось ознакомиться с Вашим интереснейшим изданием. Условия, в коих оно зародилось и живет, напоминают мне — о другом провинциальном и тоже оригинальнейшем издании — о единственном у нас астрономическом календаре, издаваемом (в Нижнем Новгороде. — *Евг. П.*) вот уже четверть века. На Западе календарь этот знают и ценят, на родине — не очень», — писал Горький 4 марта 1929 г. своему корреспонденту.

«Архив» Сегалина на Западе приветствовали такие авторитеты, как Август Форель, Эрнст Кречмер, Вильгельм Ланге. С одобрением отнеслись к нему и отечественные ученые (Г. И. Россолимо,

В. М. Бехтерев, В. А. Гиляровский и другие). Почти каждая книжка (всего их было 19, последняя — «Эвропатология личности и творчества Льва Толстого» — вышла сдвоенной) встречалась с интересом, тираж поднялся с тысячи до тысячи двухсот экземпляров. Однако методологическая база журнала все годы оставалась весьма уязвимой, а некоторые статьи давали обильную пищу критикам и фельетонистам. В 1930 г. журнал закрылся, но Горький поддерживал с Сегалиным переписку. В одном из писем, которое мне показывал Сегалин, Горький, между прочим, сообщал, что во сне он не видит теней около предметов. Такая острая память на сны, как говорил Сегалин, явление крайне редкое.

В 1934 г. по рекомендации Горького Сегалина приняли в Союз писателей. Предполагалось также возобновление сегалинского «Архива», о чем писали и газеты².

...Прошло много лет. Мы встретились с Сегалиным в Публичной библиотеке в Ленинграде. Вспомнили земляков, особенно книжников, в том числе и «Магистра». Сегалин рассказал, что изучает проблему «предрака» и уже нашел, что важную роль в торможении опухолевого роста играет марганец. Навестив Сегалина (он жил на Васильевском острове), я увидел знакомые книжки «Архива», пор-

² «Уральский рабочий», 1934, 2 марта.

треты П. П. Бажова, В. А. Ляпустина и других уральцев. Показал Сегалин любопытный сборник откликов на «Архив». Одним из последних лежало письмо Романа Роллана (от 6 июня 1936 г.). Упоминая М. Горького, Роллан писал: «Он интересуется всеми областями человеческой деятельности: Вы могли бы найти в нем хорошего советчика и полезную опору...».

Рассказывая о старых друзьях и близких, Сегалин часто называл П. Л. Драверта — известного поэта и ученого (он был женат на сестре Сегалина) — и надеялся найти некоторые его рукописи в своем архиве, оставшемся на Урале. К сожалению, этот архив, видимо, погиб. Наша переписка продолжалась недолго: в 1960 г. в возрасте 77 лет Г. В. Сегалин умер.

Так один за другим заканчивали жизненный путь эти скромные люди, главной «слабостью» которых была книга. О них вятский поэт-книголюб Алексей Мильчаков — недавно безвременно умерший — сказал:

*Книг — золотой иконостас!
Тебе — глазища нараспашку,
Тебе — последнюю рубашку,
Тебе — последний жизни час!*

Время идет. Нет шарнинского «закутка» и многих его завсегда-таев. Их библиофильские радости давно забыты, а книги рассеялись по свету, но они сделали свое дело. Спустя десятилетия мы увидели, что незаметный букинист

внес в наши умы и души очень много света. Недаром М. Горький живо интересовался работой букинистов, помогал им. И отношение Горького к книге, особенно провинциальной, было неизменно внимательным. «...Я очень много вижу плохих книг, но — ни одной лишней, как не вижу и лишних людей, хотя знаю сотни плохих», — так писал он³.

Судьбы книг решал уровень культуры. Особенно незавидной была жизнь местных изданий, которые получали вес лишь после столичных отзывов. Надо было иметь уверенность, что неизбежно придет время, когда новые люди по-настоящему захотят узнать свой край, его «пророков» и выдающихся сынов, его культурное прошлое. Такой работой на будущее была деятельность Владимира Павловича Бирюкова — книжника, писателя, фольклориста. Почти 60 лет продолжались его неутомимые научные и литературные поиски, изучение истории, этнографии и фольклора Урала и смежных областей.

В. П. Бирюков родился в 1888 г. в Шадринском уезде в семье псаломщика, окончил Пермскую семинарию и ветеринарный институт в Казани.

В книге-дневнике известного историка библиофила и литератора С. Р. Минцлова есть такая запись о Бирюкове (от 4 сентября 1915 г. —

³ «Архив А. М. Горького», т. XI. М., 1966, с. 51.

Евг. П.): «Недавно прибыл сюда (в Конотоп) ветеринарный врач... В. П. Бирюков. Познакомился я с ним всего две недели назад в нашем музее, и теперь каждый раз радуюсь, когда его увижу.

Он еще юноша с едва пробившимися усиками, но уже кончил кроме ветеринарного и Московский археологический институт... Он спит и видит вернуться в родное село, открыть там сельскохозяйственную школу, устроить музей, словом, внести культуру в деревню... Много в нем еще детского, но как свежо и радостно становится на душе, когда видишь такие пробуждающиеся, тянущиеся к свету силы земли. Уверен, что если выдержит физически, В. П. вырастет в крупную величину»⁴.

Предсказания Минцлова сбылись. Теперь на полках фольклористов и краеведов стоит десяток книг Бирюкова, посвященных изучению Урала.

Литературное наследие Бирюкова не исчерпывается опубликованными книгами, очерками и статьями (более 170 названий). Он оставил около тысячи рукописей почти по всем вопросам ураловедения.

Заветной мечтой Владимира Павловича было создание Уральского архива-музея литературы и искусства. «Почти все, что я собрал,— писал он,— или создал у себя в

виде картотек и собраний разного рода материалов, нужно литератору, пишущему об Урале и смежных областях, ученому-исследователю местных вопросов, отчасти художнику-живописцу и некоторым другим, в том числе педагогам».

Недалек день, когда Уральский архив литературы и искусства, созданный на базе собрания В. П. Бирюкова, будет открыт для всех. Каждый, кому привелось видеть эти книжные и рукописные богатства, не может не подивиться грандиозности того, что может сделать многолетний, упорный и вдохновенный труд собирателя-книголюба.

Умер В. П. Бирюков 18 июня 1971 г. Незадолго до смерти он прочитал и одобрил эти заметки о А. Н. Шарнине, о его друзьях. Кроме того, он отыскал в своем архиве фотографию: по набережной городского пруда идет «Магистр» с огромной связкой книг, спасенных из утиля. Сам В. П. Бирюков часто показывал драгоценные словари и другие полезные издания, которые он находил в кучах макулатуры на базах утильсырья. Достаточно заглянуть на эти склады и сейчас, чтобы убедиться, что порой старая книга, действительно, беззащитна. Особенно охотно избавляются от журналов. Там погибает много ценного.

Собирание и охрана старых книг и журналов (конечно, в разумных

⁴ Минцлов С. Р. Дебри жизни. Берлин, 1925, с. 395-396.

пределах) важная задача книголюбов. Они не только сами должны понимать значение книги, но и уметь доказать это другим.

«Книжники — хорошее племя», — часто говорил Шарнин. Да, наш

«Магистр» знал жизнь и не раз видел, как непреоборимая сила книги «выпрямляла», обогащала и облагораживала людей.

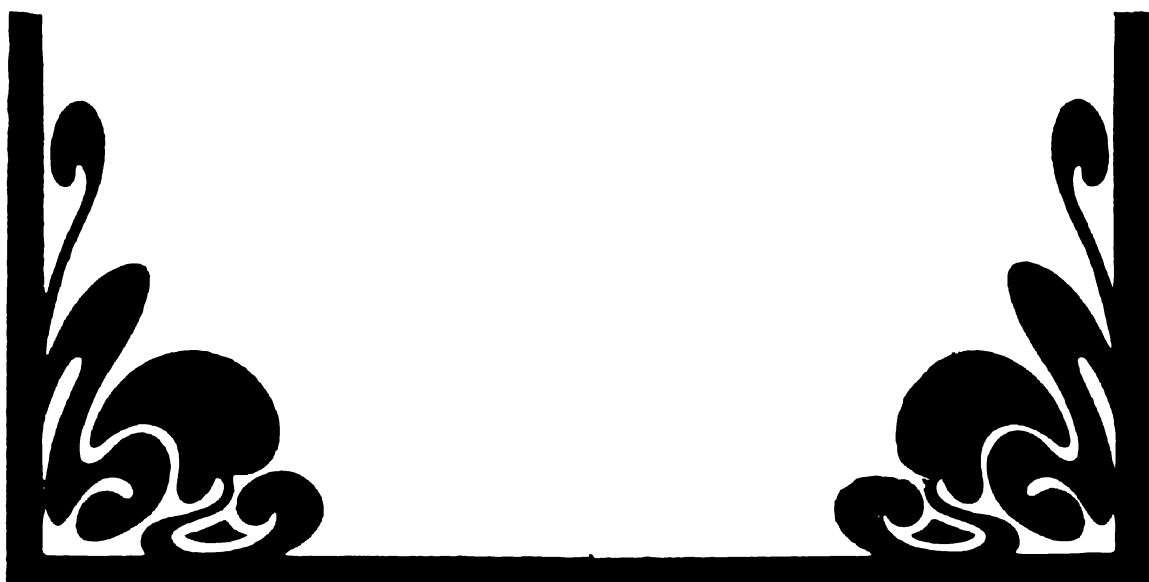
Киров, 1971

*Без книги — в мире ночь, и ум людской убог...
Без книги, как стада, бессмыслены народы.
В ней добродетель, долг, в ней мощь и соль природы,
В ней будущность твоя и верных благ залог.*

Виктор Гюго

БИБЛИОТЕКА
И
БИБЛИОФИЛЫ

В. В. КУНИН

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕКИ СОБОЛЕВСКОГО

С. А. Соболевский

Gasse, наполненному книжными магазинами, я зашел в один из них... Владелец этого антикварного магазина... узнав во мне по акценту русского обратился ко мне

Кто из библиофилов мог бы похвастаться тем, что книги его библиотеки за полвека ее существования читали Пушкин и Мицкевич, Лермонтов и Гоголь, Мериме и Толстой, Тургенев и Глинка? Пожалуй, никто, кроме русского поэта-сатирика и библиографа Сергея Александровича Соболевского (1803 — 1870). О его книжной коллекции, ее формировании, использовании и гибели рассказывается в этом очерке.

Мемуаристы свидетельствуют

Будущий знаменитый русский ученый, академик Иван Иванович Янжул зиму 1872/73 года провел в Лейпциге. Вот что вспоминал он об этом почти четверть века спустя: «Однажды, проходя по известному Universitäts

с просьбой: «Я недавно купил большую русскую библиотеку, и в настоящее время один (господин) составляет ее подробный каталог¹; мне бы хотелось узнать, насколько правильно владеет он русским языком и хорошо ли пишет по-русски». Я охотно отправился с книгопродавцем в соседнее помещение и здесь в первый раз увидал книжные сокровища Соболевского, и подобных частных библиотек я никогда уже в жизни не видал... Вся библиотека была в отличном порядке и переплетах, на каждой почти книге, кроме пометки ее владельца, стояло на первой странице объяснение на французском языке ее значения или происхождения. Часа два я не мог оторваться от ее обозрения: то хозяин, то переписчик подкладывали мне редкость за редкостью; сочинения многих наших писателей не только с их автографами, но иногда с шуточными замечаниями, посвящениями и пометками. Помнится мне какое-то сочинение А. С. Пушкина с небольшим рукописным стихотворением в заголовке; многие из книг были печатаемы, очевидно, тайно в деревне... многие, как видно из объяснения Соболевского, были сожжены цензурой и сохранились в двух или одном экземплярах, некоторые из таких составлены из дефектных или корректурных листов и т. п.».

К Лейпцигу, где 14 июля 1873 г. фирма Лист и Франке начала аукционную распродажу библиотеки С. А. Соболевского, еще придется вернуться, а сейчас послушаем другого, достаточно авторитетного мемуариста, Ивана Ивановича Панаева, который тоже описывает книжную лавку, но не в Лейпциге, а в Петербурге, ровно за сорок лет до аукциона.

«В одно почти время со мною, — рассказывает Панаев о своем посещении лавки Смирдина, — вошли в магазин два человека: один большого роста, с весьма важными и смелыми приемами, полный, с рыжеватой эспаньолкой,

¹ Полный каталог, составленный Альбертом Коном, существует в печатном виде (*Catalogue de la collection précieuse de livres anciens et modernes formant la bibliothèque de feu M. Serge Sobolewski (de Moscou), Leipzig, 1873*). Другой каталог «Русская библиотека Соболевского» (Лейпциг, 1874) отражает лишь руины этой части собрания, сохранившиеся после «двойной очистки» — Британским музеем и Лейпцигским университетом.

одетый франтовски; другой среднего роста, одетый без всяких претензий, даже небрежно, с курчавыми белокурыми волосами, с несколько арабским профилем, толстыми выдавшимися губами и с необыкновенно живыми и умными глазами. Когда я взглянул на последнего, сердце мое так и замерло. Я узнал в нем Пушкина, по известному портрету Кипренского...

Он спросил у Смирдина, не помню, какую-то книгу и, перелистывая ее, обратился к своему спутнику с каким-то замечанием...

Я думал, глядя на господина с рыжей эспаньолкой: «Счастливец!.. Кто бы это такой?»

С этим вопросом обратился я к Смирдину, когда Пушкин вышел из лавки.

— Это С. А. Соболевский, — отвечал Смирдин, — прекраснейший человек и друг Александра Сергеевича-с. Он пишет на всех удивительнейшие эпиграммы в стихах-с».

Близкое знакомство Пушкина и Соболевского, участие Соболевского в издании пушкинских произведений, проживание их под одной кровлей в квартире Соболевского на Собачьей площадке в Москве в 1826—1827 гг., совместная поездка от Петербурга до Торжка в 1833 г. и частые встречи в Петербурге в 1833—1836 гг. — все это не только отмечено, но подробно разобрано пушкинистами, но есть стороны их взаимоотношений, оставшиеся несколько в тени. Одна из таких сторон:

Дружба двух книжников

В октябре 1828 г. Соболевский выехал из Москвы в первое из пяти долгих заграничных путешествий, оставив достаточно уже к тому времени обширную, частью доставшуюся от матери, частью собранную самостоятельно, библиотеку и любимый свой портрет Пушкина работы Тропинина в доме Елагиных-Киреевских, что у Красных ворот.

Через три месяца после отъезда Соболевского, 29 января 1829 г., Иван Васильевич Киреевский писал ему в Париж о Пушкине: «Но вот, что он наделал: бывши у меня и зная, что твоя библиотека хранится у нас, — открывает ящик и выбирает оттуда несколько книг, принадлежащих

ему, уверяя, что он на это имеет полное право, что напишет об этом к тебе, что ты не рассердишься».

Соболевский отвечал Киреевскому 23/II 1829 г.: «Прошу тебя написать мне больше о Пушкине, как и когда приехал, где и как жил, в кого влюблялся и когда едет? Желаю иметь список взятых Пушкиным книг. О, Пушкин, Пушкин, пиши мне!!! Я тебя здесь хвалю, величаю; не то — напечатаю свой перевод *тебя* и горе, горе посрамленному!»

Здесь не только восторженная любовь к Пушкину, осветившая всю жизнь не склонного к восторгам Соболевского, но и по меньшей мере две загадки: получил ли Соболевский список книг, который мог бы свидетельствовать о круге чтения Пушкина? писал ли Пушкин Соболевскому за границу? К сожалению, ответ пока может быть лишь уклончивым — списка книг, равно как писем Пушкина, адресованных в Париж, в громадном и аккуратнейшем архиве Соболевского не нашлось.

Цитированная переписка с Киреевским позволяет сделать только один неопровержимый вывод: Пушкин был частым гостем в библиотеке Соболевского и хранил там некоторые свои книги.

Но есть свидетельство еще более значительное. В 1834 г. уже после возвращения Соболевского из-за границы, когда встречи его с поэтом стали почти ежедневными, Пушкин написал знаменитую свою статью «Путешествие из Москвы в Петербург». В ней есть такие строчки: «Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться (подчеркнуто мною.— В. К.)... «Постой, сказал мне **, есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по-видимому, изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее,— сказал он таинственным голосом.— Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву*. С. П. Б. 1790 году. С эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно, и лайй.

Тилемахида, кн. XVIII, ст. 514...

Я искренно благодарил** и взял с собою *Путешествие*».

Под двумя звездочками в пушкинском тексте не трудно обнаружить Сергея Александровича Соболевского. Давно уже высказано (в частности В. Е. Якушкиным) справедливое предположение о том, что мы имеем дело лишь с литературным приемом — Соболевский не рискнул бы дать Пушкину в дорогу запретнейшее «Путешествие...», да и Пушкин не взял бы его с собой. Достоверно одно: «Путешествие...» А. Н. Радищева, хранившееся у Соболевского, читал Пушкин.

В библиотеке Пушкина, описанной Б. Л. Модзалевским, хранятся по меньшей мере две книги, подаренные Пушкину Соболевским: привезенный из-за границы четвертый том парижского издания стихотворений Мицкевича с надписью Соболевского: «А. С. Пушкину, за прилежание, успехи и благонравие» (№ 1167 по описанию Модзалевского) и учебник испанского языка (которым отлично владел Соболевский и который изучал Пушкин) с надписью: «Пушкину от Соболевского на память Рейн-вейна» (№ 1224).

По мнению А. К. Виноградова, автора интереснейшей работы «Мериме в письмах к Соболевскому», целый ряд других парижских изданий появился в библиотеке поэта после возвращения Соболевского из чужих краев. Это неоспоримо во всяком случае по отношению к знаменитой «Гузле», послужившей источником для «Песен западных славян».

Напомним еще строку из письма Пушкина к Наталии Николаевне от 17/IV 1834 г. о том, как вдвоем с Соболевским они «стали приводить в порядок библиотеку». Значит, не только Пушкин пользовался библиотекой Соболевского, но и Соболевский хорошо знал и пополнял библиотеку своего друга.

Трудно даже представить себе, как много дали бы всем, кто жадно ловит каждое слово о великом поэте, воспоминания Соболевского хотя бы об этих «книжных» связях с Пушкиным. Соболевский не единожды обосновывал свое нежелание такие воспоминания писать и публиковать. Приведем одно (наименее известное) из этих обоснований.

В письме к библиографу и издателю Г. Н. Геннади Соболевский 9 января 1855 г. писал в связи с появлением первого биографического очерка о Пушкине: «Одни мы

только, близкие друзья покойного (Плетнев, я и несколько других), будем продолжать молчать, ибо нам не прилично пользоваться для увеселения публики дружескою доверенностью покойного».

Как бы то ни было, книжная коллекция, к которой столь непосредственное касательство имел Пушкин, уже по одной этой причине заслуживает пристального внимания.

Какие книги собирал Соболевский?

На протяжении почти полустолетия создавалась эта удивительная библиотека «по географии и библиографии», как скромно определял ее содержание сам собиратель. Ни одна книжная коллекция в мире не могла сравниться с собранием Соболевского по полноте подбора изданий путешествий XV—XVII вв. Римские библиотеки не обладали столь полным (более 400 названий) собранием отчетов миссионеров о путешествиях на Восток, какое удалось собрать русскому библиофилу. Соболевский подготовил библиографическую работу о сочинениях миссионеров, которую постигла та же горькая участь, что и всю его коллекцию.

В библиотеке Соболевского, как свидетельствует ее каталог, хранился редчайший полный экземпляр венецианского издания (1496 г.) путешествия Марко Поло, первые печатные географии Изоларио Бартоломео Гамберто да ли Соннети (Венеция, 1477 г.); Берлингиери (Флоренция, 1480 г.); прекрасный экземпляр космографии Птолемея (1482 г.) и т. д. и т. п.

Особенно значительной для исследователя представляется *Rossica* Соболевского — сочинения иностранцев, побывавших в России в XV—XIX вв. И хотя Соболевский щедро делился этой частью своей коллекции с Публичной библиотекой в Петербурге, а впоследствии и с Румянцевским музеем в Москве, все же в этом отделе библиотеки были сочинения редчайшие, в том числе первое английское издание книги Флетчера «О государстве Русском», и русское издание этого же сочинения, переведенного в 1848 г. и полностью уничтоженного царской цензурой. Свой экземпляр Соболевский сложил букваль-

но по листочкам, по корректурным оттискам, добывая их одному ему ведомыми путями ².

Своему корреспонденту, библиофилу из купеческого сословия Я. Ф. Березину-Ширяеву Соболевский писал: «Взгляните на отдел Rossica в Императорской Публичной библиотеке. Сколько настойчивости, труда и денег потрачено, а все еще не достигнуто настоящей полноты. Всякая специальность в собрании — дело жизни собирателя! И так, у частных людей целью собирательства должна быть специальность, которая по средствам может быть обширнее и уже... Моя библиотека, кроме специальностей, составлена иначе: она есть отражение моей умственной жизни, т. е. я покупал те книги, кои мне были нужны для изучаемого в известный момент предмета, и от того происходит в ней совершенное отсутствие всякой непросмотренной книги».

Это кредо библиофила, под которым подписались бы многие собиратели книг и сегодня, через сто лет после смерти Соболевского, обнаруживает в нем не просто энтузиаста-книжника, но человека, поставившего себе целью создать научно-организованную коллекцию и достигшего своей цели.

Необычайной полнотой отличались не только географическая (как мы бы теперь сказали, страноведческая) часть коллекции Соболевского, но и ее библиографический отдел. За многие годы собирались каталоги и описания публичных и частных библиотек, библиографические справочники, литература по книжному и типографскому делу. Книги по библиографии, как правило, издавались ничтожными тиражами, нередко вообще не предназначались для продажи, что лишь увеличивало научную ценность уникальной коллекции Соболевского.

Следует заметить, что оба главнейшие отдела библиотеки Соболевского неразрывно связаны между собой, ибо именно в библиографических трудах, в каталогах библио-

² Любопытно отметить, что некоторые издания, отмеченные в каталоге библиотеки Соболевского как «уникальные», «редчайшие», «чрезвычайно редкие», за последнее столетие не исчезли окончательно из общественных и личных хранилищ и подчас существуют в нескольких десятках экземпляров. Этот, далеко не единственный, парадокс в истории книжного собирательства нисколько не умаляет заслуг русского библиофила прошлого века.

филов отыскивались все новые описания земель, которые потом во что бы то ни стало добывались Соболевским и находили свое место в ряду других книг.

Никакой аннотированный перечень не может дать представления о библиотеке такого масштаба. Между тем десятки и даже сотни номеров по каталогу, выпущенному в Лейпциге, дают материал для самостоятельных библиографических очерков. Несколько таких примеров мы предлагаем вниманию читателя.

«Вы — второй Колумб» (№ 3617)

С 1590 по 1634 г. фирмой Теодора де Бри во Франкфурте-на-Майне издавалась серия описаний путешествий в Америку и в Индию с иллюстрациями лучших европейских художников и граверов и превосходными картами.

Это издание получило всемирную известность под названием «Большие и малые путешествия де Бри» (большой формат — путешествия в Америку, малый — в Индию).

Тому, кто задумал бы собрать полную серию изданий де Бри, пришлось бы разыскать 25 томов сочинений на латыни, присоединить к ним столько же томов на немецком языке, второе издание на латыни, второе немецкое издание, добавить изумительный том «Путешествие в штат Вирджинию» на английском языке и, наконец, заполучить особую редкость — первый том неосуществленного французского издания. А если учесть при этом, что тираж каждого тома выпускался в нескольких вариантах (добавлялись, менялись, изымались карты, иллюстрации и т. п.), то задача окажется еще более сложной. Довольно будет сказать, что во всем мире существуют только 2-3 полных комплекта де Бри.

Вот что прочитал молодой еще библиофил Соболевский в одном из увлекательнейших для всякого книжника сочинений — «Library companion» Томаса Фрогнела Дибдина, английского библиотекаря, библиографа, собирателя: «Сколь многие отправлялись в этот путь на поиски де Бри в бодром расположении духа и с полными кошельками, но возвращались в печали и безнадёжности... Пожалуй, только в райской земле площади Кливленд³ можно попытаться отыскать это сокровище».

³ Центр букинистической торговли в Лондоне.

Сорок лет Соболевский собирал де Бри — начиная с первого своего путешествия (1828—1833) и до последнего (1860—1861). В 1850 г. в Испании Соболевский даже позволил себе роскошь возвратить почти полный, но несколько потрепанный экземпляр де Бри, который по просьбе Проспера Мериме добыл для него за 3000 франков мадридский профессор Гайянгос. Впрочем и впоследствии Соболевский продолжал выискивать нужные ему части в каталогах книгопродавцев всего мира, хорошо знавших московского библиофила, и получал их за наличный расчет или в обмен.

В одном из писем другому русскому собирателю и путешественнику А. С. Норову Соболевский сообщал: «Я составил полнейший и красивейший экземпляр этого издания в 70 томах *in maroquin par Niedrée* (в марокеновых переплетах работы Нидре.— В. К.) и проч. на латинском, немецком, французском языках; все это сделано покупкою многих экземпляров, променом с частными и публичными библиотеками и так далее, давая часто по пяти или шести частей за одну или две, в которых один или два листа разнствовали с имеющимися у меня». Норов отвечал с оттенком грусти: «...де Бри я не мог всего укомплектовать, потому что значительная часть этого редкого издания по всей Европе приобретена Вами — так мне говорили все те книгопродавцы, к которым я относился».

Изучая и разыскивая серию путешествий де Бри, Соболевский написал библиографическую работу о ней, оставшуюся в рукописи и проданную, по-видимому, вместе с экземпляром путешествий (по каталогу № 3652). Часть этой работы опубликована в форме письма к издателю, в первом томе французского библиографического справочника Брюне (1860 г.)

Комиссионер книготорговых фирм Ашера, а также Листа и Франке, будущий каталогизатор библиотеки Соболевского, Альберт Кон писал ему в Москву: «Вы подлинно второй Колумб, ибо право же должно быть легче открыть Америку, чем найти де Бри с необрезанными полями по цене, которую Вы называете».

Остается добавить только, что составленный такими трудами экземпляр де Бри был представлен на аукцион с первоначальной ценой 5016 талеров (пятая часть всей

стоимости огромной коллекции). Распродажа одного этого издания заняла целый день.

Смоленский бульвар и португальский парламент (№349)

В конце 50-х годов прошлого века в Лиссабоне филолог да Сильва приступил к выпуску первого биобиблиографического справочника о литераторах и ученых, писавших на португальском языке, и объявил о подписке на это издание. Среди подписавшихся оказался и москвич Соболевский, с давних пор интересовавшийся португальской словесностью и хорошо знавший язык. (Еще в 1827 г. в «Московском вестнике» он опубликовал свою «Выписку о португальской словесности», которую отметил Пушкин).

К 1860 г. в Москву были доставлены пять томов справочника да Сильвы, охватывавшие буквы А — М. На этом издание приостановилось. Попытки выяснить у европейских книготорговцев, что произошло со словарем да Сильвы, ни к чему не привели. Тогда огорченный московский подписчик адресовался в Лиссабон к самому составителю словаря, с которым прежде знаком не был. В ответном письме господин да Сильва с сожалением извещал, что предпринятое издание завершить невозможно за отсутствием средств: «расходы огромны, продажа идет туго», а португальское и бразильское правительства не оказывали никакой поддержки в этом патриотическом начинании.

21 мая 1861 г. Соболевский снова пишет в Лиссабон: «...Я удивлен известием, что ни Португалия, ни Бразилия не дают Вам средств к окончанию сочинения, столь важного для славы и той и другой страны. Но если ни там ни сям инициатива не принята административными лицами, то как не изошла она от публики? Как могло случиться, что в двух парламентах, хотя разъединенных океаном, но где собраны представители одной и той же, по языку, национальности, не поднялось ни единого голоса на должную оценку сочинения, в которое заносится память о лучших лаврах того языка? И если ни один голос не потребовал награды автору, то, по крайней мере, как

не потребовал никто для этого автора способов окончить дело, начатое им без каких-либо своекорыстных видов и начатое столь удачно на славу всех тех, кто с справедливой гордостью называет родным язык Комоэнса!».

Отправитель этого послания не предполагал, какой общественный отклик вызовет оно в Португалии. 22 декабря лиссабонская газета «Сентябрьская революция» поместила полный текст письма «московского филолога и библиофила», сопроводив его следующим примечанием: «Это мнение — мнение ученого иностранца, судящего о господине да Сильва по его сочинению и об нас по тому, как мы ценим это сочинение. Всего ближе правительству наградить скромное достоинство и стереть со своего лица и с наших лиц следы стыда, произведенные на них такими упреками, каковы упреки г. Соболевского».

История со словарем да Сильвы на этом не кончилась. 5 марта 1862 г. один из депутатов Нижней палаты португальского парламента выступил с запросом к правительству по поводу письма Соболевского. «Наше пренебрежение в этом случае, — говорил депутат, — дает ученому москвиту жалкое понятие о лицах, избирающих нас своими представителями». Оратор категорически потребовал от правительства предоставления да Сильве суммы, необходимой для завершения словаря.

От имени правительства на запрос отвечал государственный секретарь, незадолго перед тем вступивший в должность. Он успешно свалил вину за пренебрежение к патриотическому начинанию на своего предшественника и объявил, что правительство немедленно подписывается на 700 экземпляров вышедших томов и всех последующих.

Вскоре обладатель несметных книжных богатств на Смоленском бульваре смог поставить рядом с первыми пятью 6-й и 7-й тома словаря да Сильвы. Составитель словаря не только выразил Соболевскому свою величайшую признательность, но и поместил всю документацию, связанную с поддержкой «ученого москвиты» в приложении к последнему тому своего труда. Сергей Александрович Соболевский, в свою очередь, поведал эту историю читателям журнала «Русский архив» в заметке, озаглавленной «О влиянии Смоленского бульвара (в Москве) на Португальский парламент в Лиссабоне», а мы лишь пересказали весь этот эпизод современным читателям.

Трудно представить себе более убедительный пример пользы книжного собирательства и его активной роли в истории культуры и во взаимосвязях различных культур.

Книга, найденная в железном сарае (№ 4070)

В 1868 г. на русском книжном рынке появился первый выпуск каталога частной библиотеки, озаглавленного «Материалы для библиографии или обозрение русских и иностранных книг, находящихся в библиотеке любителя исторических наук и словесности NN».

Соболевский, приобретавший все подобные издания, обратил внимание на открывавшее «Материалы... NN» описание книги «Nye unbekande lande unde eine nye werltdt...», которая была охарактеризована составителем, как «масонское сочинение замечательной редкости на немецком языке».

Как выяснилось, под литерами NN скрывался петербуржец купеческого звания, страстный коллекционер книг и всяческих редкостей Яков Федулович Березин-Ширяев. Соболевский обратился к нему с письмом, в котором сообщал, что книга, упомянутая в «Материалах...», не имеет ни малейшего отношения к масонству и, судя по всему, написана на нижнегерманском наречии или на голландском языке. Содержит она описание путешествий Христофора Колумба, Альвизе Кадамосто и других в Америку и Вест-Индию, впервые издана в Италии в 1507 г., а затем в переводе на немецкий язык, выполненном неким Рюхамером, — в Нюрнберге в 1508 г. Соболевский извещал Березина-Ширяева, что имеет в своей коллекции итальянское и немецкое издания этого сочинения, а вот о существовании голландского перевода никогда не слыхивал. Не зарегистрирован голландский перевод и в справочнике Гарриса «Библиография американа».

Соболевский просил Березина-Ширяева уступить ему означенную книгу, которая пополнила бы один из главнейших отделов его коллекции. Тут же в обмен была предложена бесценная «География» Птолемея, изданная на итальянском языке в стихах в 1478—1480 гг. (она имела у Соболевского в двух экземплярах). Иначе говоря, Березину-Ширяеву предлагалась настоящая инкунабула,

каковых в его «книжном сборе» (по выражению Соболевского) до той поры не было.

И все же, несмотря на то, что он не понял содержания книги, перепутал язык, на котором она была написана, Яков Федулович уловил ее исключительную редкость. Он долго не решался расстаться со своим сокровищем и отважился на это лишь в 1870 г. за несколько месяцев до смерти Соболевского. Книга на нижнегерманском наречии заняла свое место на полке рядом с итальянским оригиналом и немецким переводом.

Есть еще два обстоятельства, о которых следует рассказать. Во-первых, вступив в переписку с Ширяевым, Соболевский в то же время обратился с запросами о голландском переводе в крупнейшие библиотеки и в различные книготорговые фирмы. Быстро выяснилось, что в руки Якова Федуловича попала чрезвычайно редкая книга, которой не было ни в Британском музее, ни в библиотеке Сорбонны⁴. В письме от 15 июля 1868 г. Альберт Кон заклинал Соболевского: «Умоляю не дать нижнегерманскому Рюхамеру ускользнуть от Вас. Если он в хорошем состоянии — 40-50 фунтов за него!» Знай Яков Федулович, во что ценят европейские книжники его находку, уж он бы возгордился окончательно и не выпустил бы книгу из рук.

Во-вторых. Уже получив желанную книгу, Соболевский просил Березина-Ширяева: «Опишите мне подробно, как, где и у кого куплена эта книга, наделавшая мне тьму хлопот и заставившая томиться около двух лет библиофильскою лихорадкою. Авось мы доберемся до того, каким манером она попала в наши Гиперборейские страны». Березин-Ширяев обещал исполнить эту просьбу, но Соболевский вскоре умер, по-видимому, так и не узнав историю покупки. Между тем, черновик этого рассказа сохранился в архиве Березина-Ширяева, находящемся в Отделе рукописей библиотеки им. В. И. Ленина. Из записей Березина-Ширяева явствует, что купил он эту книгу у торговца бумажным утилем некоего Алексеева, который хранил свой товар в железном сарае и продавал все, что

⁴ В настоящее время известно 5—6 экземпляров этого издания. Один из них хранится в библиотеке советского ученого А. И. Маркушевича. Экземпляр Ширяева-Соболевского оказался, по-видимому, в одной из американских коллекций.

к нему попадало, по 1-2 копейки за бумажную страницу. В данном случае Алексеев таким способом ликвидировал книжное наследство А. Я. Лобанова-Ростовского. Вот что, в частности, пишет Ширяев: «... я тщательно стал обозревать углы сарая и в одном из них увидел грудку газетной бумаги, лежавшей на большой бочке. Эти бумаги были также куплены Алексеевым от Лобанова-Ростовского. Между ними, к немалому моему удивлению, я отыскал немецкую брошюру, напечатанную в Бреславле у Шафенберга в 1573 г. и еще какую-то книгу, напечатанную немецкими готическими буквами в 5 долю без заглавного листа. Желая узнать, какая это книга, я стал ее перелистывать, но не мог найти в ней начало. При этом Алексеев заметил, что книга должна быть масонского содержания, потому что имеет на одной стороне изображение треугольника...». Так вот, оказывается, откуда взялось «масонское содержание» описания путешествий в Америку!

Нет худа без добра. Упрямство Я. Ф. Березина-Ширяева вызвало к жизни целую серию интереснейших писем к нему Соболевского, в которых сформулированы взгляды его на природу книжного собирательства, и сохранен для нас интересный автобиографический материал.

Дом на Смоленском бульваре

Если вы пойдете по правой стороне Садового кольца от Ружейного переулка к Зубовской площади, минуете угловой домик № 21 и заглянете во двор только что выстроенного большого административного здания, вы увидите прекрасно сохранившимся один из удивительнейших домов старой Москвы, некогда принадлежавший княгине Волконской. Теперь это дом № 19 по Смоленскому бульвару, а в 60-е годы прошлого столетия он числился под номером 105 во втором квартале Хамовнической части близ Земледельческого училища.

Трудно представить себе место в Москве 60-х годов, где больше берегли бы память Пушкина и Грибоедова, Гоголя и Баратынского, Лермонтова и Веневитинова. В этом доме бывали Толстой и Тургенев, Рубинштейн и Берлиоз. Две медные таблички висели на двери дома: В. Ф. Одоевский и С. А. Соболевский.

Здесь, на первом этаже, арендовав у хозяев 10 комнат за 500 рублей в год, целое десятилетие прожил в окружении своих книг Сергей Александрович Соболевский. Возвратившись в последний раз из-за границы, он принялся за упорядочение библиотеки, за библиографические труды, неразрывно связанные с собранными книгами. Он вел огромную переписку с книжниками всего мира, со старыми друзьями, наконец, с теми, кто спрашивал его о Пушкине, Грибоедове, о Мицкевиче, Глинке... Ежедневное общение друг с другом скрашивало поздние годы Одоевского и Соболевского. 22 марта 1869 г. Соболевский писал: «Вы знаете мое горе: самый старый и лучший друг мой Одоевский вдруг скончался, прямо над моею головой. До библиографии ли мне было?..» После смерти друга Соболевский сделал все возможное, чтобы отыскать и упорядочить его архив. Сохранением дневников Одоевского и многих других бумаг его мы обязаны Соболевскому.

Не выходя из квартиры на Смоленском бульваре, можно было совершить путешествие по всему свету. В аккуратных шкафах, заказанных по чертежам Соболевского, по стенам всех десяти комнат стояли книги о путешествиях, расположенные в строгом порядке по странам и регионам. На столах посредине каждой комнаты лежали книги большого формата и необходимые для работы библиографические справочники. В кабинете, которым заканчивалась вся эта анфилада комнат, вы могли застать расположившегося в вольтеровских креслах собирателя книжных сокровищ. Подле него всегда стоял неогороженный ящик с ценнейшими книгами и дорогими сердцу рукописями — в том числе Пушкинскими (например, с письмами поэта брату Льву Сергеевичу, которые издал опекун детей Льва Пушкина — Соболевский).

Так в помыслах о книгах жил этот «книголюбимейший и книгам любезнейший» человек, как называли его друзья. В последние свои годы Соболевский много размышлял о судьбе собранных книжных богатств. Еще до перевода Румянцевского музея в Москву он предлагал сделать свое собрание частью общедоступной Московской библиотеки. Проект этот не осуществился. Впоследствии, получив выгоднейшие предложения иностранных фирм, Соболевский ставил им непременно условие, чтобы в случае продажи коллекции за границу «все русские кни-

ги, коих нет в Императорской публичной библиотеке и в Московском музее, поступили в оные по назначенной мною цене». Узнав из писем Соболевского о его переговорах с иностранцами, Березин-Ширяев ужаснулся: «Читаю и не верю своим глазам, чтобы С. А. решился расстаться со своей библиотекою... Боже сохрани лишиться вдруг всех книг и остаться одиноким. И что тогда заменит их в Вашем сердце?»

Впрочем, заполнив целый том перепиской о возможной продаже коллекции, Соболевский на самом деле продавать ее вовсе не собирался. Директор Публичной библиотеки М. А. Корф не без ехидства заметил по этому поводу: «Что будет делать Сергей Александрович без книг, с которыми он, так сказать, сроднился и живет в их сфере. Без книг он будет походить на человека без зубов, который не может более питаться как должно и заболит от этого недостатка».

Между тем заграничные книгопродавцы проявляли чрезвычайную активность. Кон обещал: «Вы увидите свою фотографию в моем кабинете рядом с Дибдиным, Паницци, Кверардом и другими знаменитыми библиофилами и библиографами. Когда я получу от Вас известие, что я могу прибыть в Москву и запаковать Ваши книги, я украшу эту фотографию лавровым венком». В ответ Соболевский пригласил Кона в Москву, принял его с истинно московским хлебосольством, возил по церквам и ярмаркам, но книг не продал.

Глава известной английской фирмы, поставщик Британского музея, Кворич недоумевал: «Поскольку Вы отказались от 3500 фунтов, предложенных Коном и 40 000 талеров — Баером, значит, Вы хотите получить еще большую сумму. Какова эта сумма? Если речь идет о 6 000 фунтах, то библиотека должна быть совершенно экстраординарной».

Возвратившийся из России в Германию Кон не отступался: «В связи с приближающейся европейской войной Вам следовало бы воспользоваться этой возможностью — другая может долго не представиться. В дни войны книги идут на пыжи для ружей. Подумайте о де Бри, который полетит из русских мушкетов в физиономию австрийцев».

Разразившаяся в 1870 г. франко-прусская война и страшный разгром французов при Седане оказались ката-

строфой для Соболевского — все его деньги были вложены в строительство французских железных дорог.

Как тут не вспомнить давнее письмо Нащокина к Пушкину. Сообщив поэту, что благодаря Соболевскому избежал очередного финансового краха, Нащокин писал: «Когда-нибудь [Соболевский] сделается банкрот, и мы ему на деле постараемся доказать нашу не коммерческую, а человеческую благодарность». Увы, уже не было на свете ни Пушкина, ни Нащокина, ни Одоевского. Пожалуй, только один друг юности — А. В. Веневитинов (брат поэта) — написал в эти дни Соболевскому сочувственное письмо и отказался принять 1 000 рублей, которые в свое время одолжил Соболевскому... Оставалась единственная надежда — библиотека. Печальны были последние месяцы жизни Соболевского. Теперь уже он лихорадочно пытался выручить сколько-нибудь приличную сумму за 25000 томов своих книг.

Продать библиотеку Соболевский не успел — 6 октября 1870 г. старый его слуга Николай нашел своего господина похолодевшим в кресле у письменного стола. По завещанию все имущество Соболевского, состоявшее теперь из одних только книг, досталось его близкой приятельнице С. Н. Львовой. Вскоре Львова выехала за границу для переговоров с книжными фирмами, которые заплатили ей сумму вдвое меньшую той, что сулили Соболевскому при его жизни. Так был подготовлен аукцион в Лейпциге летом 1873 г., о котором вспоминал И. И. Янжул.

Не дождавшись аукциона, Янжул уехал из Лейпцига и вновь оказался в той же книжной лавке лишь в 1875 г. по дороге из Лондона в Москву. Вот что писал он об этом втором визите: «Оказалось, что он (книгопродавец) отступил от первоначального своего плана — продать все, не иначе как с аукциона: во-первых, по просьбе своего родного университета (Лейпцигского) он согласился продать ему по вольной цене и по выбору проф. Лескина (Leskien) некоторые книги на русском и других славянских языках; затем то же исключение он сделал и для Британского музея, выбор которого отличался чрезвычайной пестротой (я, например, встретил там впоследствии из библиотеки Соболевского некоторых наших классиков с автографами и в то же время кулинарную

книгу прошлого века и пр.)... Все остальное было распродано уже с аукциона враздроб и разошлось неизвестно куда».

Но прежде, чем читатель расстанется с библиотекой Соболевского, мы должны еще рассказать о последнем по порядку номере в каталоге, составленном Альбертом Коном.

Двадцать девять альбомов (№ 4448)

В особой, маленькой комнате дома на Смоленском бульваре хранил Соболевский, быть может, самую драгоценную из своих драгоценностей — 28 альбомов большого формата в зеленых, полукожаных переплетах с золотым тиснением, в которые всю жизнь вклеивал со свойственной ему аккуратностью письма, документы, счета книгопродавцев, различные библиографические заметки и т. д. и т. п. Тут же помещался и 29-й альбом (или тетрадь) со стихами и прозой самого Соболевского — также от пушкинских времен до последних месяцев жизни. Если вспомнить, что среди корреспондентов Соболевского были Пушкин (и многие члены семьи Пушкиных), Вяземский, Дельвиг, Кюхельбекер, Одоевский, Глинка, Гоголь, Баратынский, Мицкевич, Мериме, Кювье, Поль Лакруа, Либри, Картер-Броун, то читателям станет ясно, что хранилось в этой особой комнате.

В начале октября 1870 г. в Москве не было почти никого из людей, близких Соболевскому. Друг его последних лет М. Н. Лонгинов незадолго перед тем уехал на службу в Орел, обанкротившийся С. Д. Полторацкий бежал за границу, А. Ф. Ростопчин жил в Иркутске, А. В. Веневитинов — в своем имении.

Оставался только издатель «Русского архива», пушкинист, многим обязанный Соболевскому в своих розысках, Петр Иванович Бартенев. Его архив проливает некоторый свет на судьбу наследства Соболевского. Вот какое письмо получил Бартенев в ноябре 1870 г. от М. Н. Лонгинова: «В октябре сего года после панихиды по покойном Соболевском я... просил наследницу его Софью Николаевну Львову не отказать в выдаче бумаг покойного и портретов, бывших у него (а среди последних не только елагинская копия тропининского портрета Пушкина, но и портрет Соболевского за завтраком, при-

надлежавший — предположительно! — кисти Брюлло-ва.— В. К.), так как всегдашняя неременная воля его, известная всем нашим друзьям, состояла в этом... Любезнейший Петр Иванович! Убедительно прошу оказать мне дружескую услугу и вместе с тем почтить память Соболевского, исполнением его воли, принявши на себя, как Вы мне обещали, хлопоты по вырубке его бумаг и портретов, предназначенных им мне...

Прошу Вас усердно нанять подводу для перевоза всего из дома в Чертковскую библиотеку...».

Подвода не понадобилась. После долгих переговоров не очень приятного свойства Львова вручила Бартеневу только тетрадь со стихами Соболевского. Эта тетрадь была переслана Лонгинову, а впоследствии вместе с архивом семьи Лонгиновых попала в Рукописный отдел Пушкинского дома в Ленинграде, где хранится и поныне. Следует только заметить, что публиковавший некоторые стихи Соболевского М. Д. Беляев ошибочно полагал, что тетрадь собрана и переплетена не Соболевским, а Лонгиновым.

Вся же переписка Соболевского так и не попала к его друзьям, 28 томов были вывезены вместе с библиотекой в Лейпциг и означены под последним № 4448 в каталоге по первоначальной цене 150 талеров. К счастью, по поручению С. Д. Шереметева книжная фирма Шмицдорф купила для него весь архив Соболевского, равно как и некоторые книги из его библиотеки. Так вернулись в Россию и долгое время (до Великой Октябрьской революции) хранились в имении Шереметевых (селе Михайловском под Москвой) письма Пушкина и Глинки, Мицкевича и Мери-ме, адресованные Соболевскому.

В конце концов альбомы Соболевского оказались в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Множество важнейших материалов давно опубликовано пушкинистами, исследователями творчества Мери-ме, Мицкевича, Глинки. Но сколько еще нетронутых богатств хранит этот огромный архив!

Книги не исчезают

Прошло почти столетие с той поры, как рассеялась «библиотека Соболевского». Но книги, подобно рукописям, обладают удивительным свойством — при самых нежиз-

данных обстоятельствах появляться и не давать покоя исследователям.

Многие книги из библиотеки Соболевского разными путями вернулись на родину. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина автору этих строк довелось видеть журнал «Библиографические записки» (1858, 1859, 1861) с экслибрисом и многочисленными пометами Соболевского; «Записки Льва Николаевича Энгельгардта», в издании которых Соболевский принимал участие; скомпонованные им самим отчеты о «Заседаниях Общества любителей российской словесности» и другие экземпляры из его коллекции. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина располагает редчайшими песенниками Чулкова-Новикова с пометами, сделанными Соболевским в то время, когда он помогал знаменитому собирателю русских песен П. В. Киреевскому; французской книжкой «Два ксилографа из библиотеки М. Голицына», изданной Соболевским, и рядом других его книг. Почти каждый из сохранившихся экземпляров по-своему примечателен и заслуживает особого разговора.

Работая в 1927 г. над книгой «Мериме в письмах к Соболевскому», А. К. Виноградов обратился в Лейпциг и в Лондон за справками о библиотеке Соболевского. Выяснилось, что на всех книгах Соболевского, купленных Британским музеем, стоит штамп «9 октября 1873» — по-видимому, дата получения книг в Лондоне. В переписке Виноградова (ЦГАЛИ) есть сведения о некоторых книгах и изданиях Соболевского. К сожалению, работа в Британском музее (методически довольно сложная, но не безнадежная) фактически не начиналась; Лейпцигский же университет вообще не сообщил Виноградову ничего существенного.

Между тем возникает ряд вопросов. Где книги с автографами Пушкина (и даже со стихотворением в заголовке!!)? Где, в частности, уникальный экземпляр «Цыган» на пергаменте, который Пушкин подарил Соболевскому, — эта книга была передарена и ее надо искать в нашей стране. Где книги с автографами Баратынского, Одоевского, Мицкевича, быть может, Гоголя и Лермонтова?

Письма Пушкина к Соболевскому, извлеченные из 1-го Альбома, давно опубликованы, но вот вопрос — где письма Соболевского к Пушкину, почти не известные

в публикации? Пушкинисты высказывали предположение, что письма Соболевского могли вернуться к автору после смерти поэта. Однако в архиве их нет.

Число вопросов, требующих разрешения, можно было бы умножить. Но главное в другом — что может быть почетнее для собирателя, что может служить более веским доказательством великой пользы собирания книг, чем тот факт, что через сто лет после смерти библиофила книги его рассеянной по всему миру библиотеки пытаются отыскать снова?

Москва 1971

*Как люблю я полубред
Книг, стареющих во мраке,
Те страницы, что на свет —
Словно денежные знаки.
И поэтов тех люблю,
Что плывут в поля иные,
Словно блики по стеблю
Или знаки водяные.
Блеск бумаги желт и мглист.
Как лошадка, скачет строчка.
Все разнять стремишься лист,
Словно слиплось три листочка.
Словно там-то, среди трех,
Второпях пропущен нами,
Самый тихий спрятан вздох,
Самый легкий взмах руками.*

Александр Кушниц

ЕВГ. ВЕЙСМАН

ПОДВИГ РУССКОГО БИБЛИОГРАФА

(М. Д. Хмыров. 1830—1872)

М. Д. Хмыров

I

В Москве, в тихом Старосадском переулке, находится Государственная публичная историческая библиотека. Там хранится «Коллекция журнальных и газетных вырезок», собранная сто с

лишним лет назад Михаилом Дмитриевичем Хмыровым, историком и библиографом. Собрание «Хмыровской коллекции» огромно. Материалы, находящиеся в ней (журналы, альманахи, газеты и т. д., в виде извлеченных из них вырезок), по времени их издания определяются периодом с 1755 по 1865 г. Значение этой «Коллекции» переоценить невозможно.

М. Д. Хмыров всю свою недолгую и полную лишений жизнь провел как подвижник, в самом высоком, патристическом значении этого слова. Он мечтал, чтобы на основе собранных им материалов была создана «Настольная энциклопедия отечествоведения». Замысел этот осуществлен не был. Новым поколениям осталась драгоценная «Коллекция», поистине сокровищница знаний, собранная из скромных журнальных и газетных вырезок.

Когда знакомишься с материалами «Хмыровской коллекции»,

в памяти оживают слова средневекового историка и филолога Скалигера: «Труд библиографа — самый значительный после подвигов Геркулеса»... Но вспомним, что воображение поэтов всех времен останавливалось не только на подвигах Геркулеса, но и на его страданиях...

О М. Д. Хмырове как библиографе и его «Коллекции» должно рассказать подробнее. История его жизни драматична и поучительна, а полузабытая к началу XX в. слава его «Коллекции» ныне воскрешается людьми, пылко изучающими историю нашей Родины.

Происходя из старинного дворянского рода, Михаил Хмыров в десятилетнем возрасте был определен в 1-й Московский кадетский корпус, который окончил в 1848 г. Как один из лучших воспитанников, Михаил Хмыров был произведен в прапорщики и назначен в Петербург, в лейб-гвардии Измайловский полк.

Находясь в гвардии, М. Д. Хмыров, как и некоторые его сверстники — офицеры, пописывал стихотворения «к случаю». К 50-летнему юбилею шефства Николая I над Измайловским лейб-гвардии полком начальство приказало 20-летнему прапорщику Хмырову написать приличествующие к этому юбилею дифирамбические стихи.

«Начал печататься подневольно», — с горечью вспоминал об этом М. Д. Хмыров. «Стихотворе-

ние» понравилось, и прапорщик Хмыров был произведен в подпоручики — «с подарком по этому чину», как пишет М. Д. Хмыров и добавляет: ...«перстень, за который взято деньгами»¹. Просьба М. Д. Хмырова о выдаче ему вместо перстня — по бедности — денег вызвала возмущение начальства. Однако, зная тяжелое материальное положение молодого офицера, дворцовое ведомство распорядилось вместо перстня выдать Хмырову 500 рублей.

«С тех пор я приобрел, — говорил Хмыров, — неодолимое отвращение к стихотворству, доставившему мне невообразимое огорчение»².

Но как возникло то «внутреннее влечение», в силу которого М. Д. Хмыров «обратился к занятиям отечественной историей»?

Будучи гвардейским офицером, Хмыров был вынужден в 1851—1852 гг. для дополнительного заработка стать «репетитором математических наук». Так свидетельствует П. А. Ефремов³ и делает важное добавление: «В то время (т. е. в 1851—1852 гг.) он

¹ «Русская старина», 1873, т. VII, № 1, с. 109—114.

² «Вестник всемирной истории», 1900 г., № 7, с. 194—198 (статья В. Никитина «Один из русских историков»).

³ Ефремов Петр Александрович, библиограф и издатель (1830—1907). Одно время сотрудничал с М. Д. Хмыровым, в частности, издал «Путешествие из Петер-

(Хмыров) положил начало своей библиотеке»⁴.

Самые различные обстоятельства вызывают интерес к изучению истории, интерес, влечение и, наконец, любовь к ней. М. Д. Хмырова приблизили к отечественной истории его занятия в 1858—1859 гг. в Архиве лейб-гвардии Измайловского полка. Затем Хмыров получил доступ в архивы: Артиллерийский, Генерального штаба и Горного департамента. Интерес М. Д. Хмырова к изучению отечественной истории, расширяясь и углубляясь, все еще оставался бессистемным. Правда, часто его занятия сосредоточивались на истории России XVIII в. В частности, М. Д. Хмырова особенно привлекали вспомогательные исторические дисциплины — генеалогия и эпиграфика.

Специального исторического образования М. Д. Хмыров не имел. Печататься он начал с 1859—1860 гг., около ста напечатанных им журнальных статей и заметок касались самых разнообразных тем из истории России. Они были компилятивными и описательными, нередко справочного характера. Перечень же основных статей М. Д. Хмырова, вошедших в книгу

«Исторические статьи М. Д. Хмырова» (Спб., 1873), подтверждает его интерес к сюжетам из истории России XVIII в., сюжетам, правда, незначительным — «Граф Лесток», «Густав Бирен, брат регента»; «Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнста Иоанна Бирена, герцога Курляндского», «Записки Бирена» и др.

По своему истинному призванию М. Д. Хмыров был библиографом, и любовь его к истории России выразилась главным образом в деятельности по составлению «Коллекции» журнальных и газетных вырезок. Эту «Коллекцию» Хмыров собирал в последние двадцать лет жизни.

В 1861 г. Хмыров в чине штабс-капитана ушел в отставку и полностью отдался любимому делу: собиранию «Коллекции» и написанию статей на исторические темы.

В то время, после поражения царского правительства в Крымской войне и небывалого роста общественного, национального самосознания, такие видные русские библиографы, как братья Б. П. и П. П. Ламбины, Г. Н. Геннадии, Е. П. Ламанский, П. А. Ефремов, В. И. Межов, формулировали новые, высокие требования, предъявлявшиеся к библиографии истории России, ее экономики, географии, фольклора, литературы.

Вот почему и М. Д. Хмыров весь отдался собиранию своей «Коллекции». Эта его работа отвечала тому патриотическому и

бурга в Москву» А. Н. Радищева. Это издание, как известно, было полностью уничтожено.

⁴ Михаил Дмитриевич Хмыров (Некролог П. Ефремова). М., 1873.

просветительскому представлению о «родиноведении», или, как его иногда называл Хмыров, «отчизноведении», каким оно у него складывалось в 50-х и 60-х годах минувшего столетия.

II

Как мы уже упоминали, М. Д. Хмыров свою библиотеку и «Коллекцию» начал собирать с 1851—1852 гг.

«В заключение должно упомянуть о составленной им библиотеке, подобной которой не было, да, наверное, можно сказать, и не будет не только в России, но и за границую; ибо надо много знания и много любви к делу, чтобы решиться на такой *подвиг*, которым задался Хмыров при составлении своего собрания. С неутомимой энергией, отказывая себе даже в необходимом, перенося всевозможные лишения... покойный в течение слишком 20-ти лет употреблял скудные свои средства на покупку *всех* без исключения русских альманахов и периодических изданий, журналов и газет (включая губернские и епархиальные ведомости), от начала современной прессы в России, и собрал таким образом более 12 000 номеров одних только журналов... Все покупаемое он тотчас же заносил в алфавитные книжки, чтобы знать, что есть у него, и затем он разрезывал альманахи, журналы и газеты на отдельные статьи, отмечая на них номер и год издания, и раскладывал в особые папки

с надписями, в систематическом порядке по предметам, о которых говорится в статьях (исключая художественную литературу.— Е. В.)... В случае, если одна статья оканчивалась на обороте другой страницы, то недостающий конец списывался, а если статья заключала несколько сведений, относящихся к разным предметам, то на нее делались ссылки и подкладывались в соответствующие папки. Подобного рода библиотеку... — заканчивает П. Ефремов, — конечно, можно назвать драгоценною»⁵.

С. Н. Шубинский⁶, хорошо знавший Хмырова, писал: «27 ноября, 1872 года, умер один из неутомимых и в высшей степени полезных литературных тружеников — Михаил Дмитриевич Хмыров... Имя его теперь уже забыто, да и тогда оно оставалось мало известным обществу. Это был человек своеобразный во всем: в одежде, привычках, взглядах на вещи и даже в сношениях с людьми... Хмыров посвятил себя так называемой «черновой» работе — невидной, но во многих отношениях драгоценной, преимущественно для лиц, занимающихся наукой. Весь свой скудный заработок он

⁵ Михаил Дмитриевич Хмыров (Некролог П. А. Ефремова). М., 1873, с. 10—12.

⁶ Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913 гг.). Историк, литератор. Редактировал в 1875—1880 гг. основанный им журнал «Древняя и Новая Россия», затем журнал «Исторический вестник».

тратил на составление библиотеки по особенному, им придуманному, плану ...Библиограф по призванию, Хмыров читал каждую книгу не иначе, как с выписками, разнося на отдельные листки, с кратким объяснением содержания... Так как библиографические работы... оплачиваются весьма скудно, то он всю жизнь бедствовал»⁷.

С. Шубинский пишет, что к «Коллекции Хмырова» прибегали за справками и сведениями ученые и любители истории чуть не со всех концов нашего отечества.⁸

Громадная «Коллекция» и журнальных и газетных вырезок М. Д. Хмырова хранилась на его петербургской квартире — в светлой, большой комнате...⁹

Неустанно пополняя «Коллекцию», М. Д. Хмыров уже в 60-х годах выступил с «Проектом» издания «Настольной Энциклопедии русского отечествоведения». Энциклопедия, по замыслу Хмырова, должна была «вместить в себя, без всякого исключения, все, касающееся России во всех отношениях». Объем этой проектируемой «Энциклопедии» был, поистине, огромен. Хмыров писал в «Проек-

те»: «При составлении *алфавитов* (статей Энциклопедии.— Е. В.) должно руководиться одной целью: чтоб в них вошло *все*, не только существующее, но когда-либо существовавшее на земле русской... В этих видах ожившие учреждения, исчезнувшие *города*, упраздненные *монастыри*, расформированные *полки*, угасшие *фамилии*, вымершие *обычаи*, забытые обряды, истлевшие журналы — должны занять свое место на ряду с нынешними»¹⁰.

Издание «Энциклопедии» было задумано М. Д. Хмыровым как коллективное, размером до 14 томов. Основой «Энциклопедии» должна была послужить его коллекция журнальных и газетных вырезок и в дополнение к ней — библиографическая картотека. Но ни одно учреждение, ни один издатель не решились на такое громадное и дорогостоящее издание.

После кончины М. Д. Хмырова «Коллекция» была приобретена в 1873 г. у его вдовы для московского Русского исторического музея за 3000 рублей. Она положила основание библиотеке Исторического музея, а затем была передана Публичной Исторической библиотеке.

И до сей поры «Хмыровская коллекция» находится в Исторической библиотеке, в фонде ее ос-

⁷ «Исторический вестник», 1897, апрель, с. 42—43.

⁸ «Михаил Дмитриевич Хмыров» («Некролог» С. Шубинского. Без места и года издания, с припиской на этикетке обложки «Из Иллюстрации Пине»).

⁹ «Вестник всемирной истории», 1900, № 7, с. 194.

¹⁰ «Проект составления и издания „Настольной энциклопедии русского отечествоведения“». — «Русская старина», 1873, т. VII, с. 277—283.

нового книгохранилища. Некоторая часть «Коллекции» еще не сброшюрована, и работа над нею продолжается...

Материалы «Коллекции», как уже говорилось, охватывают периодические издания, выходившие в России с 1755 по 1865 г., т. е. за 110 лет.

М. Д. Хмыров большинство своих приобретений — журналов и газет — искал и находил на «толкучих» рынках и книжных развалах.

В этом уникальном собрании 1288 томов (папок), и некоторые его разделы содержат до 1000 вырезок и документов каждый. Тематически «Хмыровская коллекция» относится преимущественно к истории СССР, к истории русской литературы, искусству; экономике, этнографии, фольклору, географии, медицине XVIII и начала XIX столетий. Представляют также большое значение материалы, собранные Хмыровым для составления биографического словаря русских замечательных людей.

В коллекции — 317 тематических разделов. Приведем, к примеру, названия некоторых этих подборок, данные самим Хмыровым: «Дмитрий-царевич»; «Иоанн IV Грозный»; «Пугачевский бунт»; «Святые Кирилл и Мефодий»; «Царь Федор Алексеевич» и др.

Географические материалы распределены по 59-ти губерниям и областям, образовавшим Российскую Империю...

Читатель, знакомящийся с «Коллекцией» М. Д. Хмырова, найдет громадное количество материалов по фольклору — о русских сказках, былинах, песнях, поверьях, пословицах, обычаях и праздниках; «Словарь русских деятелей»; материалы о «Слове о полку Игореве»; о русской старине; о генеалогии русских боярских и дворянских родов и др.¹¹ В 75 папках (из 1288) находятся материалы, относящиеся к странам и народам Востока. Например, Азии посвящено 18 томов и один том гравюр, Африке — 4 тома, Индии — 11, Китаю — 13, Персии — 6 томов, Японии — 1 том. Один из самых больших разделов отведен Турции — 18 томов¹².

Такова, в общих очертаниях, замечательная «Коллекция» М. Д. Хмырова, собранная им в непрестанном труде и лишениях, в многолетних заботах и тревогах, с любовью к знаниям — для просвещения народа.

III

Да, М. Д. Хмыров был человеком «одной идеи», у него была одна высокая цель в жизни и характер непреклонный.

¹¹ Эти сведения взяты из «Алфавитно-тематического указателя Хмыровской коллекции» 1755—1865 гг., находящегося в Газетном зале Исторической библиотеки.

¹² «Советское востоковедение», 1958, № 3, с. 125—127.

Как он жил, создавая свою замечательную «Коллекцию», каким он казался окружающим его людям и каким он был «на самом деле»?

Портрет М. Д. Хмырова напечатан в журнале «Всемирная иллюстрация»¹³. Ему, как видно, лет 30—35. Длинные волосы разделены прямым пробором. Борода широкая, округлая и с бакенбардами, а усы—длинные, распрямились по сторонам, со слегка приподнятыми концами... Он был «сильный брюнет, с бледным лицом и сухопарый»,— вспоминает В. Н. Никитин¹⁴.

Одно время М. Д. Хмыров симпатизировал славянофилам. и В. Н. Никитин продолжает: «Облачался в красную, или зеленую рубашку, с косым воротом, армяк, плисовые, черные шаровары и сапоги бутылками...». Здесь уместно привести и слова С. Шубинского: «Это был человек своеобразный во всем: в одежде, привычках, взглядах...».

Упомянем слова П. А. Ефремова, литератора, библиографа и издателя, близкого к Хмырову:

— «...Я должен, — пишет он, — сказать несколько слов о дорогом товарище, как о человеке. Он был добр, прямодушен, готов на

всякую услугу; в убеждениях был тверд, не менял их и не скрывал, так что каждый мог знать с каким человеком имеет дело и смело на него положиться в случае нужды. Вместе с этим он был, однако, человеком крайне непрактичным во всем, что касалось его *личных* интересов и часто терял там, где другой на его месте мог бы только выигрывать»¹⁵.

В воспоминаниях В. Н. Никитина о М. Д. Хмырове, о его самоотверженной библиографической деятельности есть, однако, несколько строк, заставляющих предполагать, что жизнь Хмырова изучена еще недостаточно. Так, известно, что после неудавшегося покушения Д. В. Каракозова 4-го апреля 1866 г. на Александра II последовали массовые правительственные репрессии.

Но вот в воспоминаниях В. Н. Никитина мелькнули такие строчки: «М. Д. (Хмыров.— Е. В.), по своему мировоззрению, считался самым умеренным либералом, тем не менее после поразившего всех каракозовского покушения... явились и к нему. У Хмырова был обыск»¹⁶. Но он не дал никаких результатов. Надо представить, как были озадачены и растеряны жандармы, стоя в квартире Хмырова перед шкафами и полками, наполненными

¹³ Т. 8. Спб, 1872, № 208, с. 409—410. Здесь помещен некролог С. Шубинского о Хмырове и его портрет (рис. К. Брожа, грав. Л. А. Серяков).

¹⁴ «Вестник всемирной истории», 1900, № 7, с. 194.

¹⁵ Михаил Дмитриевич Хмыров. (Некролог П. А. Ефремова). М., 1873, с. 15.

¹⁶ «Вестник всемирной истории», 1900, № 7, с. 198.

тысячами и тысячами его журнальных и газетных вырезок! Разумеется, если что-либо «крамольное» и хранилось Хмыровым на его квартире, то искать там запрещенную литературу и переписку было бы для жандармов занятием, заранее обреченным на неудачу...

...Верный до конца своей идее создать «Настольную энциклопедию русского отечествоведения», М. Д. Хмыров, находясь в крайней бедности, все же продолжал скупать на «толкучке» у тогдашних букинистов старые журналы и газеты. В «Некрологе» редакции журнала «Русская старина» читаем: «На свои ничтожные, тяжким трудом добытые средства, — М. Д. Хмыров составил значительную библиотеку и... весьма обширный отдел вырезок статей из русских журналов (1755—1865 гг.) по истории, географии, статистике, политической экономии. В течение нескольких месяцев... он питался хлебом, яйцами и иногда студнем из мелочной лавки»¹⁷.

О последнем годе жизни М. Д. Хмырова и о трагедии, которую незадолго до своей кончины он пережил, кратко рассказывает С. Шубинский: «Самолюбивый и скрытный, он (Хмыров. — Е. В.) безропотно переносил лишения, ни к кому не обращался за пособиями и никого не посвящал в свои домашние дела. Только за несколь-

ко месяцев до смерти, он проговорился мне о безвыходности своего положения в следующем письме: «Именуя меня «чудаком», вы, однако, говорите сущую правду, — и вот доказательство: знаете ли вы, что не дальше, как в мае месяце (речь идет о 1872 годе — годе кончины М. Д. Хмырова. — Е. В.), я лишусь окончательно всей моей библиотеки? Я не говорю об этом никому даже своим, и можете себе представить, что происходит в моей душе...»

Эти горестные, как стон, слова похожи на прощание с жизнью...

... «Как впоследствии оказалось — пишет далее С. Шубинский, — Хмыров задолжал за квартиру более, чем за год, и домовладелец, назначив ему окончательный срок для уплаты, угрожал в противном случае описать и продать с аукциона его библиотеку. Хотя А. А. Краевский¹⁸ и уплатил за него этот долг (с лишком тысячу рублей), но тем не менее Хмыров продолжал крайне нуждаться...».

Прервем, однако, воспоминания, так как хвалебные слова Шубинского о Краевском требуют разъяснения.

Версия об издателе А. Краевском, будто бы уплатившем за

¹⁷ «Русская старина», 1873, т. VII, с. 109—114.

¹⁸ Краевский Андрей Александрович (1810—1889), русский журналист, издатель. С 1839 по 1884 г. издавал журнал «Отечественные записки». Был одним из основателей «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» и членом других благотворительных обществ.

Хмырова долг свыше тысячи рублей, требует уточнения. Старый сотрудник А. Краевского по «Отечественным запискам» В. Р. Зотов в статье «Нестор русской журналистики», посвященной Краевскому, разрушает сложившуюся легенду о бескорыстной помощи А. Краевского М. Хмырову ¹⁹.

По словам В. Р. Зотова, Хмыров, очень нуждаясь, «должен был прибегнуть к единственному средству продлить существование — к продаже своей библиотеки». Тогда он предложил А. Краевскому взять ее под залог в 800 рублей с тем, чтобы библиотека и «Коллекция» газетных и журнальных вырезок оставалась в пользовании у Хмырова до его смерти.

А. А. Краевский, богатейший издатель, состояние которого превышало миллион рублей (утверждение В. Зотова в той же статье), один из основателей и руководителей тогдашнего Литературного фонда, согласился на это предложение Хмырова. Можно думать, что эта сделка для А. Краевского была не безвыгодной. Ведь после смерти Хмырова его библиотека и «Коллекция», в случае, если бы на них не нашлось покупателя, перешли бы к Краевскому, в погашение долга Хмырова — за 800 рублей, т. е. за бесценок!

¹⁹ «Исторический вестник», 1889, т. XXXVIII, с. 371. Статья В. Р. Зотова «Нестор русской журналистики» (с. 356—374).

Вслед за тем, — продолжает В. Р. Зотов, — Хмыров умер на 42-м году. После него остались жена, дети да долгов более четырех тысяч. Библиотеку продали в Москву за три тысячи, и Краевскому пришлось *по расчету* получить три четверти своего долга, то есть 600 рублей...». И уже, получив эти 600 рублей, только тогда А. Краевский передал их в Литературный фонд в пользу детей М. Д. Хмырова для их воспитания.

Последние месяцы жизни в Петербурге, по воспоминаниям Шубинского, «Хмыров продолжал нуждаться. Семья его, не имея чем существовать в Петербурге, уехала к родным в деревню; он оставался в квартире один, без прислуги, и питался студнем, покупаемым на несколько копеек в мелочной лавочке. Плохое питание развило в нем болезнь, от которой он не лечился, потому что нечем было платить доктору, и которая, быстро усиливаясь, свела его в могилу» ²⁰.

И, наконец, рассказ о последних месяцах жизни М. Д. Хмырова завершает в «Некрологе» П. А. Ефремов. Михаил Дмитриевич Хмыров, спасая свою «Коллекцию» от публичного торга — аукциона и ее распродажи — не выдержал этого потрясения и тяжело заболел. «Хмыров умер, оставив семье рубль денег из полученного вспо-

²⁰ «Исторический вестник», 1897, апрель, с. 42—47.

моществования, да честное доброе имя...»

Как пишет Б. Л. Модзалевский М. Д. Хмыров был погребен «в Сытинском погосте, Каширского уезда, Тульской губернии» ²¹.

Свою недолгую жизнь М. Д. Хмыров провел в горькой, но гордой бедности, в тяжких, но скрываемых им страданиях. Все: и скудные заработки и здоровье — он отдавал своей «Коллекции». Высоким оправданием его жизни и поныне служит и будет служить эта замечательная «Коллекция», созданная им для просвещения народа.

²¹ «Русский биографический словарь», т. 21. Спб, 1901, с. 370.

...Наведайтесь же в один из тихих московских переулков — Старосадский, преодолите все лестницы, ведущие на пятый этаж дома, где находится Газетный зал Государственной публичной Исторической библиотеки, и вы не пожалеете, что пошли туда... Что бы вы ни искали там, в «Хмыровской коллекции», к вам неизбежно прихлынет радость от находок в ней, находок, иногда непредвиденных вами, — поистине нечаянная радость!

И тогда вы еще раз призадумайтесь о судьбе и подвиге Михаила Дмитриевича Хмырова.

Москва, 1971

И. Я. КАГАНОВ

ЭЙЗЕНШТЕЙН — БИБЛИОФИЛ

В «Заметках книголюбца», года два назад напечатанных в одном из наших журналов, можно прочесть: «Когда у меня спрашивают, чем библиофил отличается от остальных людей, я отвечаю: у собирателя редких книг больше праздников»¹. Нет оснований сомневаться в искренности этих слов — всякий собиратель знает, как велика радость обнаружения, находки, первого знакомства с нужным экземпляром, на розыски которого нередко уходят годы. Это подлинный праздник — иначе не скажешь. И легче всего, говоря о Сергее Эйзенштейне-библиофиле, пойти по этому пути, опираясь при этом на свидетельства людей, близко его знавших: «День покупки книг был для него праздником», — вспоминает Э. Шуб².

В своих автобиографических набросках Эйзенштейн не раз говорит о радости, которую доставляли ему прогулки по прославленной парижской набережной Сены с ее лотками букинистов. Он признается в своей любви к книге: «Я столько лет их (книги) люблю: большие и маленькие, толстые и тонкие, редкие издания и грошовые книжонки, визжащие суперобложками или задумчиво погруженные в солидную кожу, как в мягкие туфли»³. Часто встретите вы у него строки, почти буквально повторяющие аналогичные признания А. Франса: «Я был еще полон

¹ Радовский В. Живые свидетели. Заметки книголюбца. — «Радуга» (Киев), 1969, №10, с. 129.

² Шуб Э. Крупным планом. М., 1959, с. 115.

³ Эйзенштейн С. Избранные произведения в 6-ти т., т. 1. М., 1964, с. 446. В дальнейшем ссылки на это издание даны в тексте с обозначением тома и страницы.

Вл. Лидин, С. Эйзенштейн и Г. Ярон в Книжной лавке писателей

иллюзий и поглаживал мой лист со всей сладострастностью истинного коллекционера» (I, 279).

Именно таким «истинным коллекционером», какими обычно представляют себе этих чудаковатых людей, легко изобразить великого гения кинорежиссуры. Как часто и охотно Эйзенштейн говорит о книжных редкостях, имеющихся у него. Он рассказывает, например, о нелепой поэме Маринетти и не забывает добавить, что экземпляр ее с претенциозной надписью автора хранится «среди сугубо парадоксальных раритетов моей кунсткамеры» (I, 370).

Не только «сугубо парадоксальных», но и подлинных раритетов в его коллекциях много, и среди них книги с дарственными авторскими надписями Джойса, Гордона Крэга, Э. Синклера, Стоковского, Фрейда, Цвейга, Шоу. Я не перечисляю многочисленных книг советских писателей с автографами — хорошо известны дружеские связи С. Эйзенштейна с его соотечественниками — деятелями искусства и литературы⁴. А помимо этого в библиотеке

⁴ Приведу лишь надпись на книге А. Виноградова «Черный консул»: «Автору от автора. А. Виноградов. Промедление наших главков вторично на Вас и «первично» на мне губительно отразиться готово» (речь идет о несостоявшейся экранизации этого романа, над сценарием которого совместно работали Виноградов и Эйзенштейн.— И. К.).

творца «Броненосца „Потемкина“», библиотеке исключительно своеобразной по своему составу, в той ее части, которая и сегодня бережно сберегается стараниями Союза кинематографистов СССР, большое количество других книжных редкостей: прижизненные издания Бальзака, Э. По, Э. Сю, Гофмана, много книг, изданных в XVIII в.⁵ Среди них — великолепный экземпляр «Histoire naturelle» Бюффона в 20-ти томах издания 1766 г. с гравюрами, раскрашенными от руки. Куплено это издание в Харькове во время съемки фильма «Старое и новое». И здесь Эйзенштейн предстает перед нами как библиофил, стремящийся использовать каждую возможность для пополнения своего собрания. Он чудесно описывает книжную лавочку Сильвии Бийч — это к ней любил заходить в годы своей парижской жизни Хемингуэй: «Где бы я ни оседал на время больше чем на месяц, я непременно находил такую книжную лавочку. Такую же заднюю комнатку. Такого же милого энтузиаста книг» (I, 456). И разве сам он не был энтузиастом книг, «фанатиком книги и букинистов», как называл Эйзенштейн Гордона Крэга (I, 458). Вот «в последнее мгновение», уезжая из Голливуда, он успевает «ухватить этого неуловимого» полного Фрезера⁶. «Я везу его в ручном багаже. И черт возьми! Ну и весома же эта двенадцатитомная антропологическая премудрость!» — посмеиваясь над самим собою, восклицает он (I, 481).

В какие трудные положения, нередко комические, иногда печальные, он попадает. Мы узнаем, что, живя в Петрограде в первые годы революции, однажды он так был поглощен какой-то книжкой, что не заметил, как раздавили «в трамвае четверть молока», которую бережно вез он с собой.

Как известно, в годы гражданской войны Эйзенштейн — в рядах Красной Армии; он старательно и добросовестно несет службу сапера. А вместе с тем вот какие эпизоды запомнились ему: он видит себя «с книгой в лю-

⁵ После смерти С. М. Эйзенштейна часть библиотеки была передана его вдовой П. М. Аташевой Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Это были главным образом книги и альбомы по искусству, отсутствовавшие в крупнейших хранилищах нашей страны.

⁶ «„Золотая ветвь“ Фрезера, за которой я бесплодно много месяцев гонялся» (I, 459).

бых скитаниях», «в тени теплушки, под вагоном, в ожидании перецепления эшелона». Для него «передвижение и книга — неразрывны». Чтение его разнообразно: Шопенгауэр, театральные заметки немцев Клейста и Иммермана, статьи Г. Крэга, Метерлинк, Ибсен, «крошечный томик» библиофила Жакоба (Поля Лакруа) и историко-авантюрные французские романы. От них завязатого читателя отрывает грозный окрик: «Техник! Ра-та-та-та-та... Почему не готовы спуски?» «Техник,— поясняет Эйзенштейн,— это я. Неважный техник. Слишком романтичный техник, чья голова совсем не ко времени и не к месту полна Парижем XV века» (I, 288, 289).

К этим комедийным штрихам можно добавить множество других, не забывая при этом выделить рядом с ними такие, которые характеризуют Эйзенштейна как библиофила, похожего на франсовского Сильвестра Бонара. Вспомним, как говорит он о «сладострастности истинного коллекционера» или о «молитвенном лицезрении» записных книжек Леонардо да Винчи в витрине музея (I, 436). Страстной любви к книге, зародившейся у него очень рано, он останется верен всю жизнь. Но с годами она изменялась, приобретала иной характер.

«Ко мне льнут книги»,— говорит он (I, 446). И он льнет к книгам. «Он не раз говорил мне, что самое драгоценное в его жизни — это книги. Они — спутники его жизни. С ними он не одинок»,— свидетельствует Э. Шуб⁷. Вспомнив о столе, который находился в квартире его родителей в Риге, Эйзенштейн пишет так: «Сейчас он снова стоит у меня дома на Потылихе, снова круглый как в [первый] день мироздания, в том, что [я] называю своей библиотекой. Этим она фактически была до того как, выступив из предначертанных берегов, книги не затопили собой все комнаты и вся квартира не превратилась в подобие внутренностей книжного шкафа!» (I, 258). И действительно, посетителей его квартиры в Москве поражает количество находящихся в ней книг. Поражало оно и такого завязатого книжника, как Виктор Шкловский. Но от его цепкого взгляда не ускользнуло и другое в этом книжном собрании: «Множество книг с сотнями закладок. Книги стоят в неожиданных соединениях»⁸.

⁷ Шуб Э. Указ. соч., с. 115.

⁸ Шкловский В. Жили-были. М., 1966, с. 511.

Подчеркнутые мною слова авторитетного свидетеля во многом помогают нам понять своеобразие эйзенштейновского библиофильства.

Эйзенштейн не раз возвращается к воспоминаниям детства. Он тяготится уготованной ему ролью пай-мальчика, сына родителей, в отношениях которых друг к другу за внешней доброжелательностью скрывалась отчужденность, взаимная враждебность. Вспоминая об отце, Эйзенштейн сравнивает его с отцами-тиранами, героями Бальзака, а о себе говорит, как о Давиде Копперфилде, оказавшемся в буржуазно-чиновничьей Риге первых лет XX в. Это и дало право В. Шкловскому сказать, что единственный сын своих родителей Сережа Эйзенштейн «жил как в пустыне». И эту пустыню он и «заселил книгами и рисунками»⁹. Читает он много. Но это не случайное чтение, чтение «юноши, выращенного взаперти». Как неожиданна, например, его просьба к матери, в письме, когда ему было 16 лет: «Только мне очень нужно, очень хочется, очень, очень, Достоевского»¹⁰.

Беспорядочное, очень разнообразное чтение, «чтение в разбивку», великолепная память, превосходный тренаж памяти (Эйзенштейн смолоду овладел настолько французским и английским языками — немецкий он знал наравне с русским, — что впоследствии читал лекции, выступал с докладами на этих языках в Париже и Голливуде), незаурядные способности рисовальщика — и наряду со всем этим полная неудовлетворенность тем, что приготовила ему жизнь.

Не удивительно, что он «отплыл от книжного берега»¹¹ — отплыл, чтобы окунуться в волны Великой Революции, сотрапезником на пиру которой суждено было ему стать. Сергей Эйзенштейн — человек и художник, Сергей Эйзенштейн-библиофил сформировался под непосредственным воздействием Великого Октября. Когда пришла революция, он многое знал, у него были свои вкусы и привязанности, в том числе книжные. Но, сохраняя во многом эти знания, вкусы и привязанности, он в корне изменяет главное — отношение к жизни. А это,

⁹ Шкловский В. Книга про Эйзенштейна. — «Искусство кино», 1971, №1, с. 121.

¹⁰ То же, 1971, № 2, с. 150 и 144.

¹¹ Шкловский В. Жили-были, с. 468.

в свою очередь, не могло не изменить радикальнейшим образом и характера его любви к книгам. Она становится иной, хоть внешние ее проявления во многом остались прежними. Слишком многое нужно не только оспорить, но и разрушить. Разрушить, чтобы начать строить Новое Искусство. Но став в ряды строителей нового, Эйзенштейн не хочет — подобно многим своим соратникам — поставить *nihi* над всем, что было сделано раньше. Книги, мудрость веков, накопленная в них, должны помочь ему осуществить ту грандиозную перестройку искусства, которую он считает своим гражданским долгом.

Писавшие о нем, знавшие его лично, говорят об энциклопедических его познаниях в разных областях культуры (I, 204), называют его художником и ученым. Теперь, когда стало известным (хотя далеко не полностью) его литературное наследие, когда опубликованы записи его лекций, лучше начинаешь понимать, каковы особенности библиофильства Эйзенштейна в зрелые годы его жизни.

Действительно, в неожиданном, нарушающем все обычные нормы библиотечной классификации порядке, стояли книги на его полках. Как свидетельствуют лица ему близкие, сам Сергей Михайлович придавал установленному им порядку огромное значение¹². Если не удивляет, например, выделение в особый шкаф книг по теории и истории музыки¹³ и истории живописи и архитектуры, то несколько неожиданным оказываются в соседстве с ними книги по балету, теории пантомимы, по театру *comedia del'arte*. Разумеется, книг по театру, его истории было очень много, и среди них обширное собрание книг (на разных языках) о елизаветинской драме, французском театре. Много, очень много книг по психологии (С. М. общался и дружил со многими советскими психологами, в том числе с Л. С. Выготским, автором известных трудов по теории художественного восприятия; его книги имелись в библиотеке). Рядом с ними — книги по графологии, характерологии, среди них — «*Physiognomische Fragmente*» Лафатера в издании 1777 г. Они использованы для

¹² Благодарю Н. И. Клеймана за эти сведения, а также за помощь, оказанную при ознакомлении с современным состоянием библиотеки С. М. Эйзенштейна.

¹³ Почти целая полка — книги по джазовой музыке. Заполнялась она тогда, когда литература о джазе была не столь уж многочисленной.

того, чтобы лучше показать, как выразительно может быть человеческое лицо и как важно знать это актеру, в особенности актеру кинематографа. С трудами психологов соседствуют труды Павлова и Бехтерева, хорошо изученные Эйзенштейном, что легко можно видеть, перечитывая его лекции по режиссуре. Вы встретите там также многочисленные примеры, почерпнутые из истории и практики японского и китайского театрального искусства. Книг по Японии, Китаю, Индии, по истории и искусству негров очень много. Этот раздел, очевидно, пополнялся во время заграничных путешествий. Очень много книг по истории Мексики и ее искусству. Одним из первых в нашей стране Эйзенштейн познакомился сам и знакомил других с творчеством Риверы и Сикейроса. И конечно же, великое множество книг на русском языке. Книги Маркса, Энгельса, Ленина. Эйзенштейн часто цитирует классиков марксизма-ленинизма¹⁴. Очень обширна литература, посвященная жизни и творчеству Пушкина. «Он знал всю литературу, все исследования, посвященные русскому гению поэзии», — утверждает Э. Шуб¹⁵. Как глубоко был воспринят им роман Ю. Тынянова, который он мечтал экранизировать, какие верные мысли о характере тыняновского творчества высказал (I, 522; IV, 539 и др.). Будучи современником горячих литературных боев, возникавших вокруг ОПОЯЗ'а, вокруг теоретических трудов А. Белого, Эйзенштейн внимательно следил за ними, сохранял книги опоязовцев и автора «Мастерства Гоголя»¹⁶, часто пользовался ими, нередко в полемических целях.

В мою задачу не входит анализ творчества Эйзенштейна-писателя, автора автобиографических набросков, статей и конспектов лекций. Это особая, очень благодарная тема. Мне важно было подчеркнуть энциклопедичность его познаний в разных областях культуры.

С. Юткевич в превосходной статье «Эйзенштейн — мемуарист», отмечая органическую потребность Эйзен-

¹⁴ Говоря о «ритмической закономерности повтора и вариаций одной и той же темы», Эйзенштейн показывает это на примере лекции В. И. Ленина «О государстве» (IV, 632—633). Свыше 20 раз в своих лекциях, опубликованных в IV томе, Эйзенштейн цитирует Маркса, Энгельса, Ленина.

¹⁵ Шуб Э. Указ. соч., с. 149.

¹⁶ Эта книга хранит в особенности много сделанных рукою Эйзенштейна помет на полях.

штейна теоретически осмысливать то, что осуществлялось им на практике как кинорежиссером, указывает, что «Эйзенштейн обладал еще к тому же темпераментом ученого и исследователя с широким кругом интересов, и совмещалось это с природным даром педагога, щедро передававшего свой опыт» (I, 204). «Любопытна страсть моя — обучать», — говорил Эйзенштейн о себе (IV, 741).

Познания Эйзенштейна — огромны, что предоставляло (по словам М. Ромма) в его распоряжение «грандиозное количество ассоциативного материала» (IV, 10). Эти ассоциации нередко неожиданны, и своей неожиданностью поражают. Сам он иронически говорит об этом: «В этом (предложенном студийцами решении финала) несомненно сплетение пессимизма Шопенгауэра с геометрией Лобачевского, которыми я увлекался... наравне с Метерлинком и Гофманом в перебивку с постройкой проволочных заграждений, блокгаузов, пулеметных гнезд и блиндажей...» (IV, 137). И в другом месте в начале статьи «torito», в которой дан блестящий анализ построения одной из сцен к фильму «Да здравствует Мексика!», Эйзенштейн признается: «Перелистав лекции, обработанные для настоящей книги, я испугался количества «отступлений», мест, приведенных по аналогии, выписок и цитат. Я хотел было вооружиться ножницами и беспощадно выстричь эти всесторонние разветвления» (IV, 631).

Как хорошо, что он этого не сделал! Ведь «всесторонние разветвления», их неожиданность и смелость придают неповторимую прелесть стилю Эйзенштейна. И в то же время как это существенно важно для того, чтобы правильно понять эйзенштейновское библиофильство. Не случайно отметил В. Шкловский наличие множества закладок в его книгах! Они нужны Эйзенштейну — создателю киношедевров, пропагандисту, воспитателю целого поколения режиссеров и актеров кино. Эйзенштейн — явление столь же необыкновенное, как и типичное для времени, в котором он жил. И необыкновенной была его любовь к книге. Я приводил уже слова близкого ему человека: «День покупки книг был для него праздником», но это был, употребим выражение Хемингуэя, «праздник, который всегда с тобой». И праздничной благодаря книгам становится его работа, имевшая непреходящее значение для истории советской культуры.

Так мы подходим к важнейшему выводу, какой можно сделать, знакомясь с книголюбием Эйзенштейна. В нем не угасла любовь к книге, которая влекла юношу к розыску альбомов с гравюрами Домье, первоизданий любимых прозаиков и поэтов. Но она обогатилась, окрепла, во многом изменилась в боевой и кипучей буче первых лет Октября. Любовь к книге сослужила ему большую службу. «Что мною написано, то мое, — имел он полное право сказать, цитируя Гете; — А взял ли я это из жизни или из книг — все равно; мое дело было употребить это кстати!» (IV, 637).

То, что дали ему книги и любовь к ним, было употреблено как нельзя более кстати. Любовь к книге, к книжной графике, к эстампу, к сохраненной им до конца дней привязанности к книге старинной, нередко поражающей своей композиционной завершенностью, позволила ему высказать ряд тонких и точных замечаний о Калло, Домье, Дега, о китайских народных картинках. Эти наблюдения, сделанные влюбленным зрителем, который превратился в тонкого исследователя, позволили прийти к немаловажным выводам о единстве живописного и литературного письма. А они, в свою очередь, вызвали к жизни мысль о «звукозрительном контрапункте», мысль, которая оплодотворила не только творчество Эйзенштейна, но и все развитие мирового киноискусства.

Пример Эйзенштейна учит, что библиофильство должно служить творческим целям самовоспитания и воспитания, обретения знаний и их передаче. Книгой, которую любят так, как любил ее Эйзенштейн, любят так же, как чудесным даром природы. Но, созданная рукой человека, книга позволяет, чтобы проникновение в суть строк, заполняющих ее страницы, дало свершиться иному чуду: чуткий читатель (а именно таким восприимчивым и взыскательным читателем и был Сергей Михайлович Эйзенштейн) становится соучастником созидания книги, ее сотворцом. И своей жизнью книга обязана этой признательной, живительной любви.

Харьков. Март — май, 1971

Б. КАЗАНКОВ

ВЕРНЫЕ СПУТНИКИ

В нескольких шагах от Дома книги на Невском проспекте, без которого нельзя представить жизнь ленинградских книголюбов, в старом литераторском доме живет Всеволод Александрович Рождественский, поэт больших чувств и большой человеческой доброты, глубоко любящий родной язык и родную природу.

В его скромной квартире на последнем этаже «поселились» книги. Они всюду — в коридоре, в кабинете, в столовой. Невольно приходят на память строки, обращенные к ним их хозяином:

*Друзья мои! С высоких книжных полок
Приходите ко мне вы по ночам,
И разговор наш — краток или долог —
Всегда бывает нужен мне и вам.
Как много вас! Здесь все века и страны,
Раздумий ваших и тревог цветы,
Скитальцы в бесконечном, капитаны,
Поэты и алхимики мечты.
Через века ко мне дошел ваш голос,
Рассеявшийся некогда, как дым,
И то, что в вас страдало и боролось,
Вдруг стало чудодейственно моим.*

Без книг Всеволод Александрович себя не мыслит. — Когда я был еще студентом филологического факультета Петроградского университета, — рассказывает Рождественский, — я познакомился с А. М. Горьким. К тому времени я уже опубликовал две первых книги стихов: «Лето» и «Золотое веретено». Горький ввел меня

в круг авторов, собравшихся в издательстве «Всемирная литература», организованном им. С этого момента я твердо решил стать писателем. И с этого же времени я стал собирать книги.

Всеволод Александрович с видимым удовольствием вспоминает, как по запискам издательства, он, тогда еще скромный студент, разыскивал у букинистов нужные книги — в первую очередь переводы западных классиков. Тогда-то и завязались у него прочные знакомства с букинистами.

Многому научился начинающий библиофил у такого знатока книги, как Василий Алексеевич Десницкий. Выполняя его поручения по издательству «Всемирная литература», Всеволод Александрович приобщился к миру книг, их собирательству.

На первые гонорары он стал покупать книги по истории древнерусской и классической литературы. Теперь эту тягу к «древностям» унаследовали дочери — Милена и Татьяна — аспирантки Ленинградского университета.

О своей первой библиотеке Всеволод Александрович вспоминает с грустью, так как она почти вся погибла в блокаду. Один только раздел чудом уцелел — книги поэтов и литераторов-современников с дарственными надписями. Он бережно достает из небольшого книжного шкафа пожелтевшие от времени томики, от которых у меня захватывает дух. Раскрываю один из них. Это третье издание «Театра» Блока, вышедшее в издательстве «Земля» в 1918 г. На титульном листе немного выцветшая, но четкая надпись: «Всеволоду Рождественскому на память. Александр Блок. 1920».

...Полвека отделяют эту надпись на книге от сегодняшнего дня.

...Хорошо и уютно в кабинете с синими обоями, заставленном книжными шкафами и полками. И сдержанно приветливый хозяин, приглушенно читающий свои стихи, посвященные Александру Блоку:

*Шел все выше он тропами Данта,
Опаленными темным огнем,
Но великая честность таланта
Свет зари положила на нем.
В путь далекий его провожали*

*Через радуги огненный мост
Гамаюн — птица гордой печали —
И предвестник грозы — Алконост.
И, как песни слова огневые,
Перед ним в грозовой тишине
Встал сверкающий образ России,
Прискакавший на алом коне.
Как же сердцем за нею не рваться
К воле, к счастью неистовых вьюг?
И за вами он вышел, Двенадцать,
Как поэт, современник и друг.
Страстной правдой горевшее слово
Он от пламени сердца зажег,
И народ не забудет простого,
Благородного имени — Блок.*

Я листаю одну книжку за другой и не знаю, какой из них отдать предпочтение, чью дарственную надпись воспроизвести в этой заметке, так они все важны и значительны для поэтической и человеческой судьбы их владельца. Вот очень трогательная надпись на сборнике «Осенние озера» Михаила Кузмина, обладавшего, по словам Валерия Брюсова, «даром стиха певучего и легкого». Надпись сделана в том же 1920 г.: «Дорогому Всеволоду Рождественскому — близкому поэту и прекраснейшему, как мне кажется, молодому человеку, с чувством нежной дружбы. М. Кузмин, 1920, сентябрь».

1920 год был удивительно «урожайным» на автографы. Всеволоду Рождественскому дарят свои книги Ф. Сологуб, О. Мандельштам. В 1921 г. дарит свою «Белую стаю» Анна Ахматова с лаконичной надписью: «Всеволоду Рождественскому — милому лирику». Вскоре на полке появились «Четки» тоже с лаконичной надписью: «Всеволоду Рождественскому, моему земляку, на память от Ахматовой».

Детство Рождественского прошло в аллеях изумительных, воспетых еще Пушкиным, парков Царского Села. Директором гимназии, в которой учился Всеволод Рождественский, был знаток античной древности и поэт Иннокентий Анненский. Лицейские стихи Пушкина читались там, где они были написаны. И здесь же впервые зазвучали робко собственные строки. Преданность ритму клас-

сических строк, преданность Пушкину остались на всю жизнь:

*Я начал день свой пушкинским стихом,
Сверкнувшим мне с развернутой страницы,
И до сих пор он в памяти струится,
Как отражение клена над прудом.*

Среди книг, которые во время нашей беседы продолжает подкладывать мне Всеволод Александрович, мое внимание привлекла книжка военных лет. На простой обложке стоит имя: «Николай Тихонов. Ленинградский год. Май 1942—1943. Рисунки Виктора Морозова. Военное издательство НКО, Ленинград, 1943». Сердце какого библиофила не забьется при виде этой поистине теперь библиографической редкости! А тут еще надпись самого автора: «Милому другу Всеволоду Рождественскому со старой любовью — дарю книгу о бедах и радостях Ленинграда. Ник. Тихонов. 1943.27.06». Я долго не выпускаю из рук бесценную реликвию. Это маленькие очерки, короткие описания, отдельные зарисовки, небольшие эпизоды из ленинградской жизни, охватывающие период с мая 1942 по конец апреля 1943 года. Это — дневник мужества, преклонение перед подвигом, который совершили ленинградцы в годы Великой Отечественной войны.

Всеволод Александрович протягивает мне скромную серенькую книжку: «Михаил Светлов. Горизонт. Новая книга. Советский писатель, Москва, 1959». На титуле надпись: «Дорогому Всеволоду Александровичу Рождественскому с любовью более долгой, чем история человечества. М. Светлов. 15/XI—59». В этой полушутливой фразе — весь Светлов, его голос, интонация, даже выражение лица. Не хочется отрываться! Но надо посмотреть еще много-много других книг-подарков. От Павла Антокольского, Веры Инбер, Александра Прокофьева, Степана Щипачева, Вадима Шефнера, Николая Ушакова, Николая Асеева...

Когда просмотр окончен, я спрашиваю у Всеволода Александровича, чем еще он гордится, какие книги особенно любимы им. Ответ получаю самый неожиданный. Он извлекает из шкафа весьма почтенную книгу, на титуле которой значится: «Стихотворения духовные. 1774 г. С предисловием Александра Сумарокова». Затем появ-

ляются «Стихотворения графини Е. Ростопчиной. Спб. 1841» — знакомой Лермонтова, изданные в год его смерти.

Всеволод Александрович очень гордится, что у него есть прижизненное издание стихотворений Федора Ивановича Тютчева, вышедшее в Санкт-Петербурге в 1854 г. Тютчев — его «вторая» любовь (после Пушкина).

К числу любимых книг он относит «Русские ночи» В. Одоевского, «Старую записную книжку» П. Вяземского. Очень дорожит автографами Фета (Ф. Е. Коршу) на книге Тита Макция Плавта «Горшок» в переводе Фета, изданной в Москве в 1891 году, К. Случевского (Буренину) на книге «Песнь из уголка», Мирры Лохвицкой на книге стихов «Перед закатом». Спб., 1908 и т. д.

В библиотеке В. А. Рождественского полный подбор книг «Библиотеки поэта» (большой и малой серий), много книг, вышедших в издательстве «Academia», хорошо представлена французская поэзия XIX в. (в подлинниках).

На полках стоят книги по античной литературе, по истории древнерусской и классической литературы, по русской истории, по истории театра и музыки. Много места занимают многотомные собрания сочинений русских и зарубежных писателей. Книги, книги, книги...

— Книга не однажды спасала меня,— говорит Всеволод Александрович.— Когда мне бывало тяжело и горько, я брал один из томиков. Наверное, не только я назову чтение обрядом радости...

*...что мне теперь надменные пределы
Времен границ, чужого языка,—
Я вижу мир, нерасторжимо целый
И утвержденный мыслью на века.
Все лучшее, чем может он гордиться
И чем мечта всегда была жива,
Вложили вы в заветные страницы
И ставшие бессмертными слова.
О, если б мог вот так же передать я
И свой, пусть малый, опыт бытия
Вам, дальние, неведомые братья,
Грядущие, безвестные друзья!*

А. ЛЕЙФЕР

УДИВИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Немногим доводилось держать в руках эту книгу. Необычна ее судьба, как необычен и внешний вид. Газетная (причем далеко не лучшего качества) бумага. Отсутствие цены. На обложке — Всеволод Тараканов и название — «Рогульки». Напрасно мы будем искать на библиотечных полках произведения, подписанные этим же именем, — только специалистам-литературоведам известно, что под этим псевдонимом скрыт молодой Всеволод Иванов.

У рассказов, помещенных в этой невзрачной книжечке, своеобразные, яркие названия (всего их восемь). «Купоросный Федот», «Джут», «Клуа-Лао»... Недаром А. М. Горький говорил их автору — тогда еще начинающему литератору: «...Вы, несомненно, человек талантливый, Ваша способность к литературе — вне спора»¹. Недаром Константин Федин — тоже один из первых читателей этой книги — много лет спустя

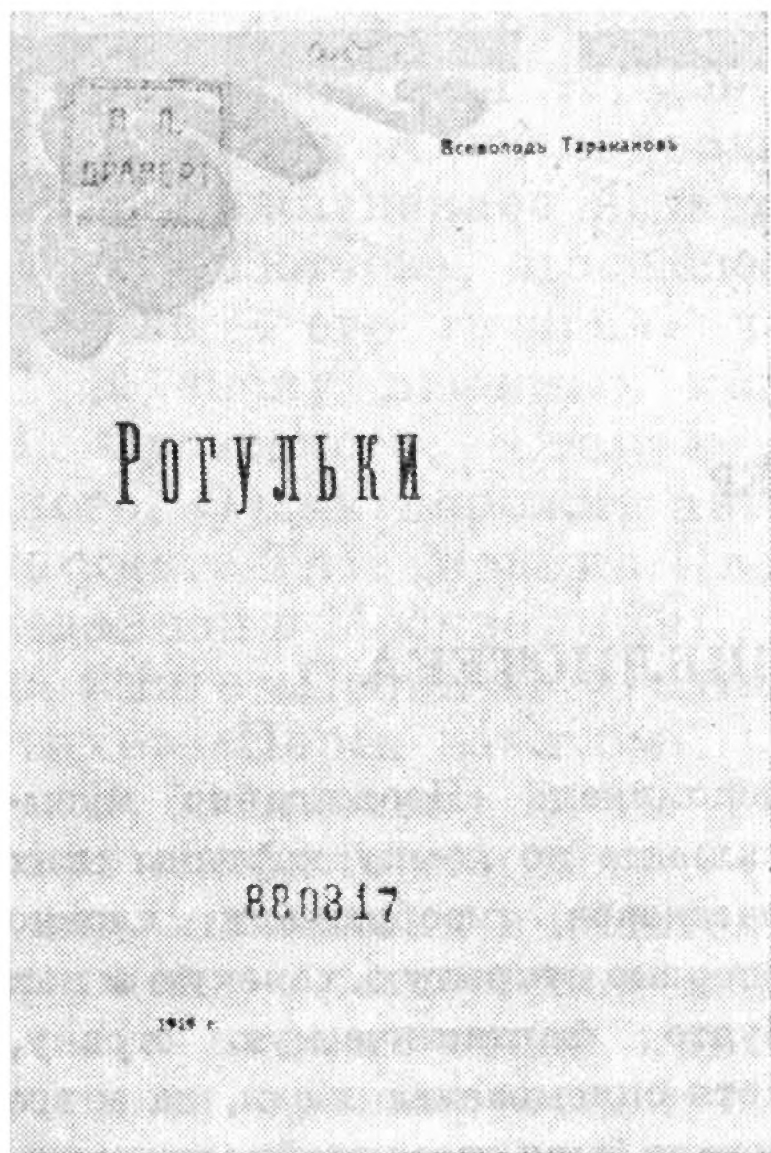
вспоминал: «Неожиданно музыкальные по языку картины этих рассказов изображали словно впервые открытую, далекую и как будто фантастическую страну, хотя описываемые люди, да и все детали были чрезвычайно реальны. Эта особенность сочетаний фантастики с реализмом ошеломляюще пышно проявилась в повестях и в первых рассказах, получивших известность»².

На книге дарственная надпись: «Петру Людовиковичу Драверту от автора. Омск. 16. IV — 1920».

Хранятся «Рогульки» в собрании книг известного сибирского поэта и ученого П. Л. Драверта. Он умер 12 декабря 1945 г. В последние часы жизни успел продиктовать завещание — архив, многочисленные коллекции и библиотека передавалась областному краеведческому музею. Потом книги были переданы в областную научную библиотеку имени А. С. Пушкина. Личный фонд профес-

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1955, т. 29, с. 378.

² Федин К. Горький среди нас. М., 1968, с. 68.

Титульный лист книги
Вс. Иванова «Рогульки»

сора Драверта теперь снабжен специальными каталогами, хранится в отдельных шкафах, по всем правилам библиотечного дела описан.

Удивительная это библиотека! Поражает разносторонность интересов ее хозяина. Каких только тут нет разделов! Одно их перечисление займет немало места: философия, атеизм, общественно-политическая литература, естествознание, математика, геология, география, минералогия, петрография, палеонтология... Драверт интересовался и биологией, и ботаникой, и зоологией, и медициной и сельским хозяйством. В его библиотеке много изданий по искус-

ству, истории, археологии, энтографии, литературоведению...

Немало книг подарено хозяину их авторами.

«Глубокоуважаемому проф. Петру Людовиковичу от автора. К. Циолковский. 1927 г. 5 окт.» — написал великий русский ученый на книге «Космическая ракета. Опытная подготовка», изданной в Калуге в 1927 г. Драверт собирал сочинения Циолковского, переписывался с ним. К сожалению, не удалось пока разыскать эту переписку. Недавно внук великого ученого — директор Государственного музея космонавтики в Калуге А. В. Костин — сообщил автору этих строк, что и в библиотеке его деда есть одна из книг Драверта.

Дружба с Циолковским не случайна. Драверт сам сделал немалый вклад в науку о космосе. Его считают одним из основателей советской метеоритики, он много работал над изучением разнообразных космических явлений³.

Среди подаренных Драверту книг есть работы академиков А. Е. Ферсмана и В. И. Вернадского. Был знаком Драверт и со знаменитым географом академиком В. А. Обручевым.

Драверта знали и любили многие сибирские писатели. Один из своих первых сборников подарил профессору молодой Леонид Мартынов, живший тогда в Омске.

³ Подробнее об этом см.: Виктор Утков. Встречи с П. Л. Дравертом. — В кн.: «Люди, судьбы, события». Новосибирск, 1970.

Свою работу преподнес и Валериан Правдухин — один из основателей журнала «Сибирские огни». Есть среди подарков произведения Кондратия Урманова, Вивиана Итина, Георгия Гребенщикова, Ивана Тачалова и других писателей-сибиряков.

Книги, стоящие на полках этих шкафов, могут рассказать нам не только о друзьях Драверта, но и о нем самом.

Вот книга самого Драверта — стихотворный сборник «Ряды мгновений». Она была издана в Якутске в 1908 г. У нее своя история.

Драверт принимал активное участие в событиях 1905 г. Он учился тогда в Казанском университете, выступал на митингах, участвовал в столкновениях с полицией. Впервые в истории этого университета Драверт водрузил на его главном корпусе красный флаг. За участие в революции 1905 года он был приговорен к ссылке в Якутию.

В Сибири Драверт находит себя как ученый, в Сибири начало набирать настоящую силу и его поэтическое дарование. Вскоре он выпускает еще один стихотворный сборник «Под небом Якутского края». Издан он в Томске, куда Драверта по ходатайству Академии наук перевели на поселение вместо последнего года ссылки. Эта книга принесла автору известность. В десятках различных газет и журналов — как сибирских, так и столичных — поя-

вились восторженные отзывы. Рецензенты в один голос заявляли: в Сибири появился поэт, достойный этого удивительного края.

После революции Драверт живет и работает в Омске.

В 1923 г. в Новосибирске (тогда еще Новониколаевске) выходит последний прижизненный сборник поэта-ученого «Сибирь». Сборник был высоко оценен критикой. Литератор Вивиан Итин писал: «Поэзия Драверта — большой этап в сибирской поэзии. След, оставленный им, глубок и неизгладим⁴».

Статья Итина была написана в 1927 г., но это не значит, что мысль о значительности сделанного Дравертом-поэтом устарела. Своеобразные стихи поэта-ученого до сих пор печатаются в различных антологиях, коллективных тематических сборниках, а недавно изданы два сборника его стихов⁵.

Библиотека Драверта еще ждет своего настоящего исследователя. Вещей, подобных «Рогулькам»,⁶ в ней хранится немало. Например, не описана и не систематизирована богатая коллекция экслибрисов, которую хозяин собирал долгие годы.

Ну, а теперь еще раз вернемся к истории редчайшего издания

⁴ Итин В. О поэтах. Художественная литература в Сибири. Сборник статей и докладов. Новосибирск, 1927, с. 70.

⁵ Драверт П. Стихи о Сибири. Омск, 1957; Драверт П. Северные цветы. Новосибирск, 1968.

сборника рассказов Всеволода Иванова — «Рогульки». Автор сборника впоследствии писал:

«Летом 1919 года, когда я набирал „Рогульки“, мне иногда казалось, что нет, пожалуй, более страшного и вместе с тем более возвышенного, более полного веры в человека и искусство предисловия, чем то, которое могло бы быть написано к этой тощей книжке с ее шестьдесят двумя страницами текста и ее тиражом в 30 экземпляров»⁶.

Шла гражданская война. Это она была ненаписанным «предисловием» к первой книжке молодого писателя, как, впрочем, и ко всему последующему творчеству Всеволода Иванова.

Обратите внимание на слова «когда я набирал „Рогульки“».

⁶ Иванов Вс. История моих книг. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1958, т. 1, с. 33.

Действительно — это был редкий в истории литературы случай — автор сам набирал свою книжку, так как работал в то время наборщиком в типографии. «Может быть,— пишет Вс. Иванов,— один или два экземпляра ее сохранились где-нибудь в Сибири, один экземпляр по приезде в Петроград я подарил М. Горькому, один — К. Федину, и два есть у меня. Вот все, что осталось от моей первой книжки»⁷.

Есть ли она еще «где-нибудь в Сибири» — сказать трудно. Но в Омске «Рогульки» есть точно. И благодарить за это мы должны Петра Людовиковича Драверта. Кстати сказать, отношения его с молодым Всеволодом Ивановым, видимо, были достаточно близкими, раз один экземпляр из 30-ти преподнесен в подарок.

Омск, 1971

⁷ Там же, с. 42—43.

В. ОСОКИН

ВОСПОМИНАНИЯ О С. П. ФОРТИНСКОМ

С. П. Фортинский

Вторник. Вечер. Еду к Сергею Петровичу Фортинскому. Там мы встретимся с библиографом - экслибрисистом Юрием Петровичем Марцевичем.

По уже сложившейся традиции, вначале Фортинский и Марцевич обмениваются информацией о книжных, газетных и журнальных публикациях. Юрий Петрович многолет собирает библиографию по советскому экслибрису, и если встречает хоть какое-либо упоминание о книжном знаке, он его фиксирует.

Пока Фортинский и Марцевич беседуют, я тоже не теряю времени, просматриваю уникальные справочники, многие из которых машинописные. Где, как не у Фортинского, мог я получить сведения о книжных знаках

советских писателей, исполненных в 20—30-х годах. Ведь кроме экслибрисов Максима Горького и Владимира Лидина, мы их почти не знали. Справочники в коллекции Фортинского (подобные многотомному рукописному ука-

зателю Розенбладта) позволили выявить значительно большее количество писательских экслибрисов.

Уже много лет Сергей Петрович покупает старые газеты и журналы и делает вырезки на темы литературы, искусства, археологии, библиофилии. В них не раз уже находил я крупницы, а иногда и подлинные алмазы кем-то открытых, а потом забытых людьми фактов. Ведь известно, что книга живет годы, журнал — месяц, газета — день. И вот ищи эту газетную заметку, когда и справочная библиография-то ее не охватывает... Ну, а подобранные с завидной полнотой собрания военных и невоенных мемуаров, поразительные по редкости сборники историко-краеведческих описаний отдельных губерний России... А литература по экслибристике, по геральдике...

Но вот беседа Фортинского с Марцевичем подошла к концу.

Теперь, пока Марцевич знакомится с папками вырезок о памятниках архитектуры Подмосковья, которые он фиксирует так же тщательно, как и книжные знаки, я с Сергеем Петровичем занимаюсь атрибуцией неизвестных экслибрисов.

Вот книжный знак Бенкендорфа без обозначения инициалов. Какой это Бенкендорф? Установление этого факта имеет немалое значение. Может, он принадлежал к тем Бенкендорфам, у которых жил в 1790-х годах Иван Андреевич Крылов в подмосковном Виноградове?

— Нет,— говорит Фортинский, рассматривая в лупу экслибрис,— это не то время. Не та бумага, не тот шрифт, не тот характер полиграфического исполнения герба.

— А может быть, это экслибрис Александра Христофоровича Бенкендорфа, душеителя Пушкина? — спрашиваю я.

Сергей Петрович быстро достает справочник.

— Да, это может быть знак того самого Бенкендорфа, но исполненный в последние годы его жизни, через много лет после смерти Пушкина. Во всяком случае, к книгам, на которые он наклеен, следует особо присматриваться, ибо...

— Ибо,— нетерпеливо перебиваю я,— на них могут быть весьма ценные пометки Бенкендорфа, связанные и с Пушкиным.

Не забыть мне и историю с книжным знаком Державина. Я показал Сергею Петровичу письмо от О. П. Лиха-

чевой, сотрудницы библиотеки Академии наук, автора статьи об экслибрисной коллекции Розенбладта. Я запрашивал ее, как выглядит книжный знак поэта Гаврилы Романовича Державина из коллекции Розенбладта, ныне хранящейся в библиотеке Академии.

О. П. Лихачева взволнованно ответила, что со знаком этим произошла странная вещь: его, видимо, подменили другим, рисунок которого она приложила.

Сергей Петрович достал одну из своих папок на букву «Д».

— Вот этот знак, не правда ли? Ольга Петровна может быть спокойна. Никаких других державинских знаков не было, иначе я знал бы о них. Я уже над этим вопросом думал. И пришел к выводу, что это эмблема священника. А Державин имел дворянский герб. Следовательно, у Гаврилы Романовича был какой-то однофамилец духовного звания. Жил он одновременно с ним, в самом начале прошлого века.

Интуиция не подвела Фортинского. Современник Державина нашелся, и, что удивительнее всего, Гаврила Романович его знал. Это был священник и его сосед, написавший на поэта пасквиль. Престарелый Державин в 1808 г. по этому поводу сочинил превосходное стихотворение «Привратнику»:

*Один есть бог, один Державин,—
Я в глупой гордости мечтал,—
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег останавлиал.
Теперь другой Державин зрится,
И рифма та ж к нему годится.
Но тот Державин — поп, не я,
На мне парик — на нем скуфья...*

Кончается оно как раз описанием двух различных гербов:

*В моем звезда рукой держима;
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнести в печать;
Я лирою златой блистать.
И потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправля множество поклонов,—*

*Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай.*

Позже я читал Сергею Петровичу по телефону эти стихи, а он, довольный, посмеивался:

— Ну вот мы с вами и разобрали, что к чему.

Для Фортинского был характерен равный интерес к старому и современному книжному знаку. Ответив на вопросы по поводу атрибуции, он живо включился в разговор о текущей работе художников в области книжного знака, выражая определенные симпатии к работе тех или иных мастеров. Они сделали для него много экслибрисов, но особо ценил он и наклеивал на книги лишь некоторые. Для воинских мемуаров — экслибрис работы череповецкого художника Анатолия Наговицына с фигурой старого русского воина у пушек. Для мемуаров невоенных — изящнейший книжный знак работы Вадима Фролова с женским портретом и перчаткой. Он любил наклеивать на свои книги гравюру Евгения Голяховского — романтический пейзаж старого замка с инициалами С. Ф. Близкие Сергея Петровича говорят, что он высоко ценил за предельную выразительность и лаконизм книжный знак работы Г. А. Кравцова. ... Ныне богатейшая коллекция экслибрисов, собранная Фортинским, хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

...Нет меж нами больше Сергея Петровича Фортинского. Но его присутствие мы еще долго-долго будем ощущать.

Москва, 1971

С. П. ФОРТИНСКИЙ

МОСКОВСКИЕ БИБЛИОФИЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ 1920—1930 ГГ.

(По материалам изданий этих организаций)

*Посвящается светлой памяти
члена правления и последнего сек-
ретаря РОДК А. М. Макарова
и председателя секции собирате-
лей книг и экслибрисов МОВОФ
Н. Н. Орлова*

Осенью 1920 г. в голодной Москве, не пережившей еще всех трудностей гражданской войны и интервенции, встретились четыре библиофила, у которых мысль «о хлебе едином» не превалировала над любовью к книге, полиграфическому искусству и эстампам. Это были Владимир Яковлевич Адарюков, Алексей Алексеевич Сидоров, Давид Самойлович Айзенштат и Александр Мелентьевич Кожебаткин. Двое из них к тому времени были известными исследователями книги и графического искусства. В. Я. Адарюков к 1920 г. был автором 75 печатных работ по библиографии и искусствоведению. Исследователь русских литографированных портретов, он был достойным продолжателем трудов Д. А. Ровин-

ского. А. А. Сидоров, тогда еще скромный доцент Московского университета, к этому времени уже посвятил 30 печатных работ книге и эстампу. Обилие книжной и изобразительной продукции, хлынувшей после Октябрьской революции на книжный рынок, требовало тщательного изучения. Друзья решили для этого организовать в Москве общество таких же, как они, специалистов-книговедов и любителей-энтузиастов, желающих посвятить свой досуг изучению книги. 20 сентября 1920 г. состоялось первое частное собрание этой группы, а 9 октября — учредительное заседание общества, получившего название «Русское общество друзей книги» (РОДК).

В Москве до революции не было библиофильских обществ. Лишь в 1917 г. группой библиофилов и библиографов Б. С. Боднарским, У. Г. Иваском и Н. М. Лисовским была предпринята попытка организации «Библиофильского общества» однако она оказалась

неудачной. Направление его работы было, скорее, библиографическое чем библиофильское. Оно в какой-то мере должно было вести работу параллельно с Русским библиографическим обществом при Московском университете, у которого уже были традиции серьезной научной работы и с которым молодое общество не могло конкурировать. В том же 1917 г. «Библиофильское общество» прекратило свое существование. Таким образом, «Русское общество друзей книги» возникло на пустом месте.

Первое заседание РОДК состоялось 14 ноября 1920 г. На нем 22 члена-учредителя заслушали обзор истории библиофильских обществ, сообщение о целях и задачах РОДК, сделанное В. Я. Адарюковым, и доклад А. А. Сидорова «Проект словаря русских библиофилов». Это заседание положило начало деятельности РОДК, продолжавшейся до 1929 г.

Среди членов-учредителей общества были: учредитель и директор театрального музея А. А. Бахрушин, книговеды и искусствоведы В. Я. Адарюков, А. М. Кожебаткин, художник и историк искусства И. Э. Грабарь, А. Г. Митронов, А. А. Сидоров, А. М. Эфрос, артист Л. М. Леонидов, библиограф проф. Б. С. Боднарский, писатель и историк литературы М. О. Гершензон и другие.

Общество развернуло работу в нескольких направлениях. Основным были доклады, читав-

шиеся на заседаниях, проходивших, как правило, четыре раза в месяц по пятницам. За девять лет существования общества было около 390 заседаний.

Примерно равное количество докладов было сделано на литературные (79), искусствоведческие (69), библиофильские темы, по искусству книги и библиографии (70). Большие группы докладов были посвящены памяти ученых и общественных деятелей (41), новым книгам (37), полиграфии, издательствам и книжной торговле (51). Два доклада были посвящены юбилеям учреждений и три — книжным знакам. Интересные доклады сделаны на литературные темы.

За девять лет существования РОДК советская общественность отметила много памятных дат: 100-летие со дня выхода в свет первого сборника стихотворений А. С. Пушкина (1926); 85-летие со дня его смерти (1922); 50-летие со дня смерти Н. А. Некрасова (1928); 100-летие со дня смерти А. С. Грибоедова (1929); 25-летие со дня смерти А. П. Чехова (1929) и многие другие. Ко всем этим датам были подготовлены доклады в РОДК. Много интересных докладов о Пушкине, его окружении и пушкинской литературе сделал известный пушкинист М. А. Цявловский.

Большой интерес общественности вызвал доклад С. Г. Кара-Мурзы «Надсон и графиня Лида». Докладчику удалось установить ис-

тинное имя корреспондентки Надсона, скрывавшейся под этим псевдонимом. Доклад получил широкий отклик в газетах тех лет.

Среди докладов, посвященных художникам, выделяются: доклад о творчестве гравера И. Н. Павлова в связи с 40-летием его художественной деятельности (1926); памяти Л. С. Бакста (1925); памяти В. М. Кустодиева (1927); памяти Б. Э. Борисова-Мусатова (1926). Много докладов было посвящено творчеству других художников: И. Е. Репину, С. В. Чехонину, М. В. Добужинскому, В. А. Фаворскому.

Интересными были библиофильские доклады. Серию докладов в 1926 и 1927-х годах сделал книгопродавец-антиквар П. П. Шибанов на тему «Друзья и враги книги». Он же в 1927 г. прочитал доклад «Дезидерата русского библиофила». Доклады вызвали оживленные прения. Б. С. Боднарский в 1925 г. сделал доклад «Русские периодические издания по библиографии», А. А. Сидоров — «Библиофильские объединения Москвы» (1925) и др.

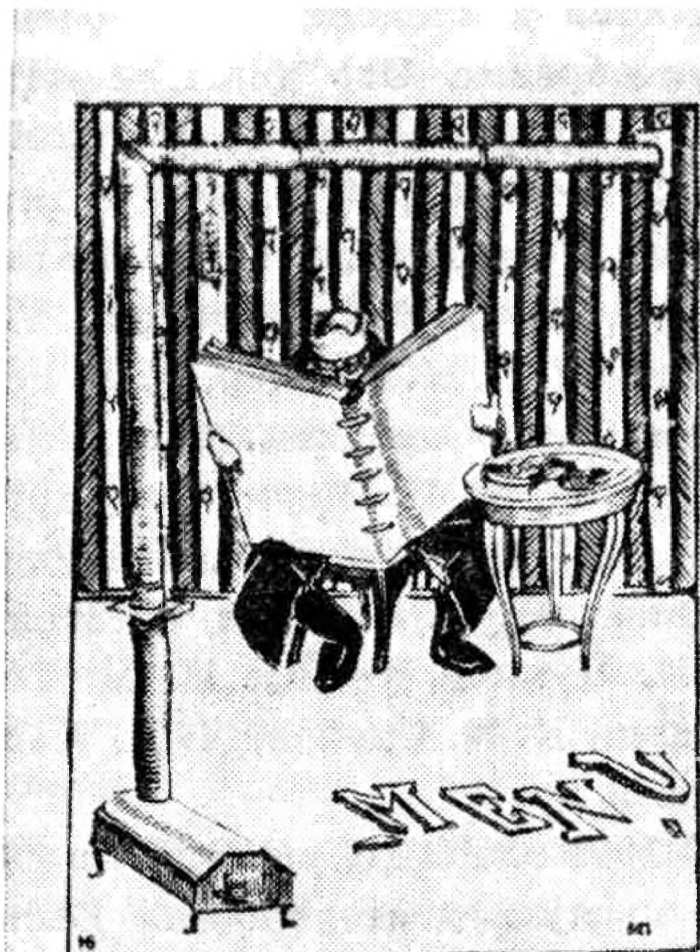
Ряд докладов был посвящен издательской деятельности, полиграфии и книжной торговле: памяти В. Ф. Тимма (1925); издательской деятельности А. Ф. Маркса (1926); М. и С. Сабашниковых (1926); Ф. Ф. Павленкова (1926); русским изданиям по полиграфии за первое десятилетие Советской власти (1927); деятельности Госиздата (1929) и др.

Состав докладчиков был очень разнообразен. Это члены РОДК В. Я. Адарюков, А. А. Сидоров, П. Д. Эттингер, Д. С. Айзенштат, А. М. Кожебаткин, С. Г. Карамурза, Б. С. Боднарский, Л. П. Гроссман, П. Н. Миллер, И. Н. Розанов, В. Ф. Саводник, Н. Ю. Ульяновский, М. И. Щелкунов и другие. В РОДК охотно делали доклады акад. Н. П. Лихачев, писатель Г. И. Чулков, ученые И. М. Тарабрин, К. В. Сивков, Л. Б. Хавкина и др.

С 1921 г. РОДК развернуло издательскую деятельность. Было издано 156 работ общества ¹, в том числе программы предполагаемых заседаний, литературно-художественных вечеров, памятки на наиболее примечательных заседаниях (111); книги и брошюры (21); художественная продукция: портреты, адреса и т. п. (13); издания развлекательного характера: шуточные газеты, шуточные стихи, приглашения на банкеты и т. п. (11). То, что на первом месте стоят издания, носившие информационный характер, не удивительно: основной деятельностью общества были доклады: естественно, что и главнейшая часть изданий была посвящена именно им.

Издательская деятельность РОДК началась с выпуска к первой годовщине существования общества шуточной «Кантаты»

¹ Русское общество друзей книги. 1920—1929 гг. Библиографический указатель. Воронеж, 1968.

А. А. Сидоров
КАНТАТА

МОСКВА
1923

Титул и фронтиспис брошюры А. А. Сидорова «Кантата»

А. А. Сидорова, в которой он воспевал членов-учредителей общества. Это небольшая ($15,5 \times 12$ см) брошюра, напечатанная на бумаге верже, в синей обложке, вышла в двух изданиях: в московском тиражом 13 экз., из них 11 именных с автографом автора, и в петроградском, тиражом 7 экз. («вторым тиснением»). В качестве наборщиков «Кантаты» значатся академик И. А. Орбели и чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер. В конце брошюры — шуточные меню банкета «из никаких продуктов». На фронтисписе — рисунок Н. Б. Бакланова, гравированный И. Н. Павловым, «Библиофил в 1920 году». Библиофилом, читающим при минусовой температуре громадный фолиант перед столом

с сухой селедкой, был изображен, как сообщила чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер, Александр Николаевич Бенуа.

Нет возможности описать все издания РОДК. Остановимся на тех, которые представляют особый интерес с художественной и библиофильской точки зрения.

Хорошо оформлена брошюра «Русское общество друзей книги. Сто заседаний. 1920—1922» (М., 1923), напечатанная на бумаге верже в количестве 200 пронумерованных экземпляров. Брошюра содержит перечень заседаний с 14 ноября 1920 г. по 15 декабря 1922 г. В ней указано количество присутствовавших на заседаниях членов общества и гостей и список членов общества. На фронтисписе

Памятка 212-го заседания РОДК

художник Ф. И. Захаров запечатлел одно из первых заседаний РОДК; прекрасно передана обстановка, в которой проходила в те годы работа общества. На рисунке библиотека бывшего Английского клуба, где проводили заседания. Помещение обогревается временкой, но холод не дает возможности снять пальто, а П. Н. Миллер, несмотря на то, что сидит рядом с печкой, даже прикрыл голову шапкой.

В гравюре на дереве исполнена памятка 185-го заседания РОДК, посвященного памяти Д. А. Ровинского (1824—1924). На первой странице памятки изображены гравюры — предмет изучения Ровинского. Памятка издана в 40 экз. К ней приложен превосход-

ный портрет Д. А. Ровинского, исполненный в офорте М. А. Добровым в 25 экз.

На бумаге верже голубого цвета исполнена художником А. А. Толоконниковым тушью от руки в трех экземплярах памятка 212-го заседания с докладом букиниста Э. Ф. Ципельзона-Россиенова «За книжным прилавком, факты и наблюдения».

К пятилетию общества (1925) членами РОДК Д. С. Айзеншта- том и П. Д. Эттингером была сос- тавлена и издана в блестящем оформлении и полиграфическом исполнении брошюра «Наша библиография» тиражом 125 нумерованных экземпляров. На фрон- тисписе брошюры — офорт ра- боты З. В. Куликовой. Кроме нее в издании участвовали художники

И. А. Шпинель, Н. Б. Бакланов, И. Н. Павлов и А. А. Толоконников. К этому же юбилею, наряду с другими интересными изданиями, А. А. Сидоров издал в подражание «Дому сумасшедших» А. Ф. Воейкова «Новый отрывок из Дома сумасшедших» тиражом 66 пронумерованных и именных экземпляров. В изящной брошюре автор беззлобно смеется над главнейшими деятелями РОДК.

Великолепной автолитографией работы А. А. Суворова украшена памятка 248-го заседания РОДК, посвященная памяти В. Э. Борисова-Мусатова. Памятка издана тиражом 25 экз.

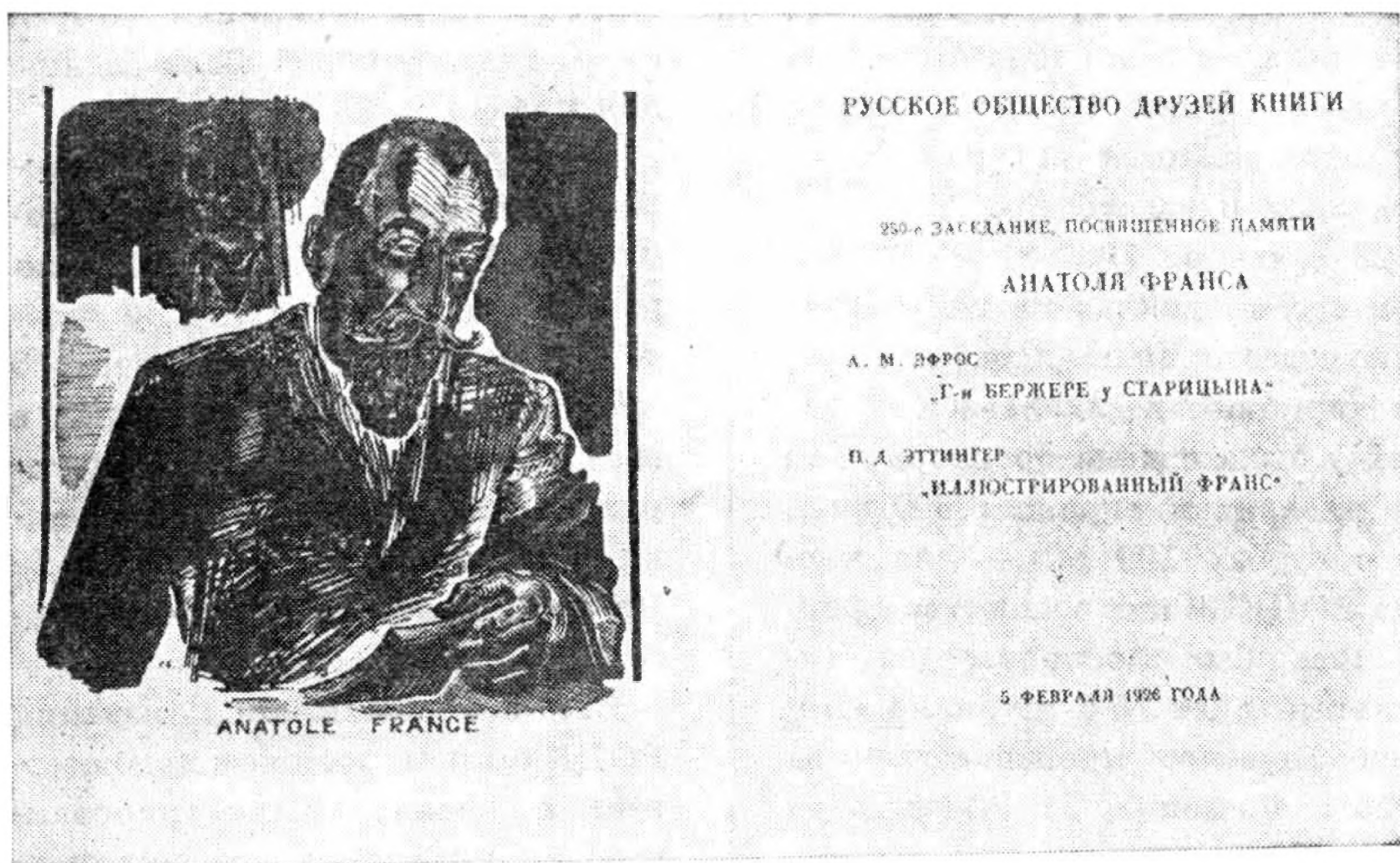
Вторая годовщина смерти Анатоля Франса была отмечена изданием изящной брошюры А. М. Эфроса «Господин Бержере у Старицына». В ней автор вспоминает свою встречу с писателем в букинистическом магазине А. Старицына в Москве. На фронтисписе — портрет А. Франса, исполненный в гравюре на дереве А. Д. Гончаровым. Брошюра издана в 400 экз., из которых к 100 пронумерованным экземплярам прилагался портрет А. М. Эфроса в гравюре на дереве работы художника И. А. Шпинеля и манжета с надписью «Ко второй годовщине со дня смерти Анатоля Франса».

12 апреля 1926 г. в связи со 100-летием выпуска первого прижизненного издания А. С. Пушкина РОДК устроило в зале имени Бетховена Государственного академического Большого театра ли-

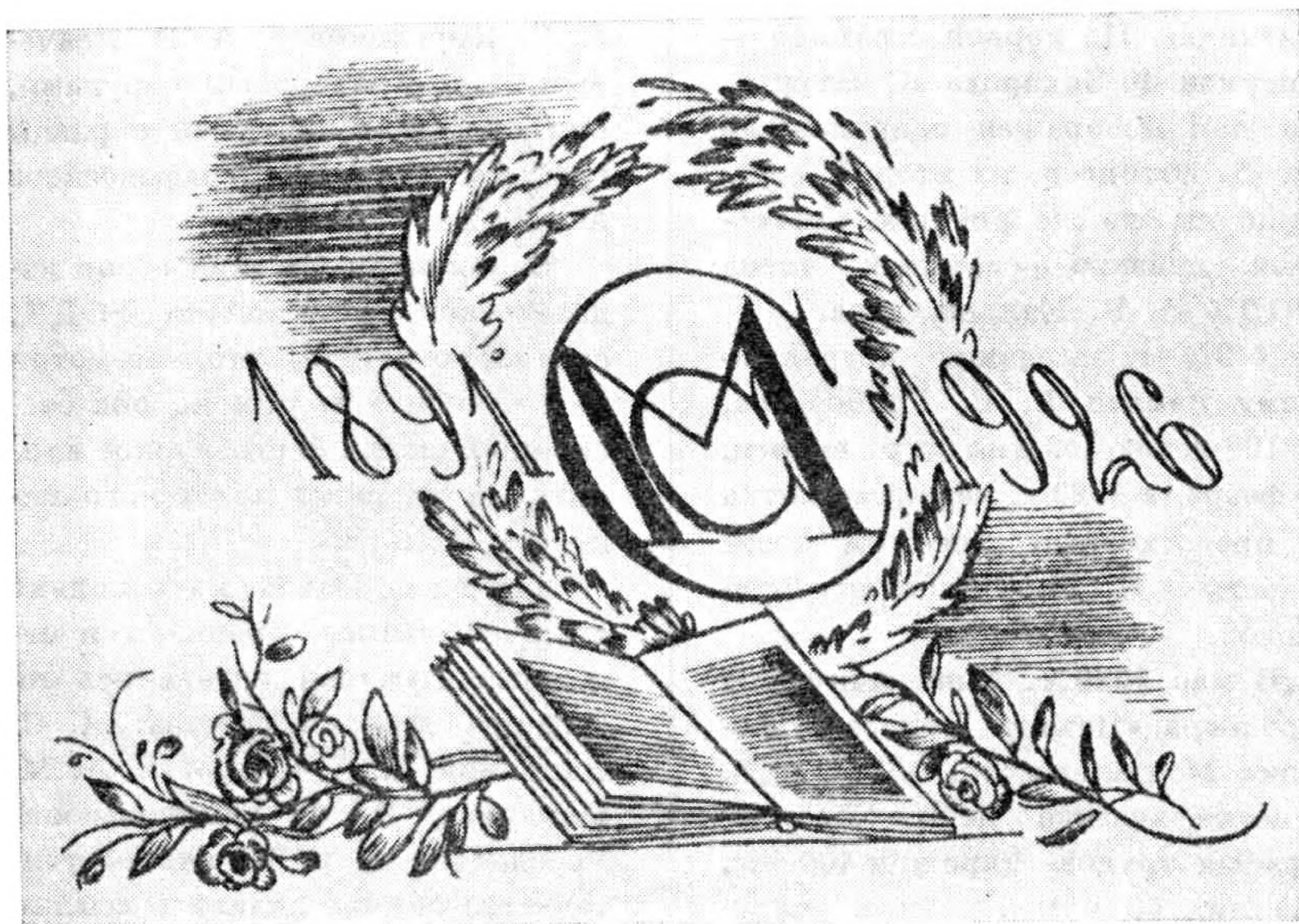
тературный вечер «Пушкинский альманах», на котором были сделаны доклады М. А. Цявловским, Л. П. Гроссманом и В. В. Вересаевым; произведения А. С. Пушкина и стихи поэтов, посвященные ему, декламировали крупнейшие артисты академических театров: М. Ф. Ленин, Ю. А. Завадский, Д. М. Леонидов и В. И. Качалов. К вечеру была издана в 250 экз. афиша и в 300 экз. изящная брошюра «Поэты наших дней — Пушкину» (стихи А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина). На фронтисписе брошюры — гравюра на дереве А. А. Суворова.

К 35-летию издательства М. и С. Сабашниковых в 1926 г. в обложке, имитирующей обложки «Памятников мировой литературы», изданных этим издательством, была выпущена брошюра тиражом 400 экз. с приветствием общества юбиляру, статьями Г. Поршнева, С. Шервинского, А. Эфроса и библиографией «Памятников». На фронтисписе брошюры портрет М. В. Сабашникова, гравированный на дереве художником П. Павлиновым. Этот же портрет был отпечатан для некоторых членов РОДК на белом картоне в 25 экз. РОДК поднес издательству адрес, заголовок которого был исполнен в офорте М. А. Бобровым в трех экземплярах.

Изящная брошюра «Русские издания по искусству XVIII и начала XIX ст. (библиография)» была издана в 200 экз. к докладу А. Г. Миронова на ту же тему. Из

Памятка 250-го заседания РОДК

Обложка брошюры к юбилею издательства М. и С. Сабашниковых

этого тиража 25 нумерованных экземпляров были напечатаны на лучшей бумаге с добавлением «Указателя имен авторов, переводчиков и издателей».

23 сентября 1927 г. В. В. Попов сделал доклад на тему «Русские издания по полиграфии за революционное десятилетие». К докладу была издана брошюра с тем же названием тиражом 300 экз., из которых 100 экз. — для членов РОДК. В них в качестве фронтисписа был воспроизведен титульный лист № 5 журнала «Полиграфическое производство» за 1925 г. по эскизу М. Аксельрода и И. Шпинеля.

К восьмой годовщине РОДК 16 ноября 1928 г. была издана в 100 экз. шуточная газета «Наша пятница». На первой странице — рисунок Ф. Захарова «С натуры», на нем изображен задремавший П. Д. Эттингер, на второй странице на его же рисунке «Знакомый пейзаж» — затылок члена РОДК И. В. Калашникова.

К 377-му заседанию, посвященному памяти А. С. Грибоедова, к 100-летию со дня его смерти, 8 февраля 1929 г. издана памятка с превосходным силуэтом поэта работы Н. Я. Симонович-Ефимовой.

В мае 1929 г. была выпущена брошюра «Памяти Бориса Львовича Модзалевского. 1874—1928. Биографические даты. Библиография трудов» тиражом 400 экз. Из них 50 нумерованных экземпляров в суперобложке и с пор-

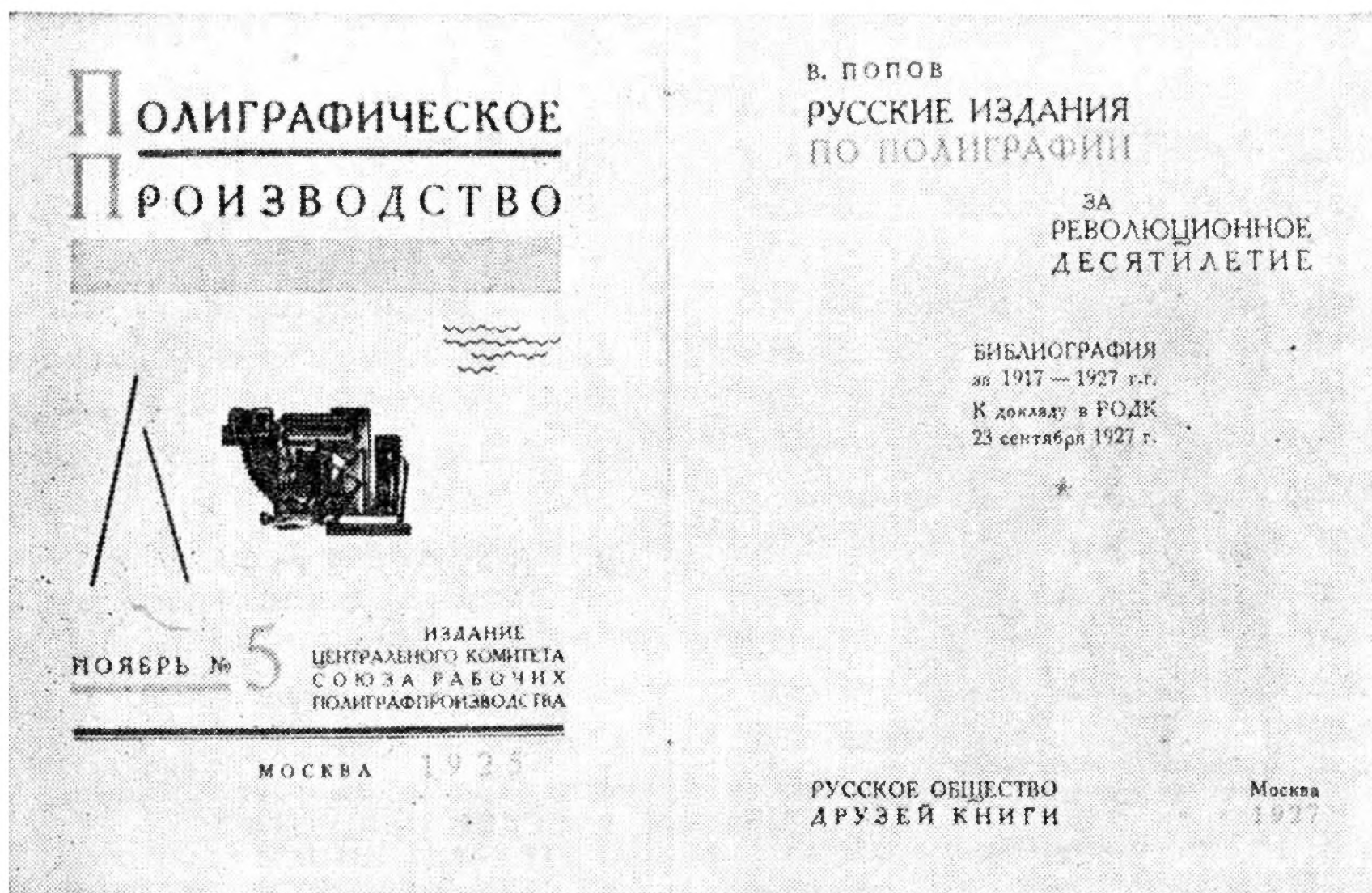
третом Модзалевского в офорте А. И. Столпниковой были изданы для членов РОДК.

Вершиной издательской деятельности РОДК был выпуск «Домика в Коломне» А. С. Пушкина с иллюстрациями В. А. Фаворского; этот шедевр графического искусства и полиграфии вышел в свет после ликвидации РОДК тиражом 500 нумерованных экземпляров, из которых только около 100 сохранилось в Советском Союзе.

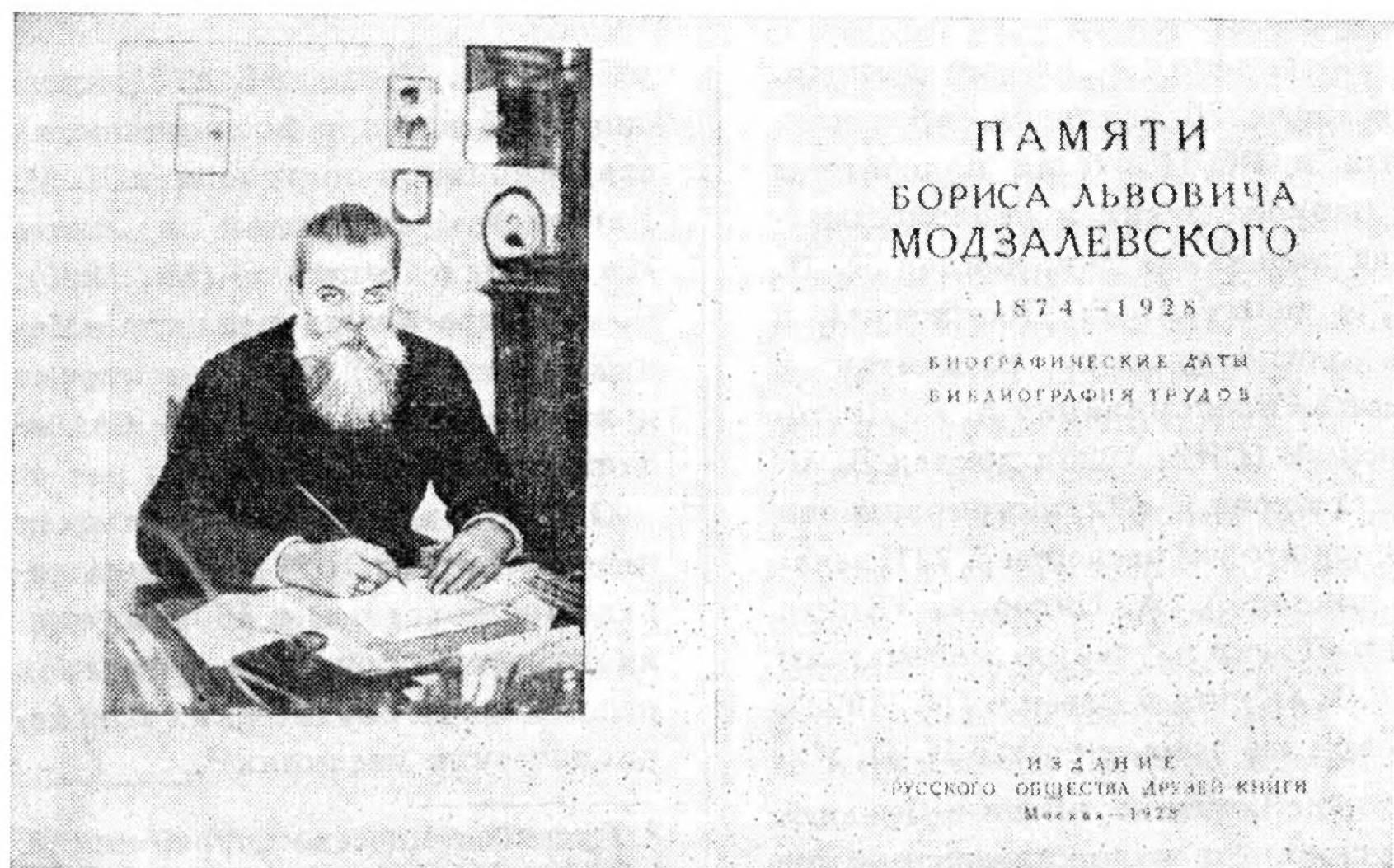
Все без исключения издания РОДК были на высоком художественном уровне. Иллюстрированные крупнейшими графиками — В. А. Фаворским, М. А. Добровым, Д. И. Митрохиным, В. Н. Масютиным, П. П. Павлиновым, Е. С. Кругликовой, А. И. Усачевым, А. Д. Гончаровым и другими, они представляли собой образцы графического и полиграфического искусства.

Заканчивая краткий обзор издательской деятельности РОДК, следует отметить, что, несмотря на небольшой ее размах, она бесспорно оказала благотворное влияние на развитие советского искусства книги.

Общество было материально стеснено. Книги, брошюры и отдельные памятки издавались на средства членов общества: М. С. Базыкина, А. А. Сидорова, А. М. Макарова, Э. Ф. Циппельзона-Россиенова и др. На это обстоятельство обычно делались ссылки в выходных сведениях.

Фронтиспис и титул брошюры В. В. Попова

Фронтиспис и титул брошюры «Памяти Б. Л. Модзалевского»

Два три языка куда ходят
И вместе
С одним языком.

А. С. ПУШКИН

ДОМИК В КОЛОМНЕ

ГРАВЮРЫ
НА ДЕРЕВЕ
В. А.
ФАВОРСКОГО

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ДРУЗЕЙ КНИГИ
МОСКВА

Фронтиспис и титульный лист В. А. Фаворского к поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне»

По далеко не полным данным, не менее 70 докладов, прочитанных в РОДК, были напечатаны в периодических и непериодических изданиях. Так, доклад Л. П. Гроссмана «А. Г. Достоевская и ее воспоминания» напечатан в книге «Воспоминания А. Г. Достоевской» (ГИЗ, 1925); доклад В. Я. Адарюкова «Иллюстрированная книга второй четверти XVIII века» и доклад А. А. Сидорова «Книга как объект изучения» напечатаны в т. 1. «Книга в России» (М., 1924). В том же томе, в статье Н. П. Кашина «Значение книги в Древней Руси» автор изложил содержание доклада на тему «Древнерусские

рукописи». Доклад М. А. Цявловского «Пушкин в воспоминаниях современников по рукописи П. И. Бартенева» напечатан в книге «Рассказы с Пушкине» (М., 1925). С. Г. Кара-Мурза в книгу «Малый театр» полностью включил доклад «Михаил Прович Садовский» и т. п.

Общественная и издательская деятельность РОДК получила отражение более чем в 100 рецензиях и статьях, опубликованных в различных периодических и непериодических изданиях ².

² Русское общество друзей книги. 1920—1929. Библиографический указатель. Воронеж, 1968.

Еще одним направлением в работе РОДК было проведение организованных обменов (аукционов) книгами, эстампами, экслибрисами, однако этот род деятельности не превалировал.

С июля 1925 г. до конца существования общества при нем действовала секция любителей книжных знаков. Она провела 56 заседаний, на которых заслушивались доклады о книжных знаках и их владельцах и проводились аукционы экслибрисов. Деятельность этой секции достойна самостоятельного исследования и в данной статье не рассматривается.

Общество проводило свои заседания первоначально в библиотеке бывшего Английского клуба (ныне Музей революции). Там находился бюст Вольтера, который впоследствии стал сопровождать РОДК во всех его странствованиях. Фернейский философ олицетворял умную, просветительную деятельность общества, а его улыбка — ту дружескую иронию, с которой относились друг к другу члены РОДК. Вольтер как бы стал символом общества. Именно так изобразила бюст Вольтера на проекте экслибриса РОДК художница Е. С. Кругликова³. Затем заседания стали проходить в помещении Архитектурного общества. В 1923 г. РОДК был гостеприим-

но предоставлен московский Дом ученых. В течение шести лет, до момента своей ликвидации, РОДК собиралось в «Зимнем саду» (ныне столовая) московского Дома ученых.

Своеобразной летописью деятельности РОДК является большое количество шуточных стихов, которые писались по различным поводам членами РОДК. Самым «обильным» пиитом был И. К. Линдеман, оставивший свыше сотни поэм, эпиграмм, экспромтов, посвященных членам общества и разнообразным событиям из жизни РОДК.

Через полтора года после прекращения деятельности РОДК вновь возродилось московское объединение библиофилов, но в новом качестве, с несколько иными и более скромными задачами.

9 марта 1931 г. при Всероссийском обществе филателистов (ВОФ) организовалась секция собирателей книг и экслибрисов.

Председателем секции был избран экслибрисист К. И. Дунин-Борковский. Наиболее плодотворной была деятельность секции под председательством Н. Н. Орлова, многолетнего секретаря Русского библиографического общества при Московском университете. Орлова в середине 1934 г. заменил художник-экслибрисист Е. В. Головня. При нем секция была передана из ВОФ во Всесоюзное общество коллекционеров (ВОК) и просуществовала до середины 1935 г. Примерно в январе

³ Русское общество друзей книги. Сто заседаний. 1920—1922. М., 1923.

1935 г. параллельно возникла секция по изучению графики и книги ВОК, действовавшая до середины 1936 г.

За время с мая 1931 г. по август 1934 г. в секции было проведено 140 заседаний, на которых заслушан 91 доклад и проведен 71 аукцион. Эти данные говорят об иной направленности работы секции по сравнению с РОДК. Коллекционированию книг и экслибрисов уделялось больше внимания, чем исследовательской работе. Тематика докладов — различные вопросы книговедения (54), графики и книжной иллюстрации (7), экслибрисов (27) и т. п. Из докладов нужно особо отметить: Н. Ю. Ульянинского «Из истории русского оттиска»; А. И. Кондратьева: «Карл Маркс и его отношение к книге и печати» и «Эволюция учения о книжных редкостях»; Н. В. Здобнова «Русская книжная статистика»; Н. Н. Орлова «Неорганизованная книга» (критика книги А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению»); С. А. Сильванского, И. Н. Жучкова, В. К. Трутовского и П. Д. Эттингера по разным вопросам экслибрисистики. В памятках к некоторым докладам издавались их тезисы, что таким образом сохранило содержание докладов.

За это время секция издала 25 программ заседаний, 24 памятки отдельных заседаний, 2 отчета о деятельности секции, 4 портрета деятелей книги, 5 книг, брошюр и листовок.

Бесспорный интерес представляет книга Н. М. Сомова «Сущность книговедения», изданная в 400 экз.

Изящно изданы: в 1932 г. — список членов секции тиражом 200 экз.; в 1934 г. — библиография секции тиражом 100 экз.; в 1933 г. — подготовленная РОДК брошюра П. Д. Эттингера «Книжные знаки В. А. Фаворского».

На высоком полиграфическом уровне изданы некоторые памятки секции, например памятка 47-го заседания к первой годовщине ее существования с гравюрой на дереве М. В. Маторина, изданная в 75 экз.; памятка ко 2-й годовщине с офортом М. А. Доброва.

Помимо публикаций в изданиях секции около 10 докладов, прочитанных в секции, были опубликованы в периодической печати, преимущественно в журнале «Советский коллекционер».

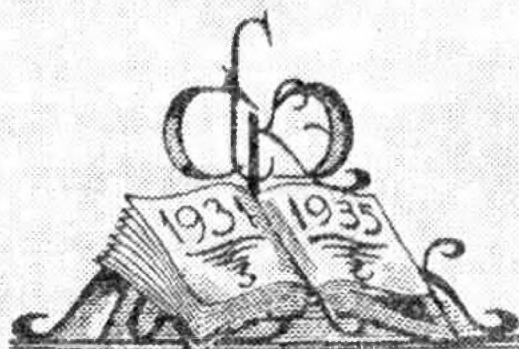
Секция собирателей книг и экслибрисов и секция по изучению книги и графики Всесоюзного общества коллекционеров (ВОК) не оставили после себя сколько-нибудь весомого наследия. По нашим сведениям, в обеих секциях за два года, с середины 1934 г. по середину 1936 г., состоялось всего лишь 23 заседания. Нам известно, что на этих заседаниях было сделано только шесть докладов. Из них три были посвящены книгам и три графике и экслибрисам: А. Д. Силина «Современная книжная иллюстрация», М. С. Боднарского и В. Н. Андрианова «История и тех-

Тов.

Секция Собирателей Книг и Экслибрисов
Всероссийского Общества Коллекционеров
и Дом Советских Писателей
приглашают Вас пожаловать на юбилейное
заседание Секции, устраиваемое совместно
с советскими писателями и посвященное
годовщине работы Секции

Заседание состоится 3-го июня с. г. в Доме
Советских Писателей (Улица Воровского,
д. № 20).

Начало заседания в 9 час. вечера.

Юбилейная марка — гравюра на дереве работы
худ. А. А. Круглого.

Москва, Б-1359-39.
Масштаб.

Тир. 150 экз.
Тираж Института Иностр.

Юбилейная марка Секции собирателей книг и экслибрисов работы художника А. Круглого

ника печати географических карт»
и Л. А. Урекляна «Состояние кни-
говедения в Закавказье»; Н. Г.
Машковцева «Советская графика»,
художника Е. В. Головни о своем
творчестве, Л. А. Урекляна «Гра-
фическое творчество и экслибри-
сы художника Е. Е. Лансере».

Приглашения на заседания сек-
ций, как правило, не издавались,
и нам известны лишь два красиво
изданных приглашения: секции
собирателей книг и экслибрисов
ВОК к 4-й годовщине существова-
ния секции в обоих обществах —
издано тиражом 150 экз. с изящ-
ной юбилейной маркой А. А. Круг-
лого, а также секции по изучению
графики и книги к докладу М. А.
Зеликсона «Ксилография и ее тех-
ника в историческом освещении»
на заседании 16 декабря 1935 г.,
изданное в 200 экз.

Традиция РОДК возродилась
в начале 1950-х годов в несколь-
ких книговедческих и библио-
фильских организациях Москвы.

При этом тематика работы РОДК
разделилась. Секция книги мос-
ковского Дома ученых исследует
общие и частные книговедческие
проблемы; в клубах любителей
книги при Центральном доме ра-
ботников искусств, при Централь-
ном доме литераторов и Централь-
ном доме журналистов делаются
доклады на литературно-книго-
ведческие и искусствоведческо-
книговедческие темы, наконец, в
Московском клубе экслибриси-
стов — доклады на темы об эксли-
брисах, их владельцах и творцах.

Отдельные доклады, сделанные
на заседаниях секции книги мос-
ковского Дома ученых, печата-
ются в сборниках «Книга. Иссле-
дования и материалы». Работа
клубов отражается в системати-
чески издаваемых приглашениях
и памятках, где обозначены темы
прочитанных докладов.

Москва, 1970

НЕ ВЫБРАЛ ВРЕМЕНИ

Почти столетний Розанов,
Иван Никанорыч
сказал мне: будет поздно
зайти через неделю.
Я жду вас только завтра,
не позже послезавтра.
Ну что вам стоит, собственно.
Зашли бы, посидели.
Ивану Никанорычу
в тот вечер оставалось
пять-шесть деньков, не более.
Он это разумел.
И тихим голосочком
он зазывал настойчиво
и долгую беседу
мне обещал взамен.
Что в целодневном хлопоте
пропустите, прохлопаете,
что вы просуетите
в обычной суетне —
ни шопотом, ни ропотом
восстановить не пробуйте.
Через неделю: умер!
вдруг позвонили мне.
Хвалил бы меня Розанов?
Хулил бы меня Розанов?
А может он бы попросту
чайком поил меня?
И были мне рассказывал
И книги мне раскладывал
По полутемной комнате
Тихонько семеня?

Борис Слуцкий

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ,
канд. исторических наук

ОКНО ИЗ ЕВРОПЫ

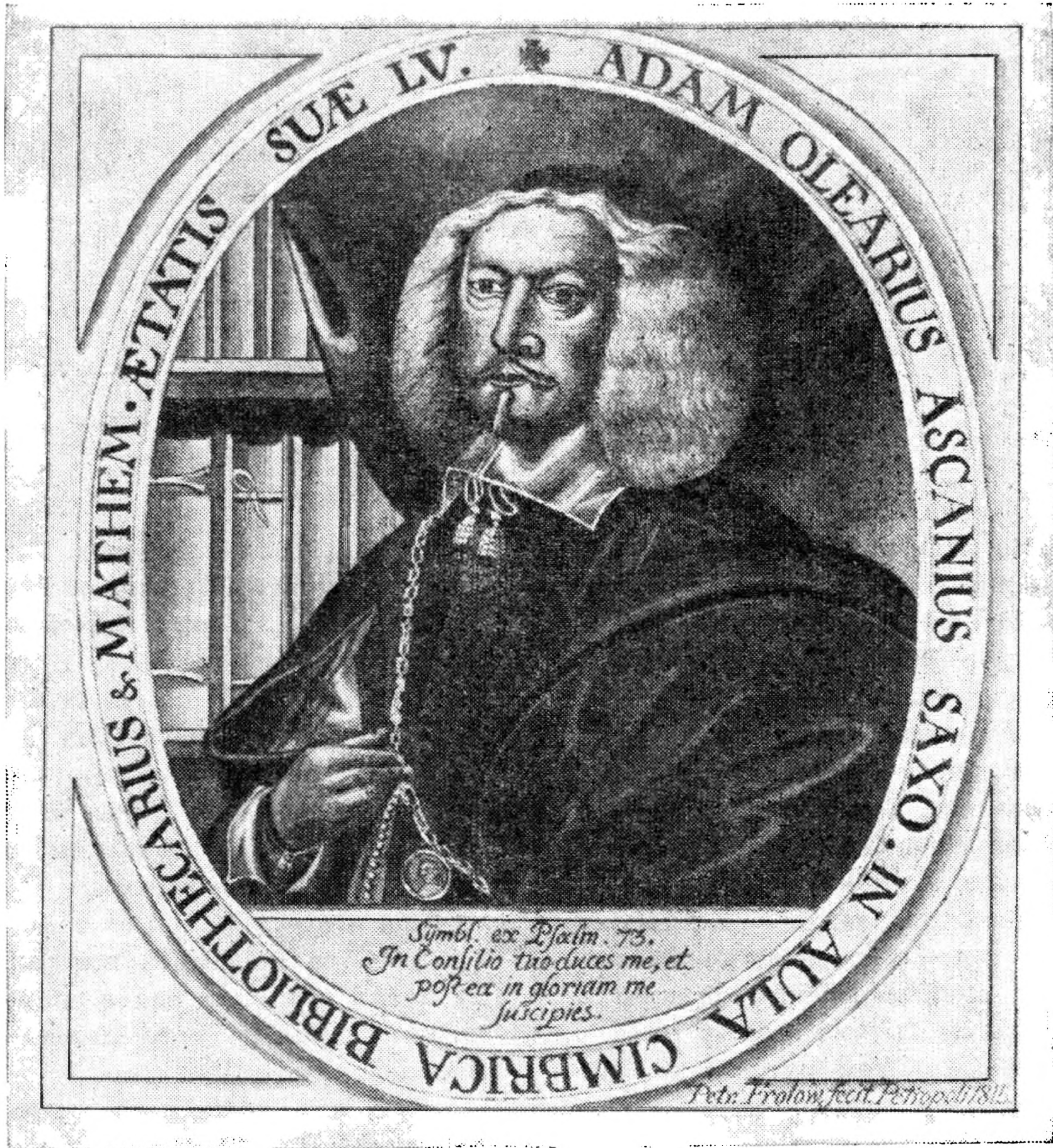
В ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина стоят десятки тысяч немецких, английских, французских, итальянских, польских, чешских, голландских, шведских, испанских, португальских изданий, посвященных историческому прошлому нашей страны.

Более ста лет существует в Публичной библиотеке коллекция «Россика», созданная с целью «собрать все напечатанное когда бы то ни было на всех языках мира о России». Сотни русских и иностранных ученых прислали в библиотеку редкие издания; дрезденская и стокгольмская библиотеки поделились дублетами старинных брошюр и официальных актов; заграничным книготорговцам были отправлены длинные списки заказов и, по словам одного из создателей коллекции В. И. Соболящикова, «была пробита тревога по всей Европе и даже Америке».

Не забыли при создании и оте-

чественных коллекционеров. Тогдашний директор Публичной библиотеки М. А. Корф в одном из писем к своему помощнику В. Ф. Одоевскому просил его «угovorить ленивого и беспечного мецената Виельгорского к открытию отдать нам своих „Russica“, где могут оказаться чудеса невиданные и неслыханные, осужденные без того на истление». Том за томом, брошюра за брошюрой вставляли на полки огромных залов знаменитого здания на углу Невского и Садовой.

...триста с лишним лет назад в России побывал немецкий ученый Адам Олеарий. Его книга надолго стала одним из главных источников знаний о Московском государстве в странах Западной Европы. Собранные в Публичной библиотеке немецкие издания этого труда, огромные фолианты с его английскими и французскими переводами, аккуратные голландские и итальянские томики дают представление не только о судьбе

Копия портрета Адама Олеария работы П. К. Фролова

сочинения ученого гольштинца, но и о самих владельцах этих книг. Французский экземпляр Олеария принадлежал некогда Вольтеру, покрывшему поля книги своими пометками. Некоторые суждения автора Вольтер одобрял, но когда тот стал злоупотреблять библей-

скими цитатами, на полях появилась гневная запись, именующая Олеария «напыщенным ханжой».

Один из томов этой книги попал в Россию еще в XVII в. Почерком того времени вписан русский перевод заголовков («Турской посол в Москве славно принят»,

«Великое изхождение, на котором патриарх и великий князь сами присущи были»). А еще через сто с лишним лет этот том оказался в руках барнаульского горного инженера Петра Козьмича Фролова, на совесть отремонтировавшего обветшавшее издание и собственноручно нарисовавшего копию утраченного портрета Олеария. Если бы не водяные знаки на бумаге («1812 год») и не скромная подпись в углу восстановленного портрета, трудно было бы догадаться о необычной истории этой книги.

...А вот стихи на фантастическом «немецко-французском языке», изданные в 1736 г. заезжим искателем приключений Иоганном Христианом Тремером, посетившим Петербург и составившим первое поэтическое описание его достопримечательностей. С немецкой обстоятельностью и с французской игривостью поэт описывает Петропавловскую крепость и Адмиралтейство, Литейный двор и Академию наук:

*Здесь в Академии что зал — то
раритет:*

*Великого Петра есть восковой
портрет,
Есть целые шкафы неслыханных
чудовищ*

*И полный кабинет невиданных
сокровищ.*

*Здесь «Господин отец всех глобусов»
стоит —*

*Настолько же велик — насколько
и знаменит.*

Когда в 1812 г. армии Наполе-

она вторглись в Россию, директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин писал: «Настоящее время требует особенного попечения о собрании сколь возможно полнейших сведений о нынешней войне, ибо война сия будет без сомнения знаменитейшая в летописях мира». В «Росси́ке» хранится свыше тысячи иностранных книг, брошюр и листовок об Отечественной войне 1812 г., от редчайшего экземпляра приказа Наполеона о вторжении в Россию до немецких и шведских памфлетов, описывающих бесславное бегство Наполеона из России и гибель его армии.

Хорошо представлены в коллекции переводы литературных и научных сочинений русских авторов на иностранные языки. Правда, по вине фантазии переводчиков не сразу поймешь, что под титулом «Благородный разбойник» издатель выпустил в свет «Дубровского», а «Сезон на Кавказских водах» означает «Княжну Мери». Особенно интересны переводы книг Герцена, Чернышевского, Степняка-Кравчинского — ведь они зачастую осуществлялись с рукописей и выходили задолго до того, как удавалось напечатать русские оригиналы.

Интерес к материалам «Росси́ки» всегда был очень велик. Так, например, Л. Н. Толстой во время работы над «Хаджи-Муратом» обращался с просьбой к В. В. Стасову, служившему в Публичной библиотеке: «Нет ли иностранных исто-

рий Николая с отрицательн[ым] отношени[ем] к нему?». И Стасов тотчас отобрал в «Россике» и выслал Толстому целую партию книг.

В советское время к «Россике» обращались многие историки, писатели, географы. Академик Е. В. Тарле использовал десятки книг из этого собрания в своем исследовании о Крымской войне, В. Я. Шишков выписывал книги о Пугачеве и Екатерине II, О. Д. Форш — о Радищеве и его эпохе. Ученые из Прибалтики запрашивают издания Ливонского ордена и приказы шведских губернаторов Риги; грузинские этнографы просят прислать известия иностранных путешественников о народах Кавказа.

В последние десятилетия сбором иностранных изданий, посвященных СССР, занимаются в основном московские библиотеки. Но и «Россика» иногда пополнялась ценными материалами. Так, вскоре после революции А. М. Горький передал Публичной библиотеке собрание иностранных переводов своих сочинений. В «Россике» бе-

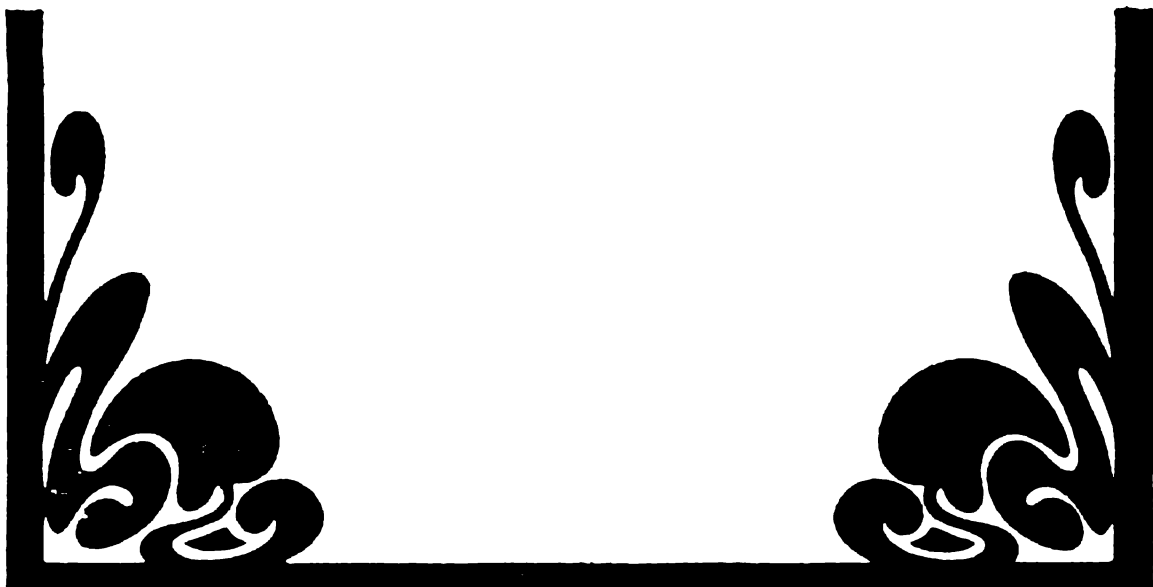
режно хранятся эти тома с почтительными надписями: «Максиму Горькому — певцу сокола — от переводчика», «Последнему завоевателю Финляндии, великому русскому писателю Максиму Горькому от переводителя». Порой пополнение происходит совсем неожиданно. Летом 1962 г. в «Неделе» было рассказано о находке в Симферополе забытого книжного фонда и в том числе нескольких иностранных брошюр о Петре I. По просьбе Публичной библиотеки ей были переданы эти брошюры, восполнившие один из пробелов в обширном собрании иностранной литературы петровского времени.

В. В. Стасов писал когда-то с гордостью о том, что в Публичной библиотеке хранится «ни с чем не сравнимая коллекция сочинений о нашем отечестве, напечатанных во всех краях света и на всевозможных бесчисленных языках». И поныне собрание «Россики» является замечательным памятником культуры, сокровищницей знаний о нашей стране.

Ленинград 1971

ПОИСКИ
И
НАХОДКИ

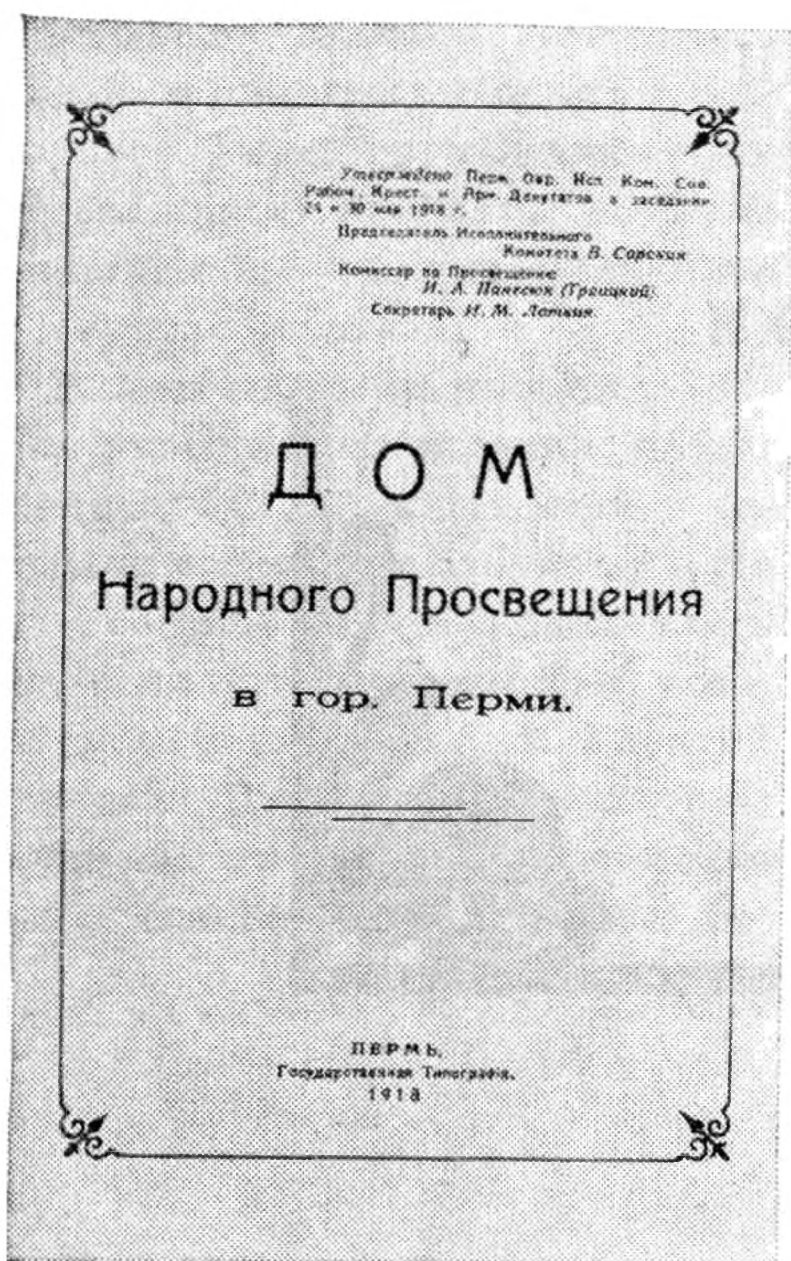

Ю. КУРОЧКИН

КНИЖНЫЕ ВСТРЕЧИ

(Из дневника краеведа)

Знакомился и одобрил...

Обложка брошюры
«Дом Народного Просвещения
в гор. Перми»

Небольшая — в половину тетрадного листка, тощенькая — всего 40 страничек, брошюрка на какой-то зеленовато-серой бумаге. Суховатое служебное заглавие — «Дом Народного Просвещения в гор. Перми», официальность которого усиливается еще и грифом: «Утверждено Перм. Окр. Исп. Ком. Сов. Рабоч., Крест. и Арм. Депутатов, в заседании 24 и 30 мая 1918 г.».

Ее я встретил в букинистическом магазине в Перми года два назад. Стоила она всего-навсего 5 копеек.

Встретил и обрадованно удивился — обычно наши букинистические магазины такие книги не берут. А напрасно — сколько в результате этого гибнет редких изданий, ценных историко-культурных реликвий!

Что и говорить — спрос на них, конечно, не такой, как, скажем, на Сойкинского Дюма, не в тот же день

уйдет она с прилавка. Но в конце-концов она найдет своего покупателя, который, увидя книгу, чуть дрожащими от волнения пальцами возьмет ее и, не выпуская из рук, побежит к кассе.

Может встретить она и другого покупателя, который задумчиво полистает ее, припоминая и прикидывая что-то про себя («кто-то, кажется, спрашивал о ней...») и решительно приобщит ее к стопке уже отобранных.

Примерно так и рассуждает директор этого Пермского магазина Владимир Михайлович Чайников, смело принимая для продажи издания, ценность которых сразу определить трудно. А поскольку трудно, то и цена им назначается невысокая: иной и случайно возьмет книгу, округляя сумму покупки, приплюсует к ней этот пятак. Зато книга будет спасена от гибели в макулатуре, и может быть у нового владельца ее увидит тот, кому она очень нужна, кто, может, давно ищет ее.

Поэтому в магазине у Чайникова краевед почти всегда найдет то изданную в начале века книжку стихов забытого уральского поэта, то «Сборник уездного земства», то номер какого-то уральского журнала первых советских лет. А то вот эта книжечка, которую я взял только потому, что знал — издания этих лет редки и их нужно беречь — кому-нибудь она пригодится.

Но пригодилась она прежде всего мне самому.

Во-первых, она приоткрыла интересную страницу истории народного образования на Советском Урале в первый год власти трудящихся, в очень острый для нас момент. Стоит взглянуть на дату грифа, чтобы понять эту остроту: 30 мая на Урале уже бушевал белочешский мятеж, уже захвачен Челябинск, враг движется на Екатеринбург.

— А тут — Дом народного просвещения, широкая, далеко идущая программа организации истинно народного, социалистического по всей сути своей образования, невиданного доселе комплекса массового комбината народного просвещения.

«Дом Народного Просвещения» ставит своею целью создание такого учреждения, которое давало бы возможность каждому стремящемуся к образованию и знанию удовлетворить свои потребности и способности в области самых разнообразных интересов».

В этот комплекс должны были войти:

народный университет (он уже был создан и провел один учебный сезон), с отделениями — социально-юридическим (260 лекций и практических занятий), историко-филологическим (489), естественноисторическим (666) и медицинской группой (124);

народный политехникум с отделениями общеобразовательным (18 часов в неделю) и специальным, где предусматривалось изучение машиноведения, технологии металлов, металлургии, электротехники, строительного искусства, машиностроения, гидротехники, дорожного строительства и сельского хозяйства (тоже по 18 часов в неделю по каждой специальности);

школа народного искусства, в которой предполагалось «воспитывать и совершенствовать те отрасли труда, которые имеют естественные корни в Пермской губернии» — чугунное литье, камнерезно-ювелирное дело, ковроткачество, вышивание, плетение кружев и др.

И университет, и политехникум, и художественная школа должны были иметь базу для практических занятий — свои мастерские, лаборатории, фермы, музеи, библиотеки.

Нельзя не восхищаться строго продуманной, очень новаторской для того времени системой организации учебного комбината, тщательно разработанными программами этого первенца социалистической системы народного образования. Ведь это — многолетняя мечта народа, принявшая реальные формы!

Идея Дома встретила всеобщую заинтересованность и поддержку. Ее обсуждали на заседаниях Советов разных районов города, в профсоюзных и общественных организациях, на предприятиях, в особенности — в цехах Мотовилихинского завода, — в «Приложениях» к брошюре даны списки их (40 по Мотовилихе и 23 по Перми). Перечислены и «делегаты... все заинтересованные лица, принимавшие участие в Комиссиях Ученого Комитета и Правления Народного Университета» — свыше 170 человек, среди которых встречаем имена профессоров Б. Ф. Веригова, А. Г. Генкеля, Б. В. Казанского, С. П. Обнорского, М. А. Павлова, К. Д. Покровского, А. А. Рихтера, партийных, советских и профсоюзных работников, инженеров, художников, рабочих.

Были составлены сметы, изысканы средства, подобраны помещения, но события гражданской войны сорвали дальнейшее развитие дела — к осени, к началу учебного года бои шли уже на подступах к Перми, а 25 декабря колчаковцы захватили город... Но уже сам факт этого, вполне готового осуществиться начинания интересен и дорог для нас и сегодня. И даже странно, что в трудах по истории советского Урала о нем можно встретить лишь беглое упоминание.

— Это — первое, чем была интересна брошюра. Но выяснилось и второе.

... О книжечке этой я вспомнил вновь, когда стал внимательно знакомиться с каталогом личной библиотеки В. И. Ленина в Кремле. На странице 472, под № 5657, мне встретилось знакомое название «Дом народного просвещения в гор. Перми», описание книги с важным добавлением — на обложке ее стояла надпись: «Н. Крупской».

Историю надписи и того, как попала брошюра в библиотеку Владимира Ильича, прояснили воспоминания одного из инициаторов и организаторов Дома народного просвещения Г. К. Козьминых — они были опубликованы в книге «В. И. Ленин и Пермский край», изданной Пермским издательством в юбилейном ленинском году.

В августе 1918 г. автор воспоминаний присутствовал на Всероссийском съезде по просвещению как делегат от Пермского Губнаробраза и слушал речь В. И. Ленина, произнесенную на третий день работы съезда. В те дни и попала пермская брошюра в руки Владимира Ильича.

«На другой день, — вспоминает Козьминых, — я был на приеме у Н. К. Крупской по делам рабочего университета и политехникума — Дома народного просвещения в Перми — Мотовилихе, председателем правления которого я был в то время. Накануне я передал Надежде Константиновне брошюру — учебный план рабочего университета и политехникума, список профессорско-преподавательского состава, сметы.

Надежда Константиновна сказала мне:

— Вчера и Владимир Ильич ознакомился с вашей брошюрой. Он очень доволен организацией для рабочих университета и политехникума, одобряет учебный план, желает вам успеха. Владимир Ильич высоко ценит мотовилихинских рабочих, просит передать им привет».

В беседе выяснилось также, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская хорошо знают члена правления и одного из организаторов Дома народного просвещения — учено-ботаника, профессора А. Г. Генкеля, с которым близко познакомились в 1907 г. в дачной местности Стирсудден, где они тогда отдыхали после Лондонского съезда. Н. К. Крупская просила передать ему от Владимира Ильича и от себя глубокий поклон и привет. «Скажите ему, — добавила она, — что если он будет в Москве, — мы будем рады увидеть его у себя в гостях...».

... Значит знакомился и одобрил. И не в связи ли с этим свежим примером массовой тяги трудящихся к знаниям в речи Ильича на съезде прозвучали слова:

«Трудящиеся тянутся к знанию, потому что оно необходимо им для победы. Девять десятых трудящихся масс поняли, что знание является орудием в их борьбе за освобождение, что их неудачи объясняются недостатком образования и что теперь от них самих зависит сделать просвещение действительно доступным всем»¹.

С тех пор эта скромная пятикопеечная книжечка занимает у меня почетное место на книжной полке, среди реликвий, относящихся к теме «В. И. Ленин и Урал».

Книги — солдаты

*...Вы
с уважением
ощупывайте их,
Как старое,
но грозное оружие!*

В. Маяковский

У каждого книголюбца на полках его библиотеки есть заветные уголки. У одного — уникальная старопечатная книга, у другого — редкий экземпляр раннего Блока с авторскими пометками, у третьего — коллекция уничтоженных царской цензурой изданий, у четвертого — ничем с виду не примечательный, потрепанный томик госиздатовского Лермонтова, памятный хозяину библиотеки тем, что прошел с ним пути-дороги трудной поры его жизни...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 37, с. 77.

Есть такие заветные уголки и на моих книжных полках. Иногда взглянешь на них, даже на расстоянии, и теплее становится на сердце, словно обменялся взглядом с близким тебе старым другом. Иной уголок-друг напомнит о полных неожиданных приключений многолетних поисках желанного издания. Другой — о волнующих часах общения с талантом, ставшим одной из вех на твоём читательском пути. Третий...

А такой вот третий, на который я взглянул недавно, словно бы ответил мне укоризной и напомнил об одной незаслуженно забытой категории печатных изданий.

Книги в этом уголке даже видом своим заметно отличаются от собратьев на других полках — грубая бумага, слепая печать, потрепанные, выдавшие виды обложки.

Но, хотя я и сам всегда люблюсь добротной и красиво изданной книгой — старой или новой, отдавая дань вкусу и мастерству создателей её — полиграфистов и художников, — все же, эти невидные брошюрки, так сказать, парии библиофильского мира, мне дороги.

Это книги-солдаты, участники невиданной по размаху, незабываемой по напряженности битвы нашего народа на фронте индустриализации страны. Слова о фронте — не сегодняшняя метафора, а обиходное выражение тех лет, и книги наши тогда полноправно шли в одном строю с бетонщиками и землекопами, сталеварами и монтажниками.

Вот они, участники и свидетели великого сражения: книжечки о Магнитострое и ЧТЗ, о Березниках и Уралмаше, о нижнетагильской «Вагонке» и первых МТС. Беру наугад — о Магнитострое. Ого, весомо! Не каждое нынешнее строительство может похвалиться двумя-тремя десятками книг и брошюр, написанных только о нём, пусть не так уж талантливо по стилю, но боевито и злободневно; изданных, пусть не богато, но оперативно и доступно. И все это за каких-нибудь два-три года!

Нет, право, их хочется погладить с неменьшей нежностью, чем дорогой изящный волюм в марокене екатериненских времен.

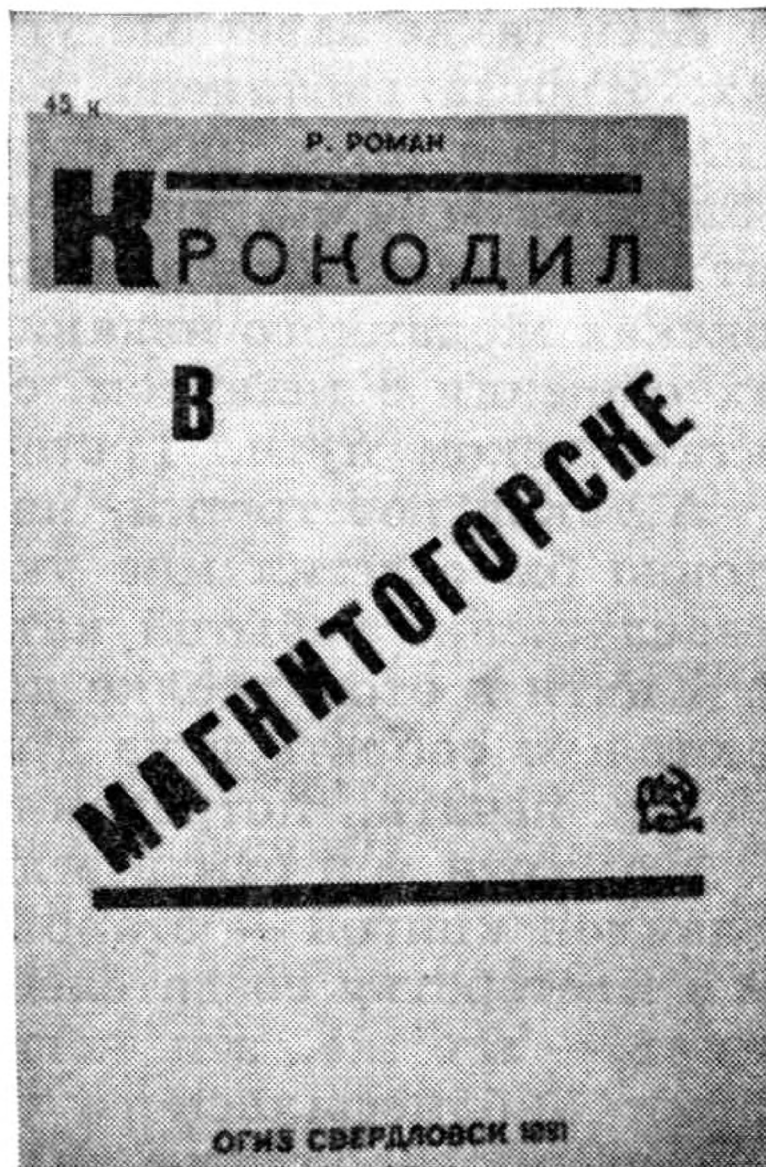
Вот брошюрка литератора-краснознаменца А. Баранова, отобразившая хронику небывалого строительного штурма одного из основных объектов Магнитостроя — плотины через реку Урал, сооруженной за одну зиму.

Ее 37 страниц и через многие годы доносят до нас горячее дыхание тех дней.

А вышедшая в те же дни 1931 г. и тоже в Свердловске книжечка М. Рудина «Героические дни Магнитогорска», самым названием говорящая о себе! А «Крокодил в Магнитогорске» Р. Романа — убедительный пример оперативной сатиры на конкретном животрепещущем материале. Не думайте, что это книжечка-поденка, назавтра уже ставшая никому не нужной, — два года спустя я видел ее в руках у монтажников «Комсомолки» (так любовно звали домну № 2, сооруженную магнитогорской комсомольцей, кажется, это была первая в стране комсомольская стройка). В обеденный перерыв ребята читали из нее зубастые стихи о лодырях, разгильдяях и бракоделах, заменяя имена тех, кому посвящались стихи тогда, именами тех, кому они адресовали их сегодня. Поверьте, что это было здорово!

А вот серия книжечек о том, что такое Магнитострой и зачем он нужен стране. Две брошюры с одинаковым названием «Магнитострой» — одна З. Островского (издана в Москве), другая А. Панфилова и А. Прохорова (Свердловск), и еще два близнеца с одним именем «Магнитогорск», но разных авторов — А. Маленького и Н. Миславского, а также изданная в Магнитогорске книжка Л. Марьясина «Второй гигант горы Магнитной». Их везли тогда в южноуральскую степь в своих овальных фанерных баулах юноши и девушки с разных концов страны — добровольцы стройки, как пропуск, как комсомольскую путевку на целину нашей индустрии.

А разве не драгоценны издания первых опытов молодых (да что там молодых — совсем еще юных!) литерато-

Обложки брошюр,

посвященных строительству Магнитогорского комбината

ров Магнитки — рабочих парней, сменивших вечером лопату бетонщика и кусачки арматурщика на перо, чтобы поверить бумаге песни души, рожденные стройкой.

*В слове,
проходящем нараспашку,
разрешите,
радость не глуша,
говорить
о молодости нашей,
и о той,
которая прошла...*

писал тогда бетонщик Борис Ручьев в стихотворении «Слово имеет юность».

И они говорили о своей юности: Б. Ручьев и В. Макаров, А. Ворошилов и М. Люгарин, П. Хорунжий и В. Белихов и многие другие, их молодые товарищи. Не все они стали профессиональными писателями, не все дожили до наших дней, не все их произведения выдержали испы-

тание временем. Но их звонкие молодые голоса донесли до нас живое дыхание эпохи.

Вот литературно-художественный сборник «Рождение чугуна» (Уралогиз, 1932). Он посвящен 15-й годовщине Октября и двухлетнему (тогда это казалось много!) юбилею литературной организации Магнитостроя. Едва ли мой старый товарищ Борис Ручьев включит стихи из этого сборника в свое «Избранное», но я знаю, как любовно перелистывает он сейчас эти памятные его сердцу страницы, свидетельства его боевой поэтической юности.

Вот «Буксир» — первый журнал Магнитки, именовавшийся «рабочим литературно-художественным журналом Магнитостроя». Тираж его был 5 700 экземпляров, издавался он недолго, но как же можно забыть его — первую трибуну рабочих литераторов Магнитогорска! А рядом с ним — массовые производственные журналы: «Магнитострой» и «За техническое вооружение» — энергичные организаторы технической мысли на строительстве.

...Все они стоят сейчас на книжной полке в чинном строю как ветераны былых битв — постаревшие и поблеклые, но не согнувшиеся...

И не только историкам и литературоведам служат они в наши дни. Охотно черпают в них примеры трудовой доблести сегодняшние воспитатели молодежи. Как незаменимое пособие в рассказе о наших славных традициях используют их учителя и работники музеев. Ревностно разыскивают их создатели истории фабрик и заводов.

Часто выходят они на работу и из моего заветного уголка. И я рад, что старая гвардия обретает свою вторую жизнь.

Но, увы, редет строй старых бойцов. Одни из них уходят по неизбежности — время и обстоятельства неминуемо вывели их из строя. Другие — по небрежению их владельцев: что, дескать, толку в старой потрепанной брошюре-замухрышке! И — много ли нужно времени, чтобы книги исчезли в огне печей, в мешках бойких сборщиков старой бумаги, видящих во всякой бумаге лишь утильсырье.

Да, к сожалению, это так!.. И не пора ли нам по-хозяйски подойти к свидетельствам нашего прошлого, которые кажутся нам порой обыденными, не заслуживающими

внимания и памяти. А это не так. Каждый газетный лист, плакат, брошюра, выпущенные в свое время, отражали нашу жизнь, эпизоды нашей борьбы. И чем дальше отходят они от наших дней в прошлое, тем ценнее они становятся для новых и новых поколений советских людей как вехи славного пройденного пути, как свидетели и участники минувших сражений за будущее...

, Не будем забывать о них. Посмотрите, нет ли у вас в чулане, на чердаке, в сарае брошюр, листовок, плакатов, газет первых лет Советской власти, первых пятилеток, начала строительства социализма. Сохраните их, верните к жизни, передайте в музей, в библиотеки, в руки историков.

Старые солдаты еще сослужат службу...

Читая Мамина-Сибиряка...

Для нас, уральцев, Д. Н. Мамин-Сибиряк дорог не только как замечательный писатель, посвятивший почти целиком свое творчество родному краю, но и как один из самых выдающихся краеведов Урала — и историк, и географ, и этнограф, и экономист, и археолог. Поэтому каждый, кто любит Урал и изучает его, с пользой для себя читает и перечитывает все, написанное Дмитрием Наркисовичем. Иногда за одной лишь какой-то его строчкой неожиданно находишь нечто новое, ведущее порой к любопытному открытию.

Вот и в этот раз, перечитывая малоизвестный автобиографический очерк «О книге», из цикла «Из далекого прошлого», наткнулся на строки, где Мамин вспоминает о старых книгах, с которыми ему приходилось встречаться в детстве. «Совершенно особый отдел среди этих старинных книг, — пишет он, — составляли старинные учебники, по которым выучилось не одно поколение. Они были напечатаны на толстой и твердой, как кожа, бумаге, а для прочности края листов были смазаны маслом. Особенно любопытен был арифметический задачник издания 1806 года: «Собрание шестисот пятидесяти одного избраннейшего примера, в пользу юношества, учащегося арифметике, под смотрением преосвященнейшего Иустина, епископа Пермского и Екатеринбургского, взятых несколько

из книг, но по большей части новоизобретенных посильными трудами Алексея Вишневого, учителя математики в новоучрежденной Пермской семинарии». В числе приведенных «экземплев» находились такие, которые решались по какому-то «слепому» или девичьему правилу, а под № 375 находилась такая задача в стихах:

*Нововыезжей в Россию французской Мадаме
Вздумалось ценить свое богатство в чемодане;
Новой выдумки нарядное фуру
И праздничный чепец а ля Фигаро.
Оценщик был Русак.
Сказал Мадаме так:
«Богатства твоего первая вещь фуру
В полчетверти дороже чепца а ля Фигаро;
Вообще же стоит не с половиною четыре алтына,
Но настоящая им цена всего только половина».
Спрашивается всякой вещи цена,
С чем французская Мадам к Россам привезена?*

Решение задачи: «цена фуру 5 1/4 алтына, чепцу 1 1/2 алтына».

Впоследствии я встретил еще один экземпляр этой удивительной книги, составляющей библиографическую редкость.

Как было не заинтересоваться такой книгой! По ней учились наши уральские предки. Похоже, к тому же, что и издана она была на Урале, в Перми.

Однако все издания тех начальных лет уральского книгопечатания известны наперечет, и в их числе такой книги не значится. Пропустили историки печати? Тогда тем более интересно ее найти.

А как? Редкостью она была, как подчеркивает Мамин, еще в его времена.

В свердловских библиотеках книги не оказалось. На запросы, посланные в три десятка крупнейших книгохранилищ страны, пошли неутешительные ответы. Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР — «нет». Научная библиотека Томского университета — «к сожалению, нет», Саратовского университета — «отсутствует», Горьковская областная библиотека — «нет». Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — «ин-

тересующая Вас книга в нашей библиотеке отсутствует»...

Ну, уж если отсутствует в этой крупнейшей нашей книжной сокровищнице, то надежды на успех мало.

Не ошибся ли Дмитрий Наркисович, не перепутал ли что-то в описании книги? Писал-то он о ней в конце 90-х годов прошлого столетия — лет 30 прошло с детской поры, о которой он вспоминает в очерке. Однако уж очень уверенно цитирует он книгу, явно не по памяти, а держа ее в руках.

Кстати, нет ли ее в остатках его личной библиотеки, хранящейся в Свердловском мемориальном музее писателя? К сожалению, среди 128 книг той, что хотелось найти, не оказалось.

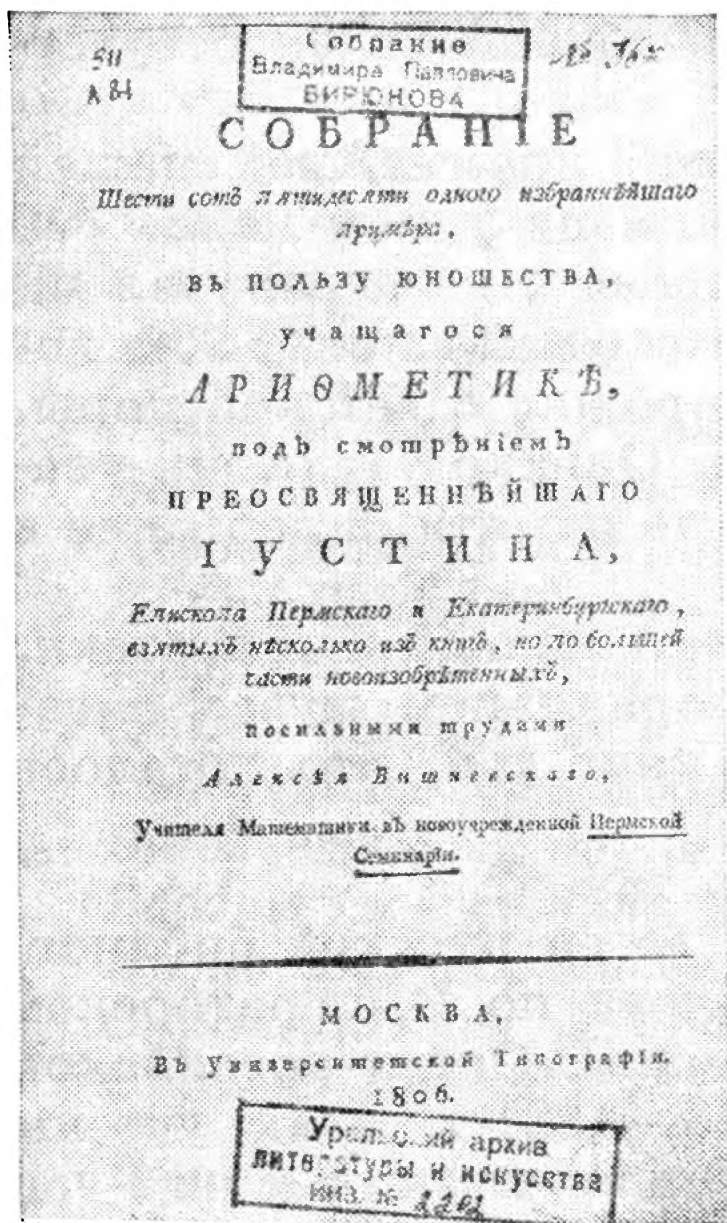
Может, в самом деле, не было такой?

А ну-ка, что скажет Сопиков, «отец русской библиографии», сослуживец И. А. Крылова по Императорской публичной библиотеке? В его 5-томном «Опыте российской библиографии»..., вышедшем в 1813—1821-х годах, учтены по горячим еще следам почти все книги, изданные на Руси от Ивана Федорова до выхода «Опыта» в свет.

Нет, не напрасно закрепился столь высокий титул за самоучкой, купеческим сыном Василием Степановичем Сопиковым, ставшим по собственной охоте видным книгопродавцем, переводчиком и библиографом — его «Опыт», несмотря на неизбежные пропуски, незаменимый справочник для библиофила! Вот и моя книга не прошла мимо его глаз — она описана в томе четвертом под номером 11 002.

Тем временем подошло сообщение от знакомого ленинградского библиографа А. В. Блюма, которому я как-то рассказывал о своих поисках. Он перепроверил наличие книги в «Салтыковке» — по генеральному каталогу на разные варианты заглавия. Увы, безуспешно.

Зато он нашел ее, конечно, у Сопикова. А еще — в трехтомнике В. В. Бобынина «Русская физико-математическая библиография». В. В. Бобынин, кстати, и помог ему найти все-таки в Ленинграде столь неуловимую книгу. Дело в том, что Блюм знал: при составлении своего указателя Бобынин активно использовал книжные фонды Академии наук. А раз так, то нет ли книги Вишневого в Библиотеке Академии наук? Догадка оказалась правильной — задачник нашелся там в Отделе редкой книги.

Титульный лист учебника арифметики Алексея Вишневского (из собрания В. П. Бирюкова)

Но к тому времени и у меня подошла полоса удачи и находок. После серии писем с «нет» и «отсутствует» из библиотек стали прибывать и утешительные вести. Ленинская библиотека сообщила, что в ее фондах задачник Вишневского есть. Обнаружился он и в Государственной библиотеке по народному образованию им. К. Д. Ушинского, и в научной библиотеке МГУ, и в Пермской областной библиотеке им. А. М. Горького, а в научной библиотеке Казанского университета книга оказалась даже в двух экземплярах.

Но — и все. Нашлось только шесть штук. Вероятно, книга все же есть еще где-то, но едва ли в десятках, и уж конечно не в сотнях экземпляров. Недаром, сообщая о наличии книги, библиотеки опасливо предупреждали, что она «находится в

уникальном фонде и никаким пересылкам не подлежит».

Но я и не собирался покушаться на это, а если бы даже кто-то и предложил по незнанию, то непременно отказался бы, предупредив о редкости книги.

Тем более, что в этом уже и не было необходимости: книга нашлась совсем под боком — в собрании моего давнего доброго друга, выдающегося уральского краеведа Владимира Павловича Бирюкова.

Жил у нас на Урале такой человек, чье имя знакомо каждому, кто хотя бы в самой малой степени причастен к изучению края. Истый подвижник по натуре, он за свою долгую жизнь составил колоссальное по объему, уникальное по значимости собрание книг, периодики, документов, карточек, фольклорных записей, автографов и личных фондов замечательных деятелей Урала и передал все это безвозмездно государству. «Бирюковская копилка», — как любовно зовут краеведы это собрание, — сейчас стала

отделом Госархива Свердловской области и то и дело радует нас ожидаемыми и неожиданными находками.

Не очень уверенный в успехе, я обратился к Владимиру Павловичу с вопросом — не встречалась ли ему такая книга, помня, что он некогда учился в Пермской семинарии.

— Встречалась, — услышал я в ответ. — Хотя я учился уже не по ней. Есть она у меня. Приходите, посмотрите...

Пришел (нет — прибежал!). Посмотрел. Прочитал от первой до последней страницы. Скопировал все надписи прежних владельцев.

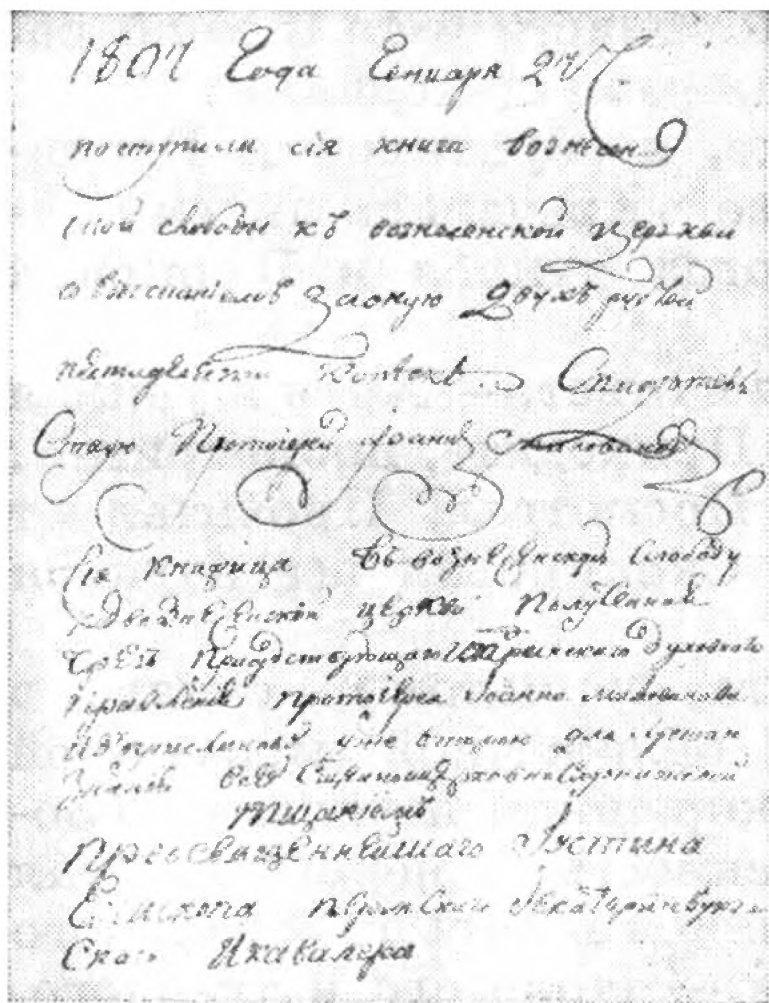
Это была скромного вида книга, форматом ин-октаво, в картонном, крытом розовой обложечной мраморной бумагой, переплете с кожаным корешком и углами. Трогательная, присущая веку особенность — неровные края некоторых страниц, не уместившихся в формат бумажного листа, такого, как писал Мамин, — «толстого и твердого, как кожа». В книге 162 страницы основного текста и четыре страницы погрешностей. И — любопытная надпись. Но о ней потом...

Не знаю, каково значение задачника с точки зрения специалиста по истории преподавания математики в России, но для краеведа он несомненно интересен.

Интересно, что примеры здесь собраны не простые, а рассчитанные на ученика, уже знакомого с начальной арифметикой. Здесь задачи (и примеры решения их) «на правила квадратных и кубических чисел», на десятичные дроби, на тройное правило — прямое и обратное, на «правило товарищества», на «правило смешения», на правила «фальшивое», «слепое или девичье», на прогрессии — арифметическую и геометрическую. Словом — арифметика на высоком уровне.

Пример в стихах, приведенный (кстати — не совсем точно) Маминым-Сибиряком, оказался, увы, единственным, хотя учебники в стихах в те годы не были редкостью. Тот же А. В. Блюм сообщил мне, что у него есть учебник горного дела в стихах, изданный в 1781 г. в Геттингене.

В основном примеры обычные — «купец продал, некто купил...», «Путник шел из города А...», «Трое нашли мешок с яблоками...». Но есть и такие, что отражали чисто местные особенности, например, задачи на перевозку меди и железа — типичное для горнозаводского Урала дело:

Владельческие надписи
на экземпляре «Арифметики»
А. Вишневого

Книга для нас интересна, как первый на Урале учебник. Но издан он, как ни странно, в Москве, в типографии Московского университета. Странно потому, что в Перми в те годы уже была своя типография, основанная в 1792 г., которая успела выпустить несколько интересных книг (в том числе первое руководство по типографскому делу). Но и не странно, если знать, что в это время Пермская губернская типография пришла в упадок и первые три десятилетия XIX в. занималась, в сущности, только размножением канцелярских бумаг.

А о самой истории появления книги рассказывает предисловие составителя, посвященное епископу Иустину.

«...Чьи очи не видят, колико Вы печетесь между прочими делами и о насаждении Наук и знаний в новой Пермской Семинарии? До прибытия Вашего Преосвященства, ученики не имели приличных покоев, коих теснота препятствовала даже и успехам в учении; но Вы уготовили им свободное для учения жилище на приятнейшем берегу изобильной струями реки Камы, наводняющей и утучняющей луга и поля наподобие Нила. Вы разделили время для преподавания Наук так благоразумно, что Учителям

«Некто подрядил везти 30 пуд меди чрез 6 верст, заплатил 2 руб.; то надобно знать, сколько должно заплатить с 80 пуд чрез 40 верст?».

Или вот такой — очевидно, из повседневного семинарского быта:

«Учитель наказал ученика за леность, и дал ему ударов столько, что ежели бы еще столько, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$, сумму сего, сверх того вычесть 18, то бы дал он ему 40 ударов; н. з. (надобно знать) сколько дано ударов ученику? Отв(ет) — 12 стол(ько) дано ударов».

Возможно, составитель ожидал, что такой пример будет способствовать быстрому решению задачи.

учить, а ученикам учиться и успевать в Науках удобно можно безо всякого сил изнурения... По Вашему мановению из Лейпцига в Пермь прилетело знаменитое отборных и самонужнейших всякого рода книг собрание, которыми, купно и инструментами Математическими и Физическими, яко многоценною утварию, великолепно украшать и наполнять начали Семинарскую Библиотеку и наполнять не престаете частым нужных книг прибавлением... Вы не пропустили златого случая показать их (знания учеников.— Ю. К.) на благорассмотрение Мужам, и по знаниям и по учености знаменитым... купно и Профессорам Академии Наук, шествующим через Пермь в Пекин... Вы меня вручили искуснейшему Народного в Перми Училища Учителю, Господину Иоакиму Менъзековскому; под его рачительным руководством я научился Математике, а по Вашему благоволению сделан Учителем».

Если бы это было обычное славословие в адрес благодетеля — начальника или мецената, я не стал бы так обильно цитировать его. Но здесь интересные штрихи из истории края. И книг собрание из Лейпцига, пришедшее в Пермь, и экзамен семинаристов учеными, следовавшими с высоксою миссией графа Головкина в Китай для сопровождения высочайших подарков богдыхану: громадных зеркал, каминов и ваз, астрономических и физических инструментов, и заботы об образовании семинаристов самого Иустина.

Ясно, что инициатором создания книги был именно Иустин. Поэтому стоит сказать несколько слов и о нем.

Иустин Вишневецкий (по другим сведениям — Вишневский) — до этого 16 лет прослужил за границей, при русских посольствах в Венеции и Вене, а до назначения в Пермь — в 1802 г. — викарным епископом в Казани. Успел он побывать и преподавателем в Рязанской семинарии и в Петербургском инженерном кадетском корпусе. Не был чужд наукам и сочинительству — современники высоко оценивали его книгу «Полная грамматика славянского языка».

В Перми он деятельно принялся за перестройку основанной незадолго до его приезда семинарии — добился приобретения нового здания, закупил для нее в Лейпциге библиотеку, куда передал и свое книжное собрание. И, как свидетельствует историк Перми А. А. Дмитриев:

«При нем значительно расширено преподавание математики: семинаристы теперь стали изучать кроме арифметики алгебру, геометрию, тригонометрию, механику и физику».

В одном из источников я даже нашел утверждение, что при распределении приходов Иустин лучшие места предписывал давать тем выпускникам семинарии, которые «кроме прочих знаний в философии и богословии, содержат твердо в памяти математику».

Владельческие надписи, обнаруженные на книгах, показали, что Иустин не ограничился выпуском задачника и введением его в семинарский курс. Он продвинул книгу и в глубинку (как сказали бы мы сейчас) — в далекие епархии и приходы, в надежде, что бывшие семинаристы не оставят занятия нужной в обыденной жизни наукой и в дальнейшей своей деятельности.

Так, надпись на книге из собрания В. П. Бирюкова гласит:

«1807 года, генваря 2 — е/ч поступила сия книга Вознесенской слободы к вознесенской церкви со взысканием за оную двух рублей пятидесяти копеек. Свидетельствую протоиерей Иоанн Милованов».

А ниже, другим почерком, добавлено:

«Сия книжица в Вознесенскую слободу к двознесенской церкви полученная чрез присутствующего (члена. — Ю. К.) щадринского духовного правления протоиерея Иоанна Милованова из присланных уже второю для лучшего знания всех священноцерковнослужителей тщанием преосвященнейшего Иустина Епископа Пермского и Екатеринбургского и кавалера...».

Тут уже сказано без обиняков — для лучшего знания да еще повторно, — чтоб не сослались на утерю.

Надпись на пермском экземпляре сделана так, как это делали канцеляристы на законченных делах — через всю книгу по части слова на листе: «Сия книга села Иргинского Крестовоздвиженской церкви». И подчеркнуто — «Казенная». А из надписи на форзаце можно узнать, что книга была получена 17 декабря 1806 г., т. е. вскоре после выхода в свет.

Два рубля с полтиной для того времени сумма немалая и потому Иустин обеспечил покупку ее за счет казенных сумм, понимая, что книга эта нужна будет сельскому

попу, часто — единственному грамотному человеку в своем приходе, к которому шли за «консультацией» по самым разнообразным житейским вопросам, — не для отвлеченного лучшего знания, а для повседневного практического использования.

Жаль, что пока не удалось выяснить дальнейшую судьбу составителя задачника Алексея Вишневого. Но я уверен, что какая-нибудь новая находка откроет нам и это. А пока — спасибо Дмитрию Наркисовичу: и на этот раз помог восстановить, может быть, мелкие, но важные штрихи для истории края.

Свердловск, 1971

О. Г. ЛАСУНСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТАРОЙ БИБЛИОТЕКЕ

(Из истории русского библиофильства)

«После удовольствия иметь библиотеку нет ничего приятнее, как говорить о ней и делиться с другими невинными богатствами мысли, приобретаемыми в занятиях словесностью...».

Это изящно сформулированное изречение принадлежит признанному библиофильскому автору — французскому писателю Шарлю Нодье (1780—1844)¹. Ценность изречения, пожалуй, не столько в его изящности, сколько в бесспорной верности самой мысли. Думаю, вряд ли найдется библиофил, который не подписался бы под словами Ш. Нодье.

Многие из владельцев богатых собраний любят не только беседовать на книжные темы, но и писать. Так создавалась довольно обширная библиофильская литература; впрочем, она никак не

угонится за постоянно растущими потребностями в ней. Беда еще и в том, что у книголюбов отсутствует, так сказать, «спасательная» библиографическая служба. Попробуйте найти справочник, который, как безошибочная лоция, указал бы верный курс в поисках нужного материала. Такого справочника пока нет! В результате из поля зрения зачастую выпадают яркие публикации, а вместе с ними и целые эпизоды из истории отечественного библиофильства.

Статья преднамеренно открыта цитатой из сочинения Шарля Нодье. Дело в том, что ее французский оригинал предпослан в качестве эпиграфа к большой работе, опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» (1854, № 2, отд. VI) под заглавием «Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке». Автором ее был литератор, публицист, революционер, соратник Чернышевского — Михаил Лари-

¹ Советские книголюбцы знакомы с повестью Ш. Нодье «Библиоман», опубликованной в переводе Л. Судаковой в «Альманахе библиофила» (Л., 1929, с. 315—336).

онович Михайлов (1829—1865).

М. Михайлов, как известно, стал первой жертвой царствования Александра II. Арестованный в сентябре 1861 г. по обвинению в написании и распространении прокламации «К молодому поколению», он был осужден на шесть лет каторжных работ и вечное поселение в Сибири. На далеком руднике Михайлов и скончался.

Драматическая развязка отрицательно сказалась на посмертной судьбе Михайлова-литератора. На его имя накладывается запрет, и новое поколение читателей уже почти ничего не знает о его творчестве. В 1914 г. П. В. Быков пишет: «Едва ли возможно назвать еще другого русского писателя, который был бы так скоро забыт...»². П. В. Быкову вторит другой биограф Михайлова — В. В. Маяковский, называя его «основательно забытым писателем»³. В обстановке, когда сознательно замалчивалась лучшая часть творческого наследия Михайлова — его поэтические переводы с немецкого, французского и английского языков, — трудно было рассчитывать на внимание к увлекательному «Путешествию». Работа Михайлова так и застряла

² Михайлов М. Л. Полн. собр. соч. Под ред. П. В. Быкова. Т. 1. Спб, изд. т-ва А. Ф. Маркса (1914), с. V.

³ Маяковский В. В. М. Л. Михайлов. (К пятидесятилетию его смерти.) — «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 5.

в недрах старого журнала, и только в советское время к ней изредка обращаются специалисты-библиографы, не затрагивающие, однако, ее основного, библиофильского содержания.

Безусловно, М. Михайлов имел особое, сугубо личное отношение к книге не только как чисто идеологическому инструменту, но и как особому предмету материальной культуры. Это проявилось прежде всего в его стремлении составить интересную личную библиотеку. К сожалению, сведения о ней крайне скудны, их пришлось собирать буквально по крупицам.

Уже в детстве М. Михайлов приохотился к чтению и начал жадно поглощать, полку за полкой, отцовскую библиотеку, в которой книги по горному делу соседствовали с романами и повестями. В автобиографическом рассказе «Уленька» (1857) Михайлов расскажет о своих отроческих годах, о любви к чтению, о том, как переписывал песни воронежского прасола Алексея Кольцова в специально сшитую тетрадь из почтовой бумаги. Уже подростком он заложил фундамент своих энциклопедических познаний в области западноевропейской литературы.

Самообразование для демократа Михайлова, вынужденного по материальным соображениям оставить учебу в Петербургском университете, являлось единственным средством не отстать от современности. Понятно, сколь ве-

лика была в его представлении просветительская роль книги. Новейший биограф Михайлова П. С. Фатеев предполагает, что у него неплохая личная библиотека имела уже в Нижнем Новгороде⁴. Помимо отечественной классики, она включала книги Гейне, Гете, Шиллера, Беранже, Мюссе и других иностранных авторов, которых Михайлов читал в подлинниках.

Но постепенно Михайлов, видимо, проникается к книге симпатиями библиофильского свойства. Чисто утилитарный подход к своей библиотеке уже не удовлетворяет. Его тянет к книжной древности, к кожаным переплетам фолиантов XVIII в., ему хочется поставить в шкаф не просто томик Пушкина, а коллекцию пушкинских изданий, где содержались бы разночтения и варианты, публикации о поэте, списки его запрещенных стихов. Михайлову нравится копаться в грудах книг; в письме к М. П. Погодину 16 июля 1849 г. он признается, что русская библиография принадлежит к его любимым занятиям. От увлечения же библиографией до библиофильства часто всего один шаг, и М. Михайлов его делает.

Возвратившись в начале 1852 г. в Петербург, окрыленный литературными успехами, Михайлов

целиком отдается творческой работе. Но о своих книжных интересах не забывает. Его можно нередко видеть в книжных лавках на Невском (например, в магазинах Д. Е. Кожанчикова, П. А. Ратькова, Шмицдорфа и др.); однако стесненный в средствах, он не может позволить себе роскошь приобрести все, к чему лежит душа. Приходится обращаться к услугам общественных и частных библиотек для чтения.

Герой михайловской повести «Наш дом» (1855) говорит: «Чуть не каждый день отправлялся я за новым запасом книг в библиотеку». То же самое нужно сказать и об авторе. Весной 1852 г. Михайлов жалуется в письме М. П. Погодину, что некоторых книг он не в состоянии найти ни в одной петербургской библиотеке. Вероятно, речь шла о редких изданиях, понадобившихся Михайлову для библиографических разысканий.

Интерес к книжным вопросам, к XVIII веку, который привлекал к себе пристальное внимание тогдашних библиофилов, подогревался у Михайлова знакомством и дружбой с земляком П. П. Пекарским, будущим академиком, автором капитального труда «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862). Сблизился Михайлов и со студентом А. Н. Пыпиным, который в это время собирал материалы для диссертации, посвященной XVIII веку. Впоследствии Пыпин с теп-

⁴ Фатеев П. С. Михаил Михайлов — революционер, писатель, публицист. М., 1969, с. 93.

лотой отзовется о совместных книжных бдениях⁵.

Библиофильские пристрастия Михайлова иногда откровенно давали о себе знать в его публицистике. Например, в «Парижских письмах» (1858—1859), рассказывая о кабинете для чтения при официозной газете «Le Nord», основанной русским правительством в Париже, Михайлов прибегает к специфическому образу: «...Все русские книжные богатства конторы «Le Nord» могли бы уместиться в одном небольшом мешке букиниста с толкучего рынка».

Автор не случайно вспомнил, находясь во Франции, про петербургский базар, разместившийся внутри Апраксина двора. Еще в 1853 г. Михайлов напечатал в «Современнике» очерк «Прогулки по Петербургу. Утро на Толкучем рынке», где создал колоритный тип «холодного букиниста», дяди Михеича. Десяток разрозненных томов, которыми вразнос торговал дядя Михеич, вполне размещались у него за пазухой. Книжки продавал он совсем дешево, по гривеннику, а то и по две-три копейки серебром. По собственному признанию, Михайлов неоднократно использовал этот источник для пополнения своей библиотеки изданиями XVIII в.

Подробно, с библиофильскими интонациями, описывает автор

⁵ Пыпин А. Н. Мои заметки. Под ред. В. А. Ляцкой. М., 1910, с. 45—46, 69—70.

очерка купленный у дяди Михеича экземпляр с рукописными читательскими маргиналиями, среди которых есть довольно курьезная: «Росписался санкъ петербургской купец 4-и гилдии Николай александров фамилии соловьев свое Ручно росписуюс месеца июля 14 числа 1820». Михайлов иронизирует лишь над безграмотностью некоего Н. А. Соловьева, а отнюдь не над самим фактом надписи. Как библиофил он понимает историко-бытовую ценность подобных маргиналий. Более того, Михайлов признается откровенно: «...Какой-нибудь библиоман XX столетия найдет между почтенными именами моих предшественников и мое имя. Я даже думаю подклеить к ней [книге.— О. Л.] несколько чистых листков, чтобы все, кому случится читать ее, могли тоже расписаться»⁶.

Вероятно, этот примечательный экземпляр нашел приют в кабинете Михайлова, где все свободное место было отдано шкафам с книгами.

Сейчас трудно установить, какими именно редкостями обладала библиотека Михайлова, но любопытные намеки на этот счет встречаются в михайловских «Записках». Описывая обыск в своей квартире, автор отмечает, что жандармов смущало обилие книг. Упоминается, в частности, выпущенный Р. Вагнером сборник не-

⁶ «Современник», 1853, № 1, отд. VI, с. 46—47.

разрешенных русской цензурой стихотворений Пушкина (Берлин, 1861). Жандармы искали у Михайлова, в первую очередь, потаенных лондонских изданий, которые тот недавно привез от Герцена. Можно с уверенностью предположить, что М. Михайлов располагал ценным собранием запрещенных книг и рукописных списков.

Вплоть до дня ареста М. Михайлов работал в редакции «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» (вышло всего шесть томов) как редактор отдела словесных наук. Сотрудниками словаря являлись видные библиографы и библиофилы Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгинов и др. Сам Михайлов поместил в третьем томе словаря (1861), в числе других материалов, статью «Александрьевская библиотека».

С момента ареста М. Михайлов не переставал думать об оставшихся беспризорными книгах. Как документ в некотором смысле и библиофильский, сохранилось до наших дней письмо Михайлова из Петропавловской крепости, датированное 13 ноября 1861 г. и адресованное близким друзьям Л. П. и Н. В. Шелгуновым. Из-за решетки царского застенка донося голос человека, сраженного, в довершение всех несчастий, невозможностью привычного общения с книгами. Михайлов пишет: «Жаль мне моих книг. Да неужто их отнимут? Бумаги-то нельзя хоть

спасти?... Если опишут и станут продавать мои книги, нельзя ли их купить?... Нельзя ли вам большую часть книг взять к себе, как свою собственность? Или квартира* опечатана?»⁷. В душе какого библиофила не отзовутся горькими чувствами эти строки?!

Часть библиотеки М. Михайлова оставшиеся на воле друзья разыграли в лотерею в пользу владельца. Остальные книги позднее отправились к Михайлову в Сибирь, где он продолжал заниматься творческой деятельностью. Среди этой партии книг были произведения не только на русском, но и на иностранных языках.

В 1915 г. журнал «Голос минувшего» опубликовал письмо брата Михайлова, Петра Ларионовича, инженер-поручика Нерчинского горного округа, о последних минутах ссыльного писателя. Там, между прочим, читаем: «Движимое имущество, заключавшееся по преимуществу в книгах, я большую часть продал... Вся русская и французская библиотека осталась при мне»⁸.

Э. Виленская и Л. Ройтберг, авторы добротных комментариев

* До ареста М. Михайлов жил в одной квартире с Шелгуновыми.

⁷ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания в двух томах. Т. 2. М., 1967, с. 433—435.

⁸ Смерть М. Л. Михайлова. — «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 227.

к новейшему изданию «Записок» М. Михайлова, полагают, что дальнейшая судьба его сибирской библиотеки неизвестна. Но эти данные уже успели устареть. Следы отыскились; правильное бы сказать — их отыскал неутомимый кировский литературовед Евг. Петряев. «...В дневнике забайкальского литератора И. В. Багашева, — рассказывает он, — была заметка о том, что после смерти М. Л. Михайлова более сотни принадлежащих ему книг попали в библиотеку Нерчинских заводов. Теперь от нее уцелело немного иностранных изданий. Они находятся в Читинской областной библиотеке, сохраняя старый казенный ярлык. В некоторых случаях под ним замечен другой. Когда верхний отделили и приподняли, то под ним обнаружился книжный знак: «Библиотека М. Л. Михайлова. №...» Так экслибрис... позволил обнаружить более десятка книг Михайлова. Среди них — немецкая антология «Поэзия и поэты» Ф. Фрейлиграта (1854). В ней остались карандашные пометки Михайлова к стихам, которые он переводил незадолго до смерти...»⁹.

Итак, перед нами возникает фигура библиофила-демократа, книголюба-труженика, новый тип в привычной галерее сановных дворянских библиофилов, таких,

⁹ Евг. Петряев. Впереди — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск, 1968, с. 323—324.

как С. Д. Полторацкий, С. А. Соболевский, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади, Н. В. Губерти и др. Если эти люди могли, не задумываясь, потратить на уникальный экземпляр огромные деньги, то Михайлов, которому вечно не хватало гонорара даже на пропитание, нередко вынужден был нужную книгу брать под залог в частной библиотеке или разыскивать на толкучем рынке. Если дворяне-библиофилы отводили под свои книжные сокровища великолепные апартаменты, то Михайлову, долго ютившемуся в меблированных комнатах, поневоле приходилось ограничивать свой «аппетит».

Фигура Михайлова знаменовала приход в русское книжничество разночинской молодежи, не имевшей родовых библиотек и создававшей свои собрания собственными руками. Вместе с тем социальное положение демократической интеллигенции не могло лишить ее представителей, в частности М. Михайлова, многих из тех радостей, которые даруются каждому истинному библиофилу. Михайлов был именно таким библиофилом. Это лучше всего доказывает его «Путешествие по старой русской библиотеке».

* * *

В 1854 г. в «Библиотеке для чтения» Михайлов печатает три статьи под общим названием «Старые книги». Основную задачу он видел в том, чтобы противопоставить свое просветительское по-

нимание сущности библиографии как науки, призванной помогать читателю в отборе достойных книг, формальному подходу к библиографии со стороны Г. Н. Геннадя, Р. И. Минцлова и др. Во всяком случае, значительную часть первой статьи автор предполагал, видимо, отвести теоретическому спору, отстаиванию своих позиций. Редакция журнала настаивала к тому же, чтоб уже в первой статье началось обещанное «путешествие» по библиотеке изданий XVIII в.

Но Михайлов, увлеченный темой, получивший, наконец, возможность говорить о книгах не бегло, мимоходом, а специально, так и не выполнил, в сущности, ни своего первоначального намерения, ни пожелания редакции. Напротив, мимоходом он упомянул о библиографии как таковой и о некоторых книгах предшествующего столетия (за исключением перевода трактата Полидора Виргилия Урбинского об изобретателях вещей). Главным же образом работа оказалась посвященной сугубо библиофильским вопросам: недаром эпиграф был подсказан автору Шарлем Нодье. Так что первую статью М. Михайлова из цикла «Старые книги» должно смело отнести к так называемой библиофильской литературе.

...Если можно говорить о существовании специфического библиофильского фольклора (а мне кажется, основания для такого

разговора есть), то к наиболее распространенному жанру следует отнести были и легенды о любителях поживиться за счет чужой библиотеки и о способах борьбы с ними. Михайлов откликается на эту вечную проблему, которая, надо полагать, волновала его далеко не платонически; без сомнения, ему самому не раз приходилось страдать от «набегов» книжных похитителей.

«Если у вас есть какая-нибудь, хотя маленькая, библиотека,— начинает свое „Путешествие“ М. Михайлов, обращаясь к библиофилам,— или если даже вы обладаете таким незначительным количеством томов, что их и библиотекой назвать нельзя, то вы, конечно, очень хорошо знаете, сколько на белом свете охотников до чужих книг. Сердце не камень— и вы ссужаете приятелю просимую им книгу. Уже не в том виде, в каком вышла от вас, возвращается она домой: переплет и цел, но на нем пятно; листы и все, да у некоторых распустились нитки, связывающие их; а сколько загнутых уголков, сколько отметок ногтем на полях! Дайте эту книгу другому, третьему приятелю — то ли еще будет? Каждый прочтет ее — и вместе с тем попортит, хоть, может быть, и невольно. Кроме того, очень может случиться, что и у этих господ есть приятели, постоянно пользующиеся чужими книгами; опять-таки сердце не камень — и книга ваша попала в четвертые, пятые руки. Понятно,

какова она будет, когда явится под сень вашего книжного шкафа. Переплет уже отстал, листы плохо держатся, а некоторых, смотришь, и вовсе нет; бóльшая часть уголков, столько раз загибавшихся, отвалилась; поля были прежде исчерчены только ногтями, теперь они украшены заметками карандашом и даже (о, ужас!) пером; один листок прожжен сигарой, на другом следы кофе. Книга никуда не годится. Недаром известный французский библиограф Пенъйо к числу книжных врагов, вместе с крысами, червями и пылью, относит и людей, продовольствующих себя чужими книгами»¹⁰.

Шутливый тон повествования не может скрыть ни подлинной серьезности темы, ни трогательного отношения автора к книге как почти одушевленному предмету.

М. Михайлов по-писательски отточенными образами строит картину, отлично знакомую по собственному горькому опыту большинству книголюбов, во всяком случае тем из них, у которых «сердце не камень».

Автор ссылается на мнение Габриэля Пенъйо, который прославился на Западе тем, что составил указатель книг, осужденных на сожжение или на насильственное забвение. Замечу, что мысль французского библиографа развил поз-

днее не менее компетентный русский библиофил В. Я. Адарюков, который пошел дальше Г. Пенъйо, считая человека самым страшным врагом книги¹¹.

Великолепный знаток языков, М. Михайлов делает поучительное замечание: только у русских книголюбов имеется слово «зачитать», так грациозно выражающее содержание этого понятия. И не без иронии живописует положение библиофила, у которого «зачитали» третью часть сопиковского «Опыта российской библиографии» как раз в ту минуту, когда в ней возникла нужда. «...Счастлив тот, кто сумел оградить свои книги от нашествий знакомых и приятелей... мир кабинета его невозмутим, досада не прерывает его любимого труда, и благословляет он судьбу. Если б я был Горацием, то именно такую долю восхвалил бы в оде на неразрозненную библиотеку...» (стр. 11-12).

Но выступая против «зачитывания», Михайлов, естественно, предвидит обвинение в книжном плюшкинстве и сразу его отменяет. «Если моими книгами не пользуется *всякий* [здесь и ниже курсив автора.— О.Л.], из этого, смею думать, вовсе нельзя заключить, чтобы ими не пользовался *никто*» (стр. 8). Напротив,

¹⁰ Михайлов М. Л. Сочинения. Т. 3. М., ГИХЛ, 1958, с. 7—8. Далее цитируется по этому изданию, сноски даются в тексте.

¹¹ См.: Адарюков В. Враги книги.— «Казанский библиофил», 1921, № 2, с. 15—18. Правда, В. Я. Адарюков не относит к числу врагов книги «зачитывателей».

М. Михайлов совсем не одобряет позицию библиографов, «погребателей книг», в которых и метит древняя басня о собаке, лежащей на сене. Книжное сумасшествие, библиоманию *, он, безусловно, не приемлет.

Михайлов знакомит «путешественников» с разными образцами библиоманской «породы», перечисляет причуды книжных маньяков, отмечая, что внешняя сторона экземпляра абсолютно затмевает для них содержание произведения.

Совершенно не от мира сего представляются Михайлову чудачки, которые собирают книги ради них самих, никогда не раскрывая страниц, прячут шедевры человеческого разума от постороннего взора. Вот тип такого библиографа. «Я отправляюсь к нему в дом; он встречает меня на лестнице, и я тут еще начинаю чувствовать упадок сил от запаха черного сафьяна, которым облечены все его книги; тщетно трубит он мне в уши, желая оживить меня, что книги его все с золотым обрезом, все вытиснены золотом и издания все хорошие; тщетно именует он лучшие одну за другой, тщетно говорит, что галерея его полна, кроме двух, трех мест, расписан-

* Любопытна терминологическая сторона статьи М. Михайлова. Опираясь на понятия «библиограф», «библиоман», автор не употребляет слово «библиофил», заменяя его «библиографом». Вместо «коллекционеры» Михайлов пишет «коллекторы».

ных, впрочем, с таким искусством, что зрение обманывается и принимает эту живопись за настоящие книги, расставленные на полках; тщетно прибавляет он, что сам никогда не читает, что даже нога его не бывает в этой галерее, что он пойдет туда в угождение мне: я благодарю его за любезность и, так же как и он сам, вовсе не имею желания посещать его кожаную, которую он называет библиотекой» (стр. 9).

Какой сочный и емкий найден образ — «кожаня»!

Михайлов высказывает свое мнение о характере и назначении частной библиотеки, преимущественно ученого и литератора. «Такие библиотеки заводятся обыкновенно сообразно с родом занятий их владельцев, и в них разве как роскошь допускаются книги, не имеющие прямого отношения к главному предмету... Не всякий, разумеется, имеет средства приобретать все книги по предмету своих занятий; но всякий более или менее старается иметь хотя главные пособия, а без некоторых справочных книг нет никакой возможности обходиться» (стр. 10).

Для нас эти признания важны как неложное свидетельство современника о трудностях, выпавших на долю книголюба-разночинца в середине прошлого века. Зачастую у него не хватало средств на приобретение самых необходимых, настольных книг. Показателен такой красноречивый факт: работая над своим «Путе-

шествием», Михайлов вынужден умолять редактора «Литературной газеты» В. Р. Зотова снабдить его дня на два томом французской «Современной энциклопедии», где помещена статья о библиографии¹². С такого же рода просьбами Михайлов неоднократно обращался к соредактору журнала «Библиотека для чтения» А. В. Старчевскому, петербургскому книжнику Ф. Ф. Цветаеву и другим лицам. Чтоб собрать материалы об английских и французских библиофилах-гурманах, Михайлову приходилось искать ряд изданий в библиотеках друзей и приятелей...

Вдоволь порассуждав о библиофилии и библиомании, М. Михайлов предлагает читателям совершить экскурс в XVIII век и познакомиться, к примеру, с первым русским изданием, где сообщаются некоторые сведения о книжном деле. Это перевод сочинения об изобретателях вещей итальянского богослова XVI в. Полидора Вергилия из Урбино. Его книга служила для русских читателей XVIII в. своего рода домашней энциклопедией.

Но вскоре сам экскурсовод словно забывает о поставленной им цели и опять переводит разговор в сферу собственно библиофильскую — о типографских погрешностях, или, попросту говоря, опечатках. Михайлов приводит

на эту тему много курьезных эпизодов из истории западноевропейского книгопечатания.

В заключительных строках статьи М. Михайлов обещал продолжить свое «Путешествие». И действительно в том же 1854 г. в «Библиотеке для чтения» (№5, 9) появились еще две статьи из цикла «Старые книги». Одна из них представляла собой, как отмечал сам автор, «беглый очерк успехов книгопечатания в Европе» и рассказ об изданиях Ивана Федорова. Большая часть другой посвящена «Похождению Ивана, гостинного сына...» — сборнику повестей и сказок, популярному у читателей последней трети XVIII в.

В последней статье есть место, небезынтересное для сегодняшнего библиофила. Строки более чем столетней давности, а кажется, услышал их только вчера: «...Старые русские книги, на которые еще очень недавно почти не было запросу, дорожают с каждым днем. Любители, посещающие довольно постоянно толкучий рынок, где прежде за пятак приобретались вещи, поистине драгоценные для библиофила (наконец, этот термин появился у М. Михайлова! — О. Л.), согласятся со мною, что случаи подобных приобретений встречаются там все реже и реже... Дешевизна происходила оттого, что прежде редко-редко показывались любители и, бывало, продавец рад-рад, что хоть как-нибудь можно сбыть товар: а то совсем залежится. Те-

¹² См. письмо М. Михайлова В. Р. Зотову от 14 января 1854 г. — Литературный архив, 1961, т. 6, с. 160—161.

перь усердно принялись за разработку старой литературы, библиофилов расплодилось много — и цены на книжную старину начали устанавливаться»¹³.

Михайлову, питавшему слабость к изданиям XVIII в., хотелось бы, чтоб как можно больше книголюбов разделили с ним это увлечение. Он называет произведения А. Измайлова, П. Захарьина, М. Комарова, М. Чулкова, Ф. Эмина. Насколько можно судить по статьям Михайлова, эти и другие книги XVIII в. находились в его личной библиотеке.

Замысел михайловского «Путешествия» не получил завершения, оборвавшись на третьей статье.

¹³ «Библиотека для чтения», 1854, № 9, отд. VI, с. 3—4.

Правда, была написана, сверстана и даже доведена до второй корректуры следующая статья, но по неизвестным причинам она не увидела света.

Цикл статей «Старые книги» на общем фоне литературного наследия революционера-демократа М. Михайлова может показаться инородным, случайным. Но такое суждение нельзя не признать поверхностным. Обращение Михайлова к теме книголюбия явилось следствием не только веяний эпохи, но и личных симпатий автора. Историки русского библиофильства по достоинству должны оценить вклад М. Михайлова в отечественную библиофильскую литературу.

Воронеж, 1971

В. И. ЛУКЬЯНЕНКО

СУДЬБЫ СТАРОПЕЧАТНЫХ РУССКИХ КНИГ

Долгую и сложную жизнь прожили ранние русские печатные книги. Ведь старшим из них минуло более, чем по четыреста лет. Теперь они занимают почетные места в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве, Публичной библиотеке в Ленинграде и некоторых других наших крупных национальных книгохранилищах. Сколько видели и испытали эти тяжелые тома в темных кожаных переплетах. Как много разных рук оставили следы на их пожелтевших страницах: капли от отекавшей когда-то свечи, замечания и приписки на полях, по нижнему краю листов — надписи, повествующие о бывших владельцах книги, приплетенные листы из других изданий и рукописей. Все эти черты давно минувшего рассказывают опытному исследователю о различных, порой нелегких судьбах старопечатных изданий.

В стенах типографии

Различия начинались еще в стенах бывших типографий до выхода издания в свет. В XVI — XVII вв., когда все виды типографской работы выполняли вручную, корректурные и редакционные исправления переносили в каждый экземпляр отдельно, нередко при помощи чернил и пера или белил и кисточки.

Типографские исправления опечаток можно видеть на страницах самых первых книг московской печати — евангелий, изданных в середине XVI в. Буквы, пропущенные в наборе этих изданий, во многих экземплярах вписаны над печатной строкой рыжеватыми железистыми чернилами,

Первые страницы одного из евангелий, изданных в XVI в.

которыми пользовались в то время в России. Лишние буквы и слоги заклеены обрезками бумаги. В случае пропуска или повторения целых строк или хотя бы одного слова на странице, лист с такими опечатками вырезали из книги, на его место вклеивали другой, перепечатанный заново с некоторыми отличиями от раннего варианта. В XVII в. лишние буквы и строки научились забеливать специальными белилами.

Типографские исправления старопечатных изданий, как правило, не распространялись на весь тираж, часть которого обычно выпускали на продажу в неисправленном виде. В большом собрании русских старопечатных книг, хранящихся в ленинградской Публичной библиотеке, наблюдается немало случаев, когда повторные экземпляры одного и того же издания различаются между собой как по внешнему виду, так и по содержанию текста. Большинство различий обусловлены редакционной работой, которая продолжалась на московском Печатном дворе, нередко

и после того, как рукописный текст книги был отдан в набор и даже отпечатан полным тиражом. В готовые сброшюрованные экземпляры приходилось тогда вставлять вновь отпечатанные листы, а иногда и целые большие разделы. Так поступили, например, в 1639 г. при выпуске книги *Требник мирской*; часть экземпляров издания дополнены новой главой в 32 страницы, которые не попали в весь тираж (что можно видеть, сравнив экземпляры II. 3. 10^b и II. 3. 10^a). Не одинаковы по содержанию и многие экземпляры Устава церковного 1641 г. Эти массивные фолианты прошли серьезную редакционную доработку. Одни листы вырезали, на их место вставляли по два-три и даже по пять других, дополнительно отпечатанных листов. Во избежание путаницы на некоторых экземплярах сделаны корректурные надписи: «Те пять листов тута надобна». Указание, по всей вероятности, было адресовано рабочим, занятым подбором листов по порядку и раскладкой их по тетрадам, из которых сшиты тома старопечатных книг.

Имели место случаи и более основательной переработки готовых изданий. Особенно сложна история первой публикации сборника церковных уложений, известного под названием *Книга кормчая* или просто *Кормчая*. Первое издание, подготовленное к выпуску в 1650 г., не вышло в свет. Почти весь тираж в 1200 экземпляров, за исключением отдельных, видимо, случайно разошедшихся, был подвергнут серьезной редакционной переработке по приказу Никона, будущего московского патриарха. Второе исправленное издание *Кормчей* выпустили в 1653 г. Оно составлено в основном из листов, печатанных в 1650 г., значительная часть которых, тем не менее, вырезана и заменена другими, перепечатанными в соответствии с новой, так называемой «никоновской» редакцией.

Сложная правка более чем тысячи томов по 878 листов в каждом хотя и заняла много времени, но обошлась несравненно дешевле, чем стоила тогда полная перепечатка книги. Ведь для каждого нового издания покупали дорогую голландскую бумагу, типографские краски, а главное в процессе работы быстро сбивались литеры шрифтов, отлитых из мягкого металла. Чтобы ускорить выпуск *Кормчей*, забракованные листы перепечатывали на нескольких станках одновременно. Разные наборщики ра-

ботали параллельно над набором одного и того же текста. Каждый из них по-своему делил набор на строки, по разному используя знаки препинания и пробелы. В результате многие экземпляры издания (например III. 3. 9^a и XXII. 3. 2^a) различаются формой набора отдельных листов. Но и при таком условии, по-видимому, не успевали отпечатать каждый лист необходимым тиражом, так как в отдельных экземплярах правка не доведена до конца. Перенесением редакционных исправлений в экземпляры Книги кормчей занимались многие рабочие Печатного двора. Эта трудоемкая работа, по-видимому, считалась настолько ответственной, что некоторые из них поставили свои надписи на страницах исправляемых экземпляров: «Смотрел и четвертки вкладывал Надей Захарьев» (XXII. 3. 2^b), «Переплетчик Гришка Григорьев перебирал» (III. 3. 9^b), «Справил и четвертки положил Галашка Пименов» (XXII. 3. 2^a) и другие аналогичные надписи. Так из глубины веков всплывают забытые имена скромных исполнителей технической типографской работы. Надей Захарьев в 1649 г. числился в актах Печатного двора «батырщиком», т. е. накладчиком краски на готовый набор, Федор Иванов «разборщиком»¹ уже использованного набора. Помимо этих обязанностей они, оказывается, еще помогали «править» выпускаемые книги: забеливали строки, отмеченные «справщиком», вырезали и вклеивали одиночные листы, складывали тетради из сложенных вдвое листов, называемых на Печатном дворе «четвертками».

Немало испытаний выпало небольшой книжечке, известной под названием «Три чина присяг», или «Крестоприводная», так как она включает описание обряда «приведения к кресту», т. е. к присяге тех, кто поступал на службу к русскому царю. Подготовленное к выпуску в конце 1653 начале 1654 гг., издание имело исключительное значение в сложной политической обстановке после воссоединения Украины с Россией, когда массами присягали новые «служилые люди». В тексте присяги в нескольких вариантах повторяется обещание «служити без всякого лукавства» царю Алексею Михайловичу и всей его семье, в том числе и малолетним дочерям. Сыновей у него в то

¹ Белокуров С. А. Московский Печатный двор в 1649 г. — «Общество Истории и Древностей Российских», 1887, т. IV, с. 1—32.

время не было. Однако же на случай рождения наследника престола в присягу включили формулировку «... и благоверному царевичу и великому князю имя рек...». Царевич Алексей Алексеевич родился пятого февраля 1654 г., когда часть тиража издания, по-видимому, уже разошлась. Экземпляры, оставшиеся на Печатном дворе, срочно «исправили», заменив слова «имя рек» именем Алексей Алексеевич, для чего были вырезаны, перепечатаны и вклеены вновь по шесть листов каждого экземпляра. Едва закончилась эта работа, как поступило новое предписание о другом изменении текста присяги, поскольку в раннем ее варианте (например, экземпляр III. 8. 2^a), перечисляя русские владения — «Владимирское и Московское государства и все великия государства Российского царьствия» — не упомянули великие княжества Киевское и Черниговское «и всю Малую Русь», которые официально были присоединены к титулу русского царя в апреле 1654 г.² Чтобы внести это добавление, снова пришлось вырезать и перепечатывать только что вклеенные листы (III. 2. 8^r). Многочисленные следы вырезов и вклеек у корня этой маленькой книжечки рассказывают внимательному взгляду о первых ее приключениях, связанных с большими политическими событиями.

Книги — путешественницы

Долгий и кропотливый труд над изданиями на Печатном дворе завершался строгой цензурой, за которой следовали последние исправления текста. В честь благополучного окончания каждого большого издания служили благодарственный молебен, и книги, наконец, выходили в свет. Многим из них предстояли долгие и трудные пути в разные земли Русского государства, нередко к его юго-западной окраине или к берегам студеного Белого моря.

О странствиях некоторых ранних книг московской печати можно судить по отдельным надписям, оставленным на их страницах прежними владельцами.

Одно из первых московских изданий — Евангелие, напечатанное около 1560 г., представлено в современных

² Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830, т. 1, с. 319, 329.

книгохранилищах несколькими экземплярами, на которых имеются интересные надписи. Остановимся на экземпляре, хранящемся в Публичной библиотеке в Ленинграде под шифром I. 3. 5^a. На его первых страницах, ниже печатного текста цепочкой тянется строка четкого старинного почерка — полуустава: «Лета 7074-го марта в 29-й день по цареве и великого князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте путивльской городской приказчик Ондрей Панин дал сию книгу...». Дочитав надпись, узнаем, что в 1566 г. согласно царскому указу приказчик города Путивля (теперь Сумской обл.) передал эту книгу из городской казны в Афанасьевскую церковь. Трудно установить, о каком именно указе шла речь. Известно, однако, что правительство Ивана Грозного стремилось к тому, чтобы во всех русских церквях читали одинаково отредактированные тексты. Издания, напечатанные в государственной типографии, в бóльшей мере отвечали этой важной политической задаче, чем рукописные книги, написанные переписчиками. Ранние московские издания предназначались поэтому прежде всего для церквей, особенно для наиболее значительных из них с точки зрения государственной политики. Судя по надписям на более поздних печатных книгах, влиятельные церкви и монастыри XVII в. нередко получали экземпляры новых изданий из дворцовой казны по царскому указу. Путивль, воспетый еще в XII столетии в повести «Слово о полку Игореве», был одним из значительных торговых и культурных городов древней Руси. В XVI — XVII вв. он являлся важным стратегическим укреплением на юго-западной границе. Поэтому возможно, что первопечатное Евангелие было прислано туда по особому царскому указу с предписанием об использовании книги в одной из местных церквей. Но ее, конечно, могли приобрести в городскую казну и несколькими годами раньше. Упомянутая грамота Ивана Грозного в таком случае могла оказаться распоряжением об употреблении в церквях первопечатных книг вместо устарелых рукописей.

Так или иначе книга, выданная в церковь по царевой грамоте, была предметом бережного хранения и почитания. Ее одели в переплет из толстых досок, обтянутых темно-коричневым бархатом, между печатными листами вплели четыре изображения евангелистов, нарисованных неиз-

вестным русским художником XVI в. Нежную гамму красок эффектно обрамляет золотой фон, заполняющий все свободное пространство вокруг человеческих фигур. Такие рисунки, называемые миниатюрами, украшают страницы дорогих рукописных книг. По всей вероятности, их вырезали из раннего рукописного Евангелия, чтобы придать печатной книге более нарядный и привычный вид. Несмотря на бережное и любовное отношение к ней путивлян, в дальнейшем книга переменила владельцев, продолжив свой путь на юго-запад. На пустом листе, вpletенном переплетчиком в конце тома, имеется надпись, свидетельствующая о том, что в 1620 г. Кондратий Федорович, мещанин города Пирятина отдал это Евангелие в пирятинскую церковь Успения «за отпущение грехов своих». Пирятин (теперь Полтавской обл.) в XVII в., как вольный казачий город, не входил в состав Русского государства. Какие исторические превратности переместили книгу за государственный рубеж в другую среду? На ее страницах нет надписи о продаже, обмене или каком-нибудь другом виде передачи Евангелия из Путивльской церкви. Каким же образом досталось оно казачьей волнице? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить, что во время польско-шведской интервенции часть запорожских казаков с атаманом Петром Сагайдачным присоединились к походу польского королевича Владислава на Москву. В 1618 г. они заняли и разграбили Путивль, захватив с другими ценностями, по всей вероятности, и церковные книги. Евангелие, привезенное из Путивля, по видимому, в качестве военной добычи, долго бытовало на Украине, о чем говорят поздние украинские надписи, сделанные ниже записи 1620 г. Здесь его нашли ученые-палеографы прошлого века и передали в императорскую, ныне Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (сокращенно ГПБ). В ее богатейшем собрании русских старопечатных книг имеются еще три экземпляра Евангелия, изданного около 1560 г. Они тоже совершили путешествия, которые представляются нелегкими и неблизкими, особенно, если вспомнить о средствах передвижения того времени. Одна из этих книг (XXII. 5. 15) в оригинальном переплете, расписанном масляными красками, в XVII — XVIII столетиях находилась в селе Вытвеники на берегу Чудского

озера близ города Гдов. Другая (I. 3. 5^б) в XVII в. была передана из подмосковного Песношского монастыря в монастырскую Кашинскую вотчину, село Суходол (теперь Калининской обл.).

Не менее замечательными экземплярами представлено Евангелие 1560 г. в Историческом музее в Москве. Среди них книга, принадлежавшая в прошлом Строгановым, крупнейшим русским купцам и промышленникам XVI — XVII вв. На начальных страницах книги написано почерком XVI в.: «Сия книга домовая соборная храму Благовещения Богородицы и пределов ее у Вычегодския Соли на посаде положения Аникия Строганова». Иоаникий Федорович Строганов заложил в первой половине столетия знаменитые строгановские соляные варницы в Соли Вычегодской (теперь Сольвычегодск Архангельской обл.). Именитые люди Строгановы принимали активное участие в освоении Урала и Сибири, по особому разрешению царя ставили в новых землях крепости и города, уделяя особое внимание строительству церквей и монастырей, которые помогали закабалению местных народностей.

Древнерусское поселение на реке Вычегде они превратили к концу XVI в. в значительную крепость и торговый центр. Иоаникий Строганов, а позже его сыновья Яков и Григорий не жалели средств на строительство и украшение Сольвычегодской Благовещенской церкви и Введенского монастыря, которые вошли в историю русской живописи замечательной стенной росписью и иконами, так называемой строгановской школы. Это художественное направление возникло в московской иконописной мастерской, где наряду с государевыми заказами выполняли многочисленные иконы для Строгановых.

Книги для своих церквей и монастырей Строгановы также выписывали из Москвы, приобретая новые печатные издания. В конце XVI начале XVII в. о покупке книг заботились внуки Иоаникия Федоровича, организаторы сибирских походов Ермака Тимофеевича. Старший из них Никита Григорьевич отдал в Благовещенскую церковь Триодь постную 1589 г. издания. Младшие его двоюродные братья Максим Яковлевич, Андрей и Петр Семеновичи подарили церкви Введенского монастыря Апостол, напечатанный в 1606 г. Обе книги хранятся теперь в ГПБ под шифрами I. 2. 10^б и I. 3. 16^в.

На восточной и северной окраинах Русского государства бытовало немало ранних московских изданий. Одна из крупнейших русских библиотек XVI — XVII вв. принадлежала Соловецкому монастырю, расположенному на острове в Онежской губе Белого моря. Труды первых московских печатников, такие как Псалтирь 1555 г., Апостол, напечатанный в 1564 г. нашим выдающимся мастером книги Иваном Федоровым, в этом собрании были представлены несколькими повторными экземплярами, часть которых впоследствии вошла в фонд ГПБ (XXII. 5. II^a, XXII. 5. II°, XXII. 1. 11^a, XXII. 1. 11°). Другой экземпляр первопечатного Апостола (I. 1. 17°) поступил сюда из села Холмогоры, родины великого русского ученого М. В. Ломоносова. Один из владельцев книги Савва Иванов сын Крылов оставил на ее пустой странице взволнованную запись о большом пожаре, случившемся в Холмогорах в 1699 г., когда сгорели триста дворов.

Неподалеку от этого тома в том же шкафу молчаливыми рядами стоят книги-путешественницы, побывавшие в Вологде, Великом Устюге, селе Усть-Вым близ города Яренска (Архангельской обл.) и многих других древнерусских городах и селениях, давно исчезнувших с географических карт. Современники полузабытых событий хранят свои воспоминания под тихими сводами библиотеки. Когда-то их покупали, меняли, иногда похищали, но чаще отдавали в церкви и монастыри «за отпущение грехов» или «на помин души». Такие подарки, называемые вкладами, сопровождались дарственными или вкладными записями.

Положил вкладом

На одной из полок этого книжного собрания покоится тяжелый том, похожий на старинный сундучок, обитый коричневой кожей. В довершение сходства на верхней крышке переплета защелкиваются медные застёжки. На корешке книги наклейка с шифром I. 4. 4^b. Это один из экземпляров Устава церковного 1641 г. издания. Приподняв массивную верхнюю крышку, прочтем изящную каллиграфическую надпись, которая протянулась от первого до пятидесятого листа: «Сее книгу, глаголемую Устав, дал в дом пресвятыя Троицы и Успению Богоро-

дицы, и чудотворцу Сергию в Старую Рязань на Облачитцкий монастырь Володимир Прокофьевич Ляпунов по себе и по своих родителех в наследие вечных благ покамест та сия обитель предстоит. А кто в сей обители будет власти... им сее книги Устав не продать, и не заложить и никому из монастыря не отдать; а за меня за Володимира и за жену за мою, и за детей моих при нашем животе бога молити; а родители наши, которые лежат во обители сей, а по смерти моей и меня Володимира, поминать, как и прочих родителей моих». Типичная вкладная запись XVII в. неожиданно привела к месту погребения земского старосты Прокофия Петровича Ляпунова.

В 1611 г. он собирал рязанское ополчение против интервентов, и первый привел ополченцев к воротам Москвы, захваченной поляками. Убитый в июле того же года, Прокофий Ляпунов, как видно из приведенной записи, упокоился в Старой Рязани, древней столице Рязанского княжества, которая была расположена на правом берегу Оки, против теперешнего Спасска Рязанского. Этот город, разрушенный во время татаро-монгольского нашествия, в дальнейшем постепенно утратил свое политическое и экономическое значение, чему способствовало в XIV в. перенесение столицы княжества на 50 километров выше по Оке в Переяславль Запольский (теперь Рязань). К XVII в. Старая Рязань уже превратилась в незначительное поселение. Тем не менее тело убитого Прокофия Петровича перевезли именно сюда к стенам древнего Облачитцкого монастыря, где, по-видимому, находилось родовое кладбище Ляпуновых. Кроме отца и матери Владимира Прокофьевича здесь покоились «и прочие его родители», т. е. старшие родственники — предки.

По обычаю времени сын Прокофия Ляпунова положил несколько вкладов в этот монастырь, монахи которого должны были молиться, как за покойных Ляпуновых, так и живых членов семьи Владимира Прокофьевича.

«...А которые книги дал я Володимир наперед сей книги Устава,— писал он,— из монастыря не отдать, и не продать, и не заложить, велеть написать все мое Володимирово даяние, что я Володимир дал при своем животе вкладу по всех родителех и по себе в монастырское строение, а после моего Володимирова живота, что дано будет, и то все написать по монастырскому уложению, как и

прочих вкладчиков». Как видно из последних слов, Владимир Ляпунов не забыл Облачицкий монастырь и в своем завещании. Несмотря на то, что в монастыре существовали списки вкладчиков, память о своих «даяниях» он постарался увековечить вкладной записью на книге, напоминавшей монастырской братии об их обязательствах по отношению к роду Ляпуновых.

Люди небогатые делали скромные вклады, иногда давали в церковь или монастырь одну книгу, купленную вскладчину от нескольких семей. Так, Евангелие, напечатанное в Москве в 1651 г. (III. 3. 6) в 1653 г. положили в церковь Богоявления крестьяне Городищенской волости (теперь Вычегодский район Вологодской обл.) «...Фрол Андреев да жена его Анна, да Трапезнин Алексей Яковлевич, да жена его Антонида по обещанию своему и по родителех своих для ради поминовения. А дали за сию книгу пять рублей две гривны денег, положили денги пополам».

Можно думать, что не случайно вкладные записи бедняков, как правило, включают подробные сведения о цене и обстоятельствах покупки дорогих в то время церковных книг. «...Марья Истомина дочь — рубль денег, а другой рубль положила Анна Григорьева дочь, да Шестой Левонтьев две гривны. Лета 7112 июня в 29-й день подписал Уродко Андреев поп», — сообщает полузатертая вкладная запись на листах Апостола 1597 г. издания. Так были собраны деньги на покупку этой книги, положенной в 1604 г. в московскую Георгиевскую церковь, по-видимому, бедными прихожанами.

Рассматриваемые надписи заканчиваются обычно настойчивыми предостережениями от недобросовестного хранения, утраты или порчи книг, положенных вкладом «на вечный помин». «Не отдать, и не продать, и не заложить...», «Не вынести, и не продать, и не заложить, и в дому своем и малое время не держать...». Эти слова были неотъемлемой традиционной формулировкой для каждой вкладной записи на старопечатной книге. Многие вкладчики, не довольствуясь одними предостережениями, дополняли их угрозами и проклятиями по адресу тех, кто похитит или испортит книгу. «А кто сию книгу заложит или продаст, не будет на него божей милости», — писал посадский человек Иван Федоров на Служебнике (II. 8. 23¹), положенном им в 1643 г. в Никольскую церковь в Елатье (теперь

Рязанской обл.). Более энергично звучит вкладная на книге Осмогласник 1638 г. (II. 3. 3^a/1), отданной в церковь Муромского уезда (теперь Муромский район Владимирской обл.) — «Кто станет своих детей по сей книге учить, да будет тот проклят в сем веце и в будущем».

Ни угрозы, ни предостережения вкладчиков отнюдь не представляются лишними, если проследить дальнейшие судьбы книг, положенных вкладом в XVI и первой половине XVII вв. Со временем они устарели и потеряли практическое значение, так как со второй половины XVII столетия в русских церквях пользовались изданиями новой более авторитетной редакции. Поэтому не удивительно, что многие предприимчивые священники и монахи не упускали подходящих случаев для продажи, обмена и других видов реализации книжных вкладов пятидесятилетней и бóльшей давности. При заключении таких сделок надписи бывших вкладчиков, по-видимому, не играли существенной роли. Только иногда их выскабливали или заклеивали бумагой, но значительно чаще оставляли нетронутыми. В последнем случае под старой вкладной записью обычно делали приписку о передаче книги новому владельцу. Вчитываясь в отдельные надписи, нельзя не удивляться резким поворотам в судьбе некоторых книг. Среди ранних московских изданий выделяется роскошным художественным оформлением Евангелие 1606 г. Совершенно не случайно один из экземпляров издания (I. 3. 17^b) был пожалован царем Михаилом Федоровичем в 1627 г. в кремлевскую церковь Николы Гостунского в Москве. Подъячий приказа большого дворца Любим Асманов засвидетельствовал это событие на страницах книги безукоризненно четкой и красивой записью. Перелистав несколько листов добротной голландской бумаги, можно узнать из другой значительно поздней надписи, что в 1705 г. священник той же кремлевской церкви «...поп Андрей Самсонов продал книгу Евангелие в дом вдовы Марьи Федоровны Борятиной, по договору взял полтара рубля алтын четыре денги». Необычно низкая цена за такую большую красивую книгу заставляет сомневаться в законности этой сделки.

В большинстве случаев продажа книг, положенных вкладом, носила более официальный характер. Так, книгу Маргарит 1641 г. издания (Вр. 113), отданную в 1655 г.

вкладом в церковь села Селище (близ Галича Костромской обл.), в 1722 г. продали канцеляристу Василию Яковлеву «...по приговору села Селищ приходских людей за четыре рубля. Оныя денги на церковное строение на крышку обветшалай кровли». Запись заверена подписями двух свидетелей.

Не менее узаконенным делом была, по-видимому, реализация старых книжных вкладов путем обмена их на более новые издания тех же самых книг. Многие экземпляры старопечатных изданий, хранящихся в ГПБ испещрены разнообразными надписями нескольких владельцев. Так выглядит экземпляр Сборника поучительных слов 1647 г. (III. 1. 11⁶). Начальные листы книги заполнены по краям вкладной записью XVII в. от старца Саввы в церковь Успения на реке Линде (теперь Линдовский район Горьковской обл.). Судя по другим сравнительно поздним надписям, в начале XVIII в. книга принадлежала Благовещенскому монастырю в Нижнем Новгороде (теперь Горький). В 1784 г. ее отдали крестьянину Нижегородской Благовещенской слободы Якову Тимофееву, «а вместо сея книги в монастырь от него от Якова Тимофеева взята та книга Сборник же печатной при царе Петре Алексеевичу в Москве лета 7209» (1700 г.).

Таким образом, можно заключить, что худшие опасения вкладчиков за будущую судьбу положенных ими книг основывались на вполне реальных жизненных явлениях того времени. Продажа, обмен и даже передача в счет погашения долга были обычным уделом старых книжных вкладов.

Кто хочет много знати

Некоторые предусмотрительные вкладчики решительно настаивали в своих записях и на том, чтобы книги, положенные в церковь или монастырь, не выносили в частные дома даже «на малое время» и самые грозные проклятья обрушивали на тех, «кто станет своих детей по сей книге учить». В этих требованиях отчетливо слышится обоснованная тревога.

При обучении грамоте русских детей в XVI — XVII столетиях использовали обычно специальные элементарные учебники: печатные азбуки или буквари, а

также азбуки — прописи, написанные от руки каллиграфической скорописью. После букваря приступали к чтению простейших церковных книг: часовников и псалтирей, которые нередко печатали особо крупным шрифтом «младенческого ради научения». Начальное обучение по принятому тогда буквослагательному методу состояло из бесконечного повторения одних и тех же упражнений и текстов, поэтому книги учебного назначения изнашивались быстрее других старопечатных изданий. До нашего времени дошли сравнительно немногие азбуки, буквари, часовники и псалтири, составлявшие в XVI в. значительную часть продукции московского Печатного двора. Как правило, они представлены в наших книгохранилищах неполными, неоднократно подклеенными экземплярами, которые зачитывали обычно до полного распада. Ведь всякая книга и каждый клочок писчей бумаги стоили дорого. Наряду с часовником и псалтирью, а возможно и взамен этих учебников, если их не было в доме, ученикам давали иногда и другие книги, оказавшиеся под рукой.

Не только специальная учебная литература, но и большие церковные книги, так или иначе, попадали в руки детей, которые не довольствовались одним чтением однообразных текстов. Торопясь овладеть всеми премудростями «грамотного учения», юные читатели нередко оставляли свои письма на тех книгах, по которым их учили читать. Даже самым неопытным из них удавалось иногда при помощи гусиного пера и чернил нарисовать в конце книги петуха или покрыть внутреннюю сторону переплета косыми и кривыми штрихами, напоминающими отдаленно скорописное письмо взрослых. Старшие дети, перешагнув начальную и самую трудную ступень обучения, с удовольствием выводили на книге свои настоящие надписи: «Учился Степка Карпов и подписал своею рукою лета 7201» (1693 г.) — написано нетвердым детским почерком на пустом листе Псалтири 1648 г. (III. 7. 1). «Выучился Алешка Васильев сын» — сообщает еще более неумелая надпись на Часовнике 1635 г. (II. 7. 28). Некоторые большие церковные книги носят следы более систематических письменных упражнений. Для этой цели использовали обычно пустые листы, случайно оказавшиеся в составе отдельных экземпляров старопечатных изданий. Четыре таких листа, вплетенные в начале книги Шестоднев

1626 г. (XVII. 11. 9) сплошь исписаны каким-то прилежным учеником, повторявшим по многу раз скорописные очертания каждой буквы по порядку алфавита. За буквами следуют пословицы и поучения, списанные с азбуки — прописи: «Кто хочет много знати, тому подобает мало спати», «Виноград зелен, да не сладок, а млад человек в разуме не крепок» и другие прописные сентенции. В упомянутом выше Осмогласнике, несмотря на грозную надпись, запрещающую обучать по этой книге детей, первый пустой лист пестрит ученическими письменами, не слишком похожими на арабские цифры 1, 2, 7, 9; далее с видимыми усилиями переписаны несколько строк из азбуки — прописи. Не без труда можно прочесть начало старинной русской загадки: «Стоит град пуст, а пути к нему нет...».

Для обучения каллиграфии использован также пустой лист, приплетенный в конце книги Минеи, положенной в 1645 г. вкладом в Воскресенскую церковь города Кинешмы (теперь Ивановской обл.).

Не приходится долго задумываться над тем, как могли попасть к детям книги, положенные вкладом. Стоит вспомнить хотя бы попа Андрея Самсонова, который продал Евангелие, пожалованное самим царем. Если приходский священник располагал достаточными полномочиями, чтобы продать такую книгу за полтора рубля, он безусловно мог и приобрести ее в личную собственность, взять на временное пользование в свой дом или передать в любой другой.

Передача старых книжных вкладов в частные дома, использование этих книг для обучения детей, по-видимому, были такими распространенными явлениями, о которых хорошо знали вкладчики, оставившие свои тревожные, предостерегающие надписи. Безошибочно предугадывая будущее подаренных книг, бывшие владельцы ничем не могли изменить их судьбы. Книги, напечатанные в XVI — XVII вв., много раз переходили из рук в руки. Они пережили несколько поколений владельцев, изведали почет и унижения. Торжественные вкладные чередуются на их страницах с запродажными и многими другими записями вплоть до ученических упражнений. Терпеливый исследователь найдет в этом материале отражение неизвестных исторических фактов, узнает о давно забытых подробностях прошлой жизни, почувствует дыхание отдаленной эпохи.

Ленинград, 1971

Я. Д. ИСАЕВИЧ,
канд. исторических наук

РЕДКАЯ ИНКУНАБУЛА

В библиотеке им. Чарторыйских в Кракове хранится небольшая книга в переплете из коричневой кожи с золотым тиснением. В ее составе два римских издания 1483 г., объединенных, очевидно, уже в XIX в.: «Prognosticon anni 1483» Juliani de Blanchis и «Judicium prognosticon anni MCCCCLXXXIII currentis Magistri Georgii Drohobicz de Russia almi studii bononiensis artium et medecine doctoris»¹.

Вторая из них, несмотря на небольшой объем (10 листов формата 18, 25×13 см), — очень ценная для нас инкунабула. Это трактат средневекового украинского ученого Юрия Котермака-Дрогобыча — первая печатная книга, автором которой был наш соотечественник. Сохранилась она

всего в двух экземплярах: кроме описываемого, краковского, еще один имеется в библиотеке богословского факультета Тюбингенского университета (принадлежит Штутгартской краевой библиотеке).

Долгое время мы почти ничего не знали о жизни и деятельности первого отечественного автора печатной книги. Только недавно удалось по крупице собрать в архивах ряда стран Европы записи, позволяющие воссоздать хотя бы в общих чертах биографию нашего выдающегося земляка². Итак, дадим слово древним документам...

В живописной прикарпатской местности раскинулся древний украинский город Дрогобыч. Он вырос в эпоху Галицко-Волын-

¹ Львовская библиотека АН УССР выпустила на множительном аппарате репродукцию книги (Юрій Котермак з Дрогобича. Прогностична оцінка поточного 1483 року. Репродукція першої друкованої книги українського автора. Львів, 1968).

² Подробные биографические сведения о Юрии Котермаке см. в наших статьях Я. Исаевич. Юрій з Дрогобича. — «Український історичний журнал», 1960, № 4; Юрій з Дрогобича і його книга. — В кн.: Бібліотекознавство і бібліографія, в. 7, X, 1967.

ского княжества (XIII—XIV вв.) как крупнейший центр солеваренной промышленности. Недалеко Дрогобычский солеваренный завод считают древнейшим предприятием Украины: вот уже свыше шести столетий в Дрогобыче вываривают соль на одном и том же месте, у источников «сыровицы» — соляной рапы.

В конце XIV в. прикарпатский край захватили польские феодалы. Положение трудящихся с каждым десятилетием становилось все тяжелее. Паны угнетали крестьян и горожан, притесняли их, оскорбляя национальное достоинство. Но народ не сдавался, не раз поднимал восстание против угнетателей, развивал свою собственную культуру. Вопреки всем преградам, выходцы из народа стремились к вершинам науки, справедливо считая ее оружием в борьбе против духовного порабощения. Вот почему так много юношей из украинских городов отправлялось для продолжения своего образования в университеты разных стран Европы. Только в Краковском университете на протяжении 1411—1600 гг. училось 32 жителя Дрогобыча, сравнительно небольшого в то время, западноукраинского города. То, что дрогобычане чаще всего получали высшее образование именно в Кракове, вполне понятно. Это ведь был самый близкий к украинским землям университетский город. К тому же в Кракове в это время вообще жило много украин-

цев. Украинские художники по заказу польских королей расписали чудесной полихромией стены часовен в королевском замке Вавеле³. В конце XV в. в Кракове было налажено печатание славянских книг для распространения в Белоруссии и на Украине. Одним словом, Краков был не только польским, но и общеславянским культурным центром. Вот почему, получив начальное образование в Дрогобыче и Львове, молодой дрогобычанин Юрий Котермак записался в Краковский университет. Проучившись два года, наш земляк получил научную степень бакалавра, а еще через два года — магистра. С того времени он стал называть себя Юрием Дрогобычским, или Юрием из Дрогобыча. Такие псевдонимы, образованные по названию родного города, были тогда общеприняты в среде ученых и литераторов: вспомним Бернара из Клерво, Эрамза Роттердамского и их современников.

Молодой магистр надолго не задержался в Польше. Он отправился в Италию — солнечную страну, о которой слышал много интересного еще в детстве от итальянцев, работавших на дрогобычском солеваренном предприятии.

Из всех высших учебных заведений Италии магистр Юрий избрал Болонскую академию — древнейший университет Европы, основанный еще в 1058 г. В XV в.

³ См. Історія українського мистецтва, т. 2, XIV — перша половина XVII ст., Київ, 1967.

Præter hæc conclusio pro prima parte. Quia ista Mars descendit prædictæ lineæ figuræ dñe in vnaq. figurâ angulari erit in sua quoq. triplicitate dispositus. Ideo rationabiliter sibi dicatur anni vendicibus. Secundum patet quoniam Luna in loco suo fortissima existens figuræ locum secundum Zilbermayr apertum tenebit: quare particeps Martis erit. In secunda autem medicinae Venus dicatur anni optinebit cum Mercurio & Luna participatione. Primum patet quoniam Venus loci luminis maiore domina in vnaq. figurâ in dignitate: & eo figuræ confirmetur in signo quoq. suo fortis fortissima conspicitur: quare dicitur rationabiliter efficietur usq. in finem anni. Secundum patet quoniam Mercurius cū Luna post Venere plus sonatur.

Quarta conclusio.

Si Regionibus & urbibus septem climata & extra versus septentriones quorum longitudo erit gradibus minor Mars dñe anni erit cum Solis participatione ut est in Basilea Norimberga Maguntia Colonia & aliis & aliis urbibus vicinis versus septentrionem.

Quinta conclusio.

Non ibidem regionibus & urbibus a Roma occidentalibus Mars in anni domino magis vigorabit cum Lune participatione. Ex his itaq. est ei potest quid in vnaq. regionum ac urbium prædictarum hoc anno generetur venturum sit naturas & proprietates dominorum anni considerando.

De dispositione anni generali & quantum

Annus græc. M. cccc. lxx. iii. currens: qui die Martis. xi. Martii bonam etiam accipiet quinto gradu Venenorum horoscopisane revolanti onem ad gloriosissime urbis Romane meridianum in sua dispositione generali quo ad quatuor primas elementorum qualitates ad caliditatem plus solis inclinabitur: rursus martis domini anni signa borealia pro maiori anni parte discurrunt & in sicca in ratione existant. Unde per quo ad primam eius medietatem & præsertim eius principium ratione Lune humidum in pluribus diebus apparebit & calidum ultra solitum. Nam eius aliqui dies etiam similes erunt. Unde circa medium Martis ipsius multum calor apparebit: & in principio Junii inter Arcturum verbo: xxi. sui cemiloqui sententiam dies feruentissimi erunt. Et illas eius principium erit die decemarta Junii cum intensissimo calore incipiet & continuabit usq. ad finem. Et præsertim Augusti dies ob martis & solis coniunctionem excellenti calore aerem suspectum in pluribus locis efficietur: ut corpora iacentium non sine periculo erant. Et Augusti eius principium erit die cxxi. Septembris usq. ad Octobrem bonum & sane temperatum erit plus in declinans ad calorem. Octobris in usq. se re ad finem Novembris instabilis erit & in pluribus diebus humidus: non in frigida propter martis & saturni coniunctionem. Quæsemper que decima tertia Decembris incipiet temperata erit & non multis humiditatem: remanentibus: præter primam medietatem cum fine Novembris que secundum Martis & in

честь нового ректора в университете состоялась торжественная церемония. Доктор Юрий принял присягу стоять на страже университетских законов, заботиться о расширении академических привилегий.

В должности ректора Юрий из Дрогобыча следил за порядком записи студентов, составлял расписание лекций, контролировал работу профессоров и даже был судьей по гражданским и уголовным делам, касавшимся преподавателей и студентов. Он читал также утренние лекции по медицине в праздничные дни, что считалось привилегией ректоров. Вскоре Юрий Котермак получил степень доктора медицины.

Из болонского периода Юрия Дрогобычского дошли до наших дней две работы: «Оценка солнечного затмения 29 июля 1478 г.» (в парижской Библиотеке Арсенала, являющейся ныне отделом Национальной библиотеки) и «Оценка 1478 года» (в Баварской государственной библиотеке, г. Мюнхен). Интересно, что второй из указанных трактатов сохранился в копии, изготовленной ученым-гуманистом Гартманом Шеделем — автором чрезвычайно популярной «Всемирной хроники», одного из первых печатных трудов по истории народов мира. Сборник, в составе которого имеется работа Юрия, сохранился в библиотеке Шеделя, явившейся зародышем Баварской государственной библиотеки — древнейшей научной

Страница трактата Юрия Котермака-Дрогобыча

Болонская академия стала одним из центров гуманизма — передового направления в общественно-политической мысли и науке. Болонские гуманисты выступали против засилья церковников в культурной жизни, они ратовали за возрождение лучших образцов литературы и искусства древней Греции и Рима.

Поступив в Болонский университет около 1474 г., Юрий из Дрогобыча уже через четыре года получил степень доктора свободных наук и стал преподавать астрономию. На 1481—1482 гг. он был избран «ректором господ студентов медиков и артистов». В

библиотеки в Германии. Некоторое время Дрогобыч проживал в г. Касале (Касале-Монферрато) — столице маркизата Монферрат. Здесь он написал замечания о лунном затмении 4 июля 1479 г. — отрывок из трактата о солнечном затмении 1478 г. По поручению маркиза Монферрата Гуильельмо Палеолога Юрий Дрогобыч выслал это небольшое сочинение миланскому герцогу Джангалеаццо Сфорца и герцогине Боне⁴.

Нас не должно смущать то, что все труды Юрия посвящены астрологии. Не только в XV в., но даже в XVI—XVII вв. самые выдающиеся ученые (Джордано Бруно, Тихо Браге, Френсис Бэкон, Иоганн Кеплер, Томмазо Кампанелла и другие) считали астрологию настоящей наукой. Однако мы оцениваем сейчас их деятельность не на основании содержащихся в их работах элементов астрологической мистики, а исходя из того, что нового внесли они в науку. Точно так же и работы Юрия Дрогобыча интересны для нас тем, что, кроме традиционных астрологических построений в них были сведения по естественным наукам.

В 1483 г. в Риме, в типографии Захариуса Зильбера, вышла в свет на латинском языке, являвшемся в то время международным языком науки, названная в начале статьи

книга доктора искусств и медицины Юрия из Дрогобыча «Прогностическая оценка текущего 1483 года». Книга содержит ценные для средневековых читателей сведения по астрономии, географии, метеорологии, медицине. В ней, в частности, предсказано с точностью до одной минуты время двух лунных затмений, определена географическая долгота (от Геркулесовых столбов, т. е. от Гибралтара) многих европейских городов, в том числе Москвы, Вильнюса, Львова, Дрогобыча — одно из первых упоминаний об этих городах в печатной литературе.

Как это часто бывало в среде гуманистов, Юрий из Дрогобыча был не только ученым, но и литератором. Заслуживает внимания стихотворное посвящение, напечатанное перед основной частью его книги. Автор высказывает в нем уверенность, что наука дает человеку возможность познать мир и его закономерности: «Хотя и далеки от глаз просторы неба, не столь удалены от разума людей...» Интересно для нас и замечание доктора Юрия о том, что населению Европы «угрожают опасности и несчастья... в связи с притеснениями со стороны князей и господ». Это свидетельствует о том, что симпатии ученого были на стороне простых людей, эксплуатирувавшихся господами — феодалами.

Юрий Дрогобычский был знаком с трудами античных, средневековых западноевропей-

⁴ Государственный архив в Милане, архив Висконти — Сфорца, картон 1569 л. 2—4. Фотокопия имеется в Институте общественных наук АН УССР.

ских и арабских ученых и писателей. Особенно часто ссылается он на книги двух авторов: самого выдающегося в античном мире ученого — Аристотеля и Аль-Бумазара — багдадского астронома, родом из города Балха в Средней Азии. В частности, упоминается «книга цветов» — отрывок из знаменитого трактата Аль-Бумазара «Китаб аххам синиль маввалид», неоднократно издававшегося в переводе с арабского на латинский язык.

Не позже 1488 г. наш ученый возвратился в Краковский университет. Кроме чтения лекций по астрономии и медицине, он стал проводить ресумпции — занятия в помещении студенческих бурс (общежитий). Преподаватели-гуманисты пользовались этой формой обучения, чтобы, избежав контроля университетских властей, комментировать произведения античной литературы в духе передовых идей гуманизма. Среди посетителей ресумпций Юрия Дрогобычского были выходцы из разных стран, в том числе из Трансильвании, Польши, Германии. Весьма вероятно, что лекции нашего земляка слушал и Николай Коперник, бывший именно в те годы студентом в Кракове.

В то время в Краковском университете в основном еще господствовали схоластические методы обучения. Преподавателей-гуманистов было немного, и они должны были держаться заодно. Пожалуй особенно близким к Юрию

был один из первых гуманистов в Германии и Польше, немецко-латинский поэт Конрад Цельтес, изучавший в Кракове медицину и астрономию. Цельтес писал позже, что его учителем в Краковском университете был некий «роксолан». Поскольку Роксоланией ученые-гуманисты называли западно-украинские земли (Галичину), можно прийти к выводу, что Цельтес имел в виду именно Юрия Дрогобычского. Имеются также серьезные аргументы в пользу того, что именно под влиянием Юрия Конрад Цельтес заинтересовался и восточнославянским книгопечатанием, начало которому было положено в Кракове именно в эти годы. Как известно, вышедшие в 1491 г. в Кракове издания Швайпольта Фиоля были первыми книгами, напечатанными кирилловским шрифтом. Уже возвратившись из Кракова в Германию, Цельтес просил, чтобы ему прислали славянские издания Фиоля. Из работ Юрия Дрогобыча, написанных в Кракове, сохранился трактат 1490 г. об оценке результатов затмения⁵.

Ученый собрал большую библиотеку, которой пользовались также и другие преподаватели университета. Постоянно проживая в Кракове, он поддерживал тесные связи и с родной Украиной, бывал во Львове и в Дрогобыче.

⁵ Национальная библиотека в Париже, латинская рукопись № 7443 С, л. 309—333.

Собрав немного денег, Юрий Дрогобычский решил построить собственный дом. Учитывая его заслуги, на общем собрании преподавателей «все единогласно без возражений с чьей-либо стороны» постановили бесплатно предоставить ученому принадлежавший университету участок земли. Однако недолго довелось прожить ученому в собственном домике. В феврале 1494 года он скончался, завещав перед смертью свой дом университету. Долгие десятилетия этот дом служил общежитием для несостоятельных препода-

вателей медицинского факультета.

Прошло полтысячелетия. Печатная книга за это время стала верным спутником человека. И чем большее место занимают книги в нашей жизни, тем отчетливее понимаем мы величие подвига первых «книжного дела мастеров» — авторов первых книг, печатников, иллюстраторов. Один из них — Юрий Дрогобычский скромный труженик науки, имя которого навсегда вошло в историю отечественной книги.

Львов, 1971

Ю. М. СТРИГУНОВ

МОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Еще Иоганн Вольфганг Гете сказал: коллекционеры — счастливые люди. В истине этих слов я убедился на собственном опыте.

Моя коллекция помогала мне в трудные минуты, приносила мне большие радости, а иногда и огорчения, но чаще всего — удовольствие. Удовольствие от приобретенной книги, от законченного каталога того или иного раздела; удовольствие, когда я узнавал, что высказанное мною мнение подтвердилось. Благодаря коллекции я приобрел много хороших друзей (а иногда, впрочем, и терял их).

Увлечение мое началось лет 15 тому назад. Пожалуй, я погрешу против истины, если буду утверждать, что не занимался коллекционированием и раньше — карандашей, марок, монет и особенно книг. Не могу вспомнить себя без книг. Вначале — сказки, книги детские и юношеские, затем книги вообще без какой-либо системы. Конечный итог — подбор книг и всевозможных материалов о А. С. Пушкине.

Меня часто спрашивают, почему я увлекся Пушкиным? Ответ прост: преклонение перед великим поэтом, увлечение историей его жизни привели к тому, что в моей коллекции остались лишь материалы, имеющие прямое отношение к жизни и деятельности А. С. Пушкина.

Я называю свое собрание коллекцией потому, что она состоит из весьма разнородных предметов.

В первую очередь, это, конечно, книги, число которых доходит до полутора тысяч: издания Пушкина не только

на русском языке, но и на языках народов Советского Союза (украинском, белорусском, абхазском, грузинском, армянском, татарском, башкирском, молдавском, эстонском, литовском и т. д.) и на иностранных языках (английском, немецком, французском, болгарском, чешском, польском, румынском, сербском и т. д.). Среди них есть очень редкие миниатюрные издания, например «Евгений Онегин» на венгерском языке.

Среди других редких книг, имеющих у меня, выделяются: «Знаменитые дуэли в России» (Спб., 1898), где подробно описана дуэль Пушкина с Дантесом, и «Пушкины. Биографические очерки» (Спб., 1908, тираж всего 50 экз.)

Разумеется, в мое собрание входят произведения русских писателей, посвященные великому поэту, ноты музыкальных произведений, исследования его жизни и творчества.

Второй раздел моего собрания составляют вырезки из периодических изданий, касающиеся Пушкина. Около 4 тыс. вырезок оформлено в тематические досье (их больше 100), а около 5 тыс. еще ожидают оформления.

Третий раздел — репродукции (открытки). Их около 5 тыс. Они размещены в альбомах строго по темам (портреты поэта — три альбома, снимки с памятников ему — три альбома, портреты родных поэта, его знакомых, иллюстрации к его произведениям, пушкинские места и т. д.)

Четвертый раздел — нумизматика: значки, жетоны, медали, выпущенные в связи с юбилеями Пушкина, в том числе две очень редкие медали, видимо, единственные в Советском Союзе. Обе были выпущены в Чехословакии: одна — работы гравера Бабка (тираж 50 экз.), другая — работы известного чешского медальера Фишера (тираж только 25 экз.)

Пушкинская нумизматика — это как бы мое увлечение в увлечении. Я очень люблю этот раздел. Когда мне хочется отдохнуть душой, достаю ящики с медалями, жетонами, значками и люблюсь ими. Однако пополнять этот раздел нелегко. Из 300 с лишним предметов пушкинской нумизматики, выпущенных во многих странах мира, мне удалось собрать лишь около 100.

Зато полно представлен в собрании следующий, филателистический его раздел (150 экспонатов). Пожалуй,

не ошибусь, если скажу, что из посвященных Пушкину марок, конвертов специальных гашений мною собрано почти все.

Шестой раздел — экслибрисы (их около 100). Седьмой — пригласительные билеты на пушкинские торжества (около 300). Восьмой — афиши, сообщающие о постановке на сцене произведений Пушкина.

Девятый раздел — этикетки и обертки для конфет, шоколада, печенья с портретами поэта и вариациями на темы его сказок. Пополнение всех этих разделов весьма сложно, так как подобные вещи никто никогда не учитывал, хотя и они имеют историческую и документальную ценность.

Наконец, десятый раздел — это статуэтки, изображающие Пушкина и героев его произведений (27 экспонатов). Среди них: бюст поэта работы скульптора Витали (копия с авторской формы), копии посмертных масок, выполненных Гольбергом и Полоци.

Ну, а куда отнести, например, такой экспонат, как портсигар с портретом Пушкина, я и сам не знаю...

Иногда таких собирателей, как я, называют документалистами, хотя они имеют дело не с одними документами. Я вполне согласен с этим «званием», ибо, если собирать материал на одну определенную тему, но по разным направлениям коллекционирования, приходится иметь дело с широким кругом вопросов. Надо знать, где, кем и когда издана книга; по какому случаю выпущена медаль, кто ее автор, какой тираж; где проводилось гашение филателистического материала на данную тему; когда будет устроена выставка художника, работающего в жанре, интересующем собирателя; следить за информацией не только отечественной, но и зарубежной... Да разве перечислишь все, что нужно узнать, запомнить, записать, сфотографировать, привести в порядок? Ибо без строгого порядка и систематичности пользоваться собранными материалами не только трудно, но попросту невозможно.

Любой имеющийся у меня материал, если он понадобится, можно разыскать на полке, в картоне, в ящике, в папке в течение десяти минут.

К сожалению, есть коллекционеры, не уделяющие должного внимания систематичности хранения. Как-то мне понадобилась статья, не имевшая прямого отношения

к моей теме и поэтому переданная мною за месяц до того знакомому коллекционеру. Звоню ему; говорит: приезжай, возьми. Еду, ищем вдвоем часа три; материала много, и интересного, но статью не нашли. Он обещал разыскать и сообщить мне, но так и не разыскал: то ли статья затерялась и уничтожена, то ли так спряталась в ворох вырезок, что ее не найти.

Спрашивается, кому нужны собранные материалы, если хозяин сам не может в них разобраться? Ценные данные становятся простым бумажным хламом... Но для систематичности хранения требуются время и терпение.

А переписка, сколько времени занимает она! Но что бы мы, коллекционеры, делали без нее? Переписка сама по себе приносит радости и огорчения, заставляет то улыбаться, то грустить.

Вот письмо из Ободовки: директор тамошнего музея не согласен со мной, рано еще, мол, сообщать в печати о находке негатива портрета, на котором якобы изображена Каролина Сабанская, близкая знакомая Пушкина. Материал опубликован, досадно! Упрямо продолжаю поиск, который приводит в Париж: ведь Сабанская — родная сестра жены Бальзака, Эвелины Ганской... Получаю ответ из Парижа, но неутешительный: академик Анри Труайя и музей Бальзака в Париже сообщают, что портрета Сабанской там нет.

Но тут же радость: Труайя (он, между прочим, коренной москвич и в детстве звался Львом Тарасовым) прислал мне свой капитальный труд о Пушкине, с дарственной надписью...

Собирая документальную коллекцию, нельзя сидеть дома и ждать, когда какой-нибудь материал сам «приплывет» в руки: такого не бывает. Надо весь свой досуг отдавать поискам.

Мне пришлось, собирая материалы о Пушкине, объехать почти все места, где побывал поэт. Сколько было встреч и находок!

Во время поездки по местам Пугачевского восстания (по маршруту Пушкина) я в пригороде Оренбурга — Бердах — попал на старинный русский обряд крещения. И кого? Одного из потомков знаменитой Арины Бунтовой, «бердской старухи», как ее называл Пушкин. Ее род до сих пор живет в Бердах.

В Уральске меня возили на место, где, по преданию, рыбаки угощали поэта свежей икрой. В Уральске же мне удалось зарисовать и сфотографировать сохранившийся до наших дней дом Устиньи Кузнецовой, второй жены Пугачева, в котором он несомненно бывал и который осматривал Пушкин. Мне очень повезло, так как через месяц после этого дом был разобран, и на его месте построен новый, по типу такой же, но уже не видевший в своих стенах замечательных людей: Пугачева, Пушкина, Даля, Короленко и других. В настоящее время в этом доме — музей Емельяна Пугачева, филиал Уральского краеведческого музея.

Всюду, где я ни бывал, мне оказывали сердечный прием. Узнав, по какому делу я приехал и что меня интересует, каждый, с кем мне приходилось встречаться, старался помочь мне всем, чем мог.

Во время поездок у меня были интересные встречи с такими же любителями, как я, владельцами архивов, библиотек, собраний, с людьми, неравнодушными к своему краю, городу, селу, сумевшими собрать и сохранить много связанного с их историей, бытом, культурой.

В один из приездов в Одессу меня познакомили в музее Пушкина с бывшей артисткой Н. Л. Инсаровой, дочерью известного в свое время одесского врача, хорошего знакомого А. И. Куприна — Льва Майзельса. Наталья Львовна отлично помнила Куприна, и во время съемки фильма «Гранатовый браслет» режиссеры консультировались у нее.

У Натальи Львовны хранилось много интересных материалов, в том числе некоторые личные вещи Куприна, Шаляпина, основателя Одессы де Рибаса, немало уникальных фотографий.

В 1967 г. я узнал о кончине Н. Л. Инсаровой, а через несколько месяцев мне сообщила ее знакомая, что все вещи покойной, в том числе книги и архив, были перенесены в подвал, дабы освободить комнату для новых жильцов. Когда престарелый, больной брат Инсаровой пришел в этот подвал, там уже почти ничего не было. А ведь она оставила завещание, в котором распорядилась передать все материалы, имевшие историческое значение, соответствующим организациям.

Я рассказал эту грустную историю потому, что еще не все, к сожалению, понимают ценность частных архивов,

библиотек и тем более — крупных, хорошо подобранных и оформленных документальных коллекций.

Расскажу о некоторых последних поступлениях в мою Пушкиниану.

Недавно один знакомый прислал мне пригласительный билет на юбилейные пушкинские торжества, состоявшиеся 10 февраля 1937 г. в Большом театре по случаю 100-летия со дня смерти поэта.

Не менее интересен другой билет — на открытие мемориальной доски няне Пушкина, Арине Родионовне, на стене Георгиевской церкви Большеохтинского кладбища в Ленинграде. Церемония эта состоялась 23 декабря 1928 г. Доски этой теперь нет, а билет мне прислали из Кишинева; как он попал туда — неизвестно.

В 1965 г. после краткой публикации в «Известиях» о моей коллекции меня разыскал через редакцию газеты страстный почитатель поэта К. К. Шеф. С тех пор мы подружились и часто встречались до весны 1970 г., когда Кондратия Климентьевича не стало... А в сентябре того же года, после опубликования в «Комсомольской правде» статьи О. Кучкиной «Книжники», где говорилось и о моем собрании, я получил письмо от незнакомого гражданина, который сообщал, что у него имеется рукопись и другие материалы К. К. Шефа. Я, конечно, попросил переслать их мне. Дней через десять получаю папку; в ней — рукопись давно пропавшей при сложных обстоятельствах работы К. К. Шефа «История рода Пушкиных», переписка с разными организациями по поводу опубликования этой работы, генеалогические таблицы родов Пушкиных и Ганнибалов, заключение и письмо известного пушкиноведа М. А. Цявловского... Так одна публикация помогла мне познакомиться с очень интересным человеком, а другая — найти его давно утерянную рукопись.

Когда меня спрашивают, какими материалами коллекции я наиболее дорожу, — отвечаю: книгами, подаренными мне писателями, художниками, пушкинистами с дарственными надписями. Ведь почти в каждом автографе отражено отношение автора к собирателю документальной коллекции и к его труду.

Дорожу я и различными реликвиями, подаренными порой совершенно незнакомыми людьми. Так, А. М. Оганов, капитан пассажирского теплохода «Александр Пуш-

кин», курсирующего по трансатлантической линии Ленинград — Монреаль, узнав о моем увлечении, прислал мне в дар фотографию этого теплохода и конверт с гашением почтового узла корабля.

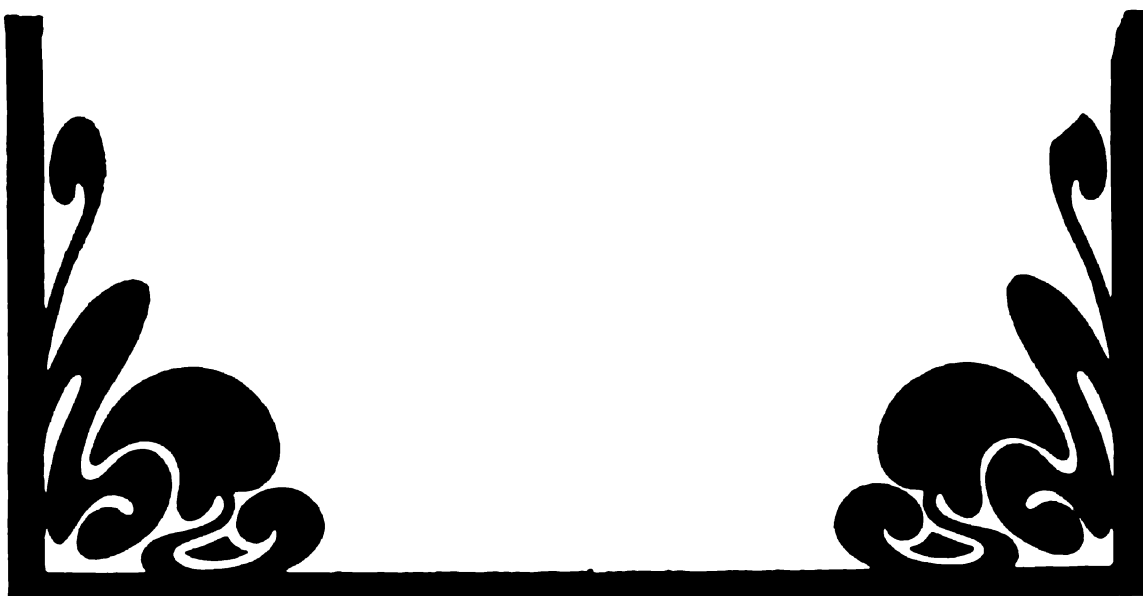
Разговор о коллекциях и переживаниях их собирателей, в том числе, конечно, и книголюбов, — можно продолжить до бесконечности. Любой из нашей братии подтвердит, что нет большего удовлетворения, чем заносить вновь приобретенную книгу или марку в каталог, размещать открытки в альбомах, класть новую медаль или хотя бы значок в определенный ящик, на определенное место...

В заключение хочется пожелать, чтобы нас не называли чудаками, или — еще хуже — не говорили про «хобби». Зачем это холодное, чужое слово? Не лучше ли называть нас истинно русским словом — собиратели?

Ленинград, 1971

ДЕЛА МИНУВШИЕ . . .

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ М. В. САБАШНИКОВА

Мы публикуем отрывки из воспоминаний известного русского издателя М. В. Сабашникова (1871—1943), любезно предоставленные редколлегии альманаха его дочерью Н. М. Артюховой.

Первые наши издания

В университетские годы начали мы с братом Сережей свою издательскую деятельность. Собственно, начало ее надо отнести к весне 1889 года, когда мы перед отъездом за границу сговорились с Петром Феликсовичем Маевским¹ о создании первого оригинального русского определителя растений.

Я уже говорил, что мы с П. Ф. Маевским много ботанизировали. Мы пользовались при этом для определения растений Определителем Средне-Германской флоры Пестеля. Русский перевод этой книги был едва ли не единственным в то время на русском языке пособием для определения растений. Само собой, что при разнице в видовом составе Средне-Германской и Русской флоры, Пестель не мог удовлетворить элементарным требованиям, предъявляемым к определителю. Многих, встречающихся у нас форм, у Пестеля совершенно не было, и, наоборот, книга изобиловала ненужными для русского натуралиста описаниями форм, в России не встречающихся. Маевский казался человеком, как будто предназначенным для составления русского определителя. Глубокий знаток русской

¹ П. Ф. Маевский (1851—1892), русский ботаник, автор ряда капитальных работ по флоре Средней России.

флоры, он только что закончил редактирование посмертного издания флоры Московской губернии Кауфмана ². Обычный, и, пожалуй, что единственный в то время путь, открытый для русского ученого, путь профессорской кафедры, перед Маевским был закрыт. Петр Феликсович был горбат. При постоянных перебоях сердца, страдая одышкой, быстро утомляясь при движении или волнении, он не был в состоянии не только прочесть перед аудиторией обычную двухчасовую лекцию, но вообще длительное время держаться на народе. Кабинетная работа ученого, писателя, которую можно выполнять в домашней обстановке, в полном спокойствии, соблюдая все предписывавшиеся ему врачами предосторожности, вот что было ему по плечу. Мы и предложили ему составить большой определитель растений. Такая работа при авансировании гонорара и при крайней скромности Петра Феликсовича вполне обеспечивала его на время писания, обещая при том кое-что в будущем, в случае удачи предприятия. Но Петр Феликсович был щепетилен, горд, самолюбив. В его глазах мы с Сережей все еще были юнцами, не знающими ни жизни, ни цены деньгам. Здоровье же его было настолько ненадежным, что авансирование ему гонорара представлялось делом большого риска. Убедить его пойти на такое соглашение смог только Н. В. Сперанский ³. При этом, для успокоения совестливого Петра Феликсовича сестра Катя приняла на себя материальную ответственность за сделку, так как Петр Феликсович упорно стеснялся вступить в денежные соглашения со своими учениками. После долгих переговоров все было улажено, и, когда мы в 1889 году поехали за границу, Петр Феликсович поехал к нам в Костино, где мы ему предоставили восточный флигель на нашей усадьбе. В главном доме поселился Н. А. Мартынов с семьей.

Так, с весны 1889 года этот флигель пошел под ученую братию, до самой революции непрерывно служа как бы «домом отдыха» ученых и учащихся, употребляя теперешнюю терминологию.

Н. А. Мартынов составил здесь свой учебник рисования, В. Н. Львов, подготовил к печати учебник зоологии

² Н. Н. Кауфман (1834—1870), известный московский ботаник, автор исследования «Московская флора».

³ Н. В. Сперанский (1861—1921), историк и педагог.

и проредактировал не одну книгу из издавшейся нами «Серии учебников по биологии», Н. В. Сперанский закончил свои «Очерки по истории средней школы», подготовленные им за границей, Е. Е. Якушкин перевел книгу Гильденбрандта «О преподавании родного языка в школе».

Надо сказать, обстоятельства благоприятствовали нашему первому издательскому начинанию. Профессор математики Московского университета В. Я. Цингер, ботаник-любитель, предпринял в то время достойный любителя труд проверки описания растений, ранее найденных в России. Он проверил эти описания по многочисленным гербариям, хранившимся в разных учреждениях и у частных лиц, откликнувшихся на его призыв и предоставивших ему свои коллекции для обозрения. Для своей книги Петр Феликсович мог воспользоваться кроме собственных своих наблюдений и результатами обследования проф. Цингера.

Новый определитель, таким образом, совершенно был свободен от перепечатающихся от автора к автору, не всегда точных описаний.

«Флора Средней России» вышла с обозначением на обложке «Издание Е. В. Барановской»⁴ и была встречена очень сочувственно. Успех этой книги, потребовавший ряд переизданий, отзывы последующих редакторов Н. В. Цингера (сына), С. Коржинского, Д. Литвинова, наконец опыт многочисленных друзей среди любителей, преподавателей, студентов и вообще учащихся, пользовавшихся книгой Маевского на протяжении многих лет, показал, что труд свой он выполнил безукоризненно. Последующие неудачные определители Петунникова, а затем Федченко могли только поднять репутацию определителя Маевского, который и до сих пор остается непревзойденным.

Кроме флоры Средней России мы еще выпустили следующие книги П. Ф. Маевского: «Злаки Средней России», «Весенняя флора», «Осенняя флора», «Ключ к определению деревьев по их листьям». Затем стали выходить «Птицы России» проф. М. А. Мензбира и под редакцией В. Н. Львова, целая библиотека по биологии под назва-

⁴ Екатерина Васильевна Барановская — старшая сестра Михаила и Сергея Сабашниковых.

нием «Серии учебников по биологии». После смерти Н. С. Тихонравова мы выпустили собрание его сочинений в 4-х томах. Само собой разумеется, у нас стали выходить труды Н. В. Сперанского по истории школы в Западной Европе, над которыми он работал в течение ряда лет, частью в Германии, преимущественно в Париже. «Очерки по истории народной школы в Западной Европе» (1896 г.) сразу поставили Николая Васильевича в число наиболее видных специалистов-исследователей по истории просвещения, и была тогда речь о предоставлении ему за них докторского звания. К сожалению, мы в то время были еще слишком неопытными издателями (кстати, и эту книгу мы выпустили без своей фирмы) и не озаботились тем, чтобы книга была переведена и издана за границей. У нас слишком мало лиц работало в избранной Николаем Васильевичем области, и его книга не возымела того значения, какое она бы получила за границей, будь она по языку доступна тамошним исследователям.

Кончина П. Ф. Маевского

О. А. Сперанская передала мне некоторые, сохранившиеся у нее письма П. Ф. Маевского к ее мужу Н. В. Сперанскому. Они живо напомнили мне то время, и мне хочется добавить к ним еще несколько слов о Петре Феликсовиче. За время печатания «Флоры» мы очень с ним сошлись. Я бывал у него чуть ли не каждый день. Благо Маевские жили тогда совсем близко. При разносторонности, живости, общительности, и я бы сказал чисто польской экспансивности Петра Феликсовича, беседы с ним всегда бывали интересными. Однако здоровье его заметно ухудшалось. Упадок сердечной деятельности заставлял его постоянно прибегать к дигиталису. Ноги опухали. Открылась водянка. Пришлось держаться исключительно молочной диеты. Петр Феликсович все чаще и чаще стал говорить о приближении смерти, прибавляя лишь, что только силою воли удерживает себя в живых. Застав его как-то в особенно удрученном состоянии и желая его отвлечь от мрачных мыслей, я заговорил о новом издании «Весенней Флоры» и об открытии целой серии маленьких «Наблюдателей природы» под редакцией Петра Феликсо-

вича. Сказав сначала, что он уже не только не работник, но и не жилец на этом свете, Петр Феликсович все же постепенно втянулся в обсуждение нового издания, стал даже записывать предполагаемые темы отдельных выпусков и авторов, которых надо привлечь. Когда же я собрался уходить, Петр Феликсович неожиданно притянул меня к себе, обнял, поцеловал и сказал, что своими разговорами я влил ему немножечко надежды, без которой нет воли бороться за жизнь... Но когда я под вечер следующего дня пришел с французским томиком «Свободы» Миля, который Петр Феликсович просил дать ему перечитать, я нашел дверь квартиры открытой, Петр Феликсович лежал на столе, под белой простыней, священник с причетником готовились служить панихиду. Елизавета Адольфовна, вдова П. Ф., сквозь слезы сказала мне, что, когда ему стало очень плохо, она предложила послать за священником. Но он отвернулся к стене со словами: «Значит, ты потеряла совсем надежду, как же мне бороться за жизнь?»

Библиотека Н. С. Тихонравова

Последние годы жизни Николай Саввич Тихонравов жил в небольшом флигеле по Малому Песковскому переулку, сохранившемся в неприкосновенности до наших дней. После кончины Николая Саввича осталась большая библиотека печатных и старопечатных книг и рукописей. Единственной наследницей его была вдова, психически больная, над которой учреждена была опека в лице учеников покойного — С. О. Долгого и Соколова. Для содержания опекаемой они должны были реализовать единственную оставшуюся после покойного ценность — библиотеку. Для учеников Николая Саввича, знавших, как много положил покойный забот и труда, чтобы собрать свою книжную и рукописную коллекцию и ценивших это собрание как незаменимое пособие при изучении истории русской литературы и культуры, возникла забота о том, чтобы не дать разрознить библиотеку и передать ее в какое-нибудь государственное или общественное книгохранилище. Мы с Сережей решили купить библиотеку и передать ее в Румянцевский музей с тем, чтобы она хранилась обособленно в рукописном отделении, как того

хотел покойный академик. Библиотека была нами приобретена за 10 000 рублей и передана Музею на указанных основаниях. Мне припоминается бывший при этом случай, почти анекдотического характера. В. Е. Якушкин был один из самых близких учеников Николая Саввича и в заботах по спасению библиотеки от распродажи в розницу он вместе с М. Н. Сперанским⁵ проявили больше всех активности. Много лет раньше, чуть ли не во время своего студенчества, Якушкин по случаю какого-то литературного разговора принес Тихонравову из библиотеки своего отца редчайший экземпляр книги, если память мне не изменяет, первое издание Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву». Время шло, Николай Саввич книги не возвращал, а Вячеслав Евгеньевич из деликатности не решался напомнить. Но вот между учеником и учителем опять разгорелся разговор, в пылу которого Николай Саввич в подтверждение своих слов взял с полки «зачитанную» им книгу Радищева и показал Якушкину какое-то место текста. Казалось за этим надо было ждать возвращения книги ее прежнему владельцу, который уже начал было говорить о том, как для него лично ценна эта книга родовой библиотеки. Не тут то было. «Редчайшая книга! Я очень счастлив иметь ее у себя на полке!» — сказал Николай Саввич и водворил книгу на место.

Когда после смерти Тихонравова библиотека передавалась Румянцевскому музею, Сережа предложил Якушкину вернуть ему его Радищева. Но Вячеслав Евгеньевич не захотел этого, тем более что все собрание поступает в Музей, «на благо просвещения», как гласила надпись на здании.

(Подготовила к печати Н. М. АРТЮХОВА).

Москва, 1972

⁵ М. Н. Сперанский (1863—1938), историк литературы, профессор Московского университета.

В. УТКОВ

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Сабашниковы — славная фамилия, ее представители оставили добрый след в истории нашей Родины. Среди них немало интересных, недюжинных людей. Сведения о Сабашниковых рассеяны по различным редким и забытым печатным источникам, лежат в архивах, дожидаясь своего часа, а многие документальные свидетельства уже утрачены навсегда. А жаль!

Эта старинная сибирская фамилия примечательна тем, что судьбы лучших из ее представителей тесно связаны с печатным словом, с книгой. Книга сделала их фамилию известной миллионам людей.

Корни издательства братьев М. и С. Сабашниковых уходят в далекое прошлое. В делах Российско-американской компании мы найдем материалы о Никите Филипповиче Сабашникове, человеке не знатном, не родовитом, не чиновном, ставшем доверенным лицом компании в Кяхте и потомст-

венным почетным гражданином¹. Был Никита Филиппович человеком трудолюбивым, любознательным, пытливым и отнюдь не ретроградом. Наверное от него и пошли у Сабашниковых любовь и уважение к книге, вера в необходимость для народа умного и свободного печатного слова, тяга к людям образованным, к ученым, путешественникам, дипломатам, навещавшим Кяхту, и к тем, кто был неволею занесен в эти дальние места — к ссыльным...

Мы не знаем судеб всех девяти детей Н. Ф. Сабашникова, но и то, что нам известно, говорит о многом. Один из его сыновей — Иннокентий, активно сотрудничает в «Кяхтинском листке» — частной газете, выходившей в начале 1860-х годов, печатавшей наряду с коммерческими сведениями и мате-

¹ Сабашников М. В. Из личных и семейных переживаний довоенной поры. Рукопись, л. 1. Личный архив Н. М. Артюховой.

риалы обличительного характера. Бывал Иннокентий Сабашников и в Лондоне, навещал там Герцена. Кстати, именно через кяхтинскую семью Сабашниковых шла корреспонденция Герцену из Сибири, а в дом Сабашниковых приходили из Шанхая, Тяньцзиня, Гонконга — портов, открытых с 1860 г. для торговли, — зарубежные печатные издания Герцена: «Колокол», «Полярная звезда», «Под суд!»².

Дочь Никиты Сабашникова — Агния вышла замуж за Д. Д. Старцева, в доме которого в Селенгинске жили декабристы Бестужевы. Близка была к декабристам и другая его дочь — Марфа (в замужестве Кандинская). Сохранились портреты Агнии и Марфы, рисованные Н. А. Бестужевым.

Дом другого сына Никиты Сабашникова — Василия, кяхтинского крупного коммерсанта, который вел оптовую импортную торговлю чаем, стал широко известен не только в Восточной Сибири, но и за ее пределами. В дом Василия Никитыча и Серафимы Савватьевны Сабашниковых тянуло разных людей. Там бывали и декабристы Иван Горбачевский, Михаил и Николай Бестужевы, и талантливый исследователь путешественник и писатель М. И. Венюков, и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, и дипломат граф Н. П. Игнатьев и другие заезжие гости. «Все бо-

² Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959, с. 80.

лее или менее известные лица, приезжавшие в Кяхту, считали своей обязанностью побывать в доме Сабашниковых» — пишет историк Б. Г. Кубалов³. И это был не просто купеческий салон в провинциальном городке. М. А. Бестужев писал в «Кяхтинском листке», что именно в доме Сабашниковых ему «впервые удалось услышать смелые суждения и жаркие споры». А бывший городской кяхтинский начальник А. И. Деспот-Зенович, частенько и сам посещавший дом Сабашниковых, говорил: «Вот уж узнают в Петербурге какие собрания мы устраиваем, как восхищаемся Герценом, влетит и мне, его тезке, в особицу». О настроениях, господствовавших в этом доме, говорит и тот факт, что именно Сабашниковы помогли М. А. Бакунину бежать из ссылки⁴. Очень высоко ценили эту семью декабристы. У Сабашниковых жила дочь М. А. Бестужева Елена, учившаяся в Кяхтинской гимназии. Декабрист писал из Селенгинска М. И. Семевскому 9 августа 1862 г.: «М-ме Сабашникова, принявшая на себя священную обязанность быть для Лели второй матерью, образованная женщина и говорит очень хорошо по французски, имеет детей и, следовательно, это лучшая школа для Лели»⁵. Сера-

³ Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855—1862). Иркутск, 1958, с. 15.

⁴ Личный архив Н. М. Артюховой, цит. рукопись, лл. 11—14.

⁵ Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, с. 455.

фима Савватьевна была не только образованной женщиной, по воспоминаниям ее сына Михаила Васильевича «она была очень живого и общительного характера... получала из Москвы и Парижа книжные новости и охотно делилась ими со знакомыми. Она любила устраивать у себя чтение вслух наиболее занимавших общество статей и литературных произведений. К нам постоянно заходили просматривать получавшиеся родителями иностранные и столичные журналы»⁶.

В конце 1860-х годов Василий и Серафима Сабашниковы расстались с родной Кяхтой и переехали с двумя дочерьми — Антониной и Екатериной, и сыном Василием в Москву. Здесь у них родились еще три сына — Федор (1868), Михаил (1871) и Сергей (1873 г.). Все дети В. и С. Сабашниковых так или иначе связали свою судьбу с книгой. Дочь — Антонина стала издателем литературно-научного и политического журнала «Северный вестник», продолжавшего лучшие традиции «Отечественных записок». В журнале печатались Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, Н. К. Михайловский, А. С. Пругавин, Н. А. Рубакин. Федор издал в 1893 г. в Париже рукопись Леонардо да Винчи «Кодекс о полете птиц».

⁶ Цит. рукопись, л. 11.

Выбор жизненного пути, сделанный внуками Никиты Сабашникова, не случаен, он подготовлен всей историей их семьи, семейной любовью к книге. С 1891 г., когда братья Сабашниковы выпустили первую книгу, по октябрь 1930 г., когда их издательство было преобразовано в кооперативное издательство «Север», ими были выпущены тысячи книг, многие из которых не потеряли ценности и в наши дни⁷.

Став издателями, Сабашниковы не забывали Кяхты, города, где родились и окрепли лучшие традиции их фамилии. Каждую книгу, выпущенную ими, и лучшие книги других издательств, братья обязательно посылали в Кяхту. По свидетельству советского историка книги Н. Г. Малыхина, побывавшего в Кяхте в середине 1930-х годов, город располагал исключительным собранием книг.

Миллионы людей — уже нескольких поколений — с благодарностью вспоминают братьев Сабашниковых, беря в библиотеках или находя в букинистической лавке книги с маркой этого издательства.

Москва, 1972

⁷ Об издательской деятельности М. и С. Сабашниковых см. статью Н. Г. Малыхина и А. Л. Паниной «Издательство М. и С. Сабашниковых» в сборнике «Книга», вып. XXIII. М., 1972, с. 124—141.

С. А. НАУМОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ ОТЦЕ

Этот очерк — бесхитростный рассказ ленинградского букиниста и библиофила Сергея Александровича Наумова об Александре Павловиче Наумове (1864—1939), около шестидесяти лет проработавшем со старой книгой.

В этом очерке нас привлекает не только сама колоритная фигура букиниста старого времени. Мы видим, как на протяжении ста лет ярославский крестьянский род Наумовых не выпускает из рук букинистической эстафеты. В 70-х годах прошлого века подростка Сашу отдают в мальчики в книжную лавку А. С. Семенова — мужа его старшей сестры (другая сестра тоже была замужем за букинистом). Лавка Семенова находилась на Апраксином дворе. А на Александровском рынке еще один Наумов — Антон Харлампиевич (двоюродный брат Саши) — был уже в это время самостоятельным владельцем книжной лавки. С 1880 г. и А. П. Наумов стал самостоятельно торговать книгами. Среди своих покупателей он мог назвать А. Желябова и С. Перовскую, позднее Н. С. Лескова, Ф. И. Стравинского, П. А. Ефремова, Л. И. Жевержеева, А. Е. Бурцева и др. В конце прошлого века он продает свой книжный магазин на Литейном племяннику Д. А. Наумову — и делает попытку (не последнюю) вернуться к земле. Но вкусившему книжной браги, трудно от нее оторваться. Он до конца жизни остается расхожим букинистом. И сына своего Сережу — будущего автора этих воспоминаний — он отдает мальчиком в букинистический магазин сразу же по окончании им церковно-приходского училища. Хотя мать Сережи, установившая ценой горьких наблюдений, что «все букинисты или бездельники, или пьяницы», разрушает на время замысел мужа, все равно Сережа примет родовую эстафету и станет букинистом, пройдя все стадии: отборщика книг, продавца и директора букинистического магазина. В том же Ленинграде, одновременно с ним, службу букиниста будут нести и другие Наумовы — троюродные братья Сергея Александровича: Абросим Сергеевич (скончавшийся в 1964 г.) и Иван Сергеевич, которого в январе 1972 г. в последний путь провожали все ленинградские книжники.

А. И. Маркушевич

Мой отец — известный букинист-антиквар Александр Павлович Наумов (1864—1939). Родился он в деревне Слободино Ярославской губернии, в семье крестьянина, Павла Наумовича Наумова, четвертым ребенком. Первые были три девочки: Клавдия, Елизавета и Нина. Клавдия Павловна стала женой известного букиниста, владельца петербургского книжного магазина А. С. Семенова; вторая сестра, Елизавета Павловна, вышла замуж тоже за букиниста, владельца книжного магазина П. И. Воронина, который торговал на Невском; третья сестра, Нина Павловна, оказалась замужем за крестьянином своей деревни.

В 70-е годы XIX в. на весь церковный приход, в который входило пятнадцать деревень, ни одной школы не было. Отец вместе с другими семью сверстниками учился грамоте в соседней деревне Лодыгино у старого дьячка четыре зимы. За это время научился бойко читать, писать и считать. Саша быстро распрощался с детством. Ему предстояло продолжить династию Наумовых — стать букинистом. Родоначальником династии был Антон Харлампиевич Наумов, который приходился моему отцу двоюродным братом. Он был владельцем книжной лавки в Александровском рынке, воспетом Омулевским (И. В. Федоровым) в стихотворении «Послание букинистам Александровского рынка» (1880 г.), из которого привожу запомнившееся четверостишие:

*«О сияющий книжной красой,
Александровский рынок — ты мой!
Кто не любит трактира „Романова“?
Кто не знает Антона Харламова?»*

В 1877 г. отца привезли в Петербург с оказией и отдали в ученики к мужу его старшей сестры Клавдии Павловны — Андрею Семеновичу Семенову, в мальчики — без жалования, работать и учиться в книжном магазине. С этого времени началась его карьера книгопродавца, антиквара, незамысловатая судьба холодного букиниста.

Первые шаги на книжном поприще

Находясь среди множества книг, нельзя было не увлечься чтением. Так шло самообразование. Ничего еще отчетливо не сознавая, подросток читал и вновь перечи-

тывал книги. Наряду с романами он интересовался учебниками, из которых пополнял свое начальное образование, полученное от сельского дьячка. В магазине были книги и на иностранных языках; это его обязывало самостоятельно изучать иностранные языки по учебникам. Нужно было научиться также читать по латыни и по гречески; на этих древних языках в магазине имелись книги для продажи, и с ними надо было работать: отвечать покупателю, есть они в магазине или нет, и знать их место на книжной полке.

На третьем году работы в книжном магазине хозяин положил отцу небольшое жалование. Стал доверять ему ходить по адресам и закупать старые и подержанные книги на квартирах. Тут требовалась самостоятельность и нужен был книжный нюх, т. е. умение определить стоимость редких книг, как русских, так и иностранных. Хозяину нравилось, что его приказчик так хорошо и дешево покупает книги.

Совсем юношей в 1880 г. отец самостоятельно торговал книгами на Аничковом мосту в ларе от книжного магазина А. С. Семенова. Еще в 60-е годы на этом же мосту торговал старший брат хозяина — Федор Семенович Семенов — и Иван Матвеевич Клочков, отец известного букиниста-антиквара Василия Ивановича Клокова. Отец любил обслуживать постоянных своих покупателей, очень любил знакомиться с покупателями, и покупатели ему отвечали той же симпатией: некоторые называли фамилии, имена и отчества и даже давали свои домашние адреса, на тот предмет, чтобы их извещали об интересных поступлениях книг и гравюр.

Среди постоянных покупателей в книжном ларе были и Андрей Желябов и Софья Перовская, но отец не знал их фамилий, и они не сообщали, как их звать. Фамилии их стали известны отцу только после казни их. Ниже приводятся воспоминания отца о Желябове и Перовской, записанные с его слов ярославским художником Николаем Яковлевичем Тальянцевым. Он в 1930 г. был в Ленинграде по командировке от Ярославского краеведческого музея специально для зарисовки портретов книжников-букинистов — «ярославцев» и составления письменных материалов для музея. Всего художником было исполнено 52 портрета. Н. Я. Тальянцев погиб в блокаду Ленинграда. Его работы не были использованы музеем. После оконча-

ния Великой Отечественной войны, в конце 40-х годов, директор букинистического магазина И. С. Наумов покупал книги на квартире, и там ему сказали, что у них еще много книг на чердаке. Он не поленился пойти туда, и вот среди книжного хлама он обнаружил 37 портретов книжников-букинистов, ему хорошо знакомых; портреты были выполнены карандашом. Среди этих портретов оказались портрет отца и мой, у меня хранятся их копии. И. С. Наумов собирался написать свои воспоминания и опубликовать эти портреты, но он скончался 9 января 1972 г.

Желябов и Перовская

(Из воспоминаний букиниста А. П. Наумова)

Расскажу к примеру такой случай. В апреле месяце 1880 г. подходит молодой господин в мягкой шляпе в коричневом пальто с тросточкой. С Невского в витрине за стеклом стоит в переплете Флеровский «Положение рабочего класса в России». Показал на книгу — что это стоит? Я говорю наобум — 2 р. 50 к. «Достаньте, я возьму». Я сразу смекнул, что верно неладно спросил, я говорю, нельзя ли как-нибудь зайти после, что сейчас доставать слишком много дела, нужно вынимать четыре ряда книг и кроме этого на полу были поставлены столбцы от пола до потолка, так что нельзя пошевелиться. «Хорошо, — говорит, — я зайду через два дня в это же время». Это было около часа дня. Когда пришел Семенов, рассказываю о случае, он говорит, что меньше 8 рублей продать нельзя. На второй день я все-таки утром достал и в этот же день пришел мой покупатель. Я сказал ему, что в цене я ошибся, продать книгу Флеровского меньше 8-ми рубл. нельзя. «Это, — говорит, — для меня дорого». Я отобрал по рабочему вопросу несколько книг и брошюр, вырезок из журналов и сосчитал по дешевой цене на 3 рубля и уступил Флеровского за 2 р. 50 к. С тех пор мой покупатель стал ко мне заходить, а два раза заходил с молодой дамой. В апреле месяце 1881 г. после казни цареубийц появилась в газетах и в иллюстрированных журналах группа казненных. Я как взглянул и сразу узнал моего покупателя и молодую даму, заходившую совместно с ним. Это оказались Андрей Иванович Желябов и Софья Львовна Перов-

ская. Я сказал о своем открытии Семенову: «Вот, говорю, мои покупатели». Он ужаснулся, страшно побледнел. «Ты, Александр, смотри никому не проговорись».

Накануне 1 марта 1881 г. какой-то неизвестный мужчина подходил к книжному ларю на Аничковом мосту, где торговал отец и предупредил его, чтобы он 1 марта в ларе не находился, но никому из своих знакомых об этом предупреждении не рассказывал бы. Отец хозяину сказал, что 1 марта пойдет по адресам на квартиры, где будет закупать книги. Таким образом отец внял предупреждению незнакомца.

* * *

В 80-х годах прошлого века книжная торговля с ларей производилась по Невскому проспекту, у мостов: Аничкова — через реку Фонтанку, Казанского — через Екатерининский канал, Полицейского — через реку Мойку и по другим мостам и улицам. Всего около 20 ларей было в городе. Все лари были крытые, внутри ларя по стенам полки, а впереди — прилавок. Ассортимент книг и журналов, а также всевозможных лубков, гравюр, литографий и портретов был разнообразен. В этих ларях можно было купить и продать что угодно из печатных материалов — от сказок и народных книжек, букварей, житий святых, сонников, письмовников и до разрозненных отдельных томов энциклопедий, словарей, многотомных собраний сочинений писателей. В продаже иногда попадались весьма редкие и ценные издания, инкунабулы и проч.

В 1887 г. отец женился в деревне на Ульяне Андреевне Майоровой (1866—1933), крестьянке из села Покровского той же Городецкой волости. После свадьбы уехали в Петербург. В 1889 г. отец открыл свою книжную торговлю в доме № 11 по Семеновской улице в соседнем доме, где был книжный магазин А. С. Семенова. Торговля шла плохо. Он решил торговать с провинцией и по образцу других книжных магазинов надумал издавать каталоги имеющихся у него книг. За 1890 год им было выпущено четыре каталога №№ 1, 2, 3 и 4 по 32 страницы в каждом (небольшого формата).

Несмотря на издание 4-х книжных каталогов, заказов на книги из провинции поступало недостаточно для обо-

рота, и с улицы заходило мало покупателей. Отец решил этот магазин ликвидировать и снять помещение под магазин на Литейном. Литейный проспект тогда считался книжной улицей, там было много книжных магазинов, их посещали собиратели книг и антиквариата. Но и в новом помещении на Литейном пр. 25 покупателей ходило по 3—5 человек в день, что наводило на отца скуку.

В 1892—1893 гг. частым покупателем старинных книг в магазине был писатель Н. С. Лесков, который жил неподалеку от магазина. Часто случалось, что Николай Семенович не заставал в магазине отца:

— А где же он?

— Хозяин ушел по адресу покупать книги,— отвечала мать.

Сама она ничего не могла ему предложить, так как являлась просто магазинным сторожем, к книгам не прикасалась. Писатель усаживался в старинное кресло и, чтобы не скучно было ждать хозяина, начинал рассказывать всевозможные были из монастырской жизни. Моя мать очень любила слушать подобные рассказы. Она сама бывала во многих монастырях. Очень нравилось ей бывать на богослужении, а отец был атеистом, любил подшучивать над матерью...

Мне часто приходилось слышать от моих родителей о знаменитом певце, заслуженном артисте Мариинского театра — Федоре Игнатьевиче Стравинском (1843—1902). Отец и мать вместе были в опере, им хорошо запомнился спектакль «Юдифь» и Стравинский в роли Олоферна. Отец мне часто рассказывал о нем. Какой это был замечательный человек, широкообразованный, он знал четыре европейских языка, два языка классических — греческий и латинский. По национальности он был поляк. Имел две жизни, два увлечения. С одной стороны — был замечательным певцом, с другой — библиофилом; ежедневно работал над своей библиотекой, которая насчитывала 12 000 названий, а томов было еще больше.

В его собрание входили: книги, журналы, гравюры, литографии, книги, уничтоженные цензурой, газетные и журнальные вырезки по искусству, собрание портретов, не только известных, но и рядовых людей, Петровские и другие редкие книги. Он не гнушался никем из мелких книгопродавцев. Почти ежедневно обходил все книжные

магазины, а купленные книги ему доставлялись на квартиру — на Крюков канал, д. 6—8. Мой отец часто бывал у него на квартире с предложением книг или гравюр. В ценах он хорошо ориентировался и всегда платил по совести. Каждая купленная книга записывалась им в расходную книгу. Ф. И. Стравинский был в дружбе с П. А. Ефремовым, В. В. Стасовым и И. А. Шляпкиным. Отцу неоднократно приходилось с ними встречаться в квартире Стравинского.

После смерти Ф. И. Стравинского его увлечение библиофильством унаследовал его сын — Гурий Федорович Стравинский — тоже пел в русской опере, в народном доме, на Петроградской стороне, где сейчас кинотеатр «Великан». Мой отец с ним был хорошо знаком. Любовался его книголюбием и от души снабжал его книжными редкостями.

П. А. Ефремов (1830—1907) жил на Крюковом канале, дом 17. Отец очень уважал его и всячески старался ему услужить в подборе книг, нужных для редактирования русских классиков. У отца был гипсовый бюст П. А. Ефремова, который хранился в квартире его сестры, К. П. Семеновой. Он стоял на отдельном столе в гостиной. Отец и сестра его очень оберегали бюст.

У отца давно была мысль уехать в деревню и работать на земле, его желание было созвучно с проповедью Л. Н. Толстого. В 1898 г. отец продал свой книжный магазин на Литейном племяннику Д. А. Наумову (1875—1918), тоже букинисту и издателю книг по оккультизму. Несколько лет спустя владельцем этого магазина стал Ф. Я. Москвитин. Отец с матерью и четырьмя детьми уехали в деревню к родителям отца, у которых было хорошее крестьянское хозяйство. Старшая дочь осталась в Петербурге у родственников. Вскоре отец вернулся обратно в Петербург, сельская жизнь не смогла его удержать; мать осталась в деревне жить с детьми.

Отец по своему характеру, а может быть, от природы своей, не был усидчив. Из Петербурга он часто уезжал в деревню, где жили его родители и жена с детьми. Часто бывало, что, уезжая весной из Петербурга на полевые работы, он продавал свою книжную лавку другому книгопродавцу, а осенью возвращался обратно. Снова снимал помещение для книжной лавки или для склада книг. Давал объявля-

ние в газетах, что покупает старые книги и всевозможную макулатуру на вес. Ходил по присланным адресам с безменом для взвешивания и мешком. Случалось иногда встречаться ему с другими книжниками-покупателями, когда продающие давали адреса нескольким книжникам. Сходились по 2—3 книжника, они между собой сговаривались, и покупал один человек, а остальные «вязали вязку», т. е. устраивали аукцион торговцев между собой.

Для разрешения вопроса, кому достанутся купленные книги, как всегда шли в излюбленные ими трактиры с крепкими напитками, которые помещались вблизи Литейного и недалеко от Невского пр. В этих трактирах и я бывал вместе с отцом. Среди закадычных друзей-приятелей отца были букинисты-лавочники: И. Е. Козлов (1862—1933), И. И. Базлов, Г. И. Загряжский, А. К. Гомулин, П. П. Крылов.

Купленные книги отец разносил знакомым покупателям на их квартиры. Таких покупателей — библиофилов, коллекционеров книг — у него было много. Отец знал, кто какими книгами интересуется, очень любил говорить с покупателями на библиофильские темы. Таким образом узнавал интерес каждого своего покупателя и старался сделать каждому удовольствие. Его любили и охотно принимали в домах, не обращая внимания на его потертый костюм. А вообще-то внешность его была приметная. Нечесанные волосы и большая рыжая борода, во рту трубка, набитая махоркой. Употреблял он также нюхательный табак, о чем свидетельствовал и красный платок, нередко торчавший из кармана сюртука.

Почти шестьдесят лет старый петербургский букинист обслуживал свою клиентуру на дому. Если же что-либо не продавалось, отец не печалился, а весело говорил, что «всякая книга найдет своего покупателя». Остатки непроданных книг он хранил на складе, где-нибудь в полуподвальном помещении. Одно такое помещение — на Кабинетской (ныне ул. Правды, д. 8) я знал. В этом подвале я у него работал по праздничным дням — писал карточки на иностранные и русские книги, которые он по этим карточкам и предлагал.

Отец никогда никого не обманывал, всегда довольствовался малым заработком. Очень часто случались у него промахи. Редкие книги шли как обыкновенные, особенно

тогда, когда он продавал книги в книжные магазины на Литейном, но он не сердился, говорил, что это со всяким случается, и этим успокаивал себя.

Назову несколько фамилий постоянных покупателей, которых отец обслуживал на дому, в большинстве своем это заядлые библиофилы, коллекционеры книг и разной античной утвари. Среди его покупателей были:

Жевержеев Левкий Иванович, сын домовладельца, крупного фабриканта и торговца парчей и позументами; жил он на Троицкой (ныне ул. Рубинштейна, д. 18/5), покупал книги по искусству, главным образом по истории театра и костюма, старинные гравюры, литографии.

Рукавишников Николай Иванович, крупный владелец антикварного магазина, где продавалась старинная мебель, фарфор, хрусталь, золото, серебро, книги, гравюры. Я вместе с отцом бывал в том магазине на Казанской улице (ныне ул. Плеханова).

Дашков Павел Яковлевич, жил на Михайловской площади, д. 4—5 (ныне пл. Искусств). Имел богатую коллекцию гравюр, литографий, портретов. У этого покупателя я тоже бывал на квартире вместе с отцом и в помещении, где хранилась его коллекция. Запомнились громадные стеллажи с низкими полками и на них большие папки. Как известно, этой коллекцией пользовались многие ученые и издатели, заимствуя книжные иллюстрации из коллекции П. Я. Дашкова.

Ходотов Николай Николаевич (1878—1932), артист Александринского театра, ныне — Академический театр драмы им. А. С. Пушкина. Покупал мемуары, книги по театру и театральному костюму, стихи. Его квартира была сначала на Боровой, затем на Коломенской и, наконец, на Глазовой улице. Главным украшением и богатством ходотовской квартиры были книги, их было столько, что они лежали и на столах, и на стульях, не говоря уже о бесконечных стеллажах и книжных шкафах. Ходотов собрал огромную библиотеку в 15 тысяч томов. В его библиотеке было много книг по искусству, беллетристики и особенно поэзии.

Военский Константин Адамович, жил в Чернышовом пер., д. 5. Покупал книги о войне 1812 г. По этому вопросу и сам писал много; он составил библиографию литера-

туры о войне 1812 г. Я его встречал в книжных магазинах в 1914—1918 гг.

Колобов Николай Яковлевич, жил на Б. Зелениной ул., д. 43. Владелец лесопильного завода и лесной биржи. Имел в Петербурге около 20 жилых домов. Во дворе его дома стоял кирпичный особняк, специально выстроенный для библиотеки, которая состояла из многих тысяч томов. Покупал старинные книги без всякого разбора, лишь бы понравилась книга и подошла по цене. Очень любил торговаться с продающими. Я несколько раз помогал отцу приносить пачки книг для продажи Н. Я. Колобову. Из числа принесенных книг он половину книг отобрал и заплатил сразу за них деньги. Я помню радость отца от этой продажи.

Кованько Александр Матвеевич (1856—1919), один из руководителей военного воздухоплавания в царской России. Жил на Волковом поле, имел казенную квартиру. Покупал книги по воздухоплаванию и военной истории. Имел библиотеку около 10 000 томов. Мой отец просил у А. М. Кованько перевести меня к нему в часть на службу (я тогда проходил службу в г. Старая Русса). Он согласился, но меня срочно отправили на Западный фронт. Это было в октябре 1915 г.

Авиновицкий Фебус Соломонович (1858—1940), доктор медицины, последние 20 лет жизни — санитарный врач Ленгорздравотдела, жил на улице Пестеля, д. 7. Отец знал его еще студентом (это было в 1880 г.), он уже тогда был большим книголюбом. Собирал книги сперва о народовольцах, потом по рабочему вопросу и революционному движению, а после революции 1905—1907 гг. собирал революционные брошюры. Он был очень отзывчив, если его приглашали к больному букинисту, без промедления приходил на квартиру, лечил и никогда никаких денег не брал за свой визит, но интересовался, какие книги есть у больного, и если в шкафу находил для себя интересное, то, с разрешения, брал почитать. Его называли «книжный врач». Я с ним познакомился в 1914 г. в магазине отца, куда он часто заходил. В 1918 г. я был приглашен к нему на квартиру вместе с моим троюродным братом Абросимом Сергеевичем Наумовым (1891—1964) для разборки его библиотеки. Для книг была отведена специальная комната, и она была завалена книгами и це-

лыми пачками, купленными в магазине и еще не распакованными. В общем, комнату привели в порядок, книги все разместили на полках.

Бурцев Александр Евгеньевич (1863—1938), по происхождению купец, имел контору. Жил в собственном доме на Надеждинской (ныне ул. Маяковского, д. 30/18). Квартира была во втором этаже, состояла из нескольких комнат, занимала весь этаж. Он был большим книголюбом и библиографом, покупал всевозможные редкости: старинные книги и рукописи, подлинные письма и автографы знаменитых людей — писателей, ученых, художников. Был издателем своих любительских трудов. Им издано много библиографических и этнографических трудов, небольшими тиражами в 100—150 экз. (см. подробно описание в книгах: Ф. Г. Шилова, П. Н. Беркова и Н. П. Смирнова-Сокольского («Рассказы о книгах», стр. 120—121).

Отец был знаком с А. Е. Бурцевым более 40 лет. Являлся для него поставщиком всевозможных редких книг, картин, гравюр, литографий, рисунков, рукописей и автографов. Отношения между ними, особенно после революции, были самыми близкими и дружескими. До 1935 г. Бурцев жил в своей большой квартире, за исключением нескольких комнат, которые были заняты другими жильцами. В 1935 г. ему со всей семьей пришлось выехать в Астрахань.

* * *

В 1907—1910 годы, когда отцу надоедало быть в Петербурге, он, не задумываясь, уезжал в провинциальные города, где были базары или ярмарки и где можно было продать книги, которые не находили покупателя в Петербурге. Там можно было также купить книги, которые нужны были в Петербурге постоянным покупателям отца. Он часто бывал в Москве на Сухаревской площади; туда он привозил книги, не находившие в Петербурге покупателя. Однако отец лучше себя чувствовал в таких городах, как Рыбинск, Мышкин, Ярославль, Кострома. Летом 1907 г. он участвовал на ярмарке в Ярославле, где торговал книгами в основном церковного содержания: библии, псалтыри; были и книжные редкости. Помощницей у него на ярмарке была дочь Нюша, которой было

только 16 лет, и она по указанию матери была у него кассиром, иначе мать его на ярмарку не отпускала. В местных газетах отец печатал объявления, что покупает старинные книги, рукописи, гравюры. Для каждого объявления придумывал новую фамилию: «Павлович», «Слободинский», «Мологжанин» и др. Случалось, что ему выпадало счастье на хорошую покупку. Когда у него не было при себе книжного товара, то он нанимался в продавцы в книжные лавки без жалования, на проценты с проданных книг; он соглашался на любые условия.

После революции 1905 г. интерес крестьян к революционной литературе увеличился. Идя навстречу этим интересам, отец привозил в деревню, к себе на родину, много сатирических журналов, таких, как «Заноза», «Кнут», «Пулемет», «Жупел», «Бурелом» и др. Вместе с журналами привозил в деревню разные листовки, прокламации и революционные брошюры. В их числе были ленинские работы: «Что делать?», «К деревенской бедноте»; там все это охотно раскупалось.

В октябре 1907 г. отец привез меня, одиннадцатилетнего, после окончания церковно-приходской школы из деревни в Петербург, или, как тогда называли, «Питер». (Тогда была поговорка: «Питер, Питер, бока повытер».) Он и отдал меня в мальчики в книжный магазин Ф. А. Семенова, который приходился мне крестным отцом. Отец сразу же уехал обратно в деревню, довольный, что сын Сережа будет книжником-букинистом. Но когда отец об этом объявил матери, то она была чрезвычайно возмущена, так как наказывала отдать сына в мануфактурный магазин. Она сразу же написала письмо в Петербург к сестре отца. Между прочим, она писала так: «Дорогая маменька крестная! Очень прошу тебя отдать Сережу в мальчики в гостиный двор в мануфактурный магазин. Я не хочу, чтобы мой сын Сережа был книжником. Все букинисты или бездельники, или пьяницы». Тетя отдала меня в бельевого магазин, на 5 лет.

1911—1913 гг. В эти годы отец приезжал в деревню и в зимние месяцы, когда надоедал город, на него находила хандра и он чувствовал потребность развлечься. Зимой в деревне была легкая работа: уход за скотиной, привоз с луга сена для лошади и коров, топка печей, все это в дневное время. А вечером при свете керосиновой лампы

он очень любил читать стихотворения и поэмы Н. А. Некрасова. Это у него был любимый писатель, и он гордился им как своим земляком-ярославцем. Отец очень хорошо читал произведения Некрасова — каким-то особенным напевным голосом.

Отец много рассказывал о замечательных русских людях, ученых и писателях: о Ломоносове, Пушкине, Гоголе и многих других. Младшие его дети — Катя, Леня — с большим интересом слушали, когда он им читал «Вия» Н. В. Гоголя. А когда у него слушателей не было, тогда он читал себе «под нос» сочинения Мамина-Сибиряка.

Отец был на редкость добрейшей и широкой души человек. Очень был оригинален, любил балагурить и фантазировать, мечтать о достижениях техники и применении ее к сельскому хозяйству. Теплота, огромная душевная теплота лилась от него широкой волной и согревала и бодрила людей. Русской природой он мог любоваться и восхищаться, упиваться ее красотой без конца. Летом любил ходить с ружьем, охотиться по болотам за утками, но, как правило, никогда ничего не убивал, чем вызывал насмешки над собой других охотников, приезжих из Петербурга.

В нашем деревенском доме можно было видеть множество книг и разных картин, привезенных из Петербурга. Стены двух просторных комнат были завешены копиями картин знаменитых художников. Вдоль стен стояли шкафы, забитые сверху донизу книгами, среди них почти все классики мировой литературы. Романы Л. Н. Толстого, Тургенева, Гончарова, Писемского и других читались всеми желающими в нашей деревне.

Наряду с Н. А. Некрасовым отец очень любил поэзию В. А. Жуковского, особенно историю «Наль и Дамаанти»; читая «Рустема и Зораба», он плакал над их трагической судьбой. Любил читать сказки Жуковского, Пушкина и народные сказки, собранные Афанасьевым.

В сентябре 1914 г. отец открыл антикварный книжный магазин в Петербурге, по Садовой улице, д. 100. Сзади магазина была квартира. Чтобы в магазине был постоянно свой человек, отец выписал из Москвы третьего сына, Ивана; ему было 15 лет, он служил в Москве мальчиком в обувном магазине. Магазин отца торговал наряду с антикварными также и подержанными книгами и учебниками, получаемыми со складов издательств Панафидиной, Су-

вориная, Карбасникова, Холмушина, Тузова, Вольфа, Губинского и других. Магазин делал объявления в газетах о покупке старых и старинных книг, рукописей, гравюр, картин, монет, медалей и подержанных нот.

В это время магазином издавался каталог книг под названием «Библиографический листок»; всего вышло только четыре номера. С первым номером мне довелось познакомиться в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, причем этот номер был извлечен из домашней библиотеки библиографа и историка литературы Владимира Ивановича Саитова (1849—1938). На 4-й странице листка рукой отца написано: «Его превосходительству Владимиру Ивановичу Саитову» (см. приложение). В. И. Саитов тоже являлся постоянным покупателем отца. Ему принадлежала одна из самых полных частных библиотек, посвященных истории русской литературы.

Этот магазин отца просуществовал до конца 1918 г.; закрыли его ввиду голода; потом он был национализирован. Я в это время был на Северном фронте под Архангельском, воевал с иностранными интервентами и белогвардейцами.

Мне пришлось работать в магазине отца по несколько месяцев в 1915 и 1918 гг. Помню, отец приобрел в 1917 г. большую библиотеку от одного ученого по фамилии Комелов, который жил недалеко от магазина и переезжал куда-то за город. В библиотеке было более 3 тысяч томов. Все книги были в переплетах, корешки были кожаные и имели инициалы владельца. Деньги отец уплатил в несколько сроков. Большая часть библиотеки пошла по знакомым покупателям, а остатки проданы в книжные магазины на Литейном проспекте.

В эти годы в Петрограде на шестой неделе великого поста устраивались «Вербные базары» на Благовещенском бульваре, ныне бульвар Профсоюзов. Эти базары продолжались восемь дней — с воскресенья до понедельника. Значительное место на базаре занимали букинисты-торговцы Ново-Александровского рынка, Литейного проспекта и других улиц, как имеющие книжные лавки, так и «холодные книжники», торгующие от себя, имеющие накопленный фонд книжного товара.

Места отпускались с торгов. Лучшие места считались от Исаакиевского собора. Мой отец каждый год принимал

участие в «вербном» базаре. Весь застоялый книжный товар выбрасывался на базар, и каждый день товар обновлялся, что привлекало книголюбов. Книга находила своего покупателя, а покупатель обретал долгожданную книгу. В «вербном базаре» 1918 г. я тоже принимал участие, помогал отцу — торговля была очень живая, покупателей на книги было много, и никому не запрещали рыться в книгах или перелистывать гравюры и литографии. Толстые журналы за старые годы, полные годовые комплекты и отдельные номера охотно покупались, так как цены были недорогие.

Кроме книг и другого печатного материала, на «вербном базаре» продавался и другой товар — всевозможная галантерея, игрушки, сладости, печенья, горячие пышки. Много было торговцев с рук, которые продавали традиционный «тещин язык», воздушные шары, трещотки и т. д. Торговля на базаре производилась с 8 ч. утра и до темноты.

В конце 20-х и начале 30-х годов нашего века по воскресеньям и четвергам каждой недели в Ленинграде на Предтеченском рынке (барахолке) велась торговля частными лицами: продавали старые вещи, мебель, картины, фарфор и хрусталь, всевозможные старинные книги и дешевые издания (от 5 коп. за книжку или картинку). Рынок тянулся от Лиговского пр. по Чубарову (ныне Транспортному) переулку, по Предтеченской (ныне ул. Черняховского) до Обводного канала. На рынке было много торговцев-букинистов, в их числе и мой отец. Когда отец появлялся на «барахолке», его приветствовали дружки-приятели, называя его «фарисеем», другие говорили: «ходячий» пришел, каждый занимал свое место. У отца книги раскладывались на низеньком столике, наскоро сколоченном из неотесанных досок, у других — на фанере или на подстилке из рогожи. Во время непогоды книги закрывались клеенкой, и торговля продолжалась из-под клеенки. Вместе с отцом торговали по соседству старый букинист из Ярославля или из Углича Иван Потапович Петров (1885—1960), В. Н. Басков, братья Роговы и другие букинисты. Среди постоянных покупателей на этом рынке были известные библиофилы: П. Н. Берков, Ф. С. Авиновицкий, И. Б. Семенов, писатель Л. И. Раковский, проф. В. А. Десницкий, проф. С. Ф. Платонов и многие другие.

В 1934—1937 гг. отец торговал новыми книгами от магазина № 31 Ленокогиза на Литейном, на столике, а магазин этот назывался «Старая книга», директором его был букинист К. М. Моторин (1896—1949), заместителем директора С. А. Наумов, с 1935 г. товароведом — Г. В. Винокуров (1892—1941). По праздничным дням отец брал от магазина политические брошюры и торговал в разнос по паркам и садам «на крик». В день продавал до 500 экз. Этим самым помогал магазину выполнять план.

С 1938 г. здоровье отца начало сдавать; он стал жаловаться на болезнь ног, ходить ему было тяжело, и он устроился на работу в Дом занимательной науки, недалеко от своей квартиры, работать ночным сторожем. Через полгода уволился по сокращению и пошел работать пожарником в Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где проработал четыре месяца и заболел гриппом. Это была его последняя работа. Пролежал две недели больным, слабел с каждым днем. Лечащий врач при последнем посещении заявил, что он не поправится. Отец умер 16 июня 1939 г. на 75-м году жизни, смерть последовала от склероза сосудов мозга.

Похороны состоялись 18 июня на Волковом кладбище. В похоронах и на поминках участвовали многие книжники-букинисты, которые составили два подписных листа с пожертвованием — «на венок старейшему книжнику А. П. Наумову». На листах — 28 подписей букинистов. После похорон все участники были приглашены ко мне на квартиру на поминки. Особо близкие его друзья — товарищи-букинисты — проникновенно говорили об отце как об очень хорошем человеке с веселым характером, который за всю долгую жизнь никого не обидел, всем был большим другом. Память о нем обещали хранить до конца своей жизни...

Ленинград, 1971

П. П. ШИБАНОВ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ КНИГИ

П. П. Шибанов

Павел Петрович Шибанов (1864—1935) известный в свое время букинист-антиквар, оставивший наиболее яркий след в истории дореволюционной и советской букинистики.

Первой его книговедческой школой была антикварная книжная лавка, открытая в конце 70-х годов прошлого века его отцом, Петром Васильевичем Шибановым (1822—1892) в Москве у Китайской стены — средоточии почти всей букинистической торговли того времени. Здесь, под влиянием своего отца, страстного книголюбца и весьма начитанного человека, он научился любить книгу, здесь он постигал науку о книге в бесконечном многообразии ее проявлений, здесь им было осознано значение библиографии в антикварной книжной торговле, здесь были осуществлены первые его опыты в этой важной области практического книговедения — первые каталоги «Антикварной книжной торговли П. Шибанова», составленные и выпущенные им в 1885—1886.

Окрыленный успехом сочувственно встреченного начинания, он стал готовить следующие каталоги и всего за время 1885 по 1916 г. выпустил около 170 каталогов на разнообразные темы: «Мемуары, воспоминания, переписка и биографии», «Русские книги XVIII века», «Ценные книги и автографы замечательных лиц», «Русские портреты гравированные и литографированные» и т.д. Скупые, но содержательные записки этих каталогов сделали их источником ценных библиографических сведений.

В 1892 г. П. П. Шибанов начинает издавать ежемесячный журнал «Библиографические записки» под редакцией крупного книговеда и библиографа А. Н. Соловьева (1864—1942). К участию в журнале привлекаются многие видные деятели книговедческой науки того времени.

После смерти отца П. П. Шибанов коренным образом перестраивает унаследованную им книжную торговлю, постепенно превращая ее в образовательное предприятие, получившее широкое признание не только в стране, но и за ее пределами.

В годы советской власти, в радикально изменившихся новых условиях П. П. Шибанов энергично продолжает свою деятельность, отдавая любимому делу все свое время, все свои обширные знания и богатейший опыт. Он работал в Наркомпросе, сначала на Постоянной книжной выставке, а затем в Музейном отделе, куда его привлекли в качестве эксперта и специалиста по древнерусскому прикладному искусству и библиографии. С 1923 г., не покидая Наркомпроса, он работал в Акционерном обществе «Международная книга». С этим периодом его деятельности связан выпуск большой серии превосходно составленных каталогов антикварных изданий по истории, археологии, востоковедению, фольклору, нумизматике и др.¹

Одновременно с повседневной практической деятельностью П. П. Шибанов вел большую научную работу и преподавательскую работу, собирал материалы для больших книговедческих трудов — «Русские иллюстрированные издания» и «Усадебные библиотеки в их прошлом и настоящем», выступал с докладами в Русском библиографическом обществе, Русском обществе друзей книги, Историческом музее, Ленинградском обществе библиофилов, читал лекции для букинистов. В 1925 г. появляется пособие для работников книжного дела, где П. П. Шибанову принадлежит статья «Антикварная книжная торговля в России», во многом сохранившая свое значение для нашего времени².

В последние годы жизни, уже тяжело больной, он усиленно работал над своими воспоминаниями — «Полвека среди старой книги и ее друзей». Ему было что вспомнить, что рассказать о многочисленных книжных собраниях, прошедших через его руки, он хотел дать галерею образов русских библиофилов. Всему этому, к сожалению, не суждено было сбыться. Воспоминания остались незавершенными. Но даже то, что он успел записать, полно большого и поучительного интереса.

И. М. КАУФМАН

Ниже публикуется один из докладов, прочитанный П. П. Шибановым в Русском библиографическом обществе в 1928 г.

Еще неизвестно, кого у книг больше — врагов или друзей. Статистика не доказала этого. Помимо врагов стихийных, каковы пожары, наводнения, войны, от которых погибло великое множество драгоценных библиотек, были еще враги сознательные. Однако больше всего по-

¹ Перечень этих каталогов приводится в книге Н. П. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека», т. 2. М., 1969, с. 440—441.

² Книжная торговля. Пособие для работников книжного дела. Под ред. М. В. Муратова и Н. Н. Накорякова. М.—Л., 1925, с. 199—266.

гибло и погибает книг от небрежного с ними обращения. Небрежное обращение с книгой — злейший ее враг. Истрепанный переплет, загнутые углы, замусоленные страницы — печальное, хорошо знакомое зрелище...

Я знаю одного страстного собирателя старинных книг, интеллигентного, образованного человека, с весьма ограниченными средствами и неудержимой жаждой собирательства. Пытливый ум его стремится обнять все. Обширная его библиотека представляет собою сплошной хаос веков и дисциплин. Здесь есть все — от «Новейшего карточного игрока» до «Науки благополучно умирать». Но не эта сторона его собрания привлекла меня. Меня поразила неприглядная внешность книг. То, что я увидел, не поддается никакому описанию...

Таких, к счастью, было все же немного. Знавал я зато многих других, особенно в провинции, которых отличала удивительная заботливость о книге — ее состоянии, ее внешнем виде, ее сохранности.

Такова, например, библиотека ярославского поэта Л. Н. Трефолева (1839—1905), автора «Песни о комаринском мужике». С уверенностью могу сказать, что, вероятно, девять десятых из числа его книг, если бы они предстали передо мною в их первоначальном виде, были бы мною решительно отвергнуты. Но Трефелев так любовно облек их в какие-то самодельные переплеты, что выглядели они прямо симпатично. Достаточно сказать, что из ярославских изданий XVIII в. у него был журнал «Уединенный пошехонец». И «Ежемесячное сочинение, издаваемое в Ярославле на 1787 год» и некоторые другие. А какая масса интересных мелочей у него была! И между прочим, первая проба Ярославской типографии — приветствие от наборщиков.

Или вот другой собиратель из провинции — Павел Федорович Симсон (родился в 1845 г., год смерти неизвестен), педагог, краевед, историк, археограф, автор «Истории Серпухова в связи с Серпуховским княжеством» (М., 1880) и ряда других работ.

Библиотеку свою он собирал много лет. Книги ему носили отовсюду, нередко из далекой провинции. Он не пренебрегал никаким состоянием экземпляров. Особенно интересовали его древние рукописи, он собрал их несколько сотен.

Мне не удалось узнать, сам ли он реставрировал свои книги или приспособил кого из близких, но каждая книга, каждый отрывок рукописи был облечен в переплет, углы разглажены, рваные страницы подклеены.

Собирая рукописи на протяжении 25 лет, он составил даже каталог («Описание рукописей, принадлежащих П. Ф. Симсону». Тверь, 1902—1903), из которого видно, что им было собрано немало ценных памятников.

Не плох был у него и отдел книг гражданской печати. В 1908 г. ему посчастливилось приобрести экземпляр чрезвычайно редкой книги петровского времени «Зрелище жития человеческого» (М., 1712). Он подробно описал ее в статье «Затерянное петровское издание притчей Эзоповых» (Владимир, 1908).

Не менее интересен и третий собиратель, ярославский педагог и литератор И. Н. Корсунский. Его собрание старинных песенников и романсов, оракулов и рукописей также прошло через мои руки. Все такого рода издания чрезвычайно редко встречаются не только в хорошем, но даже в удовлетворительном состоянии. Он также не пренебрегал никаким состоянием заинтересовавших его находок. Сразу переплетал он только книги, которые более или менее были полны, а отрывки, совершенно, казалось бы, безнадежные, откладывал в сторону, выжидая, не попадется ли еще что-либо подобное, что нередко и случалось. Тогда он составлял из нескольких экземпляров один и затем уже переплетал его.

Но даже и при таких комбинациях не приходилось, конечно, и помышлять о полноте экземпляра. Частенько не хватало заглавных листов, первых страниц текста, нередко целой середины. И тем не менее, множество собранного таким героическим путем материала, спасенного от верной гибели, делало собрание интересным и ценным.

Есть ли бережное хранение и обращение с книгой привилегия только интеллигентных людей?

Из многочисленных своих поездок по России я вынес впечатление, что исключительно бережное обращение с книгой в высшей степени присуще простым людям. Нередко вы видите в их чистых избах полки с книгами, облеченными каждая или в деревянный футляр или в кошель, иногда плетенный, иногда сшитый из сарпинки, с пуговицами и т. п. Только благодаря такому обращению с книгой

LXIII

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
П. ШИБАНОВА,

*Коммиссіонера Имп. Общ. Люб. Древ.
Письменности, Московскаго Нумизма-
тического Общества и других*

(Москва, Петровка, Петровскія Линіи).

КАТАЛОГЪ
РУССКИХЪ И СЛАВЯНСКИХЪ
КНИГЪ
ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ,
НАПЕЧАТАННЫХЪ
ВНѢ
МОСКВЫ
И
ПЕТЕРБУРГА.
№ 7.

МОСКВА.

ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
1895

Г. А. ОРЛОВЪ.

Обложка редчайшего (№ LXIII) каталога П. Шибанова

до нас и могли прийти многие памятники в изумительной сохранности.

Сегодня я буду говорить только о собирателях, оставивших у меня светлое воспоминание.

Первый из них — мой отец, Петр Васильевич Шибанов, умерший в 1892 г.

Это он воспитал во мне любовь к книге, исключительно бережное к ней отношение. Простой человек, старообрядец, математик-самоучка, он страстно любил книгу. И когда ему что-либо попадалось, он, прочитав книгу, хранил ее как зеницу ока. Я представляю его себе не иначе, как расправляющего, разглаживающего смятые углы книги и кивающего кому-то вдаль укоризненно головой. Глубокий знаток древней письменности, он знал многое наизусть. К нему нередко обращались за справками такие светила науки, как Федор Иванович Буслаев. В образованное с 1877 г. «Общество любителей древней письменности» мой отец был избран в числе членов-корреспондентов. Он умел великолепно реставрировать книги и меня научил этому искусству.

В памяти моей встают и такие страстные собиратели книг и рукописей, вышедшие из народа, как И. И. Кириллов, Ф. М. Плигин, П. М. Мальцев.

Вспоминается московский собиратель Ф. Ф. Мазурин (1845—1898). По любовному отношению к книге он превзошел, пожалуй, всех перечисленных мною. Признавал он только книги в их первоначальном, никем не тронутом виде. Если какая-либо книга в таком состоянии не попадалась, он мирился и с посредственной сохранностью в надежде обменять ее на лучший экземпляр. Даже «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева он обменивал три раза, добившись наконец первоклассного экземпляра.

Очень любил он собирать и древние рукописи. Однажды появился на рынке экземпляр какой-то необыкновенно редкой рукописи. Владелец драгоценности, мечтавший о книге Радищева, коротко заявил: за деньги он рукопись эту не продаст, а обменивает ее только на Радищева. После некоторого колебания Мазурин это предложение принял.

Весьма обширная его библиотека вида никакого не имела. Да и какой вид у нее мог быть, когда книги хранились в сундуках! В сундук опускались книги только

«девственные», неразрезанные. Книги, бывшие в употреблении, хранились у него в другом помещении.

В своем стремлении сберечь книги он доходил до абсурда — не разрезал даже справочников. Я нередко заставлял его за чтением труда П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом». И вот даже этот труд, к которому всякому собирателю приходится так часто обращаться, даже он оставался у него неразрезанным. Бывало, я говорил: «Ф. Ф., что вам стоит разрезать?».— «Нет, нет, успеют еще разрезать и после нас».

В изумительном по сохранности состоянии библиотека его, по завещанию, поступила в Московский архив Министерства иностранных дел.

Был он и великолепный реставратор, постоянно реставрировал книги, выводил пятна, чинил их. Реставрировал он так искусно, что мог сравняться и с лучшими мастерами-специалистами. Какой-нибудь недостающий угол или другой дефект он не просто закрывал хотя бы и подходящей бумагой, а приготавливал какую-то бумажную массу, придавая ей соответствующий цвет, и так сравнивал разрушения, что от них не оставалось никаких следов.

Вспоминается мне Николай Иванович Носов (1847—1898), один из ревностных членов-учредителей Русского библиографического общества. Это был страстный любитель книг и большой хлебосол. Книги его находились в Москве, в Дегтярном переулке, и в его подмосковном доме во Фролове, под Люблином. В Москве хранилась театральная библиотека, очень обширная, состоявшая из книг по истории театра и многочисленных пьес. В ней насчитывалось несколько тысяч томов. Но так уже, по-видимому, устроено — у каждого любителя книг свои странности. Театральная библиотека Н. И. Носова, можно сказать, представляла собой довольно жестокое зрелище. Журнал «Пантеон русского и всех европейских театров», например, был расчленен по пьесам; каждая пьеса переплетена отдельно и занимала в библиотеке свое место в общем алфавите... Сборников театральных пьес в том виде, в каком они выходили в свет, в его библиотеке совсем не было.

Во Фролове картина была другая. Там было настоящее библиофильское собрание. Особенно ревниво собирал

Н. И. Носов труды по библиографии, не останавливаясь ни перед какими затратами. Помимо русских библиографических трудов, были у него все капитальные иностранные труды по библиографии — французские, немецкие, английские.

К великому прискорбию, библиотека его сильно пострадала от пожара. Остатки были проданы после его смерти наследниками.

Иван Михайлович Остроглазов (1838—1892) принадлежал к собирателям так называемого геннадиевского толка. Он собирал только то, что у Сопикова и, в особенности, у Геннади, обозначено словами «Редка», «Очень редка» и т. д. Других книг он не признавал. Были у него две библиотеки — одна библиофильская, другая деловая, нужная ему по роду его работы. Человек с приличными средствами, он все свои доходы тратил на книги, оставляя свою семью подчас без самого необходимого. Чтобы несколько смягчить их недовольство, он, показывая им новое приобретение, всякий раз говорил: вот, мол, как дешево он его купил — стоит оно 100 рублей, а приобрел он его за 10. Когда И. М. умер, наследники вообразили себя обладателями большого состояния. Каково же было их огорчение, когда вместо ожидавшихся 100 000 рублей, им стали предлагать гораздо меньше... После долгих переговоров библиотека была продана В. Н. Рогожину (1859—1909), известному в то время собирателю, от которого после его смерти, вместе с его большим книжным собранием, перешла по завещанию в Исторический музей.

Несколько слов о собирателе Николае Федоровиче Бокачеве (1846—1915). По бережному обращению с книгой он мог бы сравниться с Ф. Ф. Мазуриным. Он также собирал книги только в «девственном» их состоянии.

Бокачев оставил несколько очень ценных описаний своей библиотеки — «Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева» (Спб., 1890), «Каталог сочинений, составляющих русскую историческую и археологическую библиотеку Н. Бокачева. Географические карты России XV—XIX столетий» (Спб., 1892) и второй выпуск этого же «Каталога сочинений», посвященный «Истории русских земель и городов» (Спб., 1896).

Все, кому когда-либо приходилось обращаться к этим работам, хорошо знают, с какой точностью и тщательностью они выполнены. Вместе с тем на них лежит довольно густой налет специфического библиофильства. По степени сохранности различаются в этих трудах экземпляры «А» — книги неразрезанные и экземпляры с пометкой «Б» — предназначенные для обмена.

По подбору и качеству экземпляров библиотека Н. Ф. Бокачева, состоявшая из 20 000 томов, может быть отнесена к библиотекам совершенно исключительным. После ряда злоключений, связанных с перевозом библиотеки в Англию и обратным ее возвращением на родину, библиотека, в значительной мере пострадавшая, перешла, после смерти владельца, к его родственнику М. А. Остроградскому, также известному в свое время библиофилу и коллекционеру.

Я хочу еще сказать хоть немного о нашем дорогом Д. В. Ульянинском, об одном из наиболее деятельных членов Русского библиографического общества. Я знал Дмитрия Васильевича с первых шагов его книгособиранья. Помню, как ко мне пришли три неизвестных мне молодых человека. Один интересовался декабристами, другой — генеалогией, а третий еще так, бродил впотьмах, спрашивал редкие книги, но особого влечения к ним не имел. Впоследствии я с ними познакомился. Они были всегда неразлучны. Третьим, без руля и без ветрил, был Д. В. Ульянинский. С каждым новым посещением круг его библиофильских интересов становился все более определенным.

Особо Ульянинский интересовался библиографией. Помню, он говорил, что начинать надо всегда с библиографии. Однако до того, как это было осознано, он наделал немало ошибок, о которых потом рассказал и в своих книгах, и мне лично.

В самом начале своего собиранья он, ознакомившись с содержанием какого-либо антикварного каталога, отправлялся обычно на рынок — Сухарев или Смоленский. Когда книгу, опубликованную у Шибанова за 3 рубля, он встречал на рынке за 30 и 50 копеек, он ее покупал, будь то хотя бы «Опытный коновал» или «Карточный игрок». Они были одинаково ему милы потому, что слишком велика была разница в ценах. Однако вскоре ему стала ясна вся сумбурность такого собиранья, и он вовремя

остановился. Наметились три важнейших объекта его интересов: библиография, генеалогия и Россия (ввиду ее обширности — только до XVII в. включительно). При таком определившемся плане, при постоянном его наблюдении за рынком, при все увеличивавшемся круге знакомств ему удалось, на протяжении 25 лет, собрать исключительную библиотеку. Особенно ему посчастливилось в первых двух ее разделах — библиографии и генеалогии.

Любовным отношением к книге он превосходил, мне кажется, всех перечисленных мною лиц.

Когда неизбежность расставания со своей библиотекой стала для него совершенно очевидной, он обратился ко мне с предложением ее купить. Как близкий ему человек, я не был этим обрадован, хорошо понимая, что прибегнуть к этому его заставила жестокая крайность. Я отказался от покупки. Так прошло несколько дней. В одно утро он приходит и говорит: «Нет, я окончательно решил продать библиотеку, приезжайте ко мне». Я приехал в назначенный час, но его дома не оказалось. На другой день я узнал о трагической развязке...

Судьба собрания Д. В. Ульянинского всем известна — она поступила в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина, где с того времени и хранится.

Я все говорил сегодня о собирателях, ушедших в вечность. Их много, и в один вечер рассказать о них невозможно.

Немного о хранении книг.

Напомню несколько общеизвестных истин, о которых обычно все-таки забывают. Книги, как живые существа, любят воздух и свет. Однако свет губителен для книг, если его очень много. Вот почему лучшим способом хранения книг следует признать открытый шкаф с передвигающимися на проволоке занавесками.

Книгам не должно быть тесно на полках — и об этом постоянно забывают. Вам, вероятно, не раз приходилось видеть книги с оторванными верхушками корешков. Это — свидетельство слишком глубоко вкоренившейся привычки вытаскивать книгу, хватая ее за верхушку корешка. Со временем верхушка отрывается, и мы из десяти книг десятую непременно видим в таком уродливом состоянии... Я не хочу быть ментором, но такой способ обращения с книгами недопустим.

Что касается хранения брошюр (а также всякого рода оттисков), то мой опыт говорит о том, что их следует держать всегда в горизонтальном положении, для этого изготавливаются картоны. Я сам заимствовал этот способ у лица, у которого наблюдал такое хранение, и могу сказать, что с того времени, как я последовал его примеру, у меня не износилась ни одна брошюра, наоборот — у всех вид, точно они только сейчас напечатаны.

В заключение я обрисую двух здравствующих библиофилов, собрания которых мне приходилось наблюдать. У одного, можно сказать, немецкая манера обращения. Необыкновенная аккуратность, книги стоят на полках в открытых шкафах, чистые, ни одной пылинки. Библиотека красива, нарядна. Он страстный любитель хороших экземпляров и также стремится заменить экземпляр, его не удовлетворяющий, на лучший.

Другой — широкой натуры человек. Библиотека у него обширная, но хранение далеко неудовлетворительное. Нередко он и сам не знает, что у него есть. Он знает, что книга есть, что он ее купил, что она не пропала, но найти ее не может.

В библиотеке его нет должного порядка. Правда, некоторая часть — классики, например, — отделены, но в общем ценное и редкое перемешано с рядовым. Этот собиратель является обладателем исключительного экземпляра «Сказок» Лафонтена во французском издании 1762 г. И вот однажды, когда ему захотелось похвалиться этим экземпляром, он его с трудом отыскал. На поиски у него пошло не менее двух часов. Одно время он даже подумал, не исчезла ли книга, не стащил ли кто. Оказалось, она стоит, но не на своем месте.

Такой способ хранения совершенно недопустим. Нельзя в одном ряду с самыми ординарными книгами хранить и такую драгоценность, потому что в равной степени наблюдать за сохранностью всей библиотеки не представляется возможным. Такие издания, как указанный экземпляр «Сказок», следует непременно выделить на особую полку. Необходимо предусмотреть и такие случаи, как пожар, когда нам хочется спасти наиболее ценное и памятное.

Москва, 1928

М. А. ОСОРГИН

ВОЗЛЮБЛЕННОЙ (Похвальное слово)

М. А. Осоргин

создании Книжной лавки писателей; в 1921 г. принимал живое участие в организации помощи голодающим Поволжья и тогда же блестяще перевел пьесу Карло Гоцци «Принцесса Турандот» — его имя до сих пор украшает программу знаменитого спектакля театра им. Вахтангова.

С 1922 г. жил в Европе. Половину своей жизни Осоргин провел за границей. Но до конца жизни не причислял себя к эмигрантам. А. М. Горький был весьма высокого мнения о личности и таланте Михаила Андреевича. В письмах его мы находим такие строки: «Осоргина в эмиграции усерд-

Михаил Андреевич Осоргин (настоящая его фамилия Ильин) родился в Перми в 1878 г. Кончил юридический факультет Московского университета. В 1905 г. был арестован за участие в Московском восстании. Был выпущен из тюрьмы под залог, уехал за границу и там прожил десять лет с 1906 по 1916 г. — главным образом в Италии: в 1913 г. вышли его «Очерки современной Италии». Как «свидетелю истории» (любимое выражение Осоргина) ему довелось быть и свидетелем, и участником многих исторических событий. В качестве военного корреспондента «Русских ведомостей» и «Вестника Европы» он совершил много поездок по фронту во время балканской войны, а впоследствии и по фронтам первой мировой войны. Вернулся Осоргин на родину в июне 1916 г. Здесь он стал организатором Всероссийского союза журналистов, его первым председателем и одновременно товарищем председателя Московского отделения Союза писателей; в сентябре 1918 г. принял участие в

но травят. Это — талантливый человек и все растущий... Следя за жизнью эмиграции, не помню ни одного выступления Осоргина против советской власти. Старый литератор, он довольно влиятелен среди эмигрантской молодежи левого уклона».

К наиболее значительным произведениям этого времени принадлежат «Вещи человека» (1929, автобиографическая книга), «Свидетель истории» (1932) и «Книга о концах» (1935).

М. А. Осоргин в своем творчестве следует традициям русской классической литературы. Большим успехом у читателей пользовались его два произведения, которые не были изданы отдельными книгами: «Дневник робкого человека» и «Заметки старого книгоеда». Михаил Андреевич умер в конце 1942 г. в тихом местечке Франции — Шабри, где и похоронен.

Ниже печатается глава из «Заметок старого книгоеда». «Возлюбленной (Похвальное слово)».

В. СОСИНСКИЙ

С детских лет — и сейчас — и так будет до конца жизни — она была единственной и незаменимой: самой преданной и самой равнодушной, самой красноречивой и самой безмолвной. Люди уходили, приходили, проходили, — она, с годами меняясь, но все та же, шла за мной и со мной всюду: из города в деревню, со свободы в тюрьму, с родины в чужие страны, участница дней работы и часов отдыха, утеха бессонных ночей. То старая, то вчера родившаяся, мудрая, глупая, капризная, пустая, красивая и безобразная, — раскрывающая объятья всякому по первому его зову.

Есть два подобия целомудренных и страстных объятий: море и раскрытая книга; их оценить может всякий возраст. Но море однообразнее книги и быстрее утомляет; книга держит в объятиях часами, годами, всю жизнь и любовные выдумки ее безграничны. Прочитанная, она остается в памяти — и снова рождается,

опять влекущая и еще раз полная тайны. В море мы плаваем на поверхности — в книгу уходим с головой и чем глубже, тем слаще и чудеснее.

Чаще всего ее называют другом. Она бывает учителем, ласковой матерью, детищем и злым врагом. Но, конечно, она — возлюбленная, неподражаемая в постоянстве и вечном равнодушии. Ничто не дало миру столько добра и столько зла, как книга, и никто другой не пользовался таким почетом в памяти далеких поколений. Самым невозможным кажется исчезновение книги, замена ее иной человеческой выдумкой. Это, конечно, случится, но к тому времени люди переродятся, и не будет больше ни любви, ни вымысла, ни наивной веры, украшающей нашу жизнь. С жалостью думается о таких людях будущего.

Первая прочитанная книга называлась «Умей сосчитать»: десять негритят, каждый на особой картинке, а под картинкой подписи.

За почти полвека запомнился только один черный человек: у него вытягивали изо рта целую цепь сосисок, которыми он объелся. Думается, неважная была книжка хотя и учила вычитанию. Потом, ребенком, я утаскивал в детскую большой том в переплете — не иначе, как «Ниву», и цветными карандашами рисовал усы всем безусым: женщинам, английским генералам и коровам. Гарибальди был бородатый, ничего не пририсуешь. Лермонтову чернилами прибавил эспаньолку — очень шло. А встретив домик, пускал над его трубой дымок штопором — в самое небо. Затем научился читать без картинок, молча, подобрав под себя ноги и не желая идти обедать. Так попала душа в сладкий плен. Так она и пребывает в нем поныне.

Как сосиски изо рта негритенка — тянутся книги нескончаемой цепью, всего окутали, замучили, заласкали, обманули и спасли от невозможности сторговаться и помириться с жизнью и со смертью. И сейчас они перед глазами — громоздятся до потолка на полках, отвоевывают каждый кусочек стола, беспокоят, утешают, реже волнуют, чаще заставляют улыбаться — глупой выдумке, красивой обложке, знакомому запаху типографской краски. Новорожденная брошюра — и старый том, дамское творчество — и библия, словарь и муки стихотворца. Люди приходят, уходят, проходят — книги остаются.

Первая напечатанная книга... Свое в прошлом, но как завидно наблюдать автора, получившего свою первую корректуру, еще не умеющего ставить значки и выносить их на поля (особенно когда нужно пометить выпуск вьющейся змейкой). Он необычайно серьезен и деловит, он хочет казаться спокойным и равнодушным, а ведь сердце у него прыгает и дрожат кончики губ.

Одна молодая поэтесса принесла мне посмотреть первый отпечатанный лист своей книги, еще не сброшюрованной, — первой книги стихов, издать которую было нелегко: это было в России, в провинции, в дни революции, когда было трудно достать бумагу, а краска была совсем бледна и плоха. Все-таки она достала.

Я поздравил ее:

— А внимательно просмотрели корректуру?

— Да.

Я взял тетрадочку, — а она смотрит с тревогой, точно вот чужой человек взял покачать ее ребенка. И я прочитал:

*Схоронили мою робкую радость
Под каменными большими
плитами,*

*И ненужное тело слабое никнет,
Как травинка в поле от тяжести.*

Это так у нее было. А наборщик ошибся, корректор не досмотрел, автор неопытен, — и вместо «никнет» стояло «пикнет»:

И ненужное тело слабое пикнет...

Сколько было горя! А лист напечатан весь, уже не исправишь.

Так и вышла книга. Потом она часами сидела и тонким пером исправляла на букве перекладинку, чтобы тело не пикало, а никло.

Ей — горе, а мне завидно! Я бы на этой перекладинке покачался, перевернулся, прыгнул: хорошо ждать первую книжку! Дальше — проще, а еще дальше только скучно.

Много радости может дать первая книжка — и немало горя. Когда она выходит из печати и появляется в окне и на столах книжной лавки, рядом с другими, то этих других, собственно, нет, как нет на свете ни Шекспира, ни Гомера, ни Льва Толстого, ни сказок Шехерезады, а есть только эта книжка. По городу делается большой крюк, чтобы только пройти мимо лавки и увидеть свою обложку — так она и смотрит в глаза. Если автору смотрит, значит и читателю глянет. Читатель купит, разрежет ножичком, прочтет:

И ненужное тело слабое...

Вот тут начинается горе! Повесть бы наборщика на этой самой перекладине. Поистине — убийца! Нет, чтобы в другом месте — как раз тут.

В газетах и журналах исчезают все страницы, кроме тех, где может оказаться отзыв о книжке; да все почему-то не печатают. Черт его знает, о чем пишут, а о новой книжке ни звука. Потом вдруг напишут, — и, конечно, не поняли и не оценили. Перекладинки не заметили, но зато и вообще ничего самого главного не заметили.

Нужно было вчитаться, почувствовать, а он так, перелистал и написал. Эх, вы, критики!

Ну, а писатель старый и бывалый знает, что и как нужно делать. И к новой своей книге он относится спокойно, строго и с великой аккуратностью.

Завистников много, и хорошо их поразить — пусть почувствуют.

Так в годы революции издал покойный М. О. Гершензон боевую книгу «Мудрость Пушкина». Изучая рукописи Пушкина, он открыл ненапечатанные строки великого поэта, — и в этих строках оказался весь ключ к пониманию Пушкина, к настоящему его пониманию.

Другой бы сейчас разблаговестил, а Гершензон поступил осторожно, потому что пушкинисты ревнивы и чутки. Он отдал в набор всю свою книгу, кроме странички предисловия, где целиком приводится отрывок из Пушкина. Когда же все было набрано, — он дал и эти две странички и велел немедленно печатать, да поскорее.

Все будут поражены: найден «ключ к пониманию Пушкина»! И предисловие называлось «Скрижаль Пушкина». И было сказано в предисловии: «Самую поразительную из страниц, написанных Пушкиным, постигла и судьба поразительная: ее никто не знает... И не случайно эта страница открылась мне, с юных лет познав-

шему на земле одну эту правду: правду о лучшем мире».

Так писал М. О. Гершензон о Пушкине и о себе. Но написанного не показал и не открыл, а только всем говорил: «Вот вы узнаете, когда выйдет книга! А до выхода — и не просите, не расскажу!»

И книга, наконец, вышла — в издательстве московских писателей. Все друзья и скрытые враги получили авторские экземпляры с посвящением. И Сакулин получил, и Шпет получил.

Автор пишет: «Дорогому такому-то», а сам про себя думает: «На, выкуси!»

И вот тут нечаянно оказалось (Сакулин и догадался), что отрывок хоть и писан пушкинской рукой, а написан Жуковским; и не только написан, а и напечатан в полном собрании его сочинений. Всего не уследишь.

Вот так «ключ к пониманию Пушкина»!

Два мальчика в издательстве два дня вырезали первый листок с «ключом». Вырезки принимал, пересчитывал и забирал с собой автор. Сам обошел друзей и скрытых врагов, которым послал книгу: отбирал обратно, вырезал. Успели вернуть с почты часть пакетов, адресованных книжным магазинам. Сколько хлопот!

Но за всем не доглядишь, а мальчики — жулики. И книжка продавалась: с вырезанной страницей — 37 рублей на тогдашние деньги, с невырезанной страницей — 370 рублей. (Это — для любителей).

До чего люди злы! И как страдал бедный Михаил Осипович!

А из авторских дареных экземпляров не захотел отдать своего Густав Густавович Шпет, философ, злюка, остроумный и милый человек; Гершензона он недолюбливал.

— Зачем же, М. О., книгу портить? Пусть она останется у меня в девственном виде: это — «ключ к пониманию Пушкина».

Так и не отдал. Сам вслух читал и другим охотно показывал.

И бывает еще последняя книга. Пишется долго, больше ночами, когда оживают тени прошлого, которые боятся дневного шума. Пишется со всей силой правды, последней, нужной для душевного покоя — при прощании с жизнью. И пишущий не знает, что все равно — «слово сказанное есть ложь».

Хочется оставить о себе добрую память; чтобы и дети знали, и все потомки. Может быть, слезы текут из глаз пишущего — на бумаге бледные кляксы. Ведь это вроде завещания.

Когда же книга написана, листы рукописи аккуратненько подшиты и сданы в типографию, — типограф раздирает ее по листкам и раздает наборщикам. На чистых страницах (чистых, как совесть писавшего) — следы грязных пальцев и небрежные пометки. А что там написано — не все ли равно! Отливаются строчки, странствуют матрицы вверх и вниз. Скользят по бесконечному винту, падают в

свои отделения и снова, повинуюсь клавишам, бегут на отливку. Мысли нет, а есть только строчки литого металла. После, оттиснув первый лист, бессвязный, страница через страницу, те — так, а те — вверх ногами, машинист отшвыривает его, как брак, и подправляет доску с металлом. Ни автора нет, ни его последних дум, ни сокровенного, а есть бумага такого-то веса, валы машины да масло для смазки.

И когда переплетчик зажимает в тисках сброшюрованную книгу, — ему не выжать из нее ни правды, ни лжи, и волнение автора его не волнует. Его волнует если, например, корешок напечатан на обложке на полсантиметра ближе, чем надо.

Пусты теперь дни и ночи автора, написавшего последнюю книгу. Не поторопись он — многое бы прибавил или исправил.

Аромат книги... Их два.

Один — горьковатый, масляный, скипидарный. Перегибы свежи, клей бумаги потрескивает, при разрезе осыпаются бахромки. Новую книгу лучше всего читать, сидя на мягком, ноги вытянув, поигрывая костяным ножом.

И есть еще другой аромат, не всем знакомый: запах легкого тлена, свиной кожи и книжного червяка. Он не сравним ни с какими духами Герлена, его ни на что не променяешь.

В буквах, неровных и шатких, чарующая деревянность. Русское

«т» в три палочки, над «й» не всегда есть дужка, твердый знак высок, и просветы букв широки, как ворота; в конце страницы — особо напечатана половина того слова, каким начнется следующая страница. На бумаге, тряпичной и живучей, желтизна времени и на полях подтеки. Титул — целая повесть, где все прописано, что будет в тексте. И выспренное посвящение «Его сиятельству, кавалеру таких-то орденов, Милостивому моему Государю». А имя автора посвящения — в конце странички, на краешке, мелким бисером.

Аромат старой книги уносит в прошлое, где тоже кипели страсти. Только сердце еще не было мотором, а мозг не блестел шлифовкой и штампом. Автор в длинном кафтане или в высоком жабо и туфлях с пряжками. И писал он не на машинке, а гусиным пером, скрипя и брызгая по бумаге. Иной же старик и мастер рисовал начальную букву кисточкой.

Страницы старых и новых книг — как душистый сад: они засеяны цветами любви, тревоги, откровенности и лицемерия. Иные выросли репейником злых чувств, другие благоухают наивностью и чистотой веры. Кладбище лучшего, что жило и умерло в веках. Каждая строчка — напряженная мысль, каждая запятая — сомнение, каждая точка — удовлетворенность.

Когда вы стоите перед книжными полками — помните, что перед вами останки чувств и знаний, оттис-

ки самых сложных душевных движений, неслышный горячий спор идей, мнений и взглядов на мир, попыток оправдать жизнь и оттянуть минуту окончательного с ней расчета. Люди пишут для того, чтобы заговорить в себе тоску по вечному и чтобы шуршанием пера отогнать самый страшный из вопросов. У каждой книги свое лицо. Мы поправляем их на полках, чтобы они стояли прямо, не валились группами на сторону в сознании бесполезности в них написанного. Когда книги стоят бодро и прямо — как-то легче. Мы любим красивые переплеты потому же, почему и гроб украшается позументом. Книга растрепанная, разбитая — страшна. Обрывки корешка как клочья мяса или пряди рано поседевших волос. Бог знает, на каких словах разорвана страничка, — может быть, на важнейших, за которые писавший готов был пойти на костер или биться до потери сил. А, может быть, эти слова ничего не стоят — и не стоили ему. Есть книги уже по одной внешности гордые, смешливые, пошлые, скромные, порочные, больные и никакие. Те, что покрепче и поярче — мы часто выставляем на вид, а книги худенькие и больные прячем. Раньше всего погибают журналы, изданные в срок и на срок. Бог с ними, их не так жалко!

А вот лежит маленький, очень старый том, может быть, итальянских стихов времени Петрарки. Лежит не шелохнется, темный, чистанный, побитый на уголках.

Спи с миром! Слишком сжатый в корешок, он полураскрылся и дышит воздухом нашего времени: гарью, бензином и потом спешащих на биржу. А раскрой — и он заговорит прежним языком прекрасным и смешным: *La bella Donna che cotanta amavi, Subitamente s'e da noi partita.*

Вся земля принадлежит человеку; по крайней мере он убежден, что она вся ему принадлежит. Он летит к полюсам и ищет, нет ли там земли, еще не открытой. И если находит — водружает разноцветную тряпочку на шесте — знамя своего государства.

Но хоть и вся земля принадлежит человеку, а каждому хочется иметь ее клочок в своем безраздельном распоряжении. Если удастся — он ставит ограду, вывешивает дощечку с надписью: «частное владение, проезд и проход воспрещается»; он навешивает замок на входной калитке, устраивает на своем участке волчьи ямы — на случай, что сюда заберется незванный чужой человек. В основе всех исторических трагедий — спор о земле.

И хотя много есть огромных библиотек, где можно взять и прочитать любую книгу, но каждому книголюбу мило и дорого иметь свой книжный шкаф, чтобы стоял он всегда перед глазами и красовался редкостью названий или изысканностью переплетов. У меня есть, а у других нет! Даже в школе мальчик пишет на

учебнике каракулями свою фамилию; человек постарше ставит синий штемпель или аккуратно наклеивает собственный экслибрис.

На книжных знаках чаще всего изображается символ вечности и культа смерти: песочные часы, череп, треножник с курением, урна, развалины храма. «Все преходяще — мысль бессмертна». Это, конечно, неверно, потому что и мысль преходяща: она так же подвержена тлену, как гусиное или стальное перо, как бумага или как гранит с высеченной надписью — и он выветривается временем. Но мы так краткосрочны, что сотни лет для нас равны вечности.

И вот, на полях книги перекликаются предок и потомок. Тот написал порыжевшими чернилами свое имя или замечание; — этот читает и улыбается: как наивен был его предок! Рядом с его книжным знаком он лепит свой.

Иметь книгу только для себя — страсть непоборимая. У нас были в России старые букинисты, которые иную книгу нипочем не хотели продавать. Держали ее в секретном шкафу или на квартире, обозначали в каталогах, показывали любителю, а как дойдет до продажи — хмурились, врали, вертелись — не хочется расстаться. Выгодно, — а не хочу; товар, — а не дам! А уж если продаст — значит только надежному человеку, такому же собственнику-скупердю цепкому до редкости. И продав — ненавидит купившего, завидует

ему, никак не может простить.

Чувство собственности у книжного любителя крепче, чем у рядового помещика. Потому и писали крепким пером с завитушками:

— Господь того проклянет, у кого окажется сия книга, принадлежащая...

Или же:

— Сия книга украдена у...

Иной приписывал и стишок, после использованный гимназистами:

*Кто возьмет ее без спроса,
Тот останется без носа.*

Возлюбленная! Тебе, незаменимой спутнице, обязан всем, что было в жизни особенного и святого.

Первой тягой вдаль — желаньем убежать в неисследованные страны и сделаться следопытом; курить с краснолицыми братьями трубку мира, носить за плечами ружье, но лишь для защиты, а не для напрасного убийства зверей, с которыми жил бы в дружбе и взаимном понимании.

И первыми положительными знаниями: если развести в воде селитру и написать раствором что-нибудь на бумаге, а высушив — приложить уголек спички, то бегущий уголек будет писать на бумаге то же слово.

Первыми сомнениями: если мир сотворен многомилостивым богом, то почему же в мире так много зла и несправедливости (урок учил хорошо, а по греческому двойка).

И первой любовью: я любил и сейчас не забыл тургеневскую Асю.

Первыми достижениями: то была книжка журнала, и в ней рассказ, подписанный моим именем. Я был тогда счастливейшим из гимназистов.

И первым уходом в мир несчастных, не имеющих пристанища, голодных, страдающих по притонам и по тюрьмам, попавших под колесо жизни, — маленьких героев высококочтимого Диккенса.

Чувством бунтарства, святейшим из чувств, родившимся от пустяковой подпольной брошюрки. И позднейшим сознанием, почерпнутым в библии, что все — суета сует.

Тихим покоем, спускающимся с книжных полок на спинку кресла и изголовье постели. Складной музыкой слов родного языка, собранных в толстые тома. Очарованием чужого творчества, которое всегда наше, потому что читающий творит заново — по образу своему и подобию. И попытками самому овладеть чужим сознанием, занять его мысль своей беседой.

Тем, что можно встречаться и говорить с людьми, которых уже давно нет; а они были не хуже теперь живущих. И тем, что умереть совсем, без остатка, нельзя; что хоть на завтрашний денек останешься в печатной строчке, написанной вот этим пером.

Из многих творимых идолов, которым мы молимся и подчиняемся, книга — самый благородный. Нет божка, которого не надо бы иногда посечь: все они обманщики. Но этот так откровенен и так многолик, что на него нельзя долго сердиться. Сегодня он учит, завтра развлекает, а то скромненько стоит на своем месте, как будто не он смущал, лгал и вещал истины. Посердишься на него немного и опять друзья-приятели. Иногда же он, поистине, заслуживает признания и уважения. А вечные книги — как «Дон-Кихот», «Божественная комедия», «Декамерон», «Библия», «Русские сказки», «Путешествия Гулливера», «Тысяча и одна ночь», — это уже не божки, а настоящие боги. Из новых — все написанное величайшими Диккенсом и Толстым, перед которыми люди — людишки, а писатели — писцы.

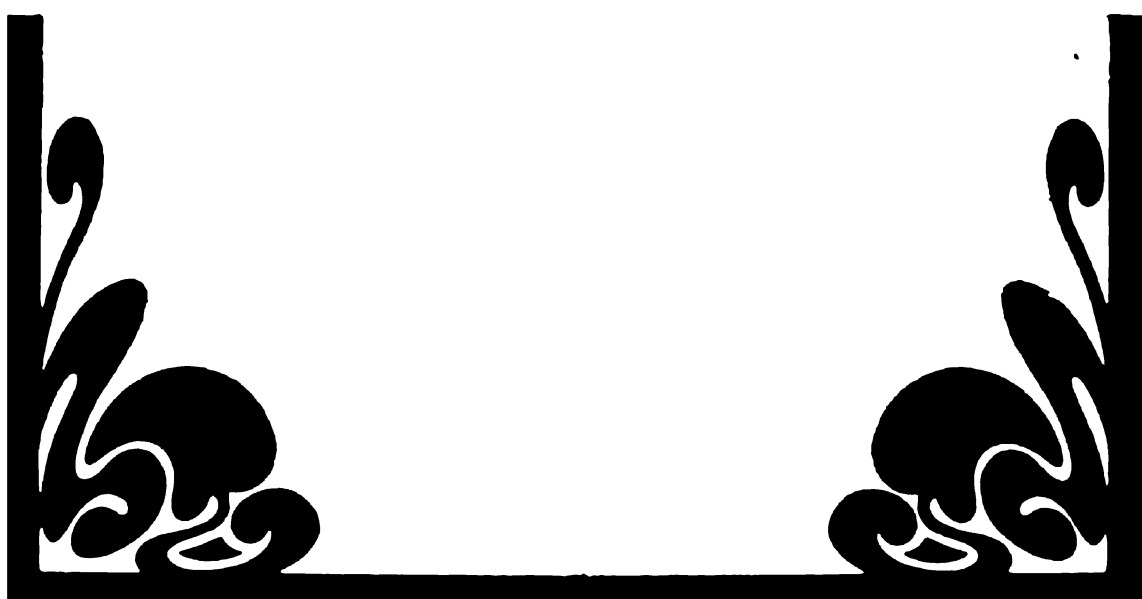
Но, прежде чем идол, — возлюбленная, чаровница, радость, успокоительница в печали, предстательница за нас пред вратами вечности, куда нас не пустят: но посмотреть бы в щелочку, как там и что.

Ей, возлюбленной книге — похвальное слово!

Париж, 1938

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

В. АВЕРИХИН

ЭКСЛИБРИСЫ Г. В. ЮДИНА

Экслибрис Г. В. Юдина работы художника В. А. Боброва

Знаменитый красноярский библиофил Геннадий Васильевич Юдин (1840—1912) собрал одну из самых крупных частных библиотек России. О ней писали неоднократно, поэтому нет необходи-

мости повторяться¹. Хочется рассказать о другом — об экслиб-

¹ Из работ последних лет см. очерк В. Уткова «Судьба одного книгохранилища» в книге «Люди, судьбы, события» (Новосибирск, 1970, с. 41—57).

ЮДИНЫМ

ЮДИНЪ.

арда Гиббона.

Штемпельный знак Г. В. Юдина

рисах Юдина. У него было три книжных знака.

О первом — шрифтовом — упоминает в своем «Описании русских книжных знаков» У. Г. Иваск (Вып. 1-й. Москва, 1905, с. 327): «Книжный ярлык — четырехгранный 36×57 п. тип. одноцветный (на желтой бумаге) с надписью: «Из книг Геннадия Васильевича Юдина №...».

С таким экслибрисом нет ни одной книги в Красноярской краевой научной библиотеке имени В. И. Ленина, где хранится часть собранных Юдиным книг.

Известен еще один книжный знак Г. В. Юдина — сюжетный.

Этот книжный знак был в коллекциях Б. А. Вилинбахова и С. П. Фортинского. Мне он был прислан известным ленинградским коллекционером Н. М. Спиченко. Но ни он, ни С. П. Фортинский не сообщали фамилии художника.

Недавно я получил письмо от новосибирского библиофила И. А. Куцина. Он написал мне, что в сборнике «Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги библиотеки Академии Наук СССР» (М.—Л., «Наука», 1966) О. П. Лихачева в статье «Собрание русских книжных знаков» упоминает о коллекции Е. А. Розенбладта и его известных экслибрисистам описаниях книжных знаков на основе своего собрания.

О. П. Лихачева пишет: «Интересно отметить экслибрис сибирского купца, известного библиофила Г. В. Юдина работы В. А. Боброва, рядом с которым в коллекции Розенбладта помещен экслибрис библиотеки Конгресса, где ныне находится собрание Г. В. Юдина, обозначающий специальную коллекцию Юдина: обычный знак библиотеки Конгресса с над-

писью «Judin collection» (с. 94, коллекция Е. А. Розенбладта).

Биографические данные о В. А. Боброве можно найти в книге «Книжные знаки русских художников» (Петербург, 1922, с.62).

Как известно, в 1907 г. Юдин продал свое собрание библиотеке Конгресса в Вашингтоне и начал собирать новую библиотеку. За пять лет, с 1907 по 1912 (год смерти Юдина), им было собрано около 15 тысяч томов. Две тысячи книг из этой библиотеки находятся сейчас в Красноярской краевой научной библиотеке и составляют так называемый «Юдинский фонд».

На всех книгах, собранных Юдиным во второй раз, стоит простой

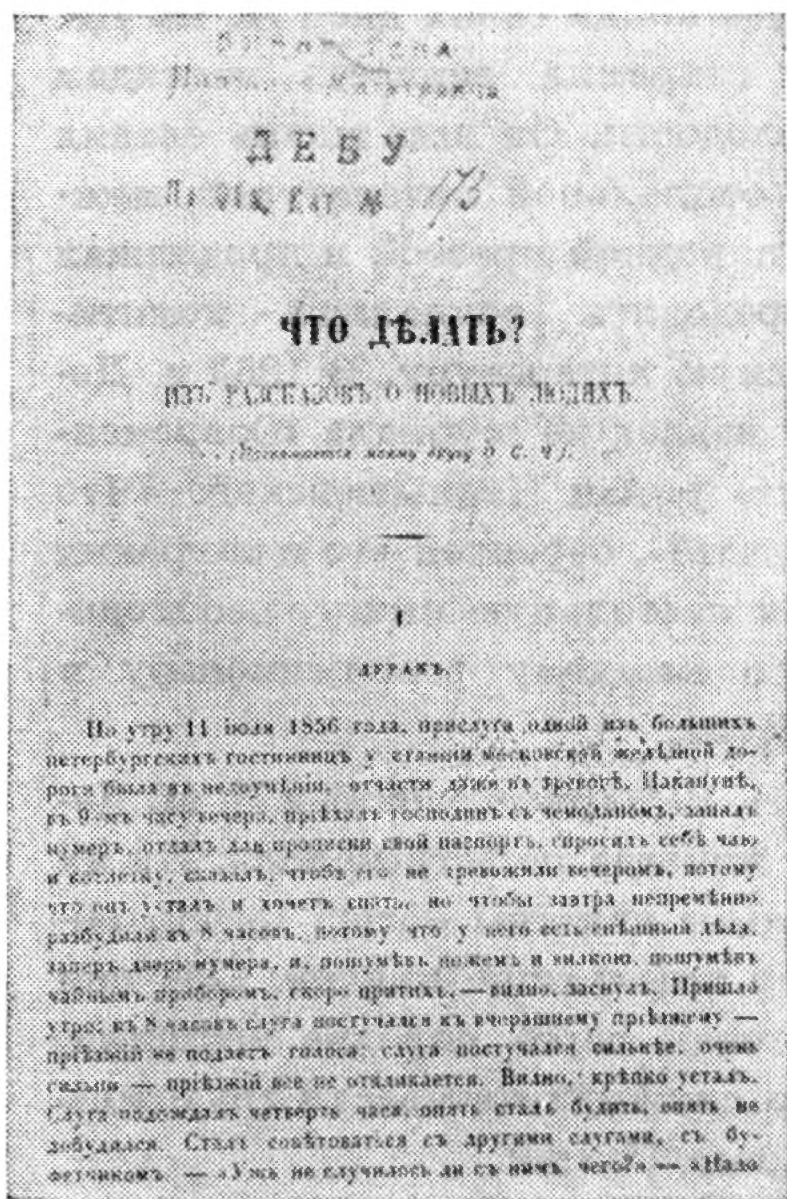
штемпельный знак «Юдинъ». Имеются две разновидности штемпеля: один начинается с заглавной печатной буквы, другой — с прописной. Штемпель располагается на титульном листе и на 13-й странице книги. Оттиски почти везде сделаны красным цветом.

Г. В. Юдин был первым красноярским библиофилом, имевшим шрифтовой и сюжетный экслибрисы. Штемпельные знаки среди сибирских библиофилов были широко распространены. Однако встретить теперь в коллекционном обороте любой юдинский знак — большая редкость.

Красноярск, 1971

В. Н. АЛЕКСЕЕВ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УНИКУМ

Страница книги, принадлежащей И. М. Дебу

В словаре книговедческих терминов Е. И. Шамурина сказано: «Библиографический уникум ...

...экземпляр издания, который имеет какие-либо особенности, делающие его единственным в своем роде».

Об одном таком уникуме я и хочу рассказать.

Московский инженер, большой книголюб и страстный турист, Валерий Ковтун как-то раз, вернувшись из очередного похода по югу России, подарил мне книгу, которую приобрел в городе Николаеве. Книга, невзрачная на вид, в черном переплете, с потертым кожаным корешком и поблекшим золотым тиснением. Раскрываю ее. Она начинается с пятой страницы, на которой напечатано название: «Что делать? Из рассказов о новых людях. (Посвящается моему другу О. С. Ч.)».

На верхней части страницы стоит четкий штамп: «Библиотека Ипполита Матвеевича Дебу. По общему каталогу № 173».

Сразу возникло два вопроса. Что за издание? Кто такой Ипполит Матвеевич Дебу?

История романа «Что делать?» хорошо известна, и повторять ее мы не будем. Она подробно описана в книге В. Г. Смолицкого «Из равелина», вышедшей в 1968 г. Скажем только, что роман печатался в нескольких номерах некрасовского «Современника» за 1863 г. На роман был наложен цензурный запрет, и до 1905 г. в России он не выходил отдельным изданием. Номера «Современника» с текстом «Что делать?» сохраняли, переплетали, передавали из рук в руки... Приобретенная В. Ковтуном книга и была таким журнальным экземпляром.

Не составило труда найти сведения и об Ипполите Матвеевиче Дебу. В первом томе библиографического словаря «Деятели революционного движения в России» говорилось, что Дебу Ипполит Матвеевич, губернский секретарь, чиновник Министерства иностранных дел. Родился в старой французской семье. Окончил Петербургский университет. В апреле 1849 г. арестован за участие в обществе Петрашевского и был первоначально приговорен к смертной казни... Переводил Энгельса и Каутского (работы Энгельса и Каутского в переводе Дебу были изданы его сыном в 1906 г.).

Ипполит Матвеевич Дебу был

одним из первых фурьеристов России. На обеде петрашевцев 7 апреля 1849 г., устроенном в память Фурье, он был избран главным редактором предстоящего перевода «Теории всемирного единства» Фурье. Его деятельность прокладывала путь в России для Чернышевского, на которого теоретические взгляды Фурье имели большое влияние. Дебу был приговорен к двум годам арестантских работ.

До конца своих дней И. М. Дебу сохранил верность взглядам молодости. Он всю жизнь следил за социальной литературой, международной прессой и продолжал переводить социально - политическую литературу. В 1863 г. Дебу извлек из журнала «Современник» роман Чернышевского «Что делать?», переплел его и сохранил как настольную книгу, необходимую каждому революционеру в России.

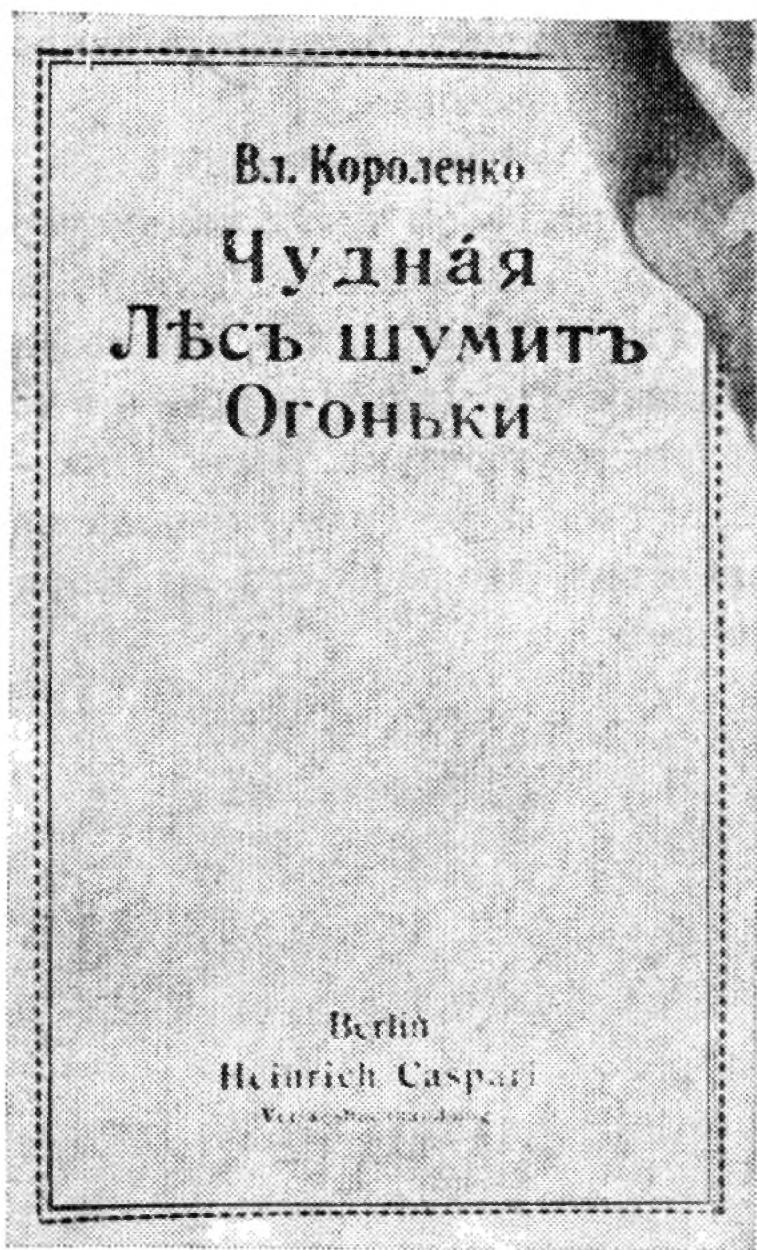
Н. Г. Чернышевский и И. М. Дебу никогда не встречались. Но их судьбы связаны общей идеей, общей жизненной школой. Оба они прошли через царские застенки, оба служили интересам трудового народа России.

Об этой связи двух революционеров рассказывает книга под инвентарным номером 173.

Москва, 1972

И. ГОНЦА, Б. ЧЕЛЫШЕВ

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК И ОБГОРЕВШАЯ КНИГА

Обложка обгоревшей книги
Вл. Короленко

В Германии горели костры. Убивали людей. Убивали книги. И книга, привыкшая к тихой человеческой речи, услышала крики, сто-

ны, выстрелы. Пришел час, когда и ее принесли на площадь к костру. Она должна была умереть потому, что была русской. В темной ночи, в ярких вспышках пламени голубоватая книга пропиталась призрачным красным светом. И осталась жить. Ее спасли другие книги, прикрыв своей тяжестью. Это было чудо: листы, прижатые друг к другу, не сгорели. Лишь черный шрам сверху остался памятью о позорном суде. Ветер и дождь через несколько дней развеяли и смыли пепел. Какой-то смельчак подобрал уцелевшую книжицу.

...Скупые строчки пожелтевшего дневника гвардии старшего лейтенанта Панфилова:

«22 февраля 1945 г. Теперь, видимо, начинается для меня жизнь тыловая, так как признали ограниченно-годным из-за тяжелого ранения в позвоночник. В резерве сказали, что направят на запад. Лишь бы поближе к фронту и поскорее».

«6 марта 1945 г. 4 часа утра. Дежурю в комендатуре. Приходят

сотни людей с самыми неожиданными вопросами».

«8 марта 1945 г. Опять дежурю. Работы — уйма! Загорелся дом рядом с музеем Кутузова. Все обошлось благополучно. Познакомился с одним немцем. Интересный старик. Разговор по-немецки. Этот человек понравился мне своим кругозором, культурой, начитанностью...»

«11 марта 1945 г. 24 часа. Дежурю. И опять пожар. Когда кончатся эти пожары? Вчера приходил в комендатуру тот старик. Принес мне обгоревшую книгу Короленко. Читал ночью. Интересно, как она сохранилась, жаль, что не спросил».

«22 марта 1945 г. Бурное дежурство. Нет ни минуты времени. Час назад у самой комендатуры открыли стрельбу. Оказалось, что стреляли по машине, которая не остановилась по требованию ко-

мендантского патруля. Вчера заходил старик. Узнал прелюбопытную историю о книге Короленко: оказывается, он вытащил ее в 1939 г. из потухшего костра. Молодец, старик!» —

И вот книга перед нами. На обложке с обгоревшим краем: «Вл. Короленко. „Чудная. Лес шумит. Огоньки“. Berlin Heinrich Caspari Verlagsbuchhandlung.»

К книге приложено письмо доцента Астраханского педагогического института Василия Макаровича Панфилова:

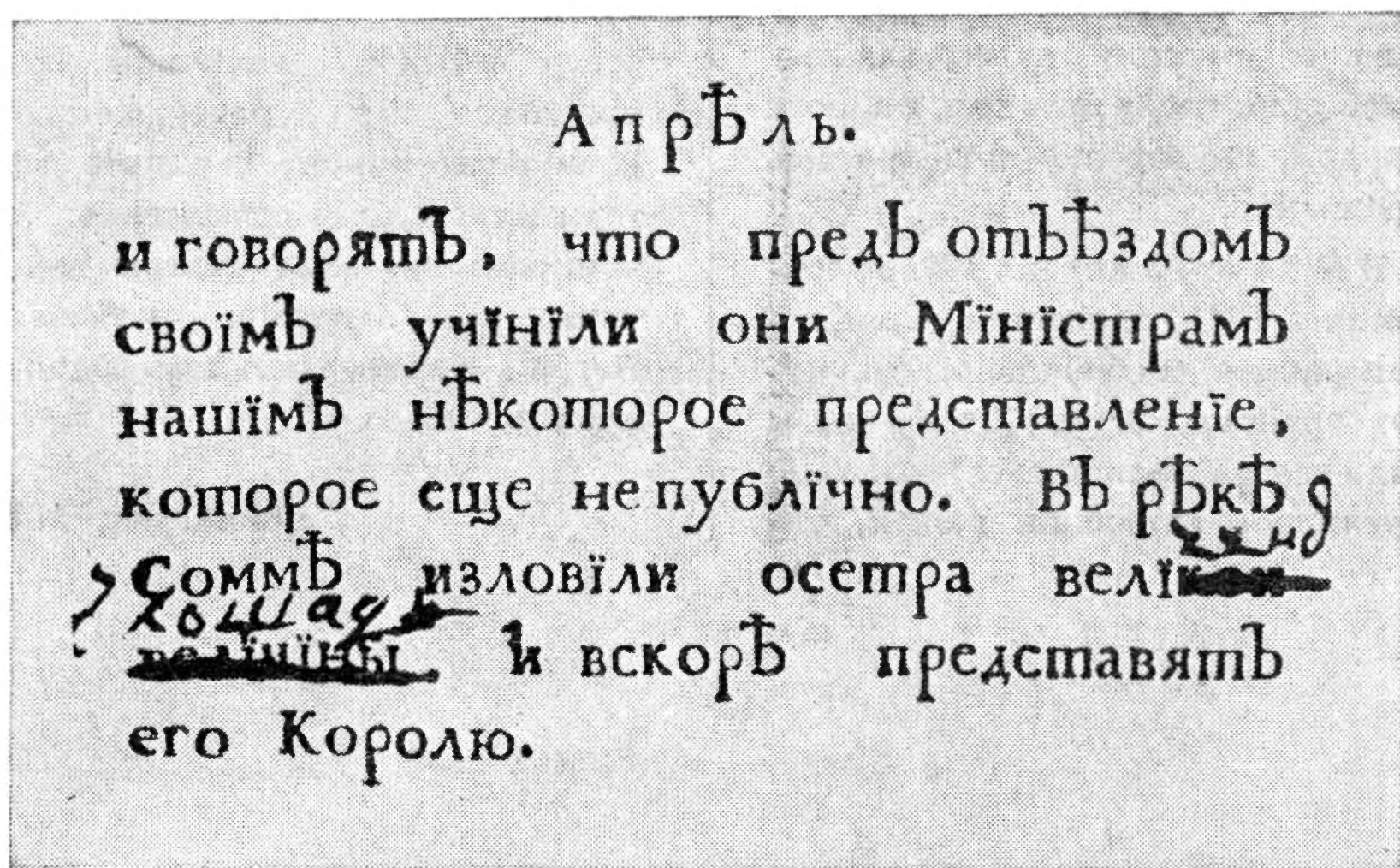
«Уважаемые товарищи!

Я с интересом читаю ваши очерки о редких книгах. Примите на память от меня книгу, привезенную из Германии. Носил ее и в чемодане и в рюкзаке. Берег. Она — тоже боевой ветеран, прошла через огонь. Но ведь это же Короленко!»

Кишинев, 1971

Т. БЫКОВА

КОРРЕКТУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «ВЕДОМОСТЕЙ» 1725 г.

Экземпляр «Ведомостей» с корректурной правкой

Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина обладает наиболее полным комплектом первой русской газеты «Ведомости» за 1703—1727 гг., когда газета издавалась Посольским приказом и печаталась в Санкт-петербургской типогра-

фии. Ряд выпусков газеты имеется в нескольких экземплярах, некоторые из них корректурные, иногда разные экземпляры содержат следы последовательной правки.

Пополнением к коллекции Публичной библиотеки являются кор-

ректурные экземпляры газеты, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов. В том же архиве в делах кабинета Петра I хранится переплетенный том «Ведомостей» за 1724—1727 гг., принадлежавший Петру I и Екатерине I. В нем нет корректурных правок, включены только окончательные варианты. Внимательный просмотр исправлений может дать материал для истории орфографии и показать, как постепенно вырабатывался русский язык, заменялись одни слова другими, с каким трудом, неуверенно подбирались сравнения.

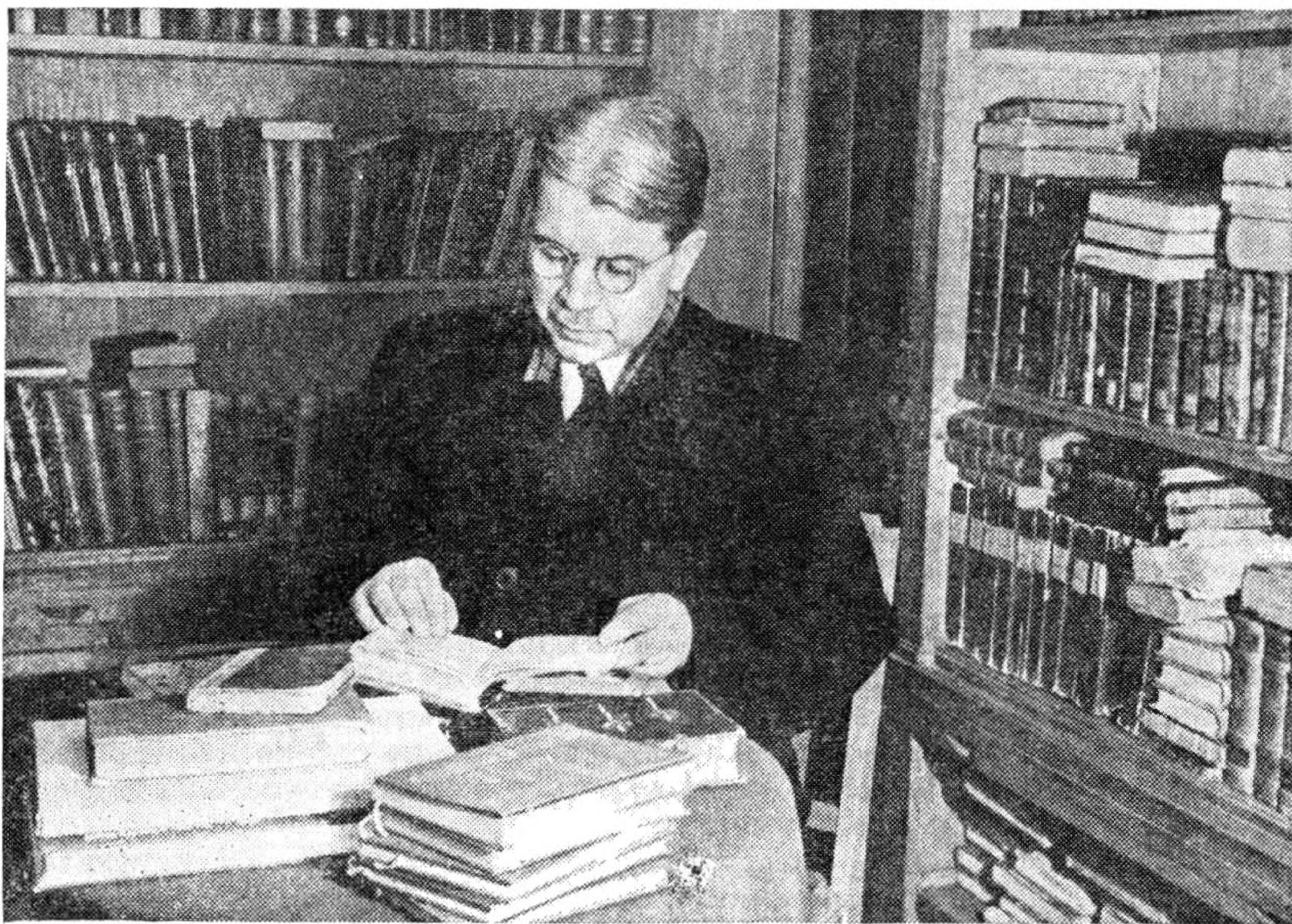
В № 14 от 23 апреля 1725 г. (экземпляр ГПБ) на шестой странице напечатано сообщение о том, что во Франции «В реке Сомме изловили осетра великой величины...». Очевидно, справщик нашел, что

это не дает представления о размере рыбы и переправил чернилами: «величиною с лошадь». Дальнейшую судьбу этого исправления можно проследить по экземпляру Центрального государственного архива древних актов. Сравнение осетра с лошадью вычеркнуто, и сбоку подклеена бумажка с надписью: «Объявить директору господину. Ибо осетр не в пример лошади. Лошадь с ногами, а у осетра ног нет. А мое мнение тако написать: «В реке Сомме изловлен осетр великой величины. Сие придается к рассуждению». В окончательном варианте восторжествовало стремление к конкретному определению величины: в экземпляре кабинета Петра I в тексте осталось сравнение с лошадью.

Ленинград, 1971

[А.Л. ЛЕСС]

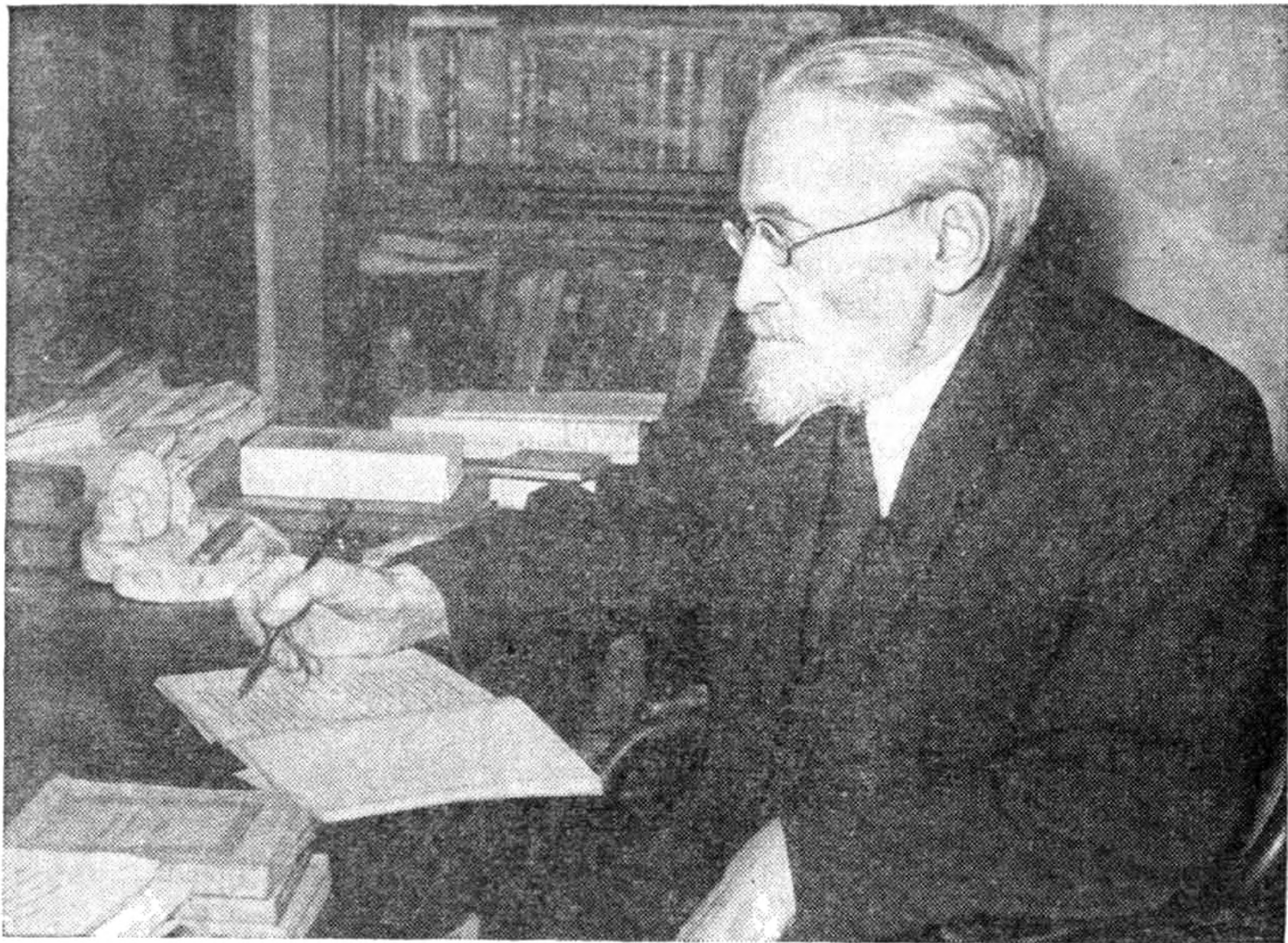
С ФОТОАППАРАТОМ

1

Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов был страстным книголюбом. Его огромная, тщательно подобранная библиотека считалась едва ли не лучшей в Москве.

Я часто встречал Сергея Ивановича в букинистическом отделе магазина «Академкнига» на улице Горького. Обычно он приходил сюда по воскресеньям и проводил в магазине несколько часов. Здесь, в маленькой комнатке на антресолях, Сергей Иванович предавался своей любви, с

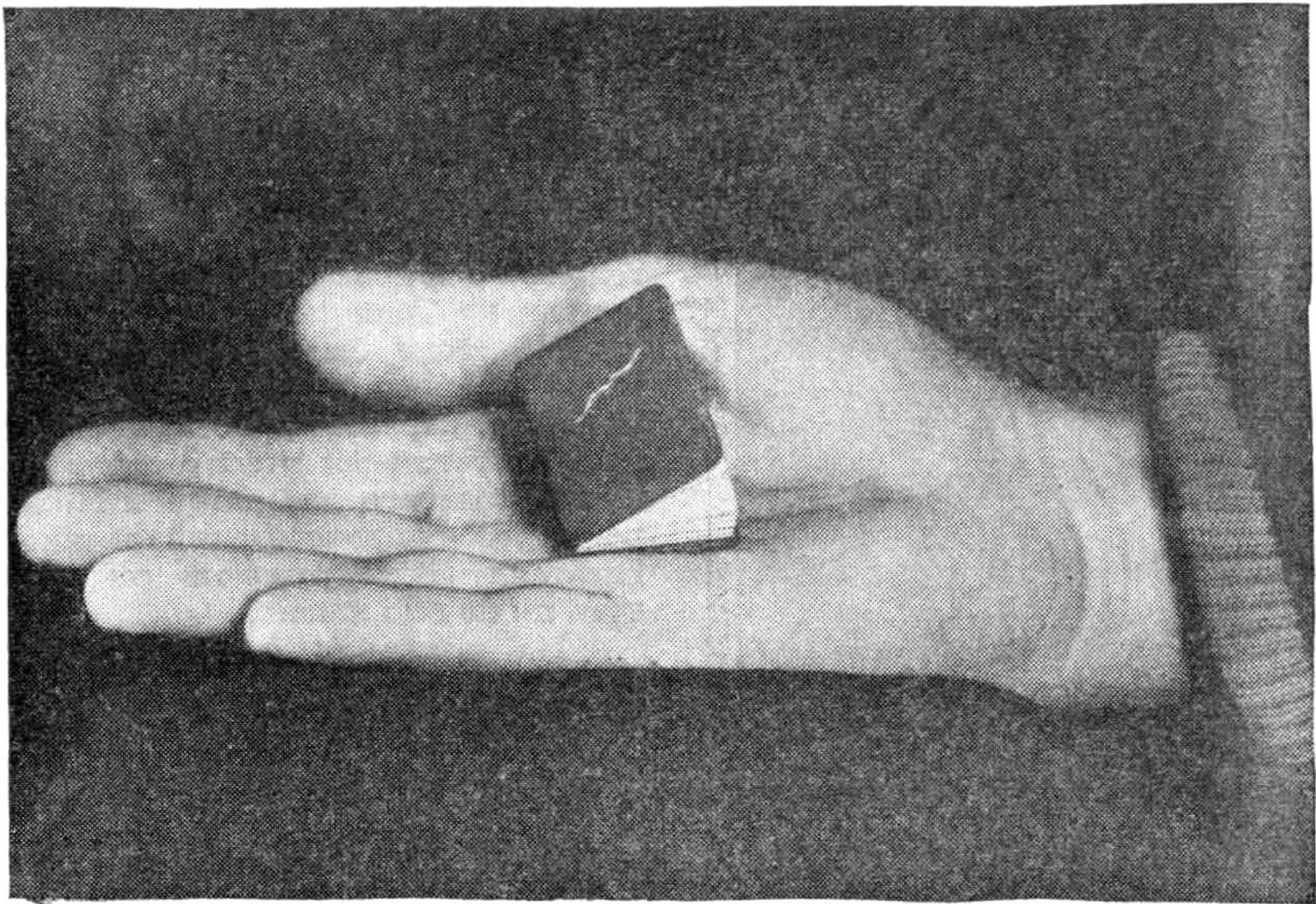

2

увлечением роясь в старинных книгах и с интересом рассматривая книжные редкости, которые иногда припасал для него директор магазина милейший Борис Ефимович Рыбаков. Помню, как обрадовался Сергей Иванович, когда однажды ему посчастливилось приобрести «Физику» Аристотеля, изданную в 1486 г., и «Арифметику» Леонтия Магницкого. С сияющим лицом он положил в портфель драгоценную покупку, не спеша вышел из магазина и медленно направился вверх по улице Горького: по дороге к дому было еще довольно много книжных магазинов, и в каждом он должен был непременно побывать.

На снимке 1: С. И. Вавилов просматривает книги в букинистическом отделе магазина «Академкнига».

Несколько лет назад случилось мне побывать в Ленинграде у старейшего ученого-литературоведа, доктора филологических наук В. А. Десницкого. В рабочем кабинете Василия Алексеевича я увидел гордость ученого: его библиотеку. Это было воистину удивительное собрание! Ученый собирал его неумоимо и настойчиво в течение более полувека, собирал в антикварных лавках старого Петербурга, на развалах в букинистических магазинах, у специалистов-библиофилов, у частных лиц. Василий Алексеевич показал мне книжные редкости — инку-

3

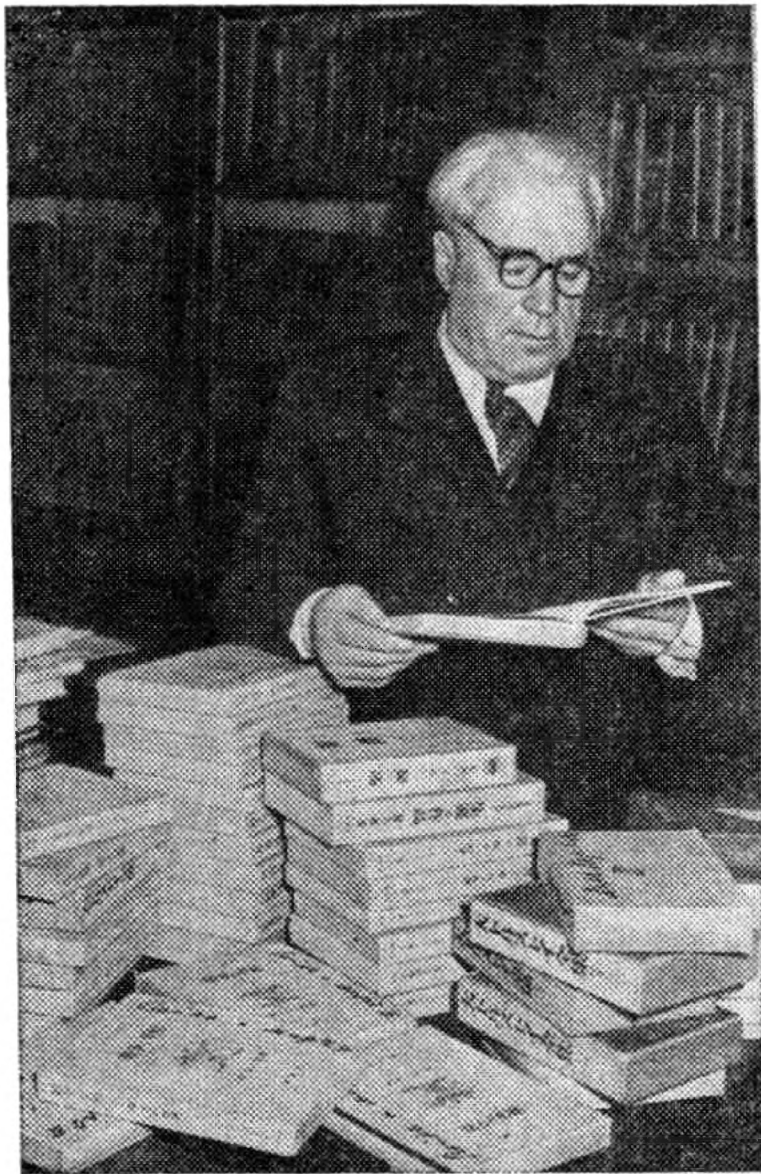
набулы, редчайшие издания XVI, XVII, XVIII и XIX вв., большое собрание первых прижизненных изданий классиков русской и зарубежной литературы: Державина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Гейне, Диккенса, Гюго, Мериме, Стендаля, — много книг с автографами писателей. Было и странно, и приятно держать в руках, рассматривать, перелистывать страницы книг, которые когда-то держали в своих руках, рассматривали, листали Гоголь, Чернышевский, Гончаров, Толстой...

На снимке 2: Василий Алексеевич Десницкий в рабочем кабинете.

Сороковую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции Гослитиздат и типография «Красный пролетарий» ознаменовали памятным подарком. Была выпущена первая в истории советской художественной литературы книжка-малютка. В нее вошли два стихотворения в прозе М. Горького — «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». Размер книжки — меньше спичечной коробки. Она напечатана в две краски и заключена в изящный кожаный переплет. В ней помещено восемь гравюр, исполненных известными художниками-графиками В. Бибиковым, А. Гончаровым, Г. Кудрявцевым и В. Ростовцевым.

Крайне ограниченный тираж (насколько мне помнится, всего-навсего 300 экземпляров!) повышает коллекционную ценность книжки и делает ее предметом мечтаний каждого истинного книголюбца.

На снимке 3: книжка-малютка.

4

В один из теплых, безветренных дней осени 1960 г. я приехал в Ясную Поляну.

Директора музея-усадьбы А. И. Поповкина я увидел в его кабинете.

— Вы удачно приехали, — сказал он. — Посмотрите-ка, какой удивительный сюрприз мы только что получили из Токио!

На столе были разложены 46 томов сочинений Льва Николаевича Толстого, переведенных на японский язык почитателем и знатоком творчества Толстого литератором К. Хара. Переводу произведений «великого писателя земли русской» он отдал чуть ли не всю жизнь.

На снимке 4: А. И. Поповкин просматривает это уникальное издание.

Двадцать восемь лет назад, 5 мая 1943 г., в разгар войны, на Тверском бульваре в Москве открылся книжный базар. С начала войны он проводился впервые, и потому интерес к нему был особенно велик. Фронтовики — летчики, моряки,

танкисты, случайно оказавшиеся в этот день в Москве, книголюбые, чья страсть к книге не охладела даже в годы войны, школьники переходили от киоска к киоску, с увлечением рассматривая книжные новинки.

Особенно многолюдно было у прилавков, где продавали свои книги Алексей Толстой и Сергей Михалков.

Каждому покупателю они дарили автограф. Получил и я в тот день автограф Алексея Николаевича, но он недолго украшал мою библиотеку — кто-то «зачитал» книгу с автографом.

На снимках 5, 6: Алексей Николаевич ставит свою подпись на трилогии «Хождение по мукам», а С. Михалков, надписывает книгу «Моя улица».

5 мая 1949 г. в Центральном доме литераторов состоялся традиционный книжный базар, посвященный Дню большевистской печати. Он привлёк множество москвичей — любителей книги. Сбор пошел в фонд помощи детям-сиротам, отцы которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Как только Всеволод Вишневский разрезал ленточку, к прилавкам хлынули покупатели.

Успеху базара во многом содействовали выдающиеся артисты эстрады, остроумно и весело проводившие аукцион.

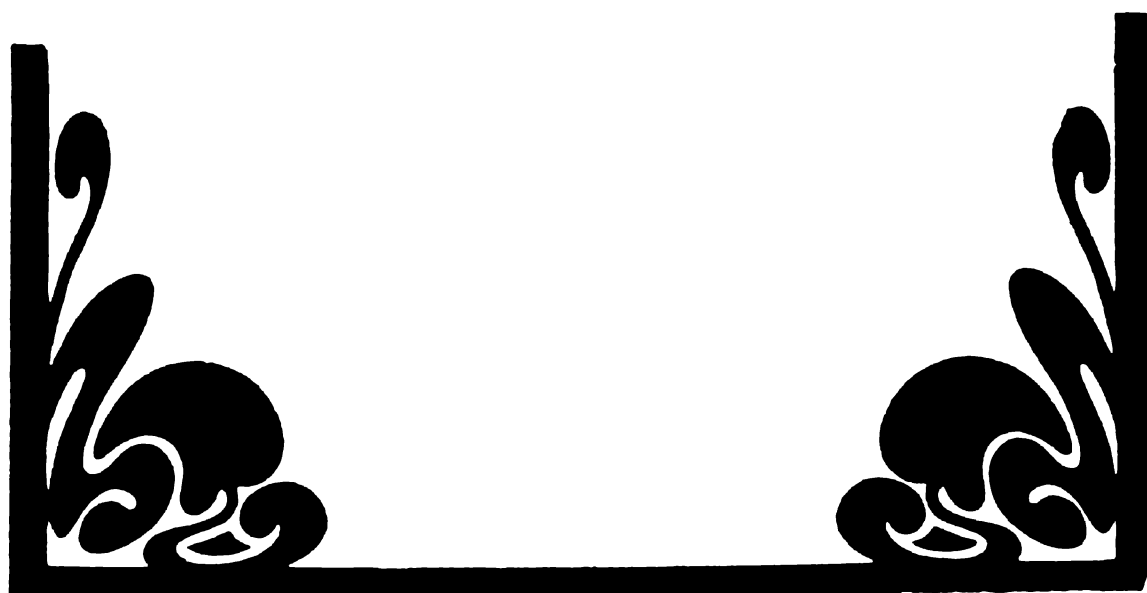

7

На снимке 7: И. А. Андроников, Э. Каминка, А. Первенцев, Н. Смирнов-Сокольский и М. Гаркави у книжного прилавка.

ХРОНИКА

50 ЗАСЕДАНИЙ КЛУБА КНИГОЛЮБОВ ЦДЛ

В группу, приступившую в конце 1965 г. к организации клуба книголюбов при Центральном Доме литераторов в Москве, вошли: Виктор Борисович Шкловский, Ираклий Луарсабович Андроников, Абрам Рувимович Палей и консультант Союза писателей по издательским делам Семен Александрович Ляндрес. Их инициативу поддержал директор ЦДЛ Борис Михайлович Филиппов.

В пригласительных билетах на первое заседание было написано: «Мы хотим совместными усилиями и с помощью знатоков-книговедов ознакомиться с личными и государственными книжными собраниями, побольше узнать о судьбах наиболее интересных редких книг, глубже вникнуть в вопросы издательского дела, быть в курсе новостей отечественной и зарубежной полиграфии, встречаться с художниками книги, учеными-библиографами и т. д.»

1. 8 февраля 1966 г. Обсуждение статута клуба. Кое-что о редкой

советской книге. Сообщение С. А. Ляндреса.

На первом заседании под председательством К. Левина присутствовало 40 человек: писатели и гости, приглашенные на открытие клуба. Ляндрес продемонстрировал ряд советских изданий, ставших раритетами.

И. Л. Андроников отметил удачное начало работы клуба. В. Г. Лидин говорил о том, что клубу предстоит завоевать авторитет среди писателей, и предложил начать не с докладов, а с выставок, аттракционов, вечеров обмена книгами. Б. М. Филиппов говорил о том, что книголюбом можно считать каждого писателя, знающего и любящего книгу. Е. А. Таратута предложил помогать писателям доставать нужные книги, привлекать к работе в клубе широкую аудиторию.

На первом заседании было принято «Положение о работе клуба книголюбов при ЦДЛ»: «основная задача клуба заключается в том, чтобы объединить писателей —

любителей книги, не только собирателей книг, но и просто проявляющих внимание к судьбам наиболее интересных редких изданий, к вопросам истории книги, стремящихся глубже проникнуть в вопросы издательского дела, быть в курсе новостей отечественной и зарубежной полиграфии, желающих встречаться с художниками книги, учеными библиографами и т. д. Участниками собраний клуба могут быть помимо писателей лица, присутствие которых полезно для задач, поставленных клубом. Деятельностью клуба руководит Совет, утвержденный Правлением ЦДЛ. Клуб работает на основе плана, утвержденного Советом, опираясь в своей деятельности на аппарат библиотеки и библиографического кабинета ЦДЛ».

В первый Совет клуба книголюбов вошли: И. Л. Андроников, Л. Я. Боровой, Е. А. Гунст, С. А. Ляндрес, А. Р. Палей, В. К. Покровский, Е. А. Таратута, А. В. Храбровицкий, Б. М. Филиппов, В. Б. Шкловский. Первым председателем был В. Б. Шкловский, а его заместителями Л. Я. Боровой и С. А. Ляндрес.

2. 5 марта 1966 г. Как я собирал библиотеку. Сообщение В. Б. Шкловского.

И. Л. Андроников высказал мысль, что библиотека, собранная Шкловским, позволяет понять литературный процесс.

3. 4 апреля 1966 г. Моя рабочая библиотека. Сообщение Е. А. Тара-

туты. Как я собирал библиотеку о В. Г. Короленко. Сообщение А. В. Храбровицкого.

Основное богатство библиотеки Е. А. Таратуты, автора работ о Войнич и о Степняке-Кравчинском, составляют издания произведений этих двух писателей и литературы о них.

Храбровицкий остановился на наиболее замечательных изданиях своего собрания. Он продемонстрировал редкую книгу, содержащую сведения о том, как молодая Крупская была учительницей в доме Короленко.

4. 16 мая 1966 г. Какой же будет книга будущего. Сообщение И. Н. Кобленца.

Кобленц — один из старейших советских библиографов, выполнявший библиографические поручения В. И. Ленина, автор трудов по истории библиографии — рассказал о перспективах применения «малой» оперативной безнаборной полиграфии.

5. 31 октября 1966 г. Поэзия 20-го века (библиотека А. К. Тарасенкова). Сообщение М. И. Белкиной.

Белкина — вдова критика — рассказала о том, как самоотверженно А. К. Тарасенков создавал свою библиотеку, в каких трудных условиях приходилось хранить книги.

О подвиге Тарасенкова-собираателя, о том, какова должна быть библиотека писателя, говорили Л. И. Скорино, Д. Данин и др.

6. 21 ноября 1966 г. О художни-

ках книги 20-х годов. Сообщение К. М. Бурова.

Главный художник издательства «Советский писатель» К. М. Буров, много сделавший для того, чтобы советская книга стала произведением искусства, обладает коллекцией книжных обложек 20-х годов. Буров продемонстрировал множество работ из своей коллекции, в основном московских и некоторых периферийных графиков.

7. 26 декабря 1966 г. Над чем работает отдел редких книг Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Сообщение Б. И. Козловского.

Заведующий отделом редких книг Ленинской библиотеки познакомил писателей с историей, составом и работой отдела.

8. 30 января 1967 г. Библиофильство и наука. Сообщение О. Г. Ласунского.

Воронежский книговед прочел отрывки из книги, над которой работал, и очерк о М. И. Чуванове.

9. 8 февраля 1967 г. Книга в процессе работы писателя над книгой. Сообщение В. А. Каверина.

Выступление Каверина было направлено против бытующей среди некоторых литераторов точки зрения, что творчество должно исходить исключительно «от нутра», что писатель должен избегать книги. Говорил о том, что чтение выработывает у писателя вкус.

10. 27 марта 1967 г. Книга, рожденная Октябрем. Вера Хоружая и ее «Письма на волю». Сообщение

С. С. Кэмрада. Редкие книги о Москве. Сообщение А. Д. Иерусалимского.

С. С. Кэмрад рассказал об истории создания книги.

С воспоминаниями о Вере Хоружей выступили ее друзья — М. Л. Златогоров и др.

Библиотекарь читальни им. Тургенева А. Д. Иерусалимский познакомил с некоторыми редкими книгами о Москве, хранящимися в фонде читальни.

11. 10 апреля 1967 г. Поэзия и география. Сообщение С. Н. Маркова.

С. Марков, поэт, романист и ученый, составил обширную картотеку книг по географии и путешествиям. Он рассказал о своей первой встрече с книгой, положившей начало его увлечению Востоком и географией, о поисках старинных библиотек Сибири и Средней Азии, об архивных разысканиях и находках, о том, как найденные сведения нашли отражение в его стихах.

Географ Н. Н. Матвеев-Бодрый охарактеризовал книгу Маркова «Земной круг» как выдающееся явление в географии, и вместе с тем, книгу поэтическую.

12. 24 апреля 1967 г. Работа над книгой о В. И. Ленине. Сообщение Б. В. Яковлева.

На ряде примеров исследователь рассказал о своем методе работы, в котором сочетались библиографические разыскания и научный анализ.

13. 9 октября 1967 г. Как создавалась книга П. Д. Малькова «Записки коменданта Московского Кремля».

Сообщение А. Я. Свердлова.

Кандидат исторических наук Свердлов рассказал о том, как эти воспоминания были написаны. Свердлов литературно обработал их и проверил по документам.

14. 20 ноября 1967 г. Рождение Государственного издательства СССР.

Сообщение С. М. Алянского.

С. М. Алянский — основатель издательства «Алконост» (1920-е годы) — рассказал о книгах, которые выпускало издательство, о первой попытке издать А. Блока в Государственном издательстве, о своей встрече с И. И. Ионовым. Воспоминаниями об Ионове поделился старейший работник Госиздата Н. Н. Накоряков. Он рассказал о первой выставке советской книги, организованной в Италии.

15. 11 декабря 1967 г. О рукописи Натальи Дорошевич «Жизнь Власа Дорошевича». Сообщение В. Г. Лидина.

Лидин рассказал историю рукописи. Дочь известного фельетониста, Н. Дорошевич, продиктовала свои воспоминания уже будучи смертельно больной. Ее воспоминания о Шаляпине и Рахманинове были опубликованы.

Заслуженная артистка РСФСР Л. А. Коушкова прочла отрывки из рукописи.

16. 29 января 1968 г. Жизнь в поэзии (И. Н. Розанов, его книги и библиотека). Сообщения К. А. Марцишевской и Е. И. Осетрова.

Осетров говорил, что уникальная библиотека, созданная Розановым, была подсобным цехом в его исследовательской работе. Боровой зачитал письмо Андроникова о том, что дар вдовы писателя — Марцишевской всего собранного музею А. С. Пушкина равен подвигу собирания. Марцишевская рассказала, что состав и характер библиотеки определяются принципиальными научными установками Розанова. Он считал, что для изучения литературного процесса надо заниматься не только общепризнанными, но и малоизвестными, неизвестными и забытыми поэтами. Отсюда стремление к полноте собрания. Второе — необходимость знакомства с поэтом по прижизненным изданиям. Отсюда — стремление собрать прижизненные издания.

Директор музея Пушкина А. З. Крейн считает, что розановское собрание можно считать пушкинским, так как это предшественники, современники и последователи поэта. Оно по праву заняло место в новом музее.

17. 11 марта 1968 г. Н. П. Смирнов-Сокольский и его книга «Моя библиотека». Сообщение В. И. Безъязычного и воспоминания С. П. Ближниковской.

Безъязычный охарактеризовал Н. П. Смирнова-Сокольского как классический тип библиофила-уче-

ного. Возникновение жанра, в котором написаны «Рассказы о книгах», он видит в произведениях Крачковского. Близниковская, вдова писателя, прочитала свои воспоминания.

18. 18 марта 1968 г. Личная библиотека А. М. Горького. Сообщения А. Д. Смирновой и И. И. Соколовой.

Сотрудницы музея-квартиры А. М. Горького, Смирнова и Соколова, познакомили с библиотекой А. М. Горького, И. С. Нович, рассказали о горьковском книголюбии.

19. 15 апреля 1968 г. Букинисты в гостях у писателей. Сообщения С. Е. Поливановского, Н. П. Нарского, воспоминания Л. А. Глезера, Н. А. Старицына, А. И. Фадеева.

Директор Москниги Поливановский рассказал о своем собрании материалов по истории Москвы. О современном состоянии букинистической торговли сообщил Н. П. Нарский. Старейший букинист Глезер поделился воспоминаниями о своих встречах в годы работы у Китайской стены, Старицын — о своих первых шагах книгопродавца.

20. 20 мая 1968 г. Из истории Советского издательства. Рассказы Н. Н. Накорякова.

Н. Н. Накоряков, один из авторов первого учебника по книжной торговле, рассказал о первых годах работы в Госиздате, о том, как вся редакция художественной литературы разбирала мешки с ру-

копиями, принесенными Есениным.

* * *

Скончался заместитель председателя Совета клуба Семен Александрович Ляндрес.

В 1968 г. Правление Центрального Дома литераторов утвердило новый состав Совета. Председателем был выбран Л. Я. Боровой. В Совет вошли: зам. председателя Е. И. Осетров, члены Совета К. М. Буров, А. И. Гессен, Е. А. Гунст, М. М. Клевенский, Н. И. Мацуев, А. Р. Палей, А. М. Турков.

* * *

21. 9 октября 1968 г. «Лениниана» В. Н. Алексеева. Сообщение В. Н. Алексеева и выставка из его собрания.

В. Н. Алексеев, один из старейших московских букинистов, познакомил со своей коллекцией, посвященной В. И. Ленину. На выставке были представлены книги В. И. Ленина, «Первые публикации воспоминаний соратников о Ленине», «Книги из истории революционного движения в России», «Материалы по истории большевистской партии», марки, экслибрисы, нагрудные значки, книжные закладки с изображением В. И. Ленина.

Заведующая отделом редкой книги Исторической библиотеки Н. Ф. Чернышева высоко оценила коллекцию, сказав, что подобные собрания — большое подспорье для государственных библиотек.

22. 29 ноября 1968 г. Кто наш

читатель? (первые итоги социологического исследования читательских интересов). Выступления В. Д. Стельмах, Н. Е. Добрыниной, В. Я. Канторовича, А. Н. Рубакина, Л. И. Лазарева, В. П. Соколова.

Авторы книги «Советский читатель» сделали первую попытку разработать методологию изучения читательских интересов. Лазарев сказал, что эта работа положила начало изучению различных читательских интересов. Эту же мысль развили Канторович и Соколов. Рубакин считает, что нельзя разобратся в вопросах социологии читателя, оставляя в стороне читательскую психологию. В заключительном слове Добрынина и Стельмах сказали, что задача их социологической работы — установить место книги в системе средств массовой коммуникации.

23. 13 декабря 1968 г. Курьезные издания начала века. Сообщение Л. И. Славина.

Сообщение Л. И. Славина было позднее опубликовано в журнале «Простор» (1971, № 5).

24. 3 января 1969 г. Кинофильмы из истории русской книги. Встреча с кинодраматургом Е. Р. Вейсманом. Сообщение Г. А. Новицкого. Демонстрация фильмов.

Заседание было проведено совместно с творческим объединением драматургов. К. Минц рассказал о 40-летней работе Вейсмана, историка, драматурга и сценариста. Профессор МГУ Г. А. Новицкий охарактеризовал фильмы Вейсма-

на «Первопечатник Иван Федоров», «Судьба одной книги», «Подвиг», «Сказание о граде Китеже» как результат серьезной научной работы над историческими источниками.

В заключение были показаны эти фильмы.

25. 10 февраля 1969 г. «А. В. Луначарский. Неизданные материалы», 82-й том «Литературного наследства». Сообщение Н. А. Трифонова.

Трифонов рассказал о содержании этого тома. Художница Е. М. Бебутова, вдова художника Павла Кузнецова, поделилась воспоминаниями о Луначарском, рассказала, как им была организована выставка работы П. Кузнецова — первая советская выставка за рубежом.

26. 24 февраля 1969 г. Основоположник науки о читателе — Николай Александрович Рубакин. Сообщение А. Н. Рубакина.

Рубакин говорил, что его отца всю жизнь интересовало взаимоотношение писателя, читателя, книги. В своих популярных трудах он стремился дать максимум знаний для народа.

С воспоминаниями о Н. А. Рубакине выступил Кобленц.

27. 10 марта 1969 г. Одна книга — три художника (иллюстрации трех художников к книге Е. Исаева «Суд памяти»). Сообщения Дм. Бисти, Н. Гришина, В. Медведева и Е. Исаева.

Художники Гришин (изд-во

«Молодая гвардия»), Бисти (Гослитиздат), Медведев («Советский писатель») рассказали о своей работе над оформлением поэмы. Поэт Е. Исаев говорил, что считает художников своими соавторами и счастлив этим содружеством. В заключение Исаев прочел отрывки из поэмы.

28. 24 марта 1969 г. Как мы начали собирать книги. Сообщения А. И. Маркушевича, В. Н. Терновского, Б. Я. Шиперовича, Ю. Ф. Шульца.

Заседание было посвящено счастливой судьбе книг, попавших в руки библиофилов. Маркушевич рассказал о своей первой учительнице библиофилии Е. Э. Ериванцевой, о научных трудах, создать которые помогла его библиотека.

Главный библиограф «Советского писателя» Б. Я. Шиперович рассказал о встречах с В. Д. Бонч-Бруевичем, покупавшем книги для В. И. Ленина.

По мнению В. Н. Терновского, подлинный интерес к книге приходит в зрелости. Он рассказал о встречах со старинными книгами, о подготовке переводов и их издании. Переводчик «Солернского кодекса здоровья» Ю. Ф. Шульц прочел отрывки из этой книги.

29. 7 апреля 1969 г. Пути «Конька-Горбунка». Сообщение В. Г. Уткова.

В. Г. Утков, автор книги «Дороги „Конька-Горбунка“», рассказал о сложной судьбе сказки П. П.

Ершова, об истории создания своей книги. Осетров и Накаряков высоко оценили работу Уткова.

Обладатель уникальной коллекции изданий «Конька-Горбунка» Н. И. Суровежин продемонстрировал ряд книг из своей коллекции.

30. 21 мая 1969 г. Нужная книга под рукой. Сообщение С. С. Наровчатова.

Поэт Наровчатов рассказал, как он собирал библиотеку, какие книги он считает необходимыми для своей работы.

31. 2 июня 1969 г. Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Сообщения Л. И. Кунецкой и Ю. П. Шарапова.

Научный сотрудник кабинета и квартиры В. И. Ленина в Кремле Кунецкая рассказала об истории библиотеки. Журналист Шарапов рассказал о своей работе над темой «Ленин как читатель». Он говорил о ленинской культуре чтения, о его литературных вкусах.

32. 8 октября 1969 г. Книга Германской Демократической Республики. (К 20-летию образования ГДР). Сообщение Л. В. Гинзбурга и экскурсия по выставке.

Заседание было посвящено организованной в ЦДЛ выставке книг ГДР. Гинзбург кратко рассказал об издательской деятельности ГДР. Представитель Министерства культуры ГДР тов. Гофман сказал, что в его стране возникла новая издательская деятельность, глубоко оптимистическая, стремящаяся изменить мир к лучшему. В заключение был показан цветной

фильм «ГДР — страна книг» и организована экскурсия по выставке.

33. 17 ноября 1969 г. Писатель и его книжный знак. Сообщение В. Н. Осокина.

Тема заседания вызвала оживленную полемику между художниками-эскибристистами и писателями о том, каким должен быть язык символов в современном книжном знаке.

Автор ряда книг по искусству В. Н. Осокин, кратко рассказав об истории русского эскибриса, подробно остановился на книжных знаках писателей.

В фойе Малого зала были выставлены писательские эскибрисы из коллекции Осокина.

34. 19 декабря 1969 г. Писатель в своей библиотеке. Устные рассказы Е. И. Осетрова. Две новеллы из новой книги Е. И. Осетрова «Живая древняя Русь». Показ любительского фильма «Архитектурная жемчужина на Волге».

Осокин во вступительном слове рассказал о книге Осетрова «Познание России». Автор рассказал о своей библиотеке, о библиотеках известных советских писателей, об огромном значении, которое он придает справочникам. В заключение Осетров показал любительский фильм о древнерусской архитектуре.

Внеочередное заседание. 23 декабря 1969 г. Обсуждение выставки художника Д. И. Митрохина в ЦДЛ.

Заседание было организовано клубом совместно с Центральным Домом работников искусств и Союзом художников. Художники А. Д. Чегодаев, В. А. Фролов и другие говорили об огромном вкладе, который внес Митрохин в развитие русской и советской книжной графики.

35. 5 января 1970 г. Находки в страницах старых книг. (Новое о русских землепроходцах на Амуре и Тихом океане). Сообщение С. Н. Маркова.

Поэт рассказал о последней поездке на Восток, в места, которые были открыты экспедицией Пашкова и описаны протопопом Аввакумом. Марков считает, что Аввакум не сумел оценить героического труда русских землепроходцев и его свидетельства о спутниках во многом неверны и пристрастны. Марков сумел найти множество забытых имен русских первопроходцев. Географ Ю. К. Ефремов высоко оценил находки Маркова.

* * *

Ближайшее заседание было посвящено памяти скончавшегося председателя клуба Л. Я. Бороваго.

Правление ЦДЛ утвердило новый состав Совета клуба. Председатель Е. И. Осетров, заместитель председателя — А. М. Турков. В состав Совета вошли: К. М. Буров, Е. А. Гунст, М. М. Клевенский, С. Н. Марков, Н. И. Мацуев, А. Р. Палей, В. Г. Утков.

36. 26 января 1970 г. Читательские интересы В. И. Ленина. Сообщение Ю. П. Шарапова.

Шарапов говорил о том, что читательские интересы В. И. Ленина в области художественной литературы мало исследованы. В обсуждении приняли участие Турков, Марков, Кобленц, Галин.

37. 2 февраля 1970 г. Писатель-библиофил Н. П. Смирнов-Сокольский (к выходу двухтомного библиографического описания «Моя библиотека»). Сообщения С. П. Ближниковской и В. И. Безъязычного.

Безъязычный высоко оценил выпуск двухтомника, сказав, что описание библиотеки сделано на подлинно научном уровне. Он утверждал приоритет Сокольского как автора устной миниатюры о книге. Затем с воспоминаниями выступили вдова собирателя и Рубакин.

38. 17 марта 1970 г. Поэт-библиофил Демьян Бедный. Сообщения А. П. Светлова и Б. Д. Удинцева.

Удинцев в своем выступлении подчеркнул, что стимулом для собирания библиотеки явилась для Бедного его дружба с В. Д. Бонч-Бруевичем. Подробный анализ библиотеки Демьяна Бедного сделал Светлов. По своему подбору она напоминает скорее библиотеку ученого, чем поэта. Светлов показал ряд уникальных книг.

39. 30 марта 1970 г. Ленин и Луначарский. Переписка, доклады, документы. Сообщения И. С. Зильберштейна и Р. А. Лаврова.

Заместитель заведующего Цен-

тральным партийным архивом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Лавров рассказал о новых публикациях ленинских материалов. Зильберштейн говорил о фондах, обследованных при составлении 80-го тома «Литературного наследия» — «Ленин и Луначарский». Впервые переписка Ленина с Луначарским представлена как двухсторонний разговор.

40. 9 апреля 1970 г. О предстоящей международной книжной выставке «В. И. Ленин и революционное преобразование мира». Сообщение А. Л. Бородиной.

Заведующая отделом пропаганды Комитета по печати при Совете Министров СССР Бородинна познакомила с составом и планом открывающейся книжной выставки, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

41. 18 мая 1970 г. Встреча с редакционной коллегией газеты «Книжное обозрение». Сообщение А. И. Овсянникова. Книжный аукцион.

Осетров представил собравшимся коллектив редакции. Главный редактор газеты Овсянников рассказал о задачах, которые стоят перед газетой, и обратился к писателям с просьбой помочь книжной газете, активно в ней сотрудничать.

Были высказаны пожелания сделать газету более занимательной, портативной, аннотировать только малопонятные названия и т. д. В заключительном слове Осетров отметил, что «Книжное обоз-

рение» — единственная газета, целиком посвященная книге. После заседания состоялся книжный аукцион. Его организовал директор магазина № 28 Москниги В. Н. Алексеев.

42. 19 октября 1970 г. Что читал С. Есенин. Сообщение С.П. Кошечкина.

Выступление Кошечкина было посвящено развенчанию легенды о том, что будто бы С. Есенин не интересовался литературой. Он привел множество фактов, говорящих о начитанности поэта. Затем английский поэт Уолтер Мэй, сотрудник «Московских новостей», прочел свои переводы стихов С. Есенина на английский язык.

43. 16 ноября 1970 г. Знаете ли вы, что такое архив? Сообщение Н. Б. Волковой.

Директор ЦГАЛИ Волкова, рассказав об истории этого уникального архива, о необычайных судьбах некоторых рукописей, подробно остановилась на повседневной работе, которую ведут сотрудники для того, чтобы пополнять архив частными фондами. В настоящее время архив приступил к публикации своих фондов.

44. 27 ноября 1970 г. Страницы из истории библиотеки им. Ленина. А. К. Виноградов и В. Я. Брюсов. (1919—1923). Сообщение А. М. Аршаруни.

Старейший советский писатель Аршаруни рассказал о работе А. К. Виноградова и В. Я. Брюсова по составлению фонда Госу-

дарственной библиотеки им. В. И. Ленина. Их начальные шаги во многом определили дальнейшую советскую библиотечную политику.

45. 2 декабря 1970 г. По следам А. А. Блока. (К 90-летию со дня рождения). О работе в архивах. Сообщение А. М. Туркова. Блоковские места в Подмосковье. Сообщение Л. Б. Либединской. Судьба Шахматовской библиотеки Блока. Сообщение С. С. Лесневского.

А. М. Турков рассказал о работе в блоковских архивах. Она пролила свет на взаимоотношения поэта с его современниками. Впечатлениями о Шахматове поделилась Либединская. Лесневский сообщил, что библиотека Блока не была сожжена. Она была вывезена и растворилась в других собраниях. Лесневский рассказал о своей встрече с П. А. Журовым, который занимался поисками блоковской библиотеки.

В заключение был показан фильм о блоковских местах.

46. 25 января 1971 г. Встреча с редакционной коллегией журнала «В мире книг». Сообщение А. Н. Фомина. Книжный аукцион.

Ответственный секретарь журнала Фомин рассказал о профиле работы журнала, круге его читателей. Затем состоялся книжный аукцион.

47. 8 февраля 1971 г. Русский книгоиздатель Иван Дмитриевич Сытин. Сообщения А. Н. Рубакина, Е. И. Осетрова, Д. И. Сытина.

Осетров поделился своими впе-

чатлениями о выставке изданий Сытина в Комитете по печати при Совете Министров СССР. Он привел отзывы Горького, Бунина, Куприна о деятельности Сытина. Рубакин остановился на издании Сытиным дешевой литературы для народа. Об издательской деятельности Сытина рассказывали Б. М. Филиппов и В. Б. Бирюков. Д. И. Сытин, сын Ивана Дмитриевича, поделился воспоминаниями об отце. В. Н. Алексеев продемонстрировал несколько изданий Сытина из своей коллекции.

48. 10 марта 1971 г. Библиотека газетных вырезок и ее значение для работы исследователя современной литературы. Сообщение Л. И. Скорино.

Критик Скорино — обладательница библиотеки газетных вырезок, рассказала, как вырезки помогают ей в работе. О своих собраниях вырезок рассказали В. Важдаров и Н. Подорольский, Е. Вейсман — о коллекции Хмырова.

49. 26 марта 1971 г. Писатель обращается к первоисточнику. (О первых публикациях «Записок охотника» И. С. Тургенева). Сообщение С. П. Антонова. Книжный аукцион.

Писатель Антонов сообщил, что, исследовав первоначальное расположение рассказов в «Записках охотника» И. С. Тургенева, он пришел к выводу, что это произведе-

ние было задумано как активно антикрепостническое.

Затем состоялся третий книжный аукцион в писательском клубе.

50. 12 апреля 1971 г. Юбилейное заседание. «Ни дня без книги».

50-е юбилейное заседание клуба было проведено в Большом зале ЦДЛ. На нем присутствовали также члены клубов книголюбов ЦДРИ и Дома ученых.

Осетров, открывая вечер, сказал, что книга связывает времена и поколения. С вдохновенным словом о рукописи — первой исторической свидетельнице — выступила сотрудница отдела рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина М. Чудакова. О понятие «книжная редкость» говорил А. И. Маркушевич. С интересом были прослушаны выступления председателя харьковского клуба книголюбов И. Я. Каганова, А. М. Туркова, А. И. Овсянникова, А. Ф. Иваненко, В. А. Каверина, И. Л. Андроникова, И. С. Зильберштейна.

Затем был показан фильм «Путешествие за древними книгами» — о книжной экспедиции Малышева.

В фойе Большого зала экспонировались две выставки: «Книжные знаки писателей» (из коллекции С. А. Вуля и В. Н. Осокина) и «Из книжных собраний московских писателей».

Хронику составила
Л. М. Наппельбаум

ХРОНИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИИ КНИГИ И ГРАФИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ДОМА УЧЕНЫХ им. А. М. Горького

Старейшим в нашей стране объединением книголюбов по праву называют секцию книги и графики Ленинградского Дома ученых им. Горького. Едва отгремели битвы Великой Отечественной, как ленинградские библиофилы, имеющие богатые и славные традиции совместной творческой работы, вновь задумали объединиться. Ведь в городе, который лежал на линии передовой, даже в самые трудные блокадные дни ни на одно мгновение не замирала культурная жизнь: звучали стихи и музыка, сочиненные в блокированном врагом Ленинграде, в филармонии шли концерты, в выставочных залах организовывались художественные выставки. Работали и букинистические магазины. И частенько сюда, на огонек, по старой памяти забредали обессиленные от холода и голода книголюбцы.

В тяжелейшие блокадные годы некоторые книжные собрания распались, погибли, были расхищены. Многие коллекционеры не дожили до светлого дня Победы. Собрать уцелевшие книги, произвести боевой творческий смотр — такова была задача созданной весной 1947 г. секции Ленинградского Дома ученых. У колыбели новорожденной стоял известный ученый-книговед и страстный библиофил М. Н. Куфаев. Он стал и первым председателем секции. После него в секции председательствовали видные ленинградские коллекционеры и ученые — А. Н. Шепчинский, О. Э. Вольцбург, Ю. А. Меженко, К. П. Авдеев, П. Н. Берков. Членами секции в разное время состояли академик И. Ю. Крачковский, доктор филологических наук В. А. Десницкий. Среди нынешних членов секции книги и графики есть коллекционеры, которые работают в ней со дня основания. Это — М. С. ТUTORский, инженер-экономист, обладатель интересного собрания либретто, мемуаристики. Почти четверть века отдал секции ее ученый секретарь И. Б. Семенов, артист оркестра, создатель крупнейшей в стране коллекции музыкальной литературы, автографов великих музыкантов.

Еженедельно, по вторникам, собираются, как правило, в малом лекционном зале члены секции книги и графики. Они слушают и обсуждают доклады коллег, с интересом знакомятся с редкими изданиями, автографами, документами. По предложению Павла Наумовича Беркова каждый первый вторник месяца отводится обмену информацией о новых поступлениях в собрания книголюбов. Эти первые вторники бывают часто наиболее интересными заседаниями секции: только в 1971 г. на них демонстрировались автографы П. И. Чайковского, редкие издания пушкинской прозы, малоизвестный портрет Л. Н. Толстого.

В 1972 г. исполнилось 25 лет со дня основания секции книги и графики ЛДУ им. Горького. Четверть века, насыщенные большой культурно-творческой и просветительской работой: свыше 1000 заседаний с докладами на различные библиофильские темы, более 30 выставок, 90 концертов.

Секция установила тесные связи с рядом научных и культурно-просветительных учреждений — Государственным Эрмитажем и Русским музеем, Государственным историческим архивом и Ленинградским архивом литературы и искусства, с отделами редких книг ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии наук, фундаментальной библиотеки Ленинградского университета, лабораторией реставрации и консервации документов. Нередко заседания секции проходят на базе этих учреждений, что позволяет собирателям полнее ознакомиться с интереснейшими культурно-историческими ценностями, обычно недоступными для обозрения.

Сейчас секция насчитывает около 100 членов. Ядро ее составляют старые библиофилы (Г. А. Голубенский, И. Б. Семенов, К. П. Авдеев, В. А. Меньшиков, А. К. Мартенс, председатель секции — главный библиотекарь ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Т. А. Быкова). Круг библиофилов постоянно пополняется молодыми книголюбями, интенсивно собирающими и активно участвующими в работе секции.

Хроника работы секции за пять лет (1966—1971), воспроизводимая ниже, дает представление о многообразной, насыщенной интересными докладами и выставками, деятельности членов секции книги и графики Ленинградского Дома ученых им. А. М. Горького.

XX сезон (1966—1967) ¹

- 11. 10. 1966. Доклад канд. филол. наук Н. Н. Розова «Из истории русского афоризма» (неизвестная рукопись XV в.).
- 18. 10. 1966. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки А. П. Наговицына».
- 15. 11. 1966. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «К истории афоризма — „Речь дана людям, чтобы скрыть мысли“».
- 22. 11. 1966. Доклад М. Д. Фишелева «Рецензии на некоторые новые издания по книжной графике и книжному знаку».
- 29. 11. 1966. Доклад А. А. Хмырова «Художественное издательство Евгениевской общины».
- 13. 12. 1966. Доклад канд. филол. наук В. С. Люблинского «О составе подписчиков на первый перевод переписки Вольтера с Екатериной II».
- 27. 12. 1966. Доклад Д. И. Котельникова «Мое собрание эстампов».
- 10. 01. 1967. Доклад М. Д. Фишелева «Художественные книжные знаки А. И. Юпатова».
- 17. 01. 1967. Доклад Д. И. Котельникова «Из сенсаций в мире искусства».
- 24. 01. 1967. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «К спорам об экслибрисе».
- 14. 02. 1967. Доклад Н. А. Пиотровской «Советские женщины-скульпторы».
- 21. 02. 1967. Доклад М. Д. Фишелева «Новые иллюстрации к „Евгению Онегину“ работы Отто Медниса (Рига)».

¹ Первый вторник каждого месяца — обмен информацией о новых поступлениях в собрания членов секции.

- 14. 03. 1967. Доклад Т. А. Быковой «Из истории русской библиофильской периодики».
- 21. 03. 1967. Доклад Н. Г. Стрижака «Книжная графика и книжные знаки Е. Н. Голяховского (к 40-летию творческой деятельности)».
- 28. 03. 1967. Доклад Г. А. Голубенского «Пушкин в экслибрисах».
- 18. 04. 1967. Доклад Л. К. Кошкаревой «Гравированные и литографированные виды Петербурга (в собрании ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)».
- 25. 04. 1967. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки А. П. Наговицына».
- 23. 05. 1967. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «История советского библиофильства 20-х гг. Русское общество друзей книги».
- 30. 05. 1967. Доклад Н. Г. Стрижака «Графика Константина Козловского (иллюстрации, экслибрис, эстамп)».

XXI сезон (1967—1968)

- 10. 10. 1967. Доклад канд. филол. наук Н. Н. Розова «Из истории книжной миниатюры (XIV—XVI вв.)» — выездное заседание.
- 17. 10. 1967. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки Н. В. Свалова».
- 24. 11. 1967. Доклад Д. И. Котельникова «Советская графика к юбилею Родины».
- 21. 11. 1967. Экскурсия по юбилейным экспозициям отдела рукописей ГПБ.
- 28. 11. 1967. Доклад канд. искусствоведения Л. М. Мыльниковой «Иллюстрированные издания художественной литературы первых лет Советской власти» — выездное заседание в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- 12. 12. 1967. Сообщение М. Д. Фишелева «О некоторых новых художественных изданиях» и «Атрибуция экслибриса библиографа В. Р. Фреймана».
- 19. 12. 1967. Доклад Л. Л. Альбиной «Личная библиотека кардинала Ришелье».
- 26. 12. 1967. Торжественное заседание, посвященное 20-летию со дня основания секции.
- 16. 01. 1968. Доклад П. Н. Мартынова «Замечательное книжное собрание (библиотека старейшего ленинградского библиофила и книговеда, доктора географических наук М. А. Сергеева)».
- 23. 01. 1968. Доклад Г. А. Голубенского «Книжные знаки русских и советских библиографов».
- 30. 01. 1968. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «Советское библиофильство за 50 лет».
- 13. 02. 1968. Обсуждение книги О. Ласунского «Книжный знак».
- 20. 02. 1968. Экскурсия по древнехранилищу Пушкинского Дома. Проводил канд. филол. наук В. И. Малышев.
- 26. 02. 1968. Доклад Д. И. Котельникова «Художники и М. Горький».
- 19. 03. 1968. Доклад канд. истор. наук О. Б. Враской «История отдела эстампа ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (1917—1967)».
- 9. 04. 1968. Доклад П. Е. Корнилова «О некоторых автографах на книгах моей библиотеки».
- 16. 04. 1968. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки Л. С. и В. Е. Перевальских (Киев)».

23. 04. 1968. Вечер памяти члена секции Ф. Н. Малыгина (1886—1967).
Доклад А. М. Ступеля.
14. 05. 1968. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки работы А. А. Круглова».
21. 05. 1968. Заседание, посвященное памяти члена бюро секции и Дома ученых В. С. Люблинского.
28. 05. 1968. Заседание, посвященное 150-летию со дня рождения К. Маркса. Вступит. слово П. Н. Беркова.
- XXII сезон (1968—1969)**
8. 10. 1968. Доклад канд. филол. наук Л. Н. Назаровой «История издания сочинений И. С. Тургенева».
15. 10. 1968. Доклад Г. А. Голубенского «Книжные знаки А. Н. Лео».
22. 10. 1968. Доклад чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова «Из истории советской библиофилии — Ленинградское общество библиофилов».
25. 10. 1968. Доклад И. Б. Семенова «Гравюра на стали в иллюстрированных изданиях XIX в.».
12. 11. 1968. Доклад ст. н. с. Г. А. Минкиной «О деятельности А. А. Войтова в Русском музее».
19. 11. 1968. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки бассейна р. Енисей (Кызыл, Красноярск и Абакан)».
26. 11. 1968. Доклад канд. филол. наук В. М. Малышева «Ленинградцы — собиратели древних книг».
10. 12. 1968. Доклад П. Н. Мартынова «Книжные знаки ветеранов Великой Октябрьской революции и гражданской войны в творчестве А. И. Юпатова (Рига)».
17. 12. 1968. Открытие выставки «Из собраний членов секции».
24. 12. 1968. Доклад ст. библиотекаря ГПБ Л. К. Кошкаревой «Гравюры пригородов Ленинграда в собрании Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина» — выездное заседание.
14. 01. 1969. Доклад С. В. Белова «Мое собрание по Ф. М. Достоевскому».
21. 01. 1969. Доклад Б. А. Вилинбахова «Книжные знаки работы А. Е. Фелькерзама».
28. 01. 1969. Сообщение М. Д. Фишелева «Из хроники новых изданий по вопросам графического искусства и библиофильства».
11. 02. 1969. Доклад Н. А. Пиотровской «Образ В. И. Ленина в советской скульптуре».
18. 02. 1969. Доклад Г. А. Голубенского «Саратовский книжный знак».
25. 02. 1969. Доклад канд. ист. наук А. Х. Горфункеля «Коллекция отдела редкой книги библиотеки ЛГУ им. А. А. Жданова» — выездное заседание.
11. 03. 1969. Заседание, посвященное памяти старейшего русского библиографа, доктора педагогических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР Б. С. Боднарского (1874—1968).
18. 03. 1969. Доклад Т. А. Быковой «Первая газета Академии наук (1727)».
8. 04. 1969. Доклад доктора филол. наук проф. М. С. Альтмана «О литературных псевдонимах».
15. 04. 1969. Доклад Н. Г. Стрижака «Образ В. И. Ленина в экслибрисах».
21. 04. 1969. Доклад М. Д. Фишелева «О жизни и деятельности П. М. Богданова» (Вечер памяти кемеровского собирателя экслибрисов П. М. Богданова — выездное заседание совместно с клубом экслибрисистов секции библиофилов ЛО ВОФ).

22. 04. 1969. Доклад доктора филол. наук А. А. Гозенпуда «Ф. И. Стравинский и его библиотека».
6. 05. 1969. Доклад Н. Г. Стрижака «Творчество и книжные знаки Владимира Розенталя (Киев)».
13. 05. 1969. Сообщение В. И. Гладкова «Стихи и стихотворные отрывки о книге».
20. 05. 1969. Заседание, посвященное памяти члена секции А. Ф. Климущина. Воспоминания С. М. Вяземского, И. Б. Семенова, А. М. Ступеля.

XXIII сезон (1969—1970)

14. 10. 1969. Доклад Д. И. Котельникова «Живопись Рембрандта».
21. 10. 1969. Доклад А. А. Вахрамеева «Исследователь Севера, коллекционер и издатель А. Е. Бурцев (1863—1937)».
28. 10. 1969. Доклад А. К. Мартенса «Графика художника В. Н. Тихановича (Минск)».
11. 11. 1969. Доклад А. К. Мартенса «Графика художника Е. Н. Тихановича (Минск)».
25. 11. 1969. Доклад канд. пед. наук О. Б. Враской «Книжная и станковая графика XVII века» — выездное заседание в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.
9. 12. 1969. Доклад Д. И. Котельникова «Рисунки В. И. Ленина с натуры работы И. Бродского, Н. Альтмана и других художников».
16. 12. 1969. Павел Наумович Берков как ученый и человек. Заседание, посвященное памяти чл.-корр. АН СССР, доктора филол. наук, председателя секции П. Н. Беркова.
23. 12. 1969. Доклад Д. И. Котельникова «Монументы В. И. Ленину». К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.
13. 01. 1970. Сообщение главного библиотекаря ГПБ им. Салтыкова-Щедрина Т. А. Быковой «Путешествие по Франции».
20. 01. 1970. Сообщение Д. И. Котельникова «Графическая Лениниана из моего собрания».
10. 02. 1970. Доклад доктора искусствоведения А. Н. Дмитриева с музыкальным сопровождением «Неизданные рукописи оперы А. П. Бородина „Князь Игорь“».
17. 02. 1970. Обсуждение книги П. Н. Мартынова «Полвека в мире книг». Выступления Г. А. Голубенского, М. Д. Фишелева, И. С. Наумова.
24. 02. 1970. Доклад Л. Л. Альбиной «Библиотека Вольтера».
17. 03. 1970. Доклад А. К. Мартенса «Экслибрисы работы А. П. Радищева».
24. 03. 1970. Доклад Я. Г. Добкина «Крылатое слово М. А. Светлова».
14. 04. 1970. Доклад И. Б. Семенова «Моя музыкальная библиотека».
21. 04. 1970. Вечер группы собирателей афоризмов — «Ленин как мыслитель».
12. 05. 1970. Заседание, посвященное памяти членов секции В. А. Бриллианта, Ю. А. Меженко, Б. А. Вилинбахова, А. В. Улитина.
19. 05. 1970. Доклад В. А. Петрицкого «Альберт Швейцер — философ-гуманист».
26. 05. 1970. Обсуждение книги Н. П. Смирнова-Сокольского «Моя библиотека». Выступления Г. А. Голубенского, К. П. Авдеева, В. А. Петрицкого, М. Д. Фишелева.

XXIV сезон (1970—1971)

13. 10. 1970. Доклад Д. И. Котельникова «25 лет моего собирательства (тематический обзор собрания)».
20. 10. 1970. Доклад Н. М. Спиченко «Неопубликованные и малоизвестные экслибрисы».
27. 10. 1970. Доклад И. Б. Семенова «Музыкальный альбом 1842 года».
10. 11. 1970. Обсуждение первого тома словаря «Художники народов СССР».
24. 11. 1970. Доклад И. Б. Семенова «Портреты композиторов в искусстве графики» (по материалам собрания докладчика).
8. 12. 1970. Доклад канд. филол. наук К. П. Авдеева «Сергей Есенин».
15. 12. 1970. Доклад доктора искусствоведения, проф. А. Н. Дмитриева «Бетховен и русская музыкальная структура» (К 200-летию со дня рождения).
22. 12. 1970. Доклад А. Я. Добкиной «М. К. Чюрленис. К 95-летию со дня рождения выдающегося художника и композитора».
12. 01. 1971. Доклад Т. П. Анкудиновой «Театр в моем собрании».
19. 01. 1971. Доклад Б. Е. Казанкова «Некоторые вопросы философии книги».
26. 01. 1971. Сообщение директора Гос. архива литературы и искусства А. М. Блинова «Собирание личных архивов по истории культуры».
9. 02. 1971. Доклад В. А. Петрицкого «К вопросу об изменении содержания понятий „редкая книга“ и „библиофил“».
16. 02. 1971. Доклад А. К. Мартенса «Новые работы белорусских художников-графиков Евгения и Валентина Тихановичей».
23. 02. 1971. Доклад И. Б. Семенова «О Венделе как собирателе музыкальных автографов».
9. 03. 1971. Доклад М. С. ТUTORского «Мое собрание либретто».
16. 03. 1971. Доклад ст. научных сотрудников Г. Э. Грикурова и Б. Г. Лопатина «Антарктида — континент мира».
23. 03. 1971. Вечер памяти С. П. Фортинского. Выступления А. К. Мартенса, В. А. Меньшикова, Н. М. Спиченко.
30. 03. 1971. Доклад Д. И. Котельникова «Альбрехт Дюрер и немецкая живопись XIV—XV вв.». К 500-летию со дня рождения.
13. 04. 1971. Доклад канд. ист. наук Л. Л. Альбиной «К истории публикации маргиналий Вольтера».
27. 04. 1971. Доклад канд. искусствовед. наук А. С. Ляпуновой «Мировая коллекция рукописей М. И. Глинки».
11. 05. 1971. Доклад В. А. Петрицкого «Что за книгой? Два поколения семьи русских интеллигентов».
18. 05. 1971. Доклад А. К. Мартенса «Экслибрисы С. И. Фортинского. Новые экслибрисы».
25. 05. 1971. Доклад А. М. Ступеля «Судьбы книг».

Выставки 1966—1971 гг.

1967 г. — выставка, посвященная 20-летию со дня основания секции книги и графики.

1970 г. — выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Бетховена

Хронику составили В. А. Петрицкий, И. Б. Семенов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Осетров Е.</i> Похвала книге	7
<i>Маркушевич А. И.</i> О книжных редкостях	15
<i>Шкловский В. Б.</i> Книги, прочитанные много раз	20
<i>Смирнова А. Д.</i> В библиотеке А. М. Горького	24
<i>Мацуев Н.</i> На всю жизнь. (Из автобиографии)	35

Книга и жизнь

<i>Лешуков Т.</i> В старом рабочем городе	38
<i>Мирошниченко Е.</i> Учитель Адриан Топоров и его книга	44
<i>Алтайский К.</i> Невыдуманные рассказы	50
<i>Шиперович Б.</i> Спасение книг	57
<i>Манукян-Метляев В.</i> Из книг, спасенных в блокаду	66
<i>Петряев Евг.</i> Друзья уральского букиниста	68

Библиотека и библиофилы

<i>Кунин В. В.</i> История библиотеки Соболевского	78
<i>Вейсман Евг.</i> Подвиг русского библиографа	99
<i>Каганов И. Я.</i> Эйзенштейн — библиофил	109
<i>Казанков Б.</i> Верные спутники	118
<i>Лейфер А.</i> Удивительная библиотека	123
<i>Осокин В.</i> Воспоминания о С. П. Фортинском	127
<i>Фортинский С. П.</i> Московские библиофильские организации 1920— 1930 гг. (По материалам изданий этих организаций)	131
<i>Гольдберг А. Л.</i> Окно из Европы	145

Поиски и находки

<i>Курочкин Ю.</i> Книжные встречи (Из дневника краеведа)	150
<i>Ласунский О. Г.</i> Путешествие по старой библиотеке (Из истории русского библиофильства)	168
<i>Лукьяненко В. И.</i> Судьбы старопечатных русских книг	179
<i>Исаевич Я. Д.</i> Редкая инкунабула	194
<i>Стригунов Ю. М.</i> Мое увлечение.	200

Дела минувшие...

Из воспоминаний М. В. Сабашникова	208
Утков В. Глубокие корни	214
Наумов С. А. Воспоминания о моем отце	217
Шибанов П. П. Друзья и враги книги	233
Осоргин М. А. Возлюбленной (Похвальное слово)	244

Книжный развал

Аверихин В. Экслибрисы Г. В. Юдина	254
Алексеев В. Н. Библиографический уникум	257
Гонца И., Челышев Б. Фронтовой дневник и обгоревшая книга	259
Быкова Т. Корректирный экземпляр «Ведомостей» 1725 г.	261
Лесс Ал. С фотоаппаратом	263

Стихи о книгах и книжниках

К. А. Ионов (с. 49), К. Баришевский (с. 65), Виктор Гюго (с. 76), Александр Кушнер (с. 98), Борис Слуцкий (с. 144)

Хроника

50 заседаний Клуба книголюбов ЦДЛ	270
Хроника деятельности секции книги и графики Ленинградского Дома ученых им. А. М. Горького	281

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Редактор *Г. И. КУЙБЫШЕВА*

Оформление художника *В. А. САВОСТЬЯНОВА*

Художественный редактор *Н. Д. КАРАНДАШОВ*

Технический редактор *Е. И. ПОЛЯКОВА*

Корректор *Л. В. ПЕТРОВА*

А07583. Сдано в набор 1.VI.1972 г. Подписано к печати 2.III.1973 г. Формат 60×84¹/₁₆. Типографская № 1. Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. 15,45. Тираж 30 000 экз. Изд. № 994. Заказ 3000. Цена 88 коп.

Издательство «Книга»

Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28